

Henry Kuttner

WIZARDS OF
GOD FAVOR

Генри Каттнер
ВОЛШЕБНИКИ
БОЖЬЕЙ
МИЛОСТЬЮ

**БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ**

Henry Kuttner
WIZARDS OF GOD FAVOR

ГЕНРИ КАТТНЕР

**ВОЛШЕБНИКИ
БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАТОР», МОСКВА, 1997

ББК 84.4 США
К87

Издатель К.В. Кренов

Директор издательства *В.И. Косов*
Под общей редакцией *И.Л. Августинова*
Составление *А.Н. Дорофеева, А.А. Баранова*
Перевод с английского

Каттнер Генри
К87 Волшебники Божьей милостью. Сборник научно-фантастических произведений. - М.: Новатор, 1996, 368 с., ил.
ISBN 5-85862-026-4
ISBN 5-85862-019-1

Генри Каттнера, пожалуй, представлять читателю уже не нужно. Но вот в чем дело: произведения Каттнера, собранные в этом сборнике, чуточку особые и уж совсем не похожи на предыдущие. А правда, что было много Каттнеров? Правда, если говорить о многообразии стилей и сюжетов, которыми пользовался этот писатель, вмешиваясь в жизнь, чтобы сделать ее человечнее и хоть немного веселее.

ББК 84.4 США

ISBN 5-85862-026-4
ISBN 5-85862-019-1

© Издательство «Новатор», 1996

Волшебники Божьей милостью

Котел неприятностей

У нашего Лемюэла три ноги, и мы прозвали его Горбуном. Когда началась война Севера с Югом, Лемюэл уже подросток и научился прятать лишнюю ногу между лопаток, чтобы никто ее не видел и зря язык не чесал. Ясное дело, получался вылитый верблюд, но Лемюэлу — хоть бы хны. Хорошо, что руки и ноги у него сгибаются не только в локтях и коленях, но и еще в двух суставах, иначе поджатую ногу вечно сводили бы судороги.

Мы не видели Лемюэла годков шестьдесят. Все Хогбены живут в Кентукки, но он — в южной части гор, а мы — в северной. И, надо полагать, обошлось бы без неприятностей, не будь Лемюэл таким безалаберным. Одно время мы аж подумали — каша заваривается не на шутку. Нам, Хогбенам, доводилось хлебнуть горя и раньше, до того как мы переехали в Пайпервилл: бывало, люди все подглядывают за нами да подслушивают, норовят дознаться, с чего это в округе собаки лаем исходят. До того дошло — совсем невозможно стало летать. В конце концов дедуля рассудил, что пора смотать удочки, перебраться южнее, к Лемюэлу.

Терпеть не могу путешествий. Последний раз, когда мы плыли в Америку, меня аж наизнанку выворачивало. Летать-то куда лучше. Но в семье верховодит дедуля.

Он заставил нас нанять грузовик, чтобы переправить пожитки. Труднее всего было втиснуть Крошку Сэма; в нем-то самом весу около трехсот фунтов, не больше, но цистерна его уж больно здоровая. Зато с дедулей никаких хлопот: его просто увязали в старый джутовый мешок и запихнули под сиденье. Всю работу пришлось делать мне. Папуля насосался маисовой водки и совершенно обалдел. Знай ходил на руках да песню горланил — «Вверх тормашками весь мир».

Дядя Лес вообще не пожелал ехать. Он забился под ясли в хлеву и сказал, что годиков десять похрапит. Там мы его и оставили.

— Вечно они скачут! — бурчал дядя. — И чего им на месте не сидится? Пятисот лет не пройдет, как они опять — хлоп! Бродяги бестыжие, летуны! Нет уж, я вам больше не компания...

Пришлось ехать без него.

Лемюэл, по прозвищу Горбун, — наш родственник. Аккурат перед тем, как мы поселились в Кентукки, там было голое место, и пришлось засучить рукава, чтобы устроиться. Однако Лемюэл не захотел корпеть над постройкой дома и улетел на юг. Живет он там тихой дремотной жизнью, просыпаясь по-настоящему пару раз в

году, чтобы как следует выпить, и тогда мы слышим его мысли. Но остальное время он бревно-бревном.

Решили пожить у него.

Сказано — сделано.

Лемюэл устроился на заброшенной водяной мельнице, в горах неподалеку от города Пайпервилл. Мельница обветшала, на честном слове держится. Сам Лемюэл похрапывал в опрокинувшемся кресле — снилось ему, видать, что-то ну очень приятное, поскольку не проснулся, когда упал. Будить Лемюэла мы не стали. Втащили Крошку Сэма в дом, а потом дедуля с папулей приволокли бутылки с маисовой.

Мало-помалу устроились. Сперва было не ахти как удобно. Лемюэл, непутевая душа, припасов в доме не держит. Он просыпается ровно настолько, чтоб загипнотизировать в лесу какого-нибудь енота, и, глядишь, тот уже скачет, пришибленный, согласный стать обедом. Лемюэл питается енотами, потому что лапки у них ловкие, прямо как руки. Пусть меня поцарапают, если этот лодырь Лем гипнозом не заставляет енотов разводить огонь и жариваться. До сих пор не пойму, как он их свежует. А может, просто выплевывает шкурку? Есть люди, которым лень делать самые немудреные вещи.

Когда ему хочется пить, он собирает тучку и устраивает дождь прямо себе в рот. Позор, да и только.

Правда, пока что нам было не до Лемюэла. Мамуля раскладывала вещи, папуля, само собой, нацедил себе кувшин маисовой и удрал, и вся работа свалилась на меня. Все бы ничего, но на мельнице не оказалось даже электрического генератора! А Крошка Сэм без электричества жить не может, да и дедуля хлещет его как верблюд. Лемюэл, конечно, пальцем о палец не ударил, чтобы поддерживать воду в запруде на должном уровне, и вместо реки по высохшему руслу текла жалкая струйка.

Мы с мамулей здорово поломали головы, а потом смастерили в курятнике одну штуковину, и после этого у нас электричества стало хоть отбавляй.

А вот настоящие неприятности начались после того, как о нашем приезде пронюхали местные власти.

В один прекрасный день по лесной тропе к нам притопал костлявый коротышка и страшно удивился, заведя, как мамуля стирает во дворе. Я тоже вышел во двор — любопытства ради.

— Славный денек, — сказала мамуля. — Не хотите ли выпить, мистер?

Незнакомец ответил, что не прочь, и я принес ему полный ковш. Коротышка выпил маисовой, судорожно перевел дух, а когда я предложил повторить, выдавил, — мол, нет уж, спасибо, больше не хочет, ни сейчас, ни потом, никогда в жизни. Сказал, что лучше уж глотать раскаленные гвозди.

— Недавно приехали? — спросил он.

— Да, — ответила мамуля, — в гости к родственнику.

Коротышка посмотрел на Лемюэла — тот все сидел на крыльце, закрыв глаза, — и сказал:

— По-вашему, он жив?
— А то, — ответила мамуля. — Как огурчик.
— А мы-то думали, он давно покойник, — сказал коротышка, — даже избирательного налога с него не взимали. Я считаю, вам лучше и за себя заплатить, если уж вы сюда въехали. Сколько вас тут?

— Человек шесть.
— Все совершеннолетние?
— Да вот у нас папуля, Сонк, Крошка Сэм...
— Сколько ребенку?
— Крошке Сэму уже сотни под четыре, правда, мамуля? — сунулся было я, но мамуля дала мне подзатыльник и велела помалкивать. Коротышка ткнул в меня пальцем и сказал, что про меня-то и спрашивает. Я готов был провалиться сквозь землю, потому что сбился со счета еще при Кромвеле и понятия не имел, сколько мне теперь. В конце концов коротышка решил собрать налог со всех, кроме Крошки Сэма.

— Но это еще не главное, — сказал он, что-то помечая в своей книжечке. — Вы должны правильно голосовать. У нас в Пайпервилле только один босс, и зовут его Илай Гэнди, и против его избирательной машины не попрешь... С вас со всех двадцать долларов.

Мамуля велела мне набрать денег, и я ушел на поиски. У дедули была одно-единственная монетка, про которую он сказал, что это, во-первых, денарий, а во-вторых, талисман: дедуля, дескать, свистнул эту монетку у какого-то Юлия где-то в Галлии. Папуля был пьян в стельку. У Крошки Сэма нашлись всего три доллара. В карманах Лемюэла я обнаружил лишь старое скворчиное гнездо и в нем два яйца.

Когда я вернулся к мамуле, она почесала в затылке, но я ее успокоил:

— К утру сделаем, мамуля. Вы ведь берете золото, мистер?

Мамуля опять влепила мне затрещину. Коротышка же страшно развеселился и сказал, что золотом будет еще лучше. Наконец он вышел и направился в лес и вдруг припустил так, что только пятки засверкали: навстречу ему деловито топал енот с охапкой прутьев на растрепку, — наш Лемюэл, похоже, проголодался.

Я стал искать металлический хлам, чтобы превратить его в золото.

На другой день нас упрятали в тюрьму.

Мы-то, конечно, все знали заранее, но не стали ничего предпринимать. Дедуля собрал всех, кроме Крошки Сэма и Лемюэла, на чердаке и объяснил, что нам надо хранить свои способности втайне и не возбуждать подозрения местных жителей. Пока он так разглагольствовал, я уставился в угол, на паутину, чтобы не смотреть на дедулю. От его вида у меня мороз по коже. Но дедуля заставил мои глазные яблоки повернуться в его сторону, а затем продолжал:

— Стыдно мне за здешних мошенников, но нам лучше им не перечить. Инквизиции больше нет, и в тюрьме сейчас безопасно.

— Может, лучше спрятать ту штуковину, что в курятнике? — спросил было я, но мамуля наградила меня очередной затрещиной, чтобы не лез, когда старшие разговаривают.

— Только хуже будет, — сказала она. — Утром тут шныряли ишейки из Пайпервилла и все высмотрели.

— А погреб под домом вырыли? — спросил дедуля. — Вот и ладно. Укройте там меня с Крошкой Сэмом. — И добавил со своей любимой старинной вычурностью: — Воистину досадно прожить столь долгие годы, чтобы увидеть мир, где во тьме кромешной сияет лишь солнце доллара. Пусть встанут деньги мошенникам поперек горла... Не надо, Сонк, я сказал это просто так, не заставляй их глотать доллары. Не станем привлекать к себе внимания. Как-нибудь выкрутимся.

Так и случилось. Всех нас выволокли (кроме дедули с Крошкой Сэмом, они к тому времени уже сидели в погребке). Отвезли в Пайпервилл и упрятали в каталажку. Лемюзел так и не проснулся. Пришлось тянуть его за ноги.

Что до папули, то он не протрезвел. У него свой коронный номер. Он выпьет маисовой, а потом, я так понимаю, алкоголь попадает к нему в кровь и превращается в сахар или еще во что-то. Волшебство, не иначе. Папуля вечно ничего толком объяснить не может и несет какую-то чертовщину. Спиртное идет в желудок: как может оно попасть оттуда в кровь и превратиться в сахар? Тут без колдовства не обойдешься. Но папуля еще говорил, что он с Ферментами (не иначе как иностранцы, судя по фамилии) теперь научился превращать сахар обратно в алкоголь и потому умеет оставаться пьяным сколько душе угодно. Правда он все равно предпочитает свежую маисовую. Я-то не выношу колдовских фокусов, мне от них страшно делается.

Из тюрьмы меня перевели в комнату, где народу было порядочно, и приказали сесть на стул. Стали сыпать вопросами. Я прикинулся дурачком. Сказал, что ничего не знаю.

— Да не может этого быть! — завопил кто-то. — Не сами же они соорудили... неотесанные увальни-горцы! Но в курятнике у них урановый котел, это несомненно!

Народ вокруг ну просто остолбенел.

Потом опять начали приставать ко мне с вопросами, но ничего не добились и немного погодя отвели меня в камеру.

Клопов там было!.. Я выпустил из глаз особые лучики и поубивал их всех, до смерти удивив тщедушного человечка со светло-рыжими баками, который спал на верхней койке: я и не заметил, как он проснулся, а когда заметил, было уже поздно.

— В разных тюрьмах бывать приходилось — сказал тщедушный человечек, часто-часто помаргивая, — каких только необыкновенных соседей по камере не перевидал, но вот с дьяволом в одной дыре первый раз. Я Амбрестер, Стинки Амбрестер, сижу за бродяжничество. А тебя в чем обвиняют, приятель? Скупал души по бешеным ценам?

Я ответил, что рад познакомиться. Нельзя было не восхититься его речью. Просто страсть какой образованный был.

— Мистер Амбрестер, — сказал я, — понятия не имею, за что сижу. Нас сюда привезли ни с того ни с сего — папулю, мамулю и Лемюзла. Лемюзл, правда, все еще спит, а папуля пьян.

— Я бы тоже с удовольствием шаракнул стаканчик-другой, — сообщил мистер Амбрестер. — Может, перестал бы тогда удивляться, что ты пола ногами не касаешься.

Я засмутился. Вряд ли кому охота, чтобы его застучали за такими делами. Со мной это случилось по рассеянности, но чувствовал я себя круглым идиотом. Пришлось извиниться.

— Ничего, — сказал мистер Амбрестер, переваливаясь на живот и почесывая баки. — Я этого уж давно жду. Жизнь я прожил в общем и целом весело. А такой способ сойти с ума не хуже всякого другого. Так за что вас всех, говоришь, арестовали?

— Скажи, что у нас урановый котел стоит, — ответил я. — Спорим, у нас такого нет. Чугунный, я знаю, есть, сам в нем воду кипятил. А уранового сроду на огонь не ставил.

— Ставил бы, так запомнил бы, — отозвался он. — Скорее всего, тут какая-то политическая махинация. Через неделю выборы. На них собирается выступить партия реформ, а старина Гэнди хочет раздавить ее, прежде чем она сделает первый шаг.

— Нам бы домой поскорей, — сказал я.

— А где вы живете?

Я ему объяснил, и мистер Амбрестер задумался.

— Интересно. На реке, значит? То есть на ручье? На Медведице?

— Это даже не ручей, — уточнил я.

Мистер Амбрестер засмеялся.

— Лет десять назад Гэнди назвал его рекой Большой Медведицы и решил выстроить на нем плотину. А воды в том ручье нет уже полвека. Получил ассигнования — один бог знает на какую сумму. Выстроил свою Гэнди-плотину ниже вашей мельницы — денег на-греб!..

— Он что же, плотину превратил в деньги?

— Ага, значит, даже самому дьяволу это не по зубам? А вот Гэнди смог. Если у человека собственная газета, он сам диктует условия. Гэнди взял и провел все ассигнования на строительство... Ого! Сюда кто-то идет.

Вошел человек со связкой ключей и увел мистера Амбрестера. Через пару часов пришли и за мной. Я очутился в большой ярко освещенной комнате. Там был мистер Амбрестер, были мамуля с папулей и Лемюзлом и еще какие-то рослые парни с револьверами. Был там и тощий сморщенный коротышка с голым черепом и змеиными глазками; все его слушались и величали его мистером Гэнди.

— Мальчишка, похоже, недалекий, — сказал мистер Амбрестер, когда я вошел. — Если он и сделал что плохое, то ненарочно.

Ему дали по шее и велели заткнуться. Он заткнулся. Мистер Гэнди зыркнул на меня из своего угла по-змеиному и спросил:

— Послушай, мальчик. Кого ты выгораживаешь? Кто построил урановый котел в вашем сарае? Говори правду, или тебе сделают больно.

Я так на него посмотрел, что меня немедленно тоже стукнули по макушке. Вот народ, не знают, какая крепкая у Хогбенов голова. Помню, меня дикари по черепу лупили каменными топорами, да все племя до того уморилось, что даже пищать сил не было, когда я их потом топить начал. Но мой сосед по камере заволновался.

— Вот что, мистер Гэнди, — сказал он. — Я понимаю, будет большая сенсация, если вы докопаетесь, кто построил урановый котел, только вы и без того победите на выборах. А может быть, это вообще не урановый котел.

— Кто его построил, я знаю, — заявил мистер Гэнди. — Беглые нацистские преступники или предатели-физики. И я их найду!

— Ого, значит, вам нужен шум на всю Америку, — сказал мистер Амбрестер. — Да вы, похоже, метите на пост губернатора, или в сенат, или... вообще на самый верх?

— Что тебе говорил этот мальчишка? — спросил мистер Гэнди. Но мистер Амбрестер заверил его, что я ничего такого не говорил.

Тогда принялись колошматить Лемюзэла.

Это занятие утомительное. Никто не может разбудить Лемюзэла, если уж его разморило и он решил вздремнуть, а таким разморенным я никого никогда не видел. Через некоторое время его сочли мертвецом. Да он и вправду все равно что мертвец: до того ленив, что даже не дышит, если крепко спит.

Папуля творил чудеса со своими приятелями Ферментами, он был пьянее пьяного. Его пытались отхлестать, но ему это вроде щекотки. Всякий раз, как на него опускали кусок шланга, папуля глупо хихикал и мне было ужасно стыдно.

Зато мамулю даже пальцем никто тронуть не посмел. Когда кто-нибудь подбирался к ней достаточно близко, чтобы ударить, он тут же белел как полотно и пятился, весь в поту, дрожа крупной дрожью. Один наш знакомый прохвессор как-то сказал, что мамуля умеет испускать направленный пучок ультразвуковых волн. Прохвессор врал. Она всего-навсего издает никому не слышный звук и посылает его куда хочет. Ох, уж эти мне трескучие слова! А дело-то простое, все равно что белок бить. Я и сам так умею.

Мистер Гэнди распорядился водворить нас обратно, он, мол, с нами еще потолкует. Поэтому Лемюзэла выволокли, а мы разошлись по камерам сами. У мистера Амбрестера на голове осталась шишка величиной с куриное яйцо. Он со стонами улегся на койку, а я сидел в углу, поглядывая на его голову и вроде бы стреляя светом из глаз, только этого света никто не мог увидеть. На самом деле такой свет... эх, образования не хватает. В общем, он помогает не хуже примочки. Немного погодя шишка на голове у мистера Амбрестера исчезла, и он перестал стонать.

— Попал ты в переделку, Сонк, — сказал он (к тому времени я ему назвал свое имя). — У Гэнди теперь грандиозные планы. Пайпервилл он уже околпачил, теперь ему подавай штат или даже целиком страну... А для этого ему нужно сперва прогреметь на всю Америку. Подходящая новость в газетах — и готово! Кстати, она же гарантирует ему переизбрание на той неделе, хоть он в гарантиях и

не нуждается. Весь городок у него в кармане. У вас там и вправду урановый котел?

Я только глаза вытаращил.

— Гэнди, по-видимому, уверен, — продолжал он. — Он посылал физиков, и они сказали, что это явно уран-235 с графитовыми замедлителями. Сонк, я слышал их разговор. Лучше скажи им сам, кто вам помогал. Иначе тебе вколят наркотик правды — пентатол натрия или скополамин.

Однако в ответ я лишь посоветовал мистеру Амбрестеру отоспаться — меня уже звал дедуля. Я закрыл глаза и стал вслушиваться. Это было нелегко: все время вклинивался папуля.

— Пропусти рюмашку, сынок, — весело предложил папуля, только без слов, сами понимаете.

— Чтоб тебе сдохнуть, несчастная инфузория, — строго перебил его дедуля. — Катись отсюда со своими неповоротливыми мозгами. Сонк!

— Да, дедуля, — сказал я мысленно.

— Надо бы составить план...

Папуля повторил:

— Пропусти рюмашку, Сонк.

— Да замолчи же, папуля, — ответил я. — Имей хоть каплю уважения к старшим. Это я про дедулю. И вообще, как я могу пропустить рюмашку? Ты же далеко, в другой камере.

— У меня личный трубопровод, — сказал папуля. — Могу сделать тебе... как это называется... переливание. Телепортация, вот это что. Я просто накоротко замыкаю пространство между твоей кровеносной системой и моей, а потом перекачиваю алкоголь из своих вен в твои. Смотри, это делается вот так.

Он показал мне как — вроде картинку нарисовал у меня в мозгу. Действительно легко. То есть легко для Хогбена.

Я осатанел.

— Папуля, — говорю, — пень ты трухлявый, не заставляй своего любящего сына терять к тебе больше уважения, чем требует естество. Я ведь знаю, ты книг сроду не читал. Просто подбираешь верхушки в чьем-нибудь мозгу.

— Пропусти рюмашку, — не унимался папуля и вдруг как заорет. Дедуля только хмыкнул.

— Крадешь мудрость из умов людских, а? — сказал дедуля. — Это я тоже умею. Сейчас я в своей кровеносной системе мгновенно вывел культуру возбудителя мигрени и телепортировал ее к тебе в мозг, бездонная бочка! Чумы нет на изверга! Внемли мне, Сонк. В ближайшее время твой ничтожный родитель не будет нам помехой.

— Есть, дедуля, — говорю. — Как у вас там?

— Мы отлично устроились.

— А Крошка Сэм?

— Тоже. Но тебе, Сонк, придется поработать. Все наши беды от этой... все забываю слово... от этого уранового котла.

— Значит, это все-таки он, — сказал я.

— Кто бы подумал, что хоть одна душа в мире может его распознать? Делать такие котлы научил меня мой прародитель; они существовали еще в его времена. Поистине благодаря им мы, Хогбены, стали мутантами. Господи, твоя воля, теперь я сам должен обворовать чужой мозг, чтобы внести ясность. В городе, где ты находишься, Сонк, есть люди, коим ведомы нужные мне слова... вот погоди.

Он порывлся в мозг у нескольких человек. Потом продолжил:

— При жизни моего прародителя люди научились расщеплять атом. Появилась... гм... вторичная радиация. Она действовала на гены и хромосомы некоторых мужчин и женщин... у нас, Хогбенов, мутация доминантная. Вот почему мы и мутанты.

— То же самое говорил Роджер Бэкон, точно? — припомнил я.

— Так. Но он с нами дружил и помалкивал. Кабы в те дни люди дознались о наших способностях, не миновать нам костра. Даже сегодня опасно являться людям. Под конец... ты ведь знаешь, что воспоследует под конец, Сонк...

— Да, дедуля, — подтвердил я, потому что и в самом деле знал.

— Вот тут-то и заковыка. По-видимому, люди вновь расщепили атом. Оттого и распознали урановый котел. Его надлежит уничтожить; он не должен попасть на глаза людям. Но нам нужна энергия. Не много, а все же. Легче всего получить ее от уранового котла, но теперь им нельзя пользоваться. Чтобы нам с Крошкой Сэмом, Сонк, хватило энергии, надо сделать вот что...

И я принялся за работу.

Стоит мне глаза скосить, как я начинаю видеть интересные картинки. Взять хоть решетку на окнах. Она дробится на малюсенькие кусочки, и все кусочки бегают взад-вперед как шальные. Я слышал, это атомы. До чего же они веселенькие — суеются, будто спешат к воскресной проповеди. Ясное дело, ими легко жонглировать, как мячиками. Посмотришь на них пристально, выпустишь что-то такое из глаз — они сгрудятся, а это смешно до невозможности. Я удостоверился, что мистер Амбрестер спит, и начал... По первому разу я ошибся и нечаянно превратил железные прутья в золотые. Пропустил, наверное, атом. Зато после этого я научился и растворил прутья в воздухе. Выкабался наружу, загнал атомы на старые места, и в окне опять возникла решетка. В общем, легче легкого.

Нас поместили на седьмом этаже большого здания, половину которого занимала мэрия, а другую — тюрьма. Уже стемнело, и я вылетел незамеченным. А сову, которая сдуру увязалась за мной, я сбил плевком.

С урановым котлом хлопот оказалось немного. Вокруг него полно было охраны с фонарями, но я повис сверху, куда ни один часовой даже не взглянул, и занялся делом. Для начала как следует разогрел котел и штуки, которые мистер Амбрестер окрестил графитовыми замедлителями, просто испарились. А потом уже принялся за... как там его... уран-235? Превратил его в свинец, а свинец — в пыль, и ее быстро сдуло ветром.

Тогда я полетел вверх по ручью. Вода бежала по его дну жалкой струйкой, а дедуля говорил, что нужно гораздо больше. Слетал я к

вершинам гор, но и там ничего подходящего не нашел. Тут дедуля как раз сказал мне, что Крошка Сэм плачет. Выходит, надо было сперва найти надежный источник энергии, а уж потом рушить урановый котел. Оставалось одно — дождь.

Правда, для начала я слетал на мельницу и по-быстрому смастерил там электрогенератор.

Дождь насыщать можно по-разному, но я решил просто охладить тучу. Поднялся повыше и принялся за дело. Скоро разразилась гроза, и хлынул настоящий ливень. Но вода не пошла вниз по ручью. Искал я, искал, обнаружил место, где у ручья провалилось дно. Похоже, под руслом тянулись подземные пещеры. Так вот отчего тут полвека даже воробей не мог напиться!

Я быстренько заделал дыру, на всякий случай отыскал несколько подземных ключей и вывел их на поверхность. К тому времени дождь лил как из ведра. Я завернул на мельницу проведать дедулю.

Часовые разошлись по домам — надо полагать, Крошка Сэм их вконец расстроил, когда начал плакать. Дедуля сказал, что они позатыкали уши пальцами, завопили и разбежались. А потом велел мне осмотреть мельничное колесо. Потребовалась небольшая починка — сто лет назад вещи делали на совесть, да и дерево успело стать мореным. Я любовался колесом, а оно вертелось все быстрее — ведь вода в ручье прибывала... да что я — в ручье! Он стал рекой.

Но дедуля сказал, что я еще не видел Аппиеву дорогу, когда римляне ее прокладывали, а ведь она до сих пор как новенькая.

Я устроил их с Крошкой Сэмом со всеми удобствами, потом улетел назад в Пайпервилл. Занималась заря, и теперь за мной увязался голубь. Пришлось и в него плюнуть, чтобы нас обоих не заметили.

В мэрии был переполох. Оказывается, исчезли мамуля, папуля и Лемюэл. Я-то знал, как это получилось. Мамуля в мыслях переговорила со мной, велела идти в угловую камеру, там просторнее. В той камере собрались все наши. Только невидимые.

Да, чуть не забыл: я еще когда проник в свою камеру взглянуть, не проснулся ли мистер Амбрестер, и заметил переполох, тоже сделался невидимым.

— Дедуля мне сообщил, что все в порядке, — сказала мамуля. — Нам, похоже, пора отправляться домой. А дождь сильный?

— Что надо, — ответил я. — Чего это они тут так суетятся?

— Не могут понять, куда мы подевались и где ты, — объяснила мамуля. — Как они уговорятся, полетим на мельницу.

— Я сделал все, как дедуля велел... — начал было я, и вдруг из коридора послышались вопли. К камере вперевалку топал матерый жирный енот с охапкой прутьев. Он шел прямо, прямо, пока не уперся в решетку. Тогда он сел и начал раскладывать прутья, чтоб разжечь огонь. Взгляд у него был ошалелый, и я решил, что Лемюэл енота загипнотизировал.

Под дверью камеры собралась толпа. Нас-то она, само собой, не видела, зато глазела на матерого енота. Я тоже глазел, потому что до сих пор не могу сообразить, как Лемюэл сдирает с енотов шкурку.

Как они разводят огонь, я и раньше видел, а вот на это поглядеть очень хотелось.

Но не успел енот начать, один из полицейских сгрел его в сумку — и унес; так я и не узнал секрета. К тому времени рассвело. Откуда-то все время доносились крики, а один раз я различил знакомый голос.

— Мамуля, — говорю, — это, похоже, мистер Амбрестер. Пойду погляжу, что там делают с бедолагой.

— Нам домой пора, — уперлась мамуля. — Надо выпустить дедулю и Крошку Сэма. Говоришь, вертится мельничное колесо?

— Да, — говорю. — Электричества теперь хватит.

Мамуля пошарила в воздухе, нащупала папулю и стукнула его.

— Просыпайся, живо!

— Пропусти рюмашку, — завел опять папуля.

Но она его растолкала и объявила, что мы идем домой. А вот Лемюзэла разбудить не смогли. В конце концов мамуля с папулей взяли его под мышки и вылетели с ним в окно (я развеял решетку в воздухе, чтоб они пролезли). Дождь все лил, но мамуля сказала, что они не сахарные, да и я пусть лечу следом, не то мне всыпят пониже спины.

— Сейчас, мамуля! — отозвался я, но сам и не думал лететь.

Оказалось, что мистера Амбрестера снова отвели на допрос в ту ярко освещенную комнату. У окна стоял мистер Гэнди и буравил беднягу своими змеиными глазенками, а двое типов закатали мистери Амбрестеру рукав и готовились проткнуть ему руку какой-то стеклянной штукой с тонким наконечником. Ну, погодите! Я тут же сделался видимым.

— Не стоит, — сказал я.

— Да это же младший Хогбен! — завизжал кто-то. — Хватай его!

Меня схватили. Я позволил. Очень скоро я уже сидел на стуле с закатанным рукавом, а мистер Гэнди эдак хищно усмехался мне в лицо.

— Впрысните ему наркотик правды, — сказал он. — А бродяга больше не нужен.

Мистера Амбрестера они порядком отделали, но он только твердил:

— Не знаю я, куда девался Сонк! Знал бы, так сказал. Не знаю я, куда...

Ему съездили по голове, и он замолк. А мистер Гэнди, чуть не стукнувшись носом о мой нос, прошипел:

— Сейчас мы узнаем, откуда у вас урановый котел! Один укол, и ты все выложишь. Понял?

Тут же мне в руку загнали острый конец стеклянной штуки и впрыснули лекарство. Стало щекотно.

Потом начали расспрашивать. Я сказал, что знать ничего не знаю. Мистер Гэнди распорядился сделать мне еще один укол. Сделали.

Совсем невтерпеж стало от щекотки.

Тут кто-то вбежал в комнату и заорал:

— Плотину прорвало! Гэнди-плотину! В южной долине затоплена половина ферм!

Мистер Гэнди попятился и завизжал:

— Бред! Не может быть! В реке Большой Медведицы уже сто лет нет воды!

Правда через несколько мгновений все сбились в кучку и зашептались о каких-то образцах грунта и о толпе перед парадной лестницей.

— Вы бы их успокоили, мистер Гэнди, — посоветовал кто-то. — Они так и кипят. Поля затоплены, посевы пропали...

— Я их успокою, — заверил мистер Гэнди. — Тем более, что толком еще ничего неизвестно. Эх, за какую-то неделю до выборов!

Он выбежал их комнаты, за ним бросились остальные. Я встал со стула и почесался. Лекарство, которым меня накачали, дико зудело под кожей. Я обозлился на мистера Гэнди.

— Живо! — сказал мистер Амбрестер. — Давай уносить ноги. Сейчас самое время.

Мы унесли ноги через боковой вход. Это было легко. Подошли к парадной двери, а там под дождем куча народу мокнет. На верху парадной лестницы, все с тем же подлым видом стоял мистер Гэнди — лицом к лицу с рослым широкоплечим парнем. В руке у парня был здоровенный обломок камня.

— Вы знаете, что у каждой плотины имеется свой предел прочности, — пролепетал мистер Гэнди, но рослый парень взревел и потряс обломком над его головой.

— А ты знаешь, что такое плохой бетон? — прогремел он. — Тут же сплошной песок! Да эта плотина и галлона воды не удержит!

Мистер Гэнди покачал головой.

— Возмутительно! — говорит. — Я потрясен не меньше, чем вы. Разумеется, мы целиком доверяли подрядчикам. Если строительная компания «Аякс» использовала некондиционные материалы, мы выведем ее на чистую воду!

В эту минуту я до того устал чесаться, что решил принять меры. Так я и сделал.

Плечистый парень отступил на шаг и ткнул пальцем в мистера Гэнди.

— Вот что, — говорит. — Ходят слухи, будто строительная компания «Аякс» принадлежит вам. Это правда?

Мистер Гэнди открыл рот, потом закрыл, затрясся весь и вдруг сказал:

— Да, «Аякс» принадлежит мне.

Надо было слышать, как взревела толпа! А плечистый парень аж задохнулся.

— Вы сознались? Выходит, вы знали и о том, что плотина никуда не годится, а? Сколько вы нажили на строительстве?

— Одиннадцать тысяч долларов, — ответил мистер Гэнди. — Остальное пошло шерифу, членам городского управления и...

Но тут взбешенная толпа кинулась вверх по ступенькам, и больше мы мистера Гэнди не слышали.

— Ну и ну! — сказал мистер Амбрестер. — Первый раз такое вижу. Что стряслось с Гэнди, Сонк? Рехнулся, не иначе. А, черт с ним, зато теперь на выборах победит партия реформ, мошенников разгонят, и для меня снова настанет приятная жизнь в Пайпервилле. Пока не подамся на юг. Как ни странно, я нашел у себя в кармане деньги. Пойдем выпьем, Сонк?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Мамуля рассердится; она ведь не знает, куда я делся. А больше не будет неприятностей, мистер Амбрестер?

— Ну, если и будут, то очень не скоро, — сказал он. — Смотри-ка, старину Гэнди ведут в тюрьму. Да, здорово он влип. Это надо отпраздновать, Сонк. Может, ты все-таки... Сонк? Ты где?

Но я стал невидимым.

Ну, вот и все. Под кожей у меня больше не зудело. Я полетел домой тянуть электропроводку. Наводнение вскоре прекратилось, но с тех пор по руслу течет полноводная река, потому что в истоках ее я все устроил как надо. И зажили мы тихо и спокойно, как любим. Нам, Хогбенам, мирная жизнь и безопасность дороже всего.

Дедуля сказал, что наводнение было что надо. Напомнило ему то, про которое рассказывал еще его дедуля. Оказывается, при жизни дедулиного дедули были урановые котлы и многое другое, но очень скоро все это вышло из повиновения и случился настоящий потоп. Дедулин дедуля еле ноги унес. С того дня и до сих пор про его родину никто и слыхом не слыхал; надо понимать, в Атлантиде все утонули. Хотя, подумаешь, важность какая!

Мистера Гэнди упрятали в тюрьму. Так и не узнали, что заставило его во всем сознаться; может, в нем совесть заговорила. Не думаю, чтоб из-за меня. Навряд ли. А все же...

Помните тот фокус, что показал мне папуля, — как можно заколотить пространство и перекачать маисовую из его крови в мою? Так вот, мне надоел зуд под кожей, где толком и не почешешься, и я сам проделал такой фокус. От впрыснутого лекарства, как бы оно ни называлось, меня одолел зуд. Я маленько искривил пространство и перекачал эту пакость в кровь к мистеру Гэнди, когда он стоял на ступеньках лестницы. У меня зуд как рукой сняло, но у мистера Гэнди, он, видно, начался сильный. Ну и поделом ему!

Интересно, не от зуда ли он всю правду выложил?

Профессором меньше

Мы — Хогбены, других таких нет. Чудак прохвессор из большого города мог бы это знать, но мы его не приглашали, так что теперь пусть пеняет на себя. В Кентукки вежливые люди занимаются своими делами и не суют нос куда ни попадя.

Так вот, как-то раз мы пугали братьев Хейли самодельным ружьем — до сих пор не можем понять, как оно стреляет — тогда-то все и началось, с Рейфа Хейли, который вертелся возле сарая и норовил заглянуть в окошко, чтобы хоть одним глазком увидеть Крошку Сэма. После Рейф начал трепать, будто у Крошки Сэма три головы или еще чего похуже.

Не верьте ни единому слову братьев Хейли. Три головы! Неслыханное дело, не так ли? Да у Крошки Сэма всего лишь две головы, больше сроду не было.

В общем мы с мамулей смастерили самострел и всыпали братьям Хейли по первое число. Как я уже говорил, мы сами толком не понимаем, как наше ружье работает. Мы просто взяли сухие батареи, присоединили к ним кучу катушек с проводами и еще всякой всячины, а затем продырявили насквозь Рейфа с братишками.

Коронер вынес вердикт, что братья Хейли скоропостижно скончались от неизвестных причин; вечером к нам заглянул шериф Абернати, выпил пару стопок маисовой водки и сказал, что у него просто руки чешутся надрать мне уши. Но мои уши не обратили на это внимания. Но какой-то треклятый репортеришка-янки видно все же что-то пронюхал, поскольку вскоре к нам появился высокий, толстый, серьезный с виду мужик и принялся задавать дурацкие вопросы.

Дядя Лес как раз сидел на крыльце, надвинув шляпу на самые уши.

— Убирались бы вы подобру-поздорову обратно в свой цирк, мистер, — процедил он сквозь зубы. — Нас сам старик Барнум к себе зазывал, но мы и ему дали от ворот поворот. Скажи, Сонк!

— Так оно и было, — сказал я. — Не верил я Финеасу ни капельки. Он обозвал Крошку Сэма уродом, придумал тоже!

Высокий и серьезный мужик, его звали прохвессор Томас Гелбрайт, взглянул на меня и спросил:

— Сколько тебе лет, сынок?

— Я не ваш сын, — отрезал я. — И годков своих не считал.

— Тебе на вид не больше восемнадцати, — сказал он. — Хоть ты и рослый. Ты не мог быть знаком с Барнумом.

— Да я знал его как облупленного. И вообще, хорош трепаться. А то как дам в ухо!

— Никакого отношения к цирку я не имею, — продолжал Гелбрайт. — Я биогенетик.

Мы давай хохотать. Он вроде бы раскипятился и захотел узнать, что тут смешного.

— Такого слова и на свете-то нет, — сказала мамуля.

Но тут Крошка Сэм зашелся криком. Гелбрайт побелел как мел и весь затрясся. Прямо рухнул наземь. Когда мы его подняли, он спросил, что случилось.

— Это Крошка Сэм, — объяснил я. — Мамуля его успокаивает. Он уже перестал.

— Это ультразвук, — буркнул прохвессор. — Что такое «Крошка Сэм» — коротковолновый передатчик?

— Крошка Сэм — младенец, — ответил я коротко. — Не смейте его обзывать всякими именами. А теперь, может, скажете, чего вам нужно?

Он вынул блокнот и стал его перелистывать.

— Я у-ученый, — сказал он. — Наш институт изучает евгенику, и мы располагаем о вас кое-какими сведениями. Звучат они неправдоподобно. По теории одного из наших сотрудников, в малокультурных районах естественная мутация может остаться нераспознанной и... — Он приостановился и в упор посмотрел на дядю Леса.

— Вы действительно умеете летать? — спросил он.

Ну, об этом-то мы не любим распространяться. Однажды проповедник дал нам хороший нагоняй. Дядя Лес наклюкался и взмыл над горами — до одури напугал охотников на медведей. Да и в Библии нет такого, что людям положено летать. Обычно дядя Лес делает это тайком, когда никто не видит.

Как бы там ни было, дядя Лес надвинул шляпу еще ниже и прорычал:

— Это уж вовсе глупо. Человеку летать не дано. Взять хотя бы эти новомодные выдумки, о которых мне все уши прожужжали: между нами, они вообще не летают. Просто бредни, вот и все.

Гелбрайт хлопнул глазами и снова заглянул в блокнот.

— Но тут есть свидетельства очевидцев о массе необычных качеств, присущих вашей семье. Умение летать — только одно из них. Я знаю, теоретически это невозможно — если не говорить о самолетах, — но...

— Хорош трепаться!

— В состав мази средневековых ведьм входил аконит, дающий иллюзию полета, разумеется совершенно субъективную...

— Перестанете вы нудить? — Взбешенного дядю Леса прорвало, я так понимаю — от смущения. Он вскочил, швырнул шляпу на крыльцо и взлетел. Через минуту стремительно опустился, подхватив свою шляпу и скорчил рожу прохвессору. Потом опять взлетел и скрылся за ущельем — мы его долго потом не видели.

Я тоже озверел.

— По какому праву вы к нам пристааете? — сказал я. — Дождетесь, что дядя Лес возьмет пример с папули, а это будет чертовски неприятно. Мы папулю в глаза не видим, с тех пор как тут крутился один тип из города. Налоговый инспектор, кажется.

Гелбрайт ничего не сказал. Вид у него был какой-то растерянный. Я дал ему выпить, и он спросил про папулю.

— Да папуля где-то здесь, — ответил я. — Только его теперь не увидишь. Он говорит, так ему больше нравится.

— Ага, — сказал Гелбрайт и выпил еще рюмочку. — О Господи. Сколько, говоришь, тебе лет?

— А я про это ничего не говорю.

— Ну, какое воспоминание у тебя самое первое?

— Что толку запоминать? Только голову себе зря забиваешь.

— Фантастика, — сказал Гелбрайт. — Не ожидал, что отошлю в институт такой отчет.

— Не нужно нам, чтобы тут лезли всякие, — сказал я. — Уезжайте отсюда и оставьте нас в покое.

— Но помилуй! — Он выглянул за перила крыльца и заинтересовался ружьем. — Это еще что?

— Одна штука, — ответил я.

— Что она делает?

— Всякие штуки, — ответил я.

— Угу. Посмотреть можно?

— Пожалуйста, — ответил я. — Да я вам отдам эту хреновину, только бы вы отсюда уехали.

Он подошел и осмотрел ружье. Папуля встал (он сидел рядом со мной), велел мне избавиться от чертового янки и вошел в дом. Вернулся прохвессор.

— Потрясающе! — говорит. — Я кое-что смыслю в электронике, и, по-моему мнению, это нечто выдающееся. Каков принцип действия?

— Чего-чего? — отвечаю. — Она дырки делает.

— Стрелять патронами она никак не может. В казенной части у нее две линзы вместо... как, говоришь, она действует?

— Откуда я знаю?

— Это ты ее сделал?

— Мы с мамулей.

Он давай сыпать вопросами.

— Откуда я знаю? — говорю. — Ружья ведь надо каждый раз перезаряжать. Вот мы и подумали: смастерим ружье по-своему, чтоб вообще без зарядов. И верно, заряды не нужны.

— А ты серьезно обещал мне его подарить?

— Если отстанете.

— Послушай, — сказал он, — просто чудо, что вы, Хогбены, так долго оставались в тени.

— На том стоим.

— Должно быть, теория мутации верна! Вас надо обследовать. Это же одно из крупнейших открытий после... — И пошел чесать в том же духе. Я мало что понял.

В конце концов я решил, что есть только два выхода, а после слов шерифа Абернати мне не хотелось убивать, пока шерифов гнев не остынет. Не люблю скандалов.

— Допустим, я поеду с вами в Нью-Йорк, раз уж вам так хочется, — сказал я. — Оставьте вы семью в покое?

Он вроде бы пообещал, правда нехотя. Но все же уступил и забожился: я пригрозил, что иначе разбуду Крошку Сэма. Он-то, конечно, хотел повидать Крошку Сэма, но я объяснил, что это все равно без толку. Как ни верти, не может Крошка Сэм поехать в Нью-Йорк. Он должен лежать в цистерне, без нее ему становится худо.

В общем, прохвессор остался мной доволен и уехал, когда я пообещал встретиться с ним наутро в городке. Но все же на душе у меня, по правде сказать, скребли кошки. После той заварушки в Старом свете, когда нам пришлось в темпе уносить ноги, мне не доводилось еще ночевать под чужой крышей.

Мы тогда, помню, переехали в Голландию. Мамуля всегда неравнодушна была к человеку, который помог нам выбраться из Лондона. В его честь дала имя Крошке Сэму. А фамилию того человека я уж позабыл. Не то Гвинн, не то Стюарт, не то Пипин — у меня в голове все путается, когда я вспоминаю то, что было до войны Севера с Югом.

Вечер прошел, как всегда, нудно. Папуля, конечно, сидел невидимый, и мамуля все злилась, подозревая, что он тянет маисовой больше чем положено, но потом сменила гнев на милость и налила ему настоящего виски. Все наказывали мне вести себя прилично.

— Этот прохвессор ужас до чего умный, — сказала мамуля. — Все прохвессора такие. Не морочь ему голову. Будь паинькой, а не то я тебе покажу где раки зимуют.

— Буду паинькой, мамуля, — ответил я.

Папуля дал мне затрещину, что с его стороны было нечестно: ведь я-то его не мог видеть!

— Это чтоб ты лучше запомнил, — сказал он.

— Мы люди простые, — ворчал дядя Лес. — И нечего прыгать выше головы, никогда это к добру не приводит.

— Я ведь и правда не пробовал! — сказал я. — Только, я так считаю...

— Не наделай бед! — пригрозила мамуля, и тут мы услышали, как на чердаке дедуля заворочался. Порой дедуля не двигается неделями, но в тот вечер он был прямо-таки живчик.

Мы, само собой, поднялись узнать, чего он хочет.

Он заговорил о прохвессоре.

— Чужак-то, а? — сказал дедуля. — Продувная бестия! Редкостные губошлепы собрались у моего ложа, когда я сам от старости слабею разумом! Один Сонк не без хитрости, да и тот, прости меня, Господи, дурак дураком.

Я только поерзал на месте и что-то пробормотал, лишь бы не смотреть дедуле в глаза — я этого не выношу. Но он на меня не обратил внимания. Все бушевал:

— Значит, ты собрался в этот Нью-Йорк? Кровь Христова, да разве ты запамятовал, что мы как огня стережемся Лондона и Амстердама — да и Нью-Амстердама* — из боязни дознания? Уж не хочешь ли ты попасть в ярмарочные уроды? Хоть это и не самое страшное.

Дедуля у нас старейший и иногда вставляет в разговор какие-то допотопные словечки. Наверное, жаргон, к которому привыкнешь в юности, прилипает на всю жизнь. Одного у дедули не отнимешь: ругается он лучше всех, кого мне довелось послушать.

— Ерунда, — сказал я. — Я ведь хотел как лучше!

— Так он еще перечет супротив, паршивый неслух! — возмутился дедуля. — Во всем виноват ты, ты и твоя родительница. Это вы пресечению рода Хейли споспешествовали. Когда б не вы, ученый бы сюда и не пожаловал.

— Он прохвессор, — сообщил я. — Звать его Томас Гелбрайт.

— Знаю. Я прочитал его мысли через мозг Крошки Сэма. Опасный человек. Все мудрецы опасны. Кроме, разве, Роджера Бэкона, и того мне пришлось подкупить, дабы... неважно. Роджер был незаурядный человек. Внимайте же: никто из вас да не едет в Нью-Йорк. Стоит нам только покинуть сию тихую заводь, стоит кому-то нами заинтересоваться — и мы пропали. Вся их волчья стая вцепится и разорвет нас в клочья. А твои безрассудные полеты, Лестер, помогут тебе как мертвому припарки — ты внемлешь?

— Но что же нам делать? — спросила мамуля.

— Да чего там, — сказал папуля. — Я этого прохвессора угомоню. Спущу в цистерну, и дело с концом.

— И испортишь воду? — взвилась мамуля. — Попробуй только!

— Что за порочное племя вышло из моих чресел? — возопил дедуля, рассвирепев окончательно. — Ужели не обещали вы шерифу, что убийства прекратятся... хотя бы на ближайшее время? Ужели и слово Хогбена — ничто? Две святыни пронесли мы сквозь века — нашу тайну и честь Хогбенов! Посмейте только умертвить этого Гелбрайта — вы мне ответите!

Мы все побледнели. Крошка Сэм опять проснулся и захныкал.

— Что же теперь делать? — спросил дядя Лес.

— Наша великая тайна должна остаться нерушимой, — сказал дедуля. — Поступайте как знаете, только без убийств. Я тоже обмозгую сию головоломку.

Тут он, казалось, заснул, хотя точно про него никогда ничего не знаешь.

На другой день мы встретились с Гелбрайтом в городке, как и договорились, но еще раньше я столкнулся на улице с шерифом Абернати, который завидев меня, зло сверкнул глазами.

— Лучше не нарывайся, Сонк, — сказал он. — Я тебя предупредил.

* Старинное название Нью-Йорка. Здесь и далее прим. переводчика.

Очень неудобно получилось.

Как бы там ни было, я увидел Гелбрайт и рассказал ему, что дедуля не пускает меня в Нью-Йорк. Гелбрайт не очень-то обрадовался, но понял, что тут уж ничего не поделаешь.

Его номер в отеле был забит научной дребеденью и мог напугать всякого. Ружье стояло тут же, и Гелбрайт вроде бы ничего в нем не менял. Он стал меня переубеждать.

— Ничего не выйдет, — отрезал я. — Нас от этих гор не оттащишь. Вчера я брякнул сдуру, никого не спросясь, вот и все.

— Послушай, Сонк, — сказал он. Я расспрашивал в городке о Хогбенах, но почти ничего не узнал. Люди здесь скрытные. Но все равно, их свидетельство было только лишним подтверждением. Я не сомневаюсь, что наши теории верны. Ты и вся твоя семья — мутанты, вас надо обследовать!

— Никакие мы не мутанты, — ответил я. — Вечно ученые обыывают нас какими-то кличками. Роджер Бэкон окрестил на гомункулами, но...

— *Что?!* — прямо-таки задохнулся Гелбрайт. — Что ты сказал?

— Э... издольщик один из соседнего графства, — тут же опомнился я, но видно было, что прохвессора не проведешь. Он стал расхаживать по номеру.

— Бесполезно, — сказал он. — Если ты не поедешь в Нью-Йорк, я попрошу, чтобы институт выслал сюда комиссию. Тебя надо обследовать во славу науки и ради прогресса человечества.

— Этого еще не хватало, — ответил я. — Воображаю, что получится. Выставите нас, как уродов, всем на потеху. Крошку Сэма это убьет. Уезжайте-ка отсюда и оставьте нас в покое.

— Оставить вас в покое? Когда вы умеете создавать такие приборы? — Он махнул рукой в сторону ружья. — Как же оно работает? — спросил он ни с того ни с сего.

— Да не знаю я... Смастерили, и дело с концом. Послушайте, прохвессор. Если на нас глазеть понаедут, быть беде. Большой беде. Так говорит дедуля.

Гелбрайт стал теревить собственный нос.

— Что ж, допустим... а ответишь мне на кое-какие вопросы, Сонк?

— Не будет комиссии?

— Посмотрим.

— Нет, сэр. Не стану...

Гелбрайт набрал побольше воздуха.

— Если ты расскажешь все, что мне нужно, я сохраню ваше местопребывание в тайне.

— А я-то думал, у вас в институте знают, куда вы поехали.

— А-а, да, — спохватился Гелбрайт. — Естественно, знают. Но про вас там ничего не известно.

Он подал мне мысль. Убить его ничего не стоило, но тогда дедуля стер бы меня в порошок, да и с шерифом приходилось считаться. Поэтому я сказал: «Ладно уж» — и кивнул.

Господи, о чем только этот тип не спрашивал! У меня аж круги поплыли перед глазами. А он распалялся все больше и больше.

— Сколько лет твоему дедушке?

— Понятия не имею.

— Гомункулы, гм... Говоришь, он когда-то был рудокопом?

— Да не он, его отец, — сказал я. — На оловянных копиях в Англии. Только дедуля говорят, что в то время она называлась Британия. На них тогда еще навели колдовскую чуму. Пришлось звать лекарей... друнов? Друдов?

— Друидов?

— Во-во. Эти друиды, дедуля говорит, были лекарями. В общем, рудокопы мерли как мухи по всему Корнуэллу, и копи пришлось закрыть.

— А что за чума?

Я объяснил ему, как запомнил из рассказов дедули, и прохвессор страшно разволновался, пробормотал что-то, насколько я понял, о радиоактивном излучении. Ужас какую околесицу он нес.

— Искусственная мутация, обусловленная радиоактивностью! — говорит, а у самого глаза и зубы сверкают. — Твой дед родился мутантом! Гены и хромосомы образовали новую комбинацию. Да ведь вы, наверно, сверхлюди!

— Нет уж, — возразил я. — Мы Хогбены. Только и всего.

— Доминанта, типичная доминанта. А у тебя вся семья ... э-э... со странностями?

— Эй, легче на поворотах! — пригрозил я.

— В смысле — все ли умеют летать?

— Сам-то я еще не умею. Наверно, мы какие-то уроды. Дедуля у нас золотая голова. Всегда учил, что нельзя высовываться.

— Мимикрия, — подхватил Гелбrait. — На фоне косной социальной культуры отклонения от нормы маскируются легче. В современном цивилизованном обществе вам было бы то же трудно утаиться, как шилу в мешке. А здесь, в глуши, вы практически невидимы.

— Только папуля, — уточнил я.

— О боже, — вздохнул он. — Скрывать такие невероятные природные способности... Представляете, что вы могли бы совершить?

Вдруг он распалился пуще прежнего, и мне не очень-то понравился его взгляд.

— Чудеса, — повторял он. — Все равно что лампу Аладина найти.

— Хорошо бы вы от нас отвязались, — говорю. — Вы и ваша комиссия.

— Да забудь ты о комиссии. Я решил пока что заняться этим самостоятельно. При условии, если ты будешь содействовать. В смысле — поможешь мне. Согласен?

— Не-а, — ответил я.

— Тогда я приглашу сюда комиссию из Нью-Йорка, — сказал он злорадно.

Я призадумался.

— Ну, — сказал я наконец, — чего вы хотите?

— Еще не знаю, — медленно проговорил он. — Я еще не полностью охватил перспективы.

Но он готов был ухватить все в охапку. Сразу было видать. Знаю я такое выражение лица.

Я стоял у окна, смотрел на улицу, и тут меня вдруг осенило. Я рассудил, что как ни крути, чересчур доверять прохвессору — вовсе глупо. Вот я и подобрался, будто ненароком, к ружью и кое-что там подправил.

Я прекрасно знал, чего хочу, но, если бы Гелбрайт спросил, почему я скручиваю проволочку тут и сгибаю какую-то шутовину там, я бы не мог ответить. В школах не обучался. Но твердо знал одно: теперь это штучка сработает как надо.

Прохвессор строчил что-то в блокноте. Он поднял глаза и заметил меня.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Тут было что-то неладно, — соврал я. — Не иначе как вы тут мудрили с батарейками. Вот сейчас испытайте.

— Здесь? — возмутился он. — Я не хочу возмещать убытки. Испытывать надо в безопасных условиях.

— Видите вон там, на крыше, флюгер? — Я показал пальцем. — Никто не пострадает, если мы в него нацелимся. Можете испытывать не отходя от окна.

— Это... это не опасно? — Ясно было, что у него руки чешутся испытать ружье. Я сказал, что все останутся в живых, он глубоко вздохнул, подошел к окну и неумело взялся за приклад.

Я отодвинулся в сторонку. Не хотел, чтобы шериф меня увидел. Я-то его давно приметил — он сидел на скамье возле продуктовой лавки через дорогу.

Все вышло, как я и рассчитывал. Гелбрайт спустил курок, целясь в флюгер на крыше, и из дула вылетели кольца света. Раздался ужасающий грохот. Гелбрайт повалился навзничь, и тут началось такое столпотворение, что передать невозможно. Вопль стоял по всему городку.

Самое время было превратиться в невидимку. Так я и сделал.

Гелбрайт осматривал ружье, когда в номер ворвался шериф Абернати. А с шерифом шутки плохи. У него был пистолет в руке и наручники наготове; он отвел душу, изругав прохвессора последними словами.

— Я вас видел! — орал он. — Вы, столичные, думаете, что вам здесь все сойдет с рук. Так вот, вы ошибаетесь!

— Сонк! — вскричал Гелбрайт, озираясь по сторонам. Но меня он, конечно, увидеть не мог.

Тут они сцепились. Шериф Абернати видел, как Гелбрайт стрелял из ружья, а шерифу палец в рот не клади. Он поволок Гелбрайта по улице, а я, неслышно ступая, двинулся следом. Люди метались как угорелые. Почти все прижимали руки к щекам.

Прохвессор продолжал нить, что ничего не понимает.

— Я все видел! — оборвал его Абернати. — Вы прицелились из окна — и тут же у всего города разболелись зубы! Посмейте только еще раз сказать, будто вы не понимаете!

Шериф у нас умница. Он с нами, Хогбенами, давно знаком и не удивляется, если иной раз творятся чудные дела. К тому же он знал, что Гелбрайт — ученый. Так вот, получился скандал, люди доискали, кто виноват, и я оглянуться не успел, как они собрались линчевать Гелбрайта.

Абернати его увел. Я немножко послонялся по городку. На улицу вышел пастор посмотреть на церковные окна — они его озадачили. Стекла были разноцветные, и пастор никак не мог понять, с чего это они вдруг расплавились. Я бы ему подсказал. В цветных стеклах есть золото — его добавляют, чтобы получить красноту.

В конце концов я подошел к тюрьме. Меня все еще нельзя было видеть. Поэтому я подслушал разговор Гелбрайта с шерифом.

— Все Сонк Хогбен, — повторял прохвессор. — Поверьте, это он перестроил проектор!

— Я вас видел, — отвечав Абернати. — Вы все сделали сами. Ой! — Он схватился рукой за челюсть. — Прекратите-ка, да поживее! Толпа настроена серьезно. В городе половина людей сходит с ума от зубной боли.

Видно, у половины городских в зубах были золотые пломбы. То, что сказал на это Гелбрайт, меня не очень-то удивило.

— Я ожидаю прибытия комиссии из Нью-Йорка; сегодня же вечером позвоню в институт, там за меня поручатся.

Значит, он всю дорогу собирался нас продать. Я как чуйствовал, что у него на уме.

— Вы избавите меня от зубной боли — всех остальных тоже, а не то я открою двери и впущу линчевателей! — простонал шериф. И ушел прикладывать к щеке пузырь со льдом.

Я прокрался обратно в коридор и стал шуметь, чтобы Гелбрайт услышал. Подождал, пока он не кончит ругать меня на все корки. Напустил на себя глупый вид.

— Видно, я маху дал, — говорю. — Но могу все исправить.

— Да ты уж наисправлял достаточно. — Тот он остановился. — Погоди. Как ты сказал? Ты можешь вылечить эту... что это?

— Я осмотрел ружье, — говорю. — Кажется, я знаю, где напорол. Оно теперь настроено на золото, и все золото в городе испускает тепловые лучи или что-то в этом роде.

— Наведенная избирательная радиоактивность, — пробормотал Гелбрайт очередную бессмыслицу. — Слушай. Вся эта толпа... у вас когда-нибудь линчуют?

— Не чаще раза-двух в год, — успокоил я. — И эти два раза уже позади, так что годовую норму мы выполнили. Жаль, что я не могу переправить вас к нам домой. Мы бы вас запросто спрятали.

— Ты бы лучше что-нибудь предпринял! — говорит. — А не то я вызову из Нью-Йорка комиссию! Ведь тебе это не очень-то по вкусу, а?

Никогда я не видел, чтобы человек с честным лицом так нагло врал в глаза.

— Дело верное, — говорю. — Я подкручу эту штуковину так, что она в два счета погасит лучи. Только я не хочу, чтобы люди связывали нас, Хогбенов, с этим делом. Мы любим жить спокойно. Вот что, давайте я пойду в ваш отель и налажу все как следует, а потом вы соберете тех, кто мается зубами, и спустите курок.

— Но... да, но...

Он боялся, как бы не вышло еще хуже. Но я его уговорил. На улице бесновалась толпа, так что долго уговаривать не пришлось. В конце концов я плюнул и ушел, но вернулся невидимый и подслушал, как Гелбрайт уславливается с шерифом.

Они между собой поладили. Все, у кого болят зубы, соберутся и рассядутся в мэрии. Потом Абернати приведет прохвессора с ружьем и попробует всех вылечить.

— Прекратится зубная боль? — настаивал шериф. — Точно?

— Я... вполне уверен, что прекратится.

Абернати уловил его нерешительность.

— Тогда уж лучше испытайте сначала на мне. Я вам не доверяю. Видно, никто никому не доверял.

Я прогулялся до отеля и кое-что изменил в ружье. И тут я попал в переplet. Моя невидимость истощилась. Вот ведь как скверно быть подростком.

Когда я стану на сотню-другую лет постарше, то буду оставаться невидимым сколько взлезет. Но пока я еще не очень-то освоился. Главное, теперь я не мог обойтись без помощи, потому что должен был сделать одно дело, за которое никак нельзя братья у всех на глазах.

Я поднялся на крышу и мысленно окликнул Крошку Сэма. Когда настроился на его мозг, попросил вызвать папулю и дядю Леса. Немного погода с неба спустился дядя Лес; летел он тяжело, потому что нес папулю. Папуля ругался: они насилу увернулись от коршуна.

— Зато никто нас не видел, — утешил его дядя Лес. — По-моему.

— У городских сегодня своих хлопот полон рот, — ответил я. — Мне нужна помощь. Прохвессор обещал одно, а сам затевает напустить сюда комиссию и всех нас обследовать.

— В таком случае ничего не поделаешь, — сказал папуля. — Кокнуть-то этого типа нельзя. Дедуля запретил.

Тогда я сообщил им свой план. Папуля невидимый, ему все это будет легче легкого. Потом мы провертели в крыше дырку, чтобы подсматривать, и заглянули в номер Гелбрайта. И как раз вовремя. Шериф уже стоял там с пистолетом в руке (так он ждал), а прохвессор, позеленев, наводил на Абернати ружье. Все прошло без сучка, без задоринки. Гелбрайт спустил курок, из дула выскочило пурпурное кольцо света, и все. Да еще шериф открыл рот и сглотнул слюну.

— Ваша правда! Зуб не болит!

Гелбрайт обливался потом, но делал вид, что все идет по плану.

— Конечно, действует, — сказал он. — Естественно. Я же говорил.

— Идемте в мэрию. Вас ждут. Советую вылечить всех, иначе вам не поздоровится.

Они ушли. Папуля тайком двинулся за ними, а дядя Лес подхватил меня и полетел следом, держась поближе к крышам, чтобы нас не заметили. Вскоре мы расположились у одного из окон мэрии и стали наблюдать.

Таких страстей я еще не видел, если не считать лондонской чумы. Зал был битком набит, люди катались от боли, стонали и выли. Вошел Абернати с прохвессором — прохвессор нес ружье, и все завопили еще громче.

Гелбрайт установил ружье на сцене, дулом к публике, шериф снова вытащил пистолет, велел всем замолчать и обещал, что сейчас у всех зубная боль пройдет.

Я папулю, ясное дело, не видел, но знал, что он на сцене. С ружьем творилось что-то немыслимое. Никто не замечал, кроме меня, но я-то следил внимательно. Папуля, — конечно, невидимый — вносил кое-какие поправки. Я ему все объяснил, но он и сам не хуже меня понимал, что к чему. И вот он скоренько наладил ружье как надо.

А что потом было — конец света. Гелбрайт прицелился, спустил курок, из ружья вылетели кольца света — на этот раз желтые. Я попросил папулю выбрать такую дальность, чтобы за пределами мэрии никого не задело. Но внутри...

Что ж, зубная-то боль у них прошла. Ведь не может человек страдать от золотой пломбы, если никакой пломбы у него и в помине нет.

Теперь ружье было налажено так, что действовало на все неживое. Дальность папуля выбрал точка в точку. Вмиг исчезли стулья и часть люстры. Публика сбилась в кучу, поэтому ей худо пришлось. У колченогого Джеффа пропала не только деревянная нога, но и стеклянный глаз. У кого были вставные зубы, ни одного не осталось. Многих словно наголо обрили.

И платья ни на ком я не видел. Ботинки ведь неживые, как и брюки, рубашки, юбки. В два счета все в зале оказались в чем мать родила. Но это уж пустяк, зубы-то у них перестали болеть, верно?

Часом позже мы сидели дома — все, кроме дяди Леса, — как вдруг открывается дверь и входит дядя Лес, а за ним, шатаясь, — прохвессор. Вид у Гелбрайта был самый жалкий. Он опустился на пол, тяжело, с хрипом, дыша и тревожно поглядывая на дверь.

— Хотите верить, хотите — нет, — сказал дядя Лес. — Лечу это я над окраиной городка и вдруг вижу: бежит прохвессор, а за ним — целая толпа, и все закутаны в простыни. Ну я и прихватил его с собой. Доставил сюда, как ему хотелось.

И подмигнул мне.

— О-о-о! — вопил Гелбрайт. — А-а-а-а! Они идут сюда?

Мамуля подошла к двери.

— Вон сколько факелов лезут в гору, — сообщила она. — Похоже, плохи наши дела.

Прохвессор просто испепелил меня взглядом.

— Ты же говорил, что сможешь меня спрятать! Ну, так давай, прячь! Это все из-за тебя!

— Чушь собачья, — возразил я.

— Спрячь меня, или пожалеешь! — взвыл Гелбрайт. — Я... я напушу на вас комиссию.

— Ладно, — сказал я. — Если мы вас спрячем, обещаете забыть о комиссии и оставить нас в покое?

Прохвессор пообещал.

— Минуточку, — сказал я и пошел на чердак взглянуть на дедулю.

Он не спал.

— Что ты обо всем этом думаешь, дедуля? — спросил я.

Он прислушивался на мгновение к Крошке Сэму.

— Проходимец лукавит, — ответил он вскоре. — Начхать ему на обещания, комиссию он сюда все равно притащит.

— Стоит ли его тогда прятать?

— Да, — сказал дедуля. — Хогбены дали слово, что больше не будет никаких убийств. Да и укрыть беглеца от преследователей в любом случае дело благое.

И вроде как подмигнул. Когда имеешь дело с дедулей, ни в чем нельзя быть уверенным. Я спустился по лестнице. Гелбрайт торчал у двери, разглядывая карабкающиеся на гору факелы.

Он тут же вцепился в меня мертвой хваткой.

— Сонк! Если ты не спрячешь меня...

— Мы тебя спрячем, — успокоил его я. — Пшли.

И мы спустились с ним в подвал.

Когда в дом ворвалась разъяренная толпа с шерифом Абернати во главе, мы прикинулись простачками и позволили им переворошить все от подвала до крыши. Крошка Сэм и дедуля стали на время невидимыми, так что их никто не заметил. Ну и, само собой, толпа не обнаружила никаких следов Гелбрайта. Мы спрятали его на совесть, как и обещали.

С тех пор уже прошло несколько лет. Прохвессор как сыр в масле катается. Но только нас он не обследует. Время от времени мы вынимаем его из бутылк^а, где он пребывает, и обследуем его сами.

А бутылёк-то ма-алюсенький!

До скóрого!

Старый Енси, пожалуй, самый подлый человечиска во всем мире. Свет не видел более наглого, закоренелого, тупого, отпетого, гнусного негодяя. То, что с ним случилось, напомнило мне фразу, услышанную однажды от другого малого, — много воды с тех пор утекло. Я уж позабыл, как звали того малого, кажется, Людовик, а может, и Тамерлан; но он как-то сказал, что, мол, хорошо бы у всего мира было только одна голова, тогда ее легко было бы снести с плеч.

Беда Енси в том, что он дошел до ручки: считает, что весь мир ополчился против него, и разрази меня гром, если он не прав. С этим Енси настали хлопотные времена даже для нас, Хогбенов.

Енси-то типичный мерзавец. Вообще вся семейка Тарбеллов не сахар, но Енси даже родню довел до белого каления. Он живет в однокомнатной хибарке на задворках у Тарбеллов и никого к себе не подпускает, разве только позволит всунуть продукты в полукруглую дырку, выпиленную в двери.

Лет десять назад делали новое межевание, что ли, и вышло так, что из-за какой-то юридической заковыки Енси должен был заново подтвердить свои права на землю. Для этого ему надо было прожить на своем участке с год. Примерно в те же дни он поругался с женой, выехал за пределы участка и сказал, что, дескать, пусть земля достается государству, пропади все пропадом, зато он проучит всю семью. Он знал, что жена пропускает иногда рюмочку-другую на деньги, вырученные от продажи репы, и трясется, как бы государство не отняло землю.

Оказалось, эта земля вообще никому не нужна. Она вся в буграх и завалена камнями, но жена Енси страшно переживала и упрашивала мужа вернуться, а ему характер не позволял.

В хибарке Енси Тарбелл обходился без элементарных удобств, но он ведь тупица и к тому пакостник. Вскорости миссис Тарбелл померла: она кидалась камнями в хибарку из-за бугра, а один камень ударил в бугор и рикошетом попал ей в голову. Остались восемь Тарбеллов-сыновей да сам Енси. Но и тогда Енси с места не сдвинулся.

Может, там бы он и жил, пока не превратился бы в мощи и не вознесся на небо, но только его сыновья затеяли с нами склоку. Мы долго терпели — ведь они не могли нам повредить. Но вот гостивший у нас дядя Лес разнервничался и заявил, что устал перепелом взле-

тать под небеса всякий раз, как в кустах хлопнет ружье. Шкура-то у него после ран быстро заживает, но он уверял, что страдает головокружениями, оттого что на высоте двух-трех миль воздух разреженный.

Так или иначе травля все продолжалась, и никто из нас от нее не страдал, что особенно бесило восьмерых братьев Тарбеллов. И однажды на ночь глядя они с ружьями в руках гурьбой вломились в наш дом. А нам скандалы были ни к чему.

Дядя Лем — он близнец дяди Леса, но только родился намного позже — давно впал в зимнюю спячку где-то в дупле, так что его все это не касалось. Но вот Крошку Сэма, дай ему бог здоровья, стало трудновато таскать взад-вперед, ведь ему уже пятый век пошел, и он для своего возраста довольно крупный ребенок — пудов восемь будет.

Мы все могли поспрятаться или уйти на время в долину, в Пайпервилл, но ведь на чердаке у нас дедуля, да и к прохвессору, которого мы держим в бутылке, я привязался. Не хотелось его оставлять — ведь в суматохе бутылек, чего доброго, разобьется, если восьмеро братьев Тарбеллов нализутся как следует.

Прохвессор славный, хоть винтика у него в голове не хватает. Все твердит, что мы мутанты (ну и словечко!), и треплет языком про каких-то своих знакомых, которых называет хромосомами. Они как будто попали, по словам прохвессора, под жесткое облечение и народили потомков, не то доминантную мутацию, не то Хогбенов, но я вечно это путаю с заговором круглоголовых — было такое у нас в Старом Свете. Ясное дело, не в *настоящем* Старом Свете, тот давно затонул.

И вот, раз уж дедуля велел нам помалкивать, мы дождались, пока восьмеро братьев Тарбеллов высадят дверь, а потом все сделались невидимыми, в том числе и Крошка Сэм. И стали ждать, чтобы все прошло стороной, но не тут-то было.

Побродив по дому и вдоволь натешась, восьмеро братьев Тарбеллов спустились в подвал. Это было хуже, потому что застигло нас врасплох. Крошка-то Сэм стал невидимым и цистерна, где мы его держим, тоже, но ведь цистерна не может тягаться с нами проворством.

Один из восьмерки Тарбеллов со всего размаху налетел на цистерну и как следует расшиб голень. Ну и ругался же он! Нехорошо, когда ребенок слышит такие слова, но в ругани наш дедуля кому угодно даст сто очков вперед, так что я-то ничему новому не научился.

Он, значит, ругался на чем свет стоит, прыгал на одной ноге, и вдруг ни с того ни с сего дробовик выстрелил. Там, верно, курок на волоске держался. Выстрел разбудил Крошку Сэма, тот перепугался и завопил. Такого вопля я еще не слышал, а ведь мне приходилось видеть, как мужчины бледнеют и начинают трястись, когда Крошка Сэм орет. Наш прохвессор как-то сказал, что Крошка Сэм издает ультразвук. Надо же!

В общем, семеро братьев Тарбеллов из восьми тут же отдали богу душу, даже пикнуть не успели. Восьмой только начинал спускаться вниз по ступенькам; он затрясся мелкой дрожью, повернулся — и

наутек. У него, верно, голова пошла кругом и он не соображал, куда бежит. Окончательно сдрейфив, он очутился на чердаке и наткнулся прямехонько на дедулю.

И вот ведь грех: дедуля до того увлекся, поучая нас уму-разуму, что сам напрочь забыл стать невидимым. По-моему, один лишь взгляд, брошенный на дедулю, прикончил восьмого Тарбелла. Бедняга повалился на пол, и жизни в нем было не больше, чем в доске. Ума не приложу, с чего бы это, хоть и должен признать, что в те дни дедуля выглядел не лучшим образом. Он поправлялся после болезни.

— Ты не пострадал, дедуля? — спросил я, слегка встряхнув его. Он меня отчихвости.

— Я-то тут при чем?! — возразил я.

— Кровь Христова! — воскликнул он в ярости. — И этот сброд, эти лицемерные олухи вышли из моих чресел! Положи меня обратно, юный негодяй!

Я снова уложил его на дерюжную подстилку, он поворочался с боку на бок и закрыл глаза. Потом объявил, что хочет вздремнуть и пусть его не вздумают будить, разве что настанет Судный день. При этом он несколько не шутил.

Пришлось нам самим поломать голову над тем, как теперь быть. Мамуля сказала, что мы не виноваты, в наших силах только погрузить восьмерых братьев Тарбеллов в тачку и отвезти их домой, что я и исполнил. Только в пути я застеснялся, потому что не мог придумать, как бы повежливее рассказать о случившемся. Да и мамуля наказывала сообщить эту весть осторожно. «Даже хорек способен чувствовать», — повторяла она.

Тачку с братьями Тарбеллами я оставил в кустах, сам поднялся на бугор и увидел Енси: он грелся на солнышке, книгу читал. Я стал медленно прохаживаться перед ним, насвистывая «Янки-Дудл». Енси не обращал на меня внимания.

Енси — маленький, мерзкий, грязный человечешка с раздвоенной бородой. Росту в нем метра полтора, не больше. На усах налипла табачная жвачка, но, может, я не справедлив к Енси, считая его простым неграхом. Говорят, у него привычка — плевать себе в бороду, чтобы на нее не садились мухи: он их ловит и обрывает им крылышки.

Енси не глядя поднял камень и швырнул его, чуть не угодив мне в голову.

— Заткни пасть и убирайся, — сказал он.

— Воля ваша, мистер Енси, — ответил я с облегчением и совсем было собрался. Но тут же вспомнил, что мамуля, чего доброго, отхлещет меня кнутом, если я не выполню ее наказа, тихонько сделал круг, зашел Енси за спину и заглянул ему через плечо — посмотреть, что он там читает. Потом я еще капельку передвинулся и встал с ним лицом к лицу.

Он захихикал себе в бороду.

— Красивая у вас картинка, мистер Енси, — заметил я.

Он все хихикал и, видно, на радостях подобрел.

— Уж это точно! — сказал он и хлопнул себя кулаком по костлявому заду. — Ну и ну! С одного взгляда захмелеешь!

Он читал не книгу. Это был журнал (такие продаются у нас Пайпервилле), раскрытый на картинке. Художник, который ее сделал, умеет рисовать. Правда, не так здорово, как тот художник, с которым я когда-то водился в Англии. Того звали Крукшенк* или Крукбек, если не ошибаюсь.

Так или иначе, Енси тоже была стоящая картинка. На ней были нарисованы люди, много-много людей, все на одно лицо и выходят из большой машины, которая — мне сразу стало ясно — ни за что не будет работать. Но все люди были одинаковые, как горошины в стручке. Еще там красное пучеглазое чудище хватало девушку — уж не знаю зачем. Красивая картинка.

— Хорошо бы такое случалось в жизни, — сказал Енси.

— Это не так уж трудно, — объяснил я. — Но вот эта штука неправильно устроена. Нужен только умывальник да кое-какой металлический лом.

— А?

— Вот эта штука, — повторил я. — Аппарат, что превращает одного парня в целую толпу парней. Он неправильно устроен.

— Ты, надо понимать, умеешь лучше? — окрысился он.

— Приходилось когда-то, — ответил я. — Не помню, что там папуля задумал, но он был обязан одному человеку, по имени Кадм. Кадму срочно потребовалось много воинов, и папуля устроил так, что Кадм мог разделиться на целый полк солдат. Подумаешь! Я и сам так умею.

— Да что ты там бормочешь? — удивился Енси. — Ты не туда смотришь. Я-то говорю об этом красном чудище. Видишь, что оно собирается сделать? Откусить этой красотке голову, вот что. Видишь, какие у него клыки? Хе-хе-хе. Жаль, что я сам не это чудище. Уж я бы тьму народу сожрал.

— Вы бы ведь не стали жрать свою плоть и кровь, бьетесь об заклад, — сказал я, почуяв способ сообщить весть осторожно.

— Биться об заклад грешно, — провозгласил он. — Всегда плати долги, никого не бойся и не держи пари. Азартные игры — грех. Я никогда не бился об заклад и всегда платил долги. — Он умолк, почесал в баках и вздохнул. — Все, кроме одного, — прибавил он хмуро.

— Что же это за долг?

— Да задолжал я одному малому. Беда только, с тех пор никак не могу его разыскать. Лет тридцать тому будет. Я тогда, помню, налкался вдрызг и сел в поезд. Наверно, еще и ограбил кого-то, потому что у меня оказалась пачка денег — коню пасть заткнуть хватило бы. Как поразмыслить, этого-то я и не пробовал. Вы держите лошадей?

— Нет, сэр, — ответил я. — Но мы говорили о вашей плоти и крови.

— Помолчи, — оборвал меня старый Енси. — Так вот, и повеселился же я! — Он слизнул жвачку с усов. — Слышал о таком городе — Нью-Йорк? Речь там у людей такая, что слова не разберешь.

* Один из иллюстраторов книг Чарльза Диккенса.

Там-то я и повстречал этого малого. Частенько я жалею, что потерял его из виду. Честному человеку, вроде меня, противно умирать, не разделившись с долгами.

— А у ваших восьмерых сыновей были долги? — спросил я.

Он покосился на меня, хлопнул себя по тощей ноге и кивнул.

— Теперь понимаю, — говорит. — Ты сын Хогбенов?

— Он самый. Сонк Хогбен.

— Как же, слышал про Хогбенов. Все вы колдуны, точно?

— Нет, сэр.

— Уж я что знаю, то знаю. Мне о вас все уши прожужжали. Нечистая сила, вот вы кто. Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову, живо!

— Я-то уже иду. Хочу только сказать, что, к сожалению, вы бы не могли сожрать свою плоть и кровь, даже если бы стали таким чудищем, как на картинке.

— Интересно, кто бы мне помешал!?

— Никто, — говорю, — но все они уже в раю.

Тут старый Енси расхихикался. Наконец, переведя дух, он сказал:

— Ну, нет! Эти ничтожества попали прямой наводкой в ад, и поделом им. Как это произошло?

— Несчастный случай, — говорю. — Семерых, если можно так выразиться, уложил Крошка Сэм, а восьмого — дедуля. Мы не желали вам зла.

— Да и не причинили, — опять захихикал Енси.

— Мамуля шлет извинения и спрашивает, что делать с останками. А тачка нам дома нужна.

— Увози их. Мне они не нужны. Туда им и дорога, — отмахнулся Енси. Я сказал «ладно» и собрался в путь. Но тут он заорал, что передумал. Велел свалить трупы с тачки. Настолько я понял из его слов (разобрал я немного, потому что Енси заглушал себя хохотом), он намерен был попинать их ногами.

Я сделал, как велено, вернулся домой и все рассказал мамуле за ужином — были бобы, треска и домашняя настойка. Еще мамуля напекла кукурузных лепешек. Ох, и вкуснотища! Я откинулся на спинку стула, рассудив, что заслужил отдых, и задумался, а внутри у меня стало тепло и приятно. Я старался представить, как чухстует себя боб в моем желудке. Но боб, наверно, вовсе бесчухственный.

Не прошло и получаса, как на дворе завизжала свинья, как будто ей ногой наподдали, и кто-то постучался в дверь. Это был Енси. Не успел он войти, как вынул из штанов цветной носовой платок и давай шмыгать носом. Я посмотрел на мамулю круглыми глазами. Ума, мол, не приложу, в чем дело. Папуля с дядей Лесом пили маисовую водку и сыпали шуточками в углу. Сразу видно было, что им хорошо: стол между ними так и трясся. Ни папуля, ни дядя не притрагивались к столу, но он все равно ходил ходуном — старался наступить то папуле, то дяде на ногу. Папуля с дядей раскачивали стол мысленно. Это у них такая игра.

Решать пришлось мамуле, и она пригласила старого Енси посидеть, отведать бобов. Он только всхлипнул.

— Что-нибудь не так, сосед? — вежливо спросил мамуля.

— Еще бы, — ответил Енси, шмыгая носом. — Я совсем старик.

— Это уж точно, — согласилась мамуля. — Может, и помоложе Сонка, но все равно на вид вы дряхлый старик.

— А? — вытаращился на нее Енси. — Сонка? Да Сонку от силы семнадцать, хоть он и здоровый вымахал.

Мамуля смутилась.

— Разве я сказала Сонк? — быстро поправилась она. — Я имела в виду дедушку Сонка. Его тоже зовут Сонк.

Дедулю зовут вовсе не Сонк; он и сам не помнит своего настоящего имени. Как его только не называли в старину — пророком Илией и по-всякому. Я даже не уверен, что в Атлантиде, откуда дедуля родом, вообще были в ходу имена. По-моему, там людей называли цифрами. Впрочем, неважно.

Старый Енси, значит, все шмыгал носом, стонал и охал, прикидывался, — мол, мы убили восьмерых его сыновей и теперь он один-одинешенек на свете. Правда, получасом раньше его это не трогало, я ему так и выложил. Но он заявил, что не понял тогда, о чем это я толкую, и приказал мне заткнуться.

— У меня семья могла быть еще больше, — сказал он. — Было еще двое ребят, Зеб и Робби, да я их как-то пристрелил. Косо на меня посмотрели. Но все равно, вы, Хогбены, не имели права убивать моих ребятишек.

— Мы не нарочно, — ответила мамуля. — Просто несчастный случай вышел. Мы будем рады хоть как-нибудь возместить вам ущерб.

— На это-то я и рассчитывал, — говорит старый Енси. — Вам уже не отвертеться после всего, что вы натворили. Даже если моих ребят убил Крошка Сэм, как уверяет Сонк — он ведь у вас враль. Тут в другом дело: я рассудил, что все вы, Хогбены, должны держать ответ. Но, пожалуй, мы будем квиты, если вы окажете мне одну услугу. Худой мир лучше доброй ссоры.

— Все что угодно, — сказала мамуля, — лишь бы это было в наших силах.

— Сущая безделица, — заявляет старый Енси. Пусть меня на время превратят в целую толпу.

— Да ты что, Медеи наслушался? — вмешался папуля, спьяну не сообразив, что к чему. — Ты ей не верь. Это она с Пелеем злую шутку сыграла. Когда его зарубили, он так и остался мертвым; вовсе не помолодел, как она ему сулила.

— Чего? — Енси вынул из кармана старый журнал и сразу раскрыл его на красивой картинке. — Вот это самое. Сонк говорит, что вы так умеете. Да и все кругом знают, что вы, Хогбены, колдуны. Сонк сказал, вы как-то устроили такое одному голодранцу.

— Он, верно, о Кадме, — говорю.

Енси помахал журналом. Я заметил, что глаза у него стали масленые.

— Тут все видно, — сказал он с надеждой. — Человек входит в эту штуковину, а потом только знай выходит оттуда десятками, снова и снова. Колдовство. Уж я-то про вас, про Хогбенов, все знаю. Может, вы и дурачили городских, но меня вам не одурачить. Все вы до одного колдуны.

— Какое там, — вставил папуля из своего угла. — Мы уже давно не колдуем.

— Колдуны, — упорствовал Енси. — Я слышал всякие истории. Даже видал, как он, — и в дядю Леса пальцем тычет, — летает по воздуху. Если это не колдовство, то я уж ума не приложу, что тогда колдовство.

— Неужели? — спрашиваю. — Нет ничего проще. Это когда берут чуточку...

Но мамуля велела мне придержать язык.

— Сонк говорит, вы умеете, — продолжал Енси. — А я сидел и листал этот журнал, картинки смотрел. Пришла мне в голову хорошая мысль. Спору нет, всякий знает, что колдун может находиться в двух местах сразу. М может он находиться сразу в трех местах?

— Где два, там и три, — сказала мамуля. — Да только никаких колдунов нет. Точь-в-точь как эта самая хваленая наука, о которой кругом твердят. Все досушие люди из головы выдумывают. На самом деле так не бывает.

— Так вот, — заключил Енси, откладывая журнал, — где двое или трое, там и целое скопище. Кстати, сколько всего народу на Земле?

— Два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч шестнадцать, — говорю.

— Тогда...

— Стойте, — говорю, — теперь два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать. Славный ребеночек, ей богу.

— Мальчик или девочка? — любопытствовала мамуля.

— Мальчик, — говорю.

— Так пусть я окажусь сразу в двух миллиардах и сколько-то там еще местах сразу. Мне бы хоть на полминутки, я не жадный. Да и хватит этого.

— Хватит на что? — поинтересовалась мамуля.

Енси хитренько посмотрел на меня исподлобья.

— Есть у меня забота, — ответил он. — Хочу разыскать того малого. Только вот беда: не знаю, можно ли его теперь найти. Времени уж прошло порядком. Но мне это позарез нужно. Я ж в земле не улежу, если не рассчитаюсь со всеми долгами, а я тридцать лет, как хожу у того малого в должниках. Надо снять с души грех.

— Это страсть как благородно с вашей стороны, сосед, — похвалила мамуля.

Енси шмыгнул носом и высморкался в рукав.

— Тяжкая будет работа, — сказал он. — Уж очень долго я ее откладывал на потом. Я-то собирался при случае отправить восьмерых мои ребят на поиски того малого, так что, сами понимаете, я

вконец расстроился, когда эти никудышники вдруг сгнули ни с того ни с сего. Как мне теперь искать того малого?

Мамуля с озабоченным видом пододвинула Енси кувшин.

— Ух, ты! — сказал он, отхлебнув огромный глоток. — На вкус — прямо адов огонь. Ух, ты! — Налил себе по новой, перевел дух и хмуро глянул на мамулю.

— Если человек хочет спилить дерево, а сосед ломал его пилу, то сосед, я полагаю, должен отдать ему взамен свою. Разве не так?

— Конечно, так, — согласилась мамуля. — Только у нас нет восьми сыновей, которых можно было бы отдать взамен.

— У вас есть кое-то получше, — сказал Енси. — Злая черная магия, вот что у вас есть. Я не говорю ни да, ни нет. Дело ваше. Но, по-моему, раз уж вы убили этих бездельников и теперь все мои планы летят кувырком, вы должны хоть как-то мне помочь. Пусть я только найду того малого и рассчитаюсь с ним, больше мне ничего не надо. Так вот, разве не святая правда, что вы можете размножить меня, превратить в целую толпу моих двойников?

— Да, наверно, правда, — подтвердила мамуля.

— А разве не правда, что вы можете устроить, чтобы каждый из этих прохвостов двигался так быстро, что увидел бы всех людей во всем мире?

— Это пустяк, — говорю.

— Уж тогда бы, — сказал Енси, — я бы запросто разыскал того малого и выдал бы ему все, что причитается. — Он шмыгнул носом. — Я честный человек. Не хочу помирать, пока не расплачусь с долгами. Черт меня побери, если я согласен гореть в преисподней, как вы, грешники.

— Да полно, — сморщилась мамуля. — Пожалуй, сосед, мы вас выручим, если вы это так близко к сердцу принимаете. Да, сэр, мы все сделаем так, как вам хочется.

Енси заметно приободрился.

— Ей-богу? — спросил он. — Честное слово? Поклянитесь.

Мамуля как-то странно на него посмотрела, но Енси снова вытащил платок, так что нервы у нее не выдержали и она дала торжественную клятву. Енси повеселел.

— А долго надо произносить заклинание? — спрашивает.

— Никаких заклинаний, — говорю. — Я же объяснял, нужен только металлолом и умывальник. Это недолго.

— Я скоро вернусь. — Енси хихикнул и выбежал, хохоча уже во всю глотку. Во дворе он захотел пнуть ногой цыпленка, промазал и захотел пуще прежнего. Видно, хорошо у него стало на душе.

— Иди же, смастери ему машинку, пусть стоит наготове, — сказала мамуля. — Пошевеливайся.

— Ладно, мамуля, — говорю, а сам застыл на месте, думаю. Мамуля взяла в руки метлу.

— Знаешь, мамуля...

— Ну?

— Нет, ничего. — Я увернулся от метлы и ушел, а сам все старался разобраться, что же меня грызет. Что-то грызло, а что, я

никак не мог понять. Душа не лежала мастерить машинку, хотя ничего зазорного в ней не было.

Я, однако, отошел за сарай и занялся делом. Минут десять потратил — правда, не очень спешил. Потом вернулся домой с машинкой и сказал: «Готово». Папуля велел мне заткнуться.

Что ж, я уселся и стал разглядывать машинку, а на душе у меня кошки скребли. Загвоздка была в Енси. Наконец я заметил, что он позабыл свой журнал, и начал читать рассказ под картинкой — думал, может, пойму что-нибудь. Как бы не так.

В рассказе описывались какие-то чудные горцы, они будто бы умели летать. Это-то не фокус, непонятно было, всерьез ли писатель все говорит или шутит. По-моему, люди и так смешные, незачем выводить их еще смешнее, чем в жизни.

Кроме того, к серьезным вещам надо относиться серьезно. По словам прохвессора, очень многие верят в эту самую науку и принимают ее всерьез. У него-то всегда глаза разгораются, стоит ему завести речь о науке. Одно хорошо было в рассказе: там не упоминались девочки. От девочек мне становится как-то не по себе.

Толку от моих мыслей все равно не было, поэтому я спустился в подвал поиграть с Крошкой Сэмом. Цистерна ему становится тесна. Он мне обрадовался. Замигал всеми четырьмя глазками по очереди. Хорошенький такой.

Но что-то в том журнале я вычитал, и теперь оно не давало мне покоя. По телу у меня мурашки бегали, как давным-давно в Лондоне, перед большим пожаром. Тогда еще многие вымерли от страшной болезни.

Тут я вспомнил, как дедуля рассказывал, что его точно так же кинуло в дрожь, перед тем как Атлантиду затопило. Правда, дедуля умеет предвидеть будущее, хоть в этом нет ничего хорошего, потому что оно то и дело меняется. Я еще не умею предвидеть. Для этого надо вырасти. Но я нутром чуял что-то неладное, пусть даже ничего пока не случилось.

Я так встревожился, что совсем было решился разбудить дедулю. Но тут у себя над головой я услышал шум. Поднялся в кухню, а там Енси распивает маисовую (мамуля поднесла). Только я увидел старого хрыча, как у меня опять появилось дурное предчувствие.

Енси сказал: «Ух ты», поставил кувшин и спросил, готовы ли мы. Я показал на свою машинку и ответил, что вот она, как она ему нравится.

— Только и всего? — удивился Енси. — А сатану вы не призовете?

— Незачем, — отрезал дядя Лес. — И тебя одного хватит, галоша ты проспиртованная.

Енси был страшно доволен.

— Уж я таков, — откликнулся он. — Скользкий, как галоша, и насквозь проспиртован. А как она действует?

— Да просто делает из одного тебя много-много Енси, вот и все, — ответил я.

До сих пор папуля сидел тихо, но тут он, должно быть, подключился к мозгу какого-нибудь прохвессора, потому что вдруг понес дикую чушь. Сам-то он длинных слов сроду не знал.

Я тоже век бы их не знал, от них даже самые простые вещи запутываются.

— Человеческий организм, — заговорил папуля важно-преважно, — представляет собой электромагнитное устройство, мозг и тело испускают определенные лучи. Если изменить полярность на противоположную, то каждая ваша единица, Енси, автоматически притянется к каждому из ныне живущих людей, ибо противоположности притягиваются. Но прежде вы войдете в аппарат Сонка и вас раздробят...

— Но-но! — взвыл Енси.

— ...на базовые электронные матрицы, которые затем можно копировать до бесконечности, точно так же как можно сделать миллионы идентичных копий одного и того же портрета — негативы вместо позитивов.

Поскольку для электромагнитных волн земные расстояния ничтожны, каждую копию мгновенно притянет каждый из остальных жителей Земли, — продолжал папуля как заведенный. — Но два тела не могут иметь одни и те же координаты в пространстве-времени, поэтому каждую Енси-копию отбросит на расстояние полуметра от каждого человека.

Енси беспокойно огляделся по сторонам.

— Вы забыли очертить магический пятиугольник, — сказал он. — В жизни не слышал такого заклинания. Вы ведь вроде не собирались звать сатану?

То ли потому, что Енси и впрямь похож был на сатану, то ли еще по какой причине, но только невмоготу мне стало терпеть — так скребло на душе. Разбудил я дедулю. Про себя, конечно, ну, и Крошка Сэм помог — никто ничего не заметил. Тотчас же на чердаке что-то заколыхалось: это дедуля проснулся и приподнялся в постели. Я и глазом моргнуть не успел, как он давай нас распекать на все корки.

Брань-то слышали все, кроме Енси. Папуля бросил выпендиряться и закрыл рот.

— Олухи царя небесного! — гремел разъяренный дедуля. — Тунеядцы! Да будет вам ведомо: мне снились дурные сны, и надлежит ли тому удивляться? В хорошенькую ты влип историю, Сонк. Неужто у тебя чутья больше нет? Ужель не понял ты, что замышляет этот медоточивый проходимец? Берись-ка за ум, Сонк, да поскорее, а не то ты и после совершеннолетия останешься сосунком. — Потом он прибавил что-то на санскрите. Дедуля прожил такой долгий век, что иногда путает языки.

— Полно, дедуля, — мысленно сказала мамуля, — что такого натворил Сонк?

— Все вы хороши! — завопил дедуля. — Как можно не сопоставить причину со следствием? Сонк, вспомни, что узрел ты в том бульварном журнальчике. С чего это Енси изменил намерения, когда чести в нем не больше, чем в старой сводне? Ты хочешь, чтобы мир обезлюдел раньше времени? Спроси-ка Енси, что у него в кармане штанов, черт бы тебя побрал!

— Мистер Енси, — спрашиваю, — что у вас в кармане штанов?

— А? — Он запустил лапу в карман и вытащил оттуда здоровенный ржавый гаечный ключ. — Ты об этом? Я его подобрал возле сарая. — А у самого морда хитрая-прехитрая.

— Зачем он вам? — быстро спросила мамуля.

Енси нехорошо на нас посмотрел.

— Не стану скрывать, — говорит. — Я намерен трахнуть по макушке всех и каждого, до последнего человека в мире, и вы обещали мне помочь.

— Господи помилуй, — только и сказала мамуля.

— Вот так! — прыснул Енси. — Когда вы меня заколдуете, я окажусь везде, где есть хоть кто-нибудь еще, и буду стоять у человека за спиной. Уж тут-то я наверняка расквитаюсь. Один человек непременно будет тот малый, и он получит с меня должок.

— Какой малый? — спрашиваю. — Про которого вы рассказывали? Которого встретили в Нью-Йорке? Я думал, вы ему деньги задолжали.

— Ничего такого я не говорил, — огрызнулся Енси. — Долг есть долг, будь то деньги или затрещина. Пусть не воображает, что мне можно безнаказанно наступить на мозоль, тридцать там лет прошло или не тридцать.

— Он вам наступил на мозоль? — удивился папуля. — Только и всего?

— Ну да. Я тогда надравшись был, но помню, что спустился по каким-то ступенькам под землю, а там поезда сновали в оба конца.

— Вы были пьяны.

— Это точно, — согласился Енси. — Не может же быть, что под землей и вправду ходят поезда! Но тот малый мне не приснился, и как он мне на мозоль наступил — тоже, это ясно как божий день. До сих пор палец ноет. Ох, и разозлился я тогда. Народу было столько, что с места не сдвинуться, и я доже не разглядел толком того малого, который наступил мне на ногу.

Я было замаяхнулся палкой, но он был уже далеко. Так я и не знаю, какой он из себя. Может, он вообще женщина, но это неважно. Ни за что не помру, пока не уплачу все долги и не рассчитаюсь со всеми, кто поступал со мной по-свински. Я в жизни не спускал обидчику, а обижали меня почти все, знакомые и незнакомые.

Енси совсем взбеленился. Он продолжал, не переводя духа:

— Вот и я подумал, что все равно не знаю, кто мне наступил на мозоль, так уж лучше бить наверняка, никого не обойти, ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка.

— Легче на поворотах, — одернул я его. — Тридцать лет назад нынешние дети еще не родились, и вы это сами знаете.

— А мне все едино, — буркнул Енси. — Я вот думал-думал, и пришла мне в голову страшная мысль: вдруг тот малый взял да и помер? Тридцать лет — срок немалый. Но потом я прикинул, что даже если и помер, мог ведь он сначала жениться и обзавестись детьми. Если не суждено расквитаться с ним самим, я хоть с детьми его расквитаюсь. Грехи отцов... это из священного писания. Дам по макушке всем людям мира — тут уж не ошибусь.

— Хогбенам вы не дадите, — заявила мамуля. — Никто из нас не ездил в Нью-Йорк с тех пор, как вас еще на свете не было. То есть я хочу сказать, что мы там вообще не бывали. Так что нас вы сюда не впутываете. А может, лучше возьмете миллион долларов? Или хотите стать молодым, или еще что-нибудь? Мы можем вам устроить, только откажитесь от своей злой затеи.

— И не подумаю, — ответил упрямый Енси. — Вы дали честное слово, что поможете.

— Мы не обязаны выполнять такое обещание, — начала мамуля, но тут дедуля с чердака вмешался.

— Слово Хогбенов свято, — сказал он. — На том стоим. Надо выполнить то, что мы обещали этому психу. Но только то, что обещали, больше у нас нет перед ним никаких обязательств.

— Ага! — сказал я, смекнув, что к чему. — В таком случае... Мистер Енси, а что именно мы вам обещали, слово в слово?

Он повертел гаечный ключ у меня перед носом.

— Вы превратите меня ровно в столькох людей, сколько жителей на земле, и я встану рядом с каждым из них. Вы дали честное слово, что поможете мне. Не пытайтесь увильнуть.

— Да я и не пытаюсь, — говорю. — Надо только внести ясность, чтобы вы были довольны и ничему не удивлялись. Но есть одно условие. Рост у вас будет такой, как у человека, с которым вы стоите рядом.

— Чего?

— Это ежу понятно. Когда вы войдете в машинку, в мире появятся два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать Енси. Теперь представьте, что один из этих Енси очутится рядом с двухметровым верзилкой. Это будет не очень-то приятно, как по-вашему?

— Тогда пусть я буду трехметровый, — говорит Енси.

— Нет уж. Какого роста тот, кого навещает Енси, такого роста будет и сам этот Енси. Если вы навестили малыша ростом с полметра, в вас тоже будет только полметра. Надо по справедливости. Соглашайтесь, иначе все отменится. И еще одно — сила у вас будет такая же, как у вашего противника.

Он, очевидно, понял, что я не шучу. Прикинул на руку гаечный ключ.

— Как я вернусь? — спрашивает.

— Это уж наша забота, — говорю. — Даю вам пять секунд. Хватит, чтобы опустить гаечный ключ, правда?

— Маловато.
— Если вы задержитесь, кто-нибудь успеет дать вам сдачи.
— И верно. — Сквозь корку грязи стало заметно, что Енси побледнел. — Пяти секунд с лихвой хватит.
— Значит, если мы это сделаем, вы будете довольны? Жаловаться не прибежите?

Он помахал гаечным ключом и засмеялся.

— Ничего лучшего не надо, — говорит. — Ох, и разmozжу я им голову. Хе-хе-хе.

— Ну, становитесь сюда, — скомандовал я и показал, куда именно. — Хотя погодите. Лучше я сам сперва попробую, выясню, все ли в исправности.

Мамуля хотела было возразить, но тут ни с того ни с сего на чердаке дедуля зашелся хохотом. Наверно, опять заглянул в будущее.

Я взял полено из ящика, что стоял у плиты, и подмигнул Енси.

— Приготовьтесь, — сказал я. — Как только вернусь, вы ту же минуту сюда войдете.

Я вошел в машинку, и она сработала как по маслу. Я и глазом моргнуть не успел, как меня расщепило на два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот шестнадцать Сонков Хогбенов.

Одного, конечно, не хватило, потому что я пропустил Енси, и, конечно, Хогбены ни в одной переписи населения не значатся. Но вот я очутился перед всеми жителями всего мира, кроме семьи Хогбенов и самого Енси. Это был отчаянный поступок.

Никогда я не думал, что на свете столько разных физиономий! Я увидел людей всех цветов кожи, с бакенбардами и без, одетых и в чем мать родила, ужасно длинных и самых что ни на есть коротышек, да еще половину я увидел при свете солнца, а половину в темноте. У меня прямо голова кругом пошла.

Какой-то миг мне казалось, что я узнаю кое-кого из Пайпервилла, включая шерифа, но тот слился с дамой в бусах, которая целилась в кенгуру, а дама превратилась в мужчину, разодетого в пух и в прах, — он толкал речь где-то в огромном зале.

Ну и кружилась же у меня голова!

Я взял себя в руки, да и самое время было, потому что все уже успели меня заметить. Им-то, ясное дело, показалось, что я с неба свалился, мгновенно вырос перед ними, и... в общем, было с вами такое, чтобы два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать человек устались вам прямо в глаза? Это просто жутость какая-то. У меня из головы вылетело, что я задумал. Только я вроде будто слышал дедулин голос — дедуля велел пошевеливаться.

Вот я сунул полено, которое держал (только теперь это было два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать поленьев), в столько же рук, а сам его выпустил. Некоторые люди тоже сразу выпустили полено из рук, но

большинство вцепились в него, ожидая, что будет дальше. Тогда я стал припоминать речь, которую собрался произнести, — сказать, чтобы люди ударили первыми не дожидаясь, пока Енси взмахнет гаечным ключом.

Но уж очень я засмутился. Чудно как-то было. Все люди мира смотрели на меня в упор, и я стал такой стеснительный, что рта не мог раскрыть. В довершение всего дедуля завопил, что у меня осталась ровно секунда, так что о речи уже мечтать не приходилось. Ровно через секунду я вернусь в нашу кухню, а там старый Енси уже рвется в машинку и размахивает гаечным ключом. А я никого не предупредил. Только и успел, что каждому дал по полену.

Боже, как они на меня глазели! Словно я нагишом стою. У них аж глаза на лоб полезли. И только я начал истончаться по краям, на манер блина, как я... даже не знаю, что на меня нашло. Не иначе как от смущения. Может, и не стоило так делать, но...

Я это сделал!

И тут же снова очутился в кухне. На чердаке дедуля помирал со смеху. По-моему, у старого хрыча странное чувство юмора. Но у меня не было времени с ним объясняться, потому что Енси шмыгнул мимо меня — и в машинку. Он растворился в воздухе, так же как и я. Как и я, он расщепился в стольких же людей, сколько в мире жителей, и стоял теперь перед всеми ними.

Мамуля, папуля и дядя Лес глядели на меня очень строго. Я заерзал на месте.

— Все устроилось, — сказал я. — Если у человека хватает подлости бить маленьких детей по голове, он заслуживает того, что... — я остановился и посмотрел на машинку, — ...что получил, — закончил я, когда Енси опять появился с ясного неба. Более разъяренной гадуки я еще в жизни не видал. Ну и ну!

По-моему, почти все население мира приложило руку к мистеру Енси. Так ему и не пришлось замахнуться гаечным ключом. Весь мир ударил первым.

Уж поверьте мне, вид у Енси был самый что ни на есть жалкий.

Но голоса Енси не потерял. От так орал, что слышно было за целую милю. Он кричал, что его надули. Пусть ему дадут попробовать еще разок, но только теперь он прихватит с собой ружье и нож поздоровее. В конце концов мамуле надоело слушать, она ухватила Енси за шиворот и так встряхнула, что у него зубы застучали.

— Ибо сказано в священном писании! — возгласила она иступленно. — Слушай, ты, паршивец, пьяная отрыжка! В Библии сказано — око за око, так ведь? Мы сдержали слово, и никто нас ни в чем не упрекнет.

— Воистину! — поддакнул дедуля с чердака.

— Ступайте-ка лучше домой и полечитесь арникой, — сказала мамуля, еще раз встряхнув Енси. — И чтобы вашей ноги тут не было, а то Крошку Сэма на вас напустим.

— Но я же не расквитался! — бушевал Енси.

— Вы, по-моему, никогда не расквитаетесь, — ввернул я. — Просто жизни не хватит, чтобы расквитаться со всем миром, мистер Енси.

Постепенно до Енси дошло, и его как громом поразило. Он побагровел, точно борщ, крикнул и ну ругаться. Дядя Лес потянулся за кочергой, но в этом не было нужды.

— Весь чертов мир меня обидел! — хныкал Енси, обхватив голову руками. — Со свету сживают! Какого дьявола они стукнули первыми? Тут что-то не так!

— Заткнитесь. — Я вдруг понял, что беда вовсе не прошла стороной, как я еще недавно думал. — А из Пайпервилла ничего не слышно?

Даже Енси унялся, когда мы стали прислушиваться.

— Ничего не слышать, — сказала мамуля.

— Сонк прав, — вступил в разговор дедуля. — Это-то и плохо.

Тут все сообразили, в чем дело, — все, кроме Енси. Потому что теперь в Пайпервилле должна была бы подняться страшная кутерьма. Не забывайте, мы с Енси посетили весь мир, а значит, и Пайпервилл; люди не могут спокойно относиться к таким выходкам. Уж хоть какие-нибудь крики должны быть.

— Что это вы стоите, как истуканы? — разревелся Енси. — Помогите мне сквитаться!

Я не обратил на него внимания. Подошел к машинке и внимательно ее осмотрел. Через минуту я понял, что в ней не в порядке. Наверно, дедуля понял это так же быстро, как и я. Надо было слышать, как он смеялся. Надеюсь, смех пошел ему на пользу. Я ж говорил, что чухство юмора у нашего почтенного старца — это вещь в себе.

— Я тут немножко маху дал с этой машинкой, мамуля, — признался я. — Потому в Пайпервилле и тихо.

— Истинно так, клянусь богом, — выдохнул дедуля сквозь смех. — Сонку следует искать убежища. Смываться надо, сынок, ничего не попишешь.

— Ты нашалил, Сонк? — спросила мамуля.

— Все «ля-ля-ля» да «ля-ля-ля»! — завизжал Енси. — Я требую того, что мне по праву положено! Я желаю знать, что сделал Сонк такого, отчего все люди мира шарахнули меня по голове? Неспроста это! Я так и не успел...

— Оставьте вы ребенка в покое, мистер Енси, — обозлилась мамуля. — Мы свое обещание выполнили, и хватит. Убирайтесь-ка прочь отсюда и остыньте, а не то еще ляпнете что-нибудь такое, о чем сами потом пожалеете.

Папуля мигнул дяде Лесу, и, только Енси собрался обляять мамулю, стол подогнул ножки, будто в них колени были, и тихонько шмыгнул Енси за спину. Папуля сказал дяде Лесу: «Раз, два — взяли», стол распрямил ножки и дал Енси такого пинка, что тот отлетел к самой двери.

Последним, что мы услышали, были вопли Енси, когда он кубарем катился с холма. Так он прокувыркался полпути к Пайпервиллу,

как я узнал позже. А когда добрался до Пайпервилла, то стал глушить людей гаечным ключом по голове.

Решил поставить на своем, не мытьем, так катаньем.

Его упрятали за решетку, чтоб пришел в себя, и он, наверно, очухался, потому что в конце концов вернулся в свою хибарку. Говорят, он ничего не делает, только знай сидит себе да шевелит губами — прикидывает, как бы ему свести счеты с целым миром. Навряд ли ему это удастся.

Впрочем, тогда мне было не до Енси. У меня своих забот хватало. Только папуля с дядей Лесом поставили стол на место, как в меня снова вцепилась мамуля.

— Объясни, что случилось, Сонк, — потребовала она. — Я боюсь, не нашкодил ли ты, когда сам был в машинке. Помни, сынок, ты — Хогбен. Ты должен хорошо себя вести, особенно если на тебя смотрит весь мир. Ты не опозорил нас перед человечеством, а, Сонк?

Дедуля опять засмеялся.

— Да нет пока, — сказал он. Тут я услышал, как внизу, в подвале, у Крошки Сэма в горле булькнуло, и понял, что он тоже в курсе. Просто удивительно. Никогда не знаешь, чего еще ждать от Крошки Сэма. Значит, он тоже умеет заглядывать в будущее.

— Мамуля, я только немножко маху дал, — говорю. — Со всяким может случиться. Я собрал машинку так, что расщепить-то она меня расщепила, но отправила в будущее, в ту неделю. Поэтому в Пайпервилле пока что тишь да гладь.

— Вот те на! — сказала мамуля. — Дитя, до чего ты небрежен!

— Прости, мамуля, — говорю. — Вся беда в том, что в Пайпервилле меня многие знают. Я уж лучше дам деру в лес, отыщу себе дупло побольше. На той неделе оно мне пригодится.

— Сонк, — сказала мамуля. — Ты ведь набедокурил. Рано или поздно я сама все узнаю, так что лучше признавайся сейчас.

Ну, думаю, была не была, ведь она права. Вот я и выложил ей всю правду, да и вам могу. Так или иначе, вы на той неделе узнаете. Это просто доказывает, что от всего не убережешься. Ровно через неделю весь мир здорово удивится, когда я свалюсь как будто с неба, вручу всем по полену, а потом отступлю на шаг и плюну прямо в глаза.

Сдается мне, два миллиарда двести пятьдесят миллионов девяносто пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать — это все население Земли!

Все население!

По моим подсчетам, на той неделе.

До скóрого!

Холодная война

Глава I. Последние из Пу

Стоит мне только подумать о Пу-младшем, как меня бросает в дрожь. В жизни не видывал никого уродливее. Точь в точь маленькая горилла. Заплывшее жиром лицо и глаза, сидящие так близко, что оба можно выбить одним пальцем. Его папахен, однако, мнил о нем невесть что. Еще бы, ведь крошка Младший — вылитый папочка.

— Последний из Пу, — говаривал старик, выпячивая грудь и улыбаясь своей маленькой горилле. — Наираспрекраснейший парень из всех, ступавших по этой земле.

У меня, бывало, кровь в жилах стыла, когда я глядел на эту парочку, с тоской вспоминая старые добрые времена, когда Пу здесь и в помине не было. Хотите верьте, хотите нет, но мир тогда был гораздо более приятным местом.

Мы, Хогбены, люди маленькие. Живем себе тише воды, ниже травы в укромной долине, куда никто не сует нос, пока мы того не захотим. Хотя соседи из деревни к нам уже привыкли, мы все же стараемся без нужды не мозолить им глаза. А они, в свою очередь, не суются к нам почем зря.

Если папуля насосется, как на прошлой неделе, и начнет летать в своих красных кальсонах и майке над главной улицей, они делают вид, будто ничего не замечают, чтобы не смущать мамулю. Ведь когда он трезв, благочестивее христианина не сыщешь.

Сейчас папуля набрался из-за Крошки Сэма, нашего младшенького, которого мы держим в цистерне в подвале. У него снова режутся зубки. Впервые после Войны между Штатами. Когда у малыша режутся зубки, мы все просто на стенку лезем, но Крошке Сэму этого же не объяснишь. Для своего возраста он довольно-таки беспокойный малый.

Прохвессор, что живет у нас в бутылкѣ, как-то сказал, будто Крошка Сэм испускает какие-то ультразвуки. Ерунда. Просто нервы у вас начинают дергаться. Папуля не в силах этого выносить. На сей раз проснулся даже дедуля, а ведь он с Рождества и не шелохнулся. Продрал глаза и сразу набросился на папулю.

— Ах ты, нечестивец! — ревел он. — Снова летаешь, олух несчастный?! О, позор на мои седины! Сейчас я тебя спущу с небес на землю!

Послышался отдаленный удар.

— Я падал добрых десять футов! — завопил папуля с другого конца долины. — Так нечестно! Запросто мог что-нибудь раскурочить!

— Ты нас всех раскурочишь из-за своей пьяной удали, — оборвал дедуля. — Летать средь бела дня, на глазах у соседей! В мое время сжигали за меньшее. Хочешь, чтоб весь мир о нас узнал? А теперь замолчи и дай мне успокоить малыша.

Дедуля всегда находил с Крошкой Сэмом общий язык. Сейчас он пропел ему колыбельную песенку на санскрите, и вскорости оба уже мирно похрапывали.

Я мастерил одну штуковину, чтобы молоко для пирогов у мамы скорей скисало. У меня ничего не было, кроме старых саней и двух проволочек, да мне и немного надо. Только я пристроил один конец проволочки на северо-восток, как в зарослях мелькнули чьи-то клетчатые штаны.

Это был дядя Лем. Я слышал, как шевелятся у него мысли.

«Это *вовсе не я*, — твердил он по-настоящему громко, прямо у меня в голове. — Между нами миля с гаком. Продолжай ковыряться в своих железках, Сонк. Твой дядя Лемюэл славный парень и не станет врать. Думаешь, я пытаюсь одурачить тебя, Сонки, мальчик?»

«Ясное дело! — ответил я ему. — Да только не выйдет. Что стряслось?»

Тут он остановился и начал переминаться с ноги на ногу.

«О, просто мне пришло в голову, что твоя мамуля не откажется от чернички... Но если кто-нибудь спросит, говори, что меня не видал. Ты не соврешь, поскольку и впрямь меня не видишь.»

«Дядя Лем, — подумал я по-настоящему громко. — Я дал мамуле честное слово, что никуда тебя одного не отпущу, после того случая, когда ты...»

«Ладно, ладно, мальчуган, — быстро отозвался дядюшка Лем. — Кто старое вспомнит, тому глаз вон.»

«Ты же никому не можешь отказать, — напомнил я, закручивая проволоку спиралькой. — Подожди, вот только заквашу молоко, и пойдем вместе куда бы ты там не собрался.»

Клетчатые штаны в последний раз мелькнули в зарослях, и на поляну, виновато улыбаясь, вышел дядя Лем. Наш Лемюэл и мухи не обидит — до того он безвольный. Каждый может вертеть им, как хочет, вот нам и приходится хорошенько за ним присматривать.

— Как ты это сделаешь? — поинтересовался он, глядя на кувшин с молоком. — Заставишь этих крошек работать быстрее?

— Дядя Лем! — возмутился я. — Стыдись! Разве я могу быть так жесток с бедными созданиями! Представляешь, как они вкалывают, сквашивая молоко? Я невольно чувствую себя виноватым перед ними, поскольку эти крошки — папуля кличет их Ферментами — так малы, что если толком не приглядеться, их и не видеть.

— Тогда что за трюк ты собираешься провернуть с молоком? — не унимался дядя Лемюэл.

— Вот эта штука, — гордо объяснил я, — отправит мамулин кувшин с молоком в следующую неделю. При нынешних жарких деньках этого за глаза хватит. Потом назад — хлоп — готово, скисло. — Я поставил кувшин на сани.

— Ну и хитрюга! — восхитился дядя Лем, загибая крестом одну проволочку. — Только здесь надо поправить, а не то помешает гроза в следующий вторник. Ну, давай!

Ну, я и дал. И вернул — будь спок! Молоко скисло так, что по нему могла даже мышь бегать. В кувшине копошился шершень из той недели, и я его шелкнул. Эх, опростоволосился. Все штучки Лемюзла!

Он юркнул назад в заросли, довольно хихикая.

— Надул я тебя, молокосос! — закричал он. — Посмотрим, как ты вытащишь палец из середины следующей недели!

Ни про какую грозу он и не думал, закручивая ту проволочку. А я-то, дурень, не учел задержки во времени. Минут десять я угробил на то, чтобы освободиться, — и все из-за одного малого по имени Инерция, который вечно ошивается где ни попадя. Вообще сам-то я не слишком в этом кумекаю. Не дорос еще. Дядя Лем говорит, что уже забыл больше, чем я когда-нибудь буду знать.

Я так завозился, что чуть не упустил его. Я даже не успел переодеться в городское платье, а уж Лемюзл разоделся, как на парад.

А уж волновался он!.. Я бежал по следу его вертлявых мыслей, которые повисли в воздухе словно клочья тумана на ветках кустарника. Толком в них было не разобраться, но чего-то он там натворил. Это *всякий* бы понял. Вот какие были мысли:

«Ох, ох, — зачем я это сделал? — да помогут мне небеса, если об этом проведаст дедуля — ох, эти гнусные Пу, как я мог быть таким простофилей? Ох, ох, — такой бедняга, хороший парень, чистая душа, никого пальцем не тронул, а посмотрите на меня сейчас! А как я проучил этого сосунка Сонка! Ох, ох, ничего, держи хвост пистолетом, ты отличный парень, Господь тебе поможет, Лемюзл. Дедуля ни о чем не проведаст».

Его клетчатые штаны то и дело мелькали среди веток, потом выскочили на поле, тянувшееся до города, и вскоре дядя Лемюзл уже стучал в билетное окошко испанским дублоном, стянутым из дедулиного сундука.

То, что он попросил билет до столицы штата, меня совсем не удивило. Он о чем-то заспорил с молодым человеком за окошком, наконец, обшарил свои штаны и выудил серебряный доллар, на чем они и порешили.

Паровоз уже вовсю пускал дым, когда подскочил Лемюзл. Я еле-еле поспел. Последнюю дюжину ярдов пришлось пролететь, но, по-моему, никто не заметил.

Однажды, когда у меня молоко еще на губах не обсохло, случилась в Лондоне, где мы в ту пору жили, Великая Чума, и всем нам, Хогбенам, пришлось выметаться. Я помню тогдашний гвалт, но куда

ему до того, который стоял в столице штата, куда пришел наш поезд! Да, старое доброе время уже не вернуть.

Свистки свистят, гудки гудят, машины ревут, радио орет что-то кошмарное — похоже, что каждое изобретение за последние две сотни лет шумнее предыдущего. У меня аж голова затрещала, пока я не установил то, что папуля как-то обозвал повышенным порогом слышимости — попросту, заглушку.

Дядя Лем и не подозревал, что я повис у него на хвосте. На всякий случай я старался думать не слишком громко, но он был так погружен в свои заботы, что ни на что вокруг не обращал ни малейшего внимания. Я продрался сквозь толпу на станции и вышел вслед за ним на широкую улицу, полную транспорта. У меня просто камень с души свалился, когда мы выбрались из этого треклятого вокзала.

Я не мог без боли думать о том, что происходит внутри парового котла. Бедные маленькие крошки, которых и разглядеть-то было непросто, метались там в тесноте и духоте, то и дело сталкивались лбами. У меня просто сердце сжималось от жалости.

А над тем, что происходит внутри спящих по улице автомобилей, лучше было и не задумываться.

Дядя Лем чесал вниз по улице во все лопатки. Он явно бывал здесь не раз и не два. Я едва не летел, стараясь поспеть за ним. Хотел связаться со своими на всякий случай, но ничего не вышло. Мамуля оказалась на церковном собрании, а она еще в прошлый раз дала мне взбучку за то, что я заговорил с ней как бы с небес перед преподобным отцом Джонсом. Тот все никак не может к нам, Хогбенам, привыкнуть.

Папуля был мертвецки пьян. Будить его — себе дороже. А окликнуть дедулю я боялся, поскольку мог разбудить малыша.

Дядя Лем мчался вперед на всех парах, только ноги мелькали. Он явно был вне себя от беспокойства. Вскоре я увидел большую толпу, запрудившую всю улицу, грузовик, и человека на нем, размахивающего какими-то бутылками.

По-моему, он бубнил что-то про головную боль. Я услышал его еще из-за угла. С двух сторон грузовик украшали плакаты: «СРЕДСТВО ПУ ОТ ГОЛОВНОЙ БОЛИ».

«Ох, ох! — думал дядя Лем. — О горе, горе! Что делать мне, несчастному? Я и вообразить не мог, что кто-нибудь женится на Лили Лу Матц. Ох, ох!»

Правду сказать, мы все были порядком удивлены, когда лет десять назад Лили Лу Матц выскочила замуж. Но я никак, не мог взять в толк, при чем тут дядя Лем. Страшнее дамочки, чем Лили Лу, было не сыскать на всем белом свете. Уродливая — не то слово для нее, бедняжки.

Дедуля сказал как-то, что она напоминает ему одну семейку по фамилии Горгоны, которую он когда-то знал. Жила Лили Лу одна, на отшибе, и ей, почитай, уж сорок стукнуло, когда откуда-то с той стороны реки явился один малый и, представьте, предложил выйти за него замуж. Чтоб мне провалиться! Сам-то я не видал этого друга, но, говорят, и он не писаный красавец.

«А если припомнить, — думал я, глядя на грузовик, — если припомнить, фамилия его была Пу ».

Глава 2. Добрый малый

Дядя Лем заметил кого-то у фонарного столба и засеменил туда. Там обосновались, ни дать ни взять, две гориллы, большая и маленькая, и глазели на малого с бутылками в руках, стоящего в грузовике.

— Подходите, — взывал тот, — и получайте свою бутылку Надежного Средства Пу От Головной Боли!

— Ну, Пу, вот и я, — произнес дядя Лем, обращаясь к горилле побольше. — Привет, Младший, — добавил он, взглянув на ту, что поменьше. Я заметил, как дядюшка при этом слегка поежился.

Ничего удивительного. Более мерзких представителей рода человеческого я не видал со дня своего рождения. Старший был одет в воскресный сюртук с золотой цепочкой на брюхе, имевший такой вид, будто его владелец никогда не подходил к зеркалу, а уж он важничал и задавался!..

— Привет, Лем, — бросил он. — Ты явился как раз вовремя. Младший, поздоровайся с мистером Лемюзлом Хогбенем. Ты многим ему обязан, сынуля. — И папаша гнусно рассмеялся.

Младший и ухом не повел. Его маленькие глазки-бусинки вперились в толпу по ту сторону улицы. Было ему лет семь.

— Мне уже начинать, па? — спросил он скрипучим голосом. — Дай я за них возьмусь, па. А, па? — Судя по его тону, будь у него под рукой пулемет, он бы всех укокошил.

— Чудный парень, не правда ли, Лем? — ухмыляясь, спросил Пу-старший. — Если бы его дедушка дожил до рождения внука!.. Вообще, мы, Пу — замечательная семейка. Подобных нам нет. Беда лишь в том, что Младший — последний. Дошло, зачем я связался с вами, Лем?

Лемюзл снова поежился.

— Да, сказал он, — дошло. Но вы зря сотрясаете воздух. Я не собираюсь ничего делать.

Юному Пу не терпелось.

— Дай я им устрою, — проскрипел он. — Сейчас, па. А?

— Заткнись, сынок, — ответил старший и съездил своему отпрыску по лбу. А уж ручки у него были — будь спок!

Другой бы от такого шлепка перелетел через дорогу, но Младший был коренастый такой парнишка. Только пошатнулся, потряс головой и покраснел.

— Па, я предупреждал тебя! — закричал он своим скрипучим голосом. — Когда ты стукнул меня в последний раз, я предупреждал тебя! Теперь ты у меня получишь!

Он набрал полную грудь воздуха, и его крошечные глазки вдруг засверкали и так выпучились, что чуть не сошлись у переносицы, а заплывшее жиром лицо прямо-таки побагровело.

— Хорошо, Младший — быстро отозвался Пу-старший. — Толпа готова — не стоит тратить силы на меня, сынок.

Все это время я стоял с краю толпы и наблюдал за дядей Лемом. Тут кто-то вцепился в мой локоть, и тоненький голос произнес очень вежливо:

— Простите за беспокойство, могу я задать вам вопрос?

Это оказался худенький типчик с приветливым личиком и с блоком в руке.

— Что ж, — ответил я столь же вежливо, — валяйте, мистер.

— Меня интересует, как вы себя чувствуете, вот и все.

— О, прекрасно, — сказал я. — Как это любезно с вашей стороны. Надеюсь, что вы тоже в добром здравии, мистер.

Он с недоумением кивнул:

— В том-то и дело. Просто не могу понять. Я чувствую себя превосходно.

— Почему бы и нет? — удивился я. — Чудесный день.

— Здесь все чувствуют себя хорошо, — продолжал он, будто не слыша. — Не считая естественных отклонений, народ собрался вполне здоровый. Но, думаю, не пройдет и пары минут...

Он взглянул на свои часы.

И тут кто-то врезал мне раскаленным докрасна молотком прямо по макушке.

Нас, Хогбенов, хоть целый день по башке молоти — ничего нам не сделается. Попробуйте — убедитесь. Коленки, правда, дрогнули, но через секунду я уже был в полном порядке и обернулся, чтобы посмотреть, кто же меня стукнул.

За спиной никого не оказалось. Но, боже, как мычала и стонала толпа! Обхватив головы руками, все они, отпихивая друг друга, рвались к грузовику. А тот приятель раздавал бутылки с такой скоростью, что только попевал хватать деньги.

Глаза у худенького полезли на лоб, как у селезня в грозу.

— О, моя голова! — стонал он. — Ну, что я вам говорил?! О, моя голова!

И он заковылял прочь, роясь в карманах.

У нас в семье я считаюсь тупоголовым, но провалиться мне на этом месте, если я тут же не сообразил, что дело не чисто! Я не простофиля, что бы там мамуля ни говорила. Я перевел взгляд на Пу-младшего. Тот стоял красный, как рак, не отрывая от толпы злобно сверкавших глазенок и дрожа от натуги.

«Колдовство, — подумал я совершенно спокойно. — Никогда бы не поверил, но это настоящее заклятье. Как это...»

Тут я вспомнил Лили Лу Матц. И то, как корил себя дядя Лем. И передо мной забрезжил свет.

Проталкиваясь сквозь обезумевшую толпу к дяде Лему, я решил, что больше помогать ему не буду; уж слишком мягкое у него сердце — и мозги тоже.

— Нет-нет, — твердил он. — Я этого не хотел. У меня и в мыслях ничего такого не было.

— Дядя Лем, — окликнул я.

От неожиданности он аж подпрыгнул.

— Сонк!

Дядя покраснел, позеленел, и вообще всячески выражал свое негодование, но я-то чувствовал, что ему полегчало.

— Сказано тебе было — не ходи за мной! — прохрипел он.

— Мамуля велела мне не спускать с тебя глаз, — ответил я. — Я пообещал, а мы, Хогбены, никогда не нарушаем обещаний. Что здесь творится, дядя Лем?

— Ах, Сонк, все идет хуже некуда! — запричитал Лемюэл. — Взгляни на меня — вот стою я, добрейшей души человек, а мне нет ни вздоха, ни продыха. Познакомься с мистером Эдом Пу, Сонк. Он меня хочет сгубить.

— Послушайте, Лем, — вмешался Эд Пу. — Вы же знаете, что это неправда. Я лишь хочу добиться того, что положено по праву. Рад познакомиться с вами, молодой человек. Еще один Хогбен, я полагаю. Может быть, вы могли бы уговорить вашего дядю...

— Простите, что перебиваю, мистер Пу, — сказал я по-настоящему вежливо, — но лучше объясните все по порядку. Я пока ничего не понимаю.

Он прокашлялся и важно выпятил грудь. Видать, любил он поговорить об этом. Должно быть, чувствовал себя важной персоной.

— Не знаю, были ль вы знакомы с моей незабвенной покойной женой... ах, Лили Лу Матц, — начал он. — Вот наше дитя, Младший. Прекрасный малый. Как жаль, что не было у нас еще восьмерых или десятерых таких же. — Он глубоко вздохнул. — Что ж, жизнь есть жизнь. Мечтал я рано жениться и украсить старость заботами детей... ибо я — последний из славной линии. И я не хочу, чтобы она оборвалась.

Тут Пу так взглянул на дядюшку Лема, что тот поежился.

— И не подумая, — все же петушился он. — Вы не сможете меня заставить.

— Посмотрим, — угрожающе проговорил Эд Пу. — Возможно, ваш юный родственник окажется благоразумнее. Должен предупредить, что я мало-помалу набираю силу в этом штате, и все будет так, как я скажу.

— Па, — квакнул вдруг Младший, — они вроде успокаиваются, па. Дай я им в этот раз двойную закачу, а, па? Спорим, что смогу уложить парочку? А, па?

Эд Пу собрался снова шлепнуть своего шалопаю, но вовремя передумал.

— Не перебивай старших, сынок, — сказал он. — Папочка занят. Умолкни и занимайся своим делом. — Он оглядел стонущую толпу. — Добавь-ка тем, у грузовика, чтоб поживее покупали. Но береги силы, Младший. У тебя неокрепший организм.

Он снова повернулся ко мне.

— Одаренный парень, — заметил он по-настоящему гордо. — Сам видишь. Унаследовал это от дорогой нашей усопшей мамочки, Лили Лу. Я уже говорил о ней. Да, так вот, хотел я жениться молодым, но как-то все дело до женитьбы не доходило, и довелось уже в расцвете сил. — Он выпятил грудь как глухарь на току. Я никогда не видал человека, который был бы столь высокого мнения о себе.

— Никак не мог найти женщину, которая посмотрела... то есть никак не мог найти подходящую пару до того дня, как повстречал Лили Лу Матц.

— Понимаю, — вежливо вставил я. Я и в самом деле понимал. Немало, должно быть, исколесил он в поисках той, которая согласилась бы взглянуть на него второй раз. Даже Лили Лу, несчастная душа, видать, долго думала, прежде чем сказать «да».

— Вот тут-то, — продолжал Эд Пу, — и замешан ваш дядюшка. Судя по всему он научил Лили Лу воровать.

— Не учил я! — возопил дядя Лем. — А если и так, откуда я знал, что она выйдет замуж и родит ребенка?! Кто мог подумать...

— Он научил ее воровать, — повысил голос Эд Пу. — Но призналась она мне в этом только год назад, лежа на смертном одре. Ух, и поколотил бы я ее за то, что держала меня в неведении все это время! Словом, Лемюзел обучил ее накладывать заклятья, и она передала этот дар по наследству своему мальчонке.

— Я хотел лишь защитить ее, — быстро вставил Лемюзел. — Ты же знаешь, что я не вру, Сонки, мальчик. Бедняжка Лили Лу была так страшна, что люди подчас кидали в нее чем попало, прежде чем успевали взять себя в руки. Нельзя винить их за это. Я сам частенько действую под влиянием минутного импульса.

Мне было так жаль бедняжку Лили Лу! Эх, Сонк, как долго я сдерживал добрые намерения! Но из-за своего золотого сердца я вечно попадаю в передраги. Однажды я так растрогался, что научил ее накладывать заклятья. Так поступил бы каждый, Сонк!

— Как ты это сделал? — Мне было действительно интересно. Кто знает, может пригодится когда. Я еще совсем молод. Мне многому предстоит научиться.

Он объяснял страшно туманно, но я сразу сообразил, что все устроил один его приятель по имени Ген Хромосом. А эти альфа-волны, про которые дядя распространялся, — так кто ж про них не знает? Да их каждый видел: ма-ахонькие такие волночки, мельтешащие над головами людей, когда те о чем-то думают. У дедули порой по шести сотен разных мыслей бегают — по узеньким таким извилинам, где мозги находятся. У меня аж в глазах рябит, когда он размыслится.

— Вот так, Сонк, — закрутился Лемюзел. — А этот змееныш получил все в наследство.

— А почему бы тебе не попросить этого друга, Гена Хромосома, перекроить Младшего на обычный лад? — спросил я. — Это же очень просто. Смотри-ка, дядя Лем.

Я сфокусировал на Младшем глаза, и сделал эдак... ну, знаете, так, когда вам надо заглянуть в кого-нибудь.

Ясное дело, я тут же понял, что имел в виду дядюшка Лем. Крошки-малышки лемовы приятели, цепочкой держащиеся друг за дружку, и тоненькие малюсенькие палочки, шныряющие в клетках, из которых сделаны все — кроме, может быть, Крошки Сэма, нашего младшенького.

— Дядя Лем, — сказал я, — чтобы дать Лили Лу способность накладывать заклятья, ты тогда засунул *вон те* палочки в цепочку *вот так*. Почему бы сейчас не сделать наоборот? Это же так просто.

Лемюэл укоризненно покачал головой.

— Дубина ты стоеросовая, Сонк. Ведь я же при этом убью его.

— И мир при этом станет чище, — вставил я.

— Что правда, то правда. Но мы же обещали дедуле — больше никаких убийств!

— Но дядя Лем! — не выдержал я. — Этот змееныш всю свою жизнь будет околдовывать людей!

— Дела обстоят даже хуже, ужас какой! Выходит, Сонк, — проговорил бедный Лемюэл, чуть не плача, — эту способность он передаст своим детям, так же, как Лили Лу передала свой дар ему.

Некоторое время я обдумывал столь мрачную перспективу для всей человеческой расы, а потом меня вдруг разобрал смех.

— Успокойся, дядя Лем. Не стоит волноваться. Взгляни на этого жабенка. Ни одна женщина к нему и на мило не подойдет. Он достойный сын своего папаша, да и про Лили Лу не следует забывать. Быть может, он станет ему уродливей, когда подрастет. Чтoб он женился?! Да ни за что!

— А вот тут ты ошибаешься, — взревел Эд Пу. Он весь прямо кипел. — Не думайте, что я ничего не слышал. И не думайте, что я забуду, как вы отзывались о моем ребенке. Это вам с рук не сойдет. Мы с ним далеко пойдем. Я уже член городского управления, а на той неделе откроется вакансия в сенате штата — если только один старый плешак не крепче, чем кажется. Я предупреждаю тебя, юный Хогбен, ты и твоя семейка ответит за оскорбления сполна!

— Никогда не видел, чтобы человек так бесился, услышав о себе одну лишь чистую правду, — сказал я. — Младший и *впрямь* урод каких свет ни выдывал.

— Нас, Пу, трудно понять, — возразил папаша. Слишком тонкие натуры, я полагаю. Но у нас есть своя честь. Я в лепешку разобьюсь, но не позволю оборваться фамильной линии. Вы слышите, Лемюэл?

Дядя Лем лишь плотно зажмурился и быстро закачал головой.

— Нет, — выдавил он, — я не соглашусь. — Никогда, никогда, никогда...

— Лемюэл, — с угрозой произнес Эд Пу. — Лемюэл, вы хотите, чтобы я спустил на вас Младшего?

— О, это бесполезно, — заверил я. — Разве вы не видели, что он пытался взять меня в оборот вместе с толпой? Ничего у вас не выйдет, мистер Пу. Нас, Хогбенов, заклятье не берет.

— Ну... — замялся он, не зная, что придумать, — хм-м... вы мягкосердечные, да? Пообещали своему дедуленьке, что никого не убьете? Лемюэл, откройте глаза и посмотрите на улицу. Видите симпатичную старушку с палочкой? Что вы скажете, если благодаря Младшему она сейчас откинёт копыта?!

Лемюэл еще крепче зажмурил глаза.

— А чего смотреть? Я не знаю ту милую старушку. Быть может, *это* для нее будет лучше, чем смерть от ревматизма.

— Хорошо, а как насчет вон той фигуристой дамочки с младенцем на руках. Взгляните-ка, Лемюэл. Ах, какой прелестный ребенок! Видите, какой у него очаровательный розовый бантик на чепчике? Младший, приготовься. Нашли для начала на них бубонную чуму. А потом...

— Дядя Лем, — неуверенно промолвил я, — не знаю, что скажет дедуля. Возможно...

Лемюэл внезапно выпучил глаза и безумным взглядом уставился на меня.

— Что же делать, если у меня сердце из чистого золота?! — воскликнул он. — Я — добрая душа, и все этим пользуются. Так вот — мне все это надоело. Меня довели до ручки. Пусть Эд Пу уничтожит хоть весь род людской. Мне теперь на все наплевать. Даже на то, что скажет дедуля, когда узнает, как я опростоволосился.

Дядя истерически хихикнул.

— Я умываю руки. Я больше не желаю ни о чем знать. Не суди меня строго, Сонк.

Тут он весь вытянулся, окостенел и рухнул ничком на асфальт, словно чугунная кочерга.

Глава 3. На мушке

Как я ни волновался, но улыбку сдержать все же не смог. Я-то понял, что Лемюэл просто заснул: он всегда так поступает, стоит лишь запахнуть жареным. Папуля, вроде, называет это коталесией, но коты и псы так крепко не спят.

Когда Лемюэл грохнулся на асфальт, Младший испустил вопль радости. Наверное решил, что это его заслуга. Не в силах просто стоять и смотреть на распростертого перед беспомощного человека, он подбежал к дядюшке Лему и от души пнул того ногой в ухо.

Ну, я уже говорил: мы, Хогбены, крепки головой. Младший взвизгнул и затанцевал на одной ноге, обхватив другую руками.

— И заколдую же я тебя! — завопил он Лемюэлу. — Ну я тебе... я тебе!..

Он набрал воздуха, побагровел и...

В воздухе будто сверкнула молния. Я был застигнут врасплох, хотя на заклинаниях собаку съел. Папуля потом пытался мне объяснить, что произошло, и понес какую-то ахинею о дезоксирибонуклеиновой кислоте, каппа-волнах и микровольтах. Надо знать папулю. Ему же лень рассказывать все на обычном языке, знай крадет эти дурацкие слова из чужих умов.

А на самом деле случилось вот что. Вся ярость этого гадёныша, припасенная для толпы, жахнула Лемюэла прямо, так сказать, в

темечко. Я о подобном заклятье в жизни не слышал. Но, как ни прискорбно, оно сработало...

Дядя Лем позеленел буквально на глазах. Тут же наступила гробовая тишина. Я удивленно огляделся и понял, что произошло. Стенания и плач прекратились. Люди прикладывались к своим бутылочкам, облегченно потирали лбы и слабо улыбались. Все колдовство Младшего ушло на Лемюзла, и головная боль исчезла без следа.

— Что здесь случилось? — раздался знакомый голос. — Этот человек потерял сознание? Почему вы не оказываете ему помощь? Эй, позвольте, я доктор...

Это был тот самый худенький добряк. Он тоже посасывал из бутылка, пробиваясь к нам сквозь толпу, но блокнот уже спрятал. Заметив Эда Пу, он вспыхнул.

— Это вы, олдермен* Пу? Как это получается, что вы вечно оказываетесь замешанным в странных делах? И что вы сделали с этим человеком? По-моему, на сей раз вы зашли слишком далеко.

— Ничего я ему не делал, — прогнусавил Эд Пу. — Пальцем его не тронул. И вообще, следите за своим языком, доктор Браун, а не то пожалееете. Я не последний человек в здешних краях.

— Вы только посмотрите! — вскричал доктор Браун, вглядываясь в Лемюзла. — Он умирает! Эй, кто-нибудь, вызовите скорую помощь, быстро!

Лемюзл снова менялся в цвете. Я знал, что происходит, и посмеивался про себя. В каждом из нас постоянно копошатся целые орды микробов, вирусов и прочих разных крошек. Заклятье Младшего страшно раззадорило всю эту ораву, и пришлось взяться за работу другой компании, которую папуля обзывает антителями. Они вовсе не такие хилые, как кажутся, просто очень бледные от рождения.

Когда в ваших внутренностях заваривается какая-нибудь каша, эти друзья сломя голову летят туда, на поле боя. И такие там драки разгораются — вам и привидеться не может!

Наши, хогбеновские, крошки кого хочешь одолеют. Они так яро набросились на врага, что Лемюзл прошел все цвета, от зеленого до бордового, а большие желтые и синие пятна показывали на очаги сражений. Лемюзлу хоть бы хны, но видок у него был — только держись!

Худенький доктор присел и пощупал пульс.

— Итак, вы своего добились, — произнес он, подняв глаза на Эда Пу. — Не знаю, как вы это провернули, но у бедняги, похоже, бубонная чума. Теперь вы с вашей обезьяной легким испугом не отделяетесь.

Эд Пу только рассмеялся. Но я видел, как он бесится.

— Не беспокойтесь обо мне, доктор Браун, — процедил он. — Когда я стану губернатором — а мои планы всегда сбываются, — ваша любимая больница, которой вы так гордитесь, не получит ни

* Олдермен — член городского управления.

гроша из федеральных денег! Хорошенькое дельце! Нечего валяться без толку, проедая народные денежки, коли жив — вставай и иди! Вот что я вам скажу. Мы, Пу, никогда не бодем. Я найду лучшее применение деньгам в своем штате!

— Где же скорая помощь? — как ни в чем не бывало, поинтересовался доктор.

— Если вы имеете в виду большую длинную машину, производящую много шума, — ответил я, — то она в трех милях отсюда, но быстро приближается. Только дяде Лему не нужна никакая помощь. Это у него просто приступ. Чепуха.

— Боже всемогущий! — воскликнул док, глядя вниз на дядю Лема. — Вы хотите сказать, что с ним *такое* случилось раньше, и он выжил?! — Тогда он посмотрел вверх на меня и неожиданно улыбнулся. — А, понимаю, боитесь больницы? Не волнуйтесь, мы не сделаем ему ничего плохого.

Док оказался умным малым. Я и впрямь малость приврал, потому что больница — не место для Хогбена. Да и люди там работают чертовски любопытные. Надо что-то предпринимать.

«Дядя Лем! — заорал я, только про себя, а не вслух. — Дядя Лем, быстро проснись! Дедуля спустит с тебя шкуру и приколотит ее к двери сарая, если ты позволишь увезти себя в больницу! Или ты хочешь, чтобы у тебя нашли второе сердце?! Или то, как скрепляются у тебя кости? А как у тебя устроена глотка, ты забыл?! Дядя Лем! Вставай!!»

Напрасно... он и ухом не повел.

Вот тогда я по-настоящему испугался. Лемюэл впутал меня в историю. Понятия не имею, как тут быть. Я в конце концов еще совсем молодой. Стыдно сказать, но раньше Великого пожара в Лондоне, когда королем был Чарльз II и все носили длинные патлы, спадающие на плечи, ничего не помню.

— Мистер Пу, — заявил я, — вы должны отозвать Младшего. Нельзя допустить, чтобы дядю Лема уехали в больницу.

— Давай, Младший, вливай дальше, — сказал Эд Пу, гнусно ухмыляясь. — Мне надо потолковать с юным Хогбеном.

Желтые и синие пятна на Лемюэле позеленели по краям. Доктор аж рот раскрыл, а Эд Пу ухватил меня за руку и отвел в сторону. Когда мы отошли достаточно далеко, он вперил в меня злобный взгляд своих крохотных глазок и прошипел:

— По-моему, ты понял, чего мне надо, Хогбен. Я знаю, что это тебе под силу, поскольку Лем ни разу не сказал, что он *не может*, а только орал, что мне его не заставить.

— Что же вы все-таки хотите от меня, мистер Пу? — спросил я.

— Ты и сам прекрасно знаешь. Я хочу, чтобы Пу были всегда. Я хочу быть уверен, что мой род не вымрет. У меня у самого была масса хлопот с женитьбой, и сынуле моему будет не легче. У женщин в наши дни совсем нет вкуса. После кончины бедняжки Лили Лу на всем белом свете не найдется женщины настолько уродливой, чтобы согласиться выйти замуж за Пу, и боюсь, если не принять меры, младшему суждено стать последним представителем славного рода. Учитывая его таланты,

я просто не могу этого допустить. Сделай так, чтобы наш род продолжался, и я заставлю Младшего снять заклятье с Лемюэла.

— Но если не вымрет ваша семья, — возразил я, — тогда вымрут все остальные, как только наберется достаточно Пу.

— Ну и что? — усмехнулся Эд Пу. — И мы не лыком шиты. — Он поиграл бицепсом. — Не беда, если такие славные люди заселят Землю. И ты нам в этом поможешь, юный Хогбен!

— О, нет, — забормотал я. — Нет! Даже если бы я знал как...

Из-за угла раздался страшный вой, и толпа расступилась, давая дорогу машине. Из нее выскочила пара типов в белых халатах с какой-то койкой на палках. Доктор Браун с облегчением поднялся.

— Я уж думал, вы никогда не приедете, — сказал он. — Этого человека необходимо поместить в карантин. Одному богу известно, что мы обнаружим, начав его обследовать. Дайте-ка мне стетоскоп. У него что-то не то с сердцем...

Скажу вам прямо, у меня душа в пятки ушла. Мы пропали — все мы, Хогбены. Как только эти доктора и ученые про нас пронюхают — не будет нам ни житься, ни покоя до скончания нашего века!

А Эд Пу смотрит на меня с гнусной усмешкой.

— Беспокоишься, — говорит он. — И не зря. Знаю я вас, Хогбенов. Все вы колдуны. А попадет он в больницу?.. Нет такого закона, чтоб колдуном быть. Тебе на раздумье меньше минуты, юный Хогбен. Ну, что скажешь?

А что я мог сказать? Ведь не мог я пообещать выполнить его просьбу, правда? У нас, Хогбенов, есть кое-какие важные планы на будущее, когда все люди станут такими же, как мы. Но если к тому времени на Земле будут одни Пу, то и жить не стоит. Я не мог сказать «да».

Но я не мог сказать и «нет». Ибо тогда не видать мне дядюшки Лема, как своих ушей. Как ни верти, дело, похоже, плохо.

Оставалось только одно. Я вздохнул поглубже, закрыл глаза и отчаянно закричал — внутри головы.

«Деду-ля!!!» — звал я.

«Да, мой мальчик?» — отозвался глубокий голос у меня внутри, словно дедуля только и ждал, когда его позовут. Хотя на самом деле он был в доброй сотне миль от меня и спал. Но когда Хогбен зовет *так*, он имеет полное право получить ответ, причем быстро. И я его получил.

Вообще-то дедуля имеет обыкновение битых полчаса задавать пространные вопросы и, не слушая ответов, читать длиннющие морали на разных мертвых языках, типа санскрита. Но тут он сразу понял, что дело нешуточное. Только-то и сказал: «Да, мой мальчик?»

Времени почти не оставалось, и я просто широко распахнул перед ним свой мозг. Док уже вытаскивал какую-то штукину, чтобы прослушать дядю Лема, а стоит ему услышать бьющиеся вразнобой сердца, как всем нам, Хогбенам, конец.

— Если ты только не позволишь мне прикончить их, — добавил я, через пару секунд, ибо дедуле достаточно мига, чтобы досконально разобратся в ситуации.

Молчание тянулось ужасно долго. Док вставлял в уши маленькие черные трубочки. Эд Пу пожирал меня глазами, как коршун. Младший багровел и надувался все больше, постреливая злыми глазками в поисках новой жертвы. В глубине души я надеялся, что он напустится на меня. Я брошу Младшему его же заклятье прямо в лицо и, кто знает, может это убьет маленькую гориллу.

Дедуля вздохнул у меня в голове.

«Мы у них в руках, Сонк. — Я даже удивился, что дедуля может выражаться на обычном языке, если захочет. — Скажи, что мы согласны.»

«Но, дедуля...»

«Делай, как я велел! — У меня аж в голове все зашумело, так твердо он приказал. — Быстро, Сонк! Скажи Пу, что мы принимаем его условия.»

Я не посмел послушаться. Но впервые усомнился в правоте дедули. Возможно, Хогбены тоже в один прекрасный день выживают из ума, и дедуля подошел к этому возрасту.

Я послал ответную мысль:

«Хорошо, я стисну зубы, но сделаю все так как ты хочешь. Похоже, они и дальше будут давить на нас, а мы лишь сможем следить за тем, чтобы бурлящая в Младшем зараза не слишком расплескивалась по миру.»

Но вслух я сказал:

— Хорошо, мистер Пу, ваша взяла. Снимайте заклятье. Живо, пока еще не поздно.

Глава 4. Пу грядут!

У мистера Пу был длинный желтый автомобиль с открытым верхом. Он ездил ужасно быстро. И ужасно шумно. Я почти уверен, что мы переехали по пути какого-то маленького мальчика, но мистер Пу даже не обернулся, а я не осмелился открыть рот. Правду дедуля сказал, Пу и впрямь взяли нас за горло.

Господи, сколько я с ними возился, уговаривая поехать к нам. Так велел дедуля.

— Откуда мне знать, что вы не прикончите нас в вашей дикой глуши? — волновался мистер Пу.

— Я могу прикончить вас, где захочу, — успокоил я. — И прикончил бы, да дедуля запретил. Вы в безопасности, мистер Пу. Слово Хогбена никогда не нарушалось.

Он скрепя сердце согласился, главным образом потому, что я сказал, будто Хогбены могут «ворожить» лишь у себя дома, в родной долине. Дядю Лема после долгих споров с доктором погрузили в багажник. Этот упрямец так и не проснулся, когда Младший снял с него заклятье, но кожа его мгновенно порозовела. Доктор никак не мог поверить, хотя все произошло у него на глазах. Мистеру Пу пришлось чертовски долго ругаться и угрожать, прежде чем мы уехали. А доктор так и остался сидеть на мостовой, что-то бормоча и ошарашенно потирая лоб.

Я чувствовал, что дедуля все время, пока мы ехали, изучает Пу через мой мозг. Казалось, он то и дело вздыхает и трясет головой, размышляя над проблемами, которые выше моего понимания.

Когда мы подъехали к дому, вокруг не было ни души. Я слышал, как ворчит и ворочается дедуля в своем мешке на чердаке, а папуля сделался невидимым и даже не отозвался, до того был пьян. Малыш спал. Мамуля все еще была в церкви, и дедуля велел ее не трогать.

«Мы управимся вдвоем, Сонк, — сказал он, как только я вылез из машины. — Я тут пораскинул мозгами. Ну-ка, тащи те сани, на которых ты нынче молоко сквашивал!»

Я сразу понял, что он имеет в виду.

— О нет, дедуля! — выпалил я вслух.

— С кем это ты болтаешь? — подозрительно спросил Эд Пу, выбираясь из машины. — Я никого не вижу. Это твой дом? Порядочное дерьмо. Не отходи от меня ни на шаг, Младший. Этому народу доверять нельзя.

«Бери сани! — прикрикнул дедуля. — Я все продумал. Зашвырнем этих горилл подальше, туда, где им место.»

«Но дедуля, — взвыл я, только теперь про себя. — Надо же все обсудить. Давай посоветуемся с мамулей. Да и папуля, когда трезв, неплохо соображает. Может подождем, пока он очухается? Мне кажется, что и Крошку нельзя сбрасывать со счетов. Я не думаю, что закинуть их в прошлое — это лучший выход из положения.»

«Крошка спит, — возразил дедуля. — Оставь его в покое.»

Больше всего меня беспокоило, что дедуля говорит на обычном языке, чего в нормальном состоянии никогда с ним не случалось. Я подумал, что, может быть, годы берут свое, и дедуля повредился головой.

«Неужели ты не видишь, — продолжал я, стараясь говорить спокойно, — если мы забросим их сквозь время и выполним обещание, все будет в миллион раз хуже. Или мы их обманем?»

«Сонк!»

«Знаю. Если мы обещали, что род Пу не исчезнет, то уж будь спок. Они будут размножаться с каждым поколением. Через пять секунд после того, как мы зашвырнем их в прошлое, мои глаза соберутся в кучку, а лицо заплывет жиром как у Младшего — весь мир превратится в Пу!»

«Умолкни, жалкий нечестивец! — взревел дедуля. — Делай, что велено, неслук!»

Я почувствовал себя немного лучше и вытащил сани. Мистер Пу по этому поводу затеял перебранку.

— Сызмальства не ездил на санях, — сварливо сказал он. — Чего это вдруг? Здесь что-то не так. Нет, не пойдет.

Младший попытался меня укусить.

— Мистер Пу, — заявил я. — Делайте, что я скажу, иначе у вас ничего не получится. Садитесь. Младший, здесь и для тебя есть местечко. Вот так.

В глубине души я все же сомневался, что дедуля сморозит такую глупость. Поэтому я взял себя в руки и старался не выдавать своих чувств.

— А где твой старикашка? — засомневался вдруг Пу. — Ты ведь не собираешься все делать сам? Такой неотесанный чурбан... Мне это не нравится. А если ты ошибешься?

— Мы дали слово, — напомнил я ему. — А теперь сидите тихо и не отвлекайте меня. Может быть, вы уже не желаете продолжения рода Пу?

— Да-да, вы обещали, — бормотал он, устраиваясь поудобнее, — а теперь выполняйте...

«Ну хорошо, Сонк, — произнес дедуля с чердака. — Смотри и учись. Сфокусируй глаза и выбери ген. Любой ген».

Хоть и чувствовал я себя не в своей тарелке, а все ж меня любопытство заело. Уж коли за дело берется дедуля...

Так вот, значит, там было полным-полно страшно малюсеньких закорючек — генов. Они прямо неразлучны со своими жутко худыми дружками — хромосомами. Куда бы вы ни взглянули, всюду увидите эту парочку — если, конечно, прищурите глаза, как я.

«Достаточно хорошей дозы ультрафиолета, — пробормотал дедуля. — Сонк, ты ближе.»

Я сказал: «Хорошо», — и как бы повернул свет, падающий на Пу сквозь листья. Ультрафиолет — это на другом конце спектра, где цвета не имеют названий для большинства людей.

«Спасибо, сынок, — сказал дедуля. — Посвети на них пару минут.»

Гены начали шевелиться в такт световым волнам. Младший проквакал:

— Па, мне щекотно.

— Заткнись, — буркнул Эд Пу.

Дедуля что-то бормотал себе под нос. Готов биться об заклад, что такие мудреные слова он стащил из головы прохвессора, которого мы держим в бутылке. А впрочем, кто знает моего дедулю. Может, он первый их и придумал.

«Наследственность, мутации... — бурчал он. — Гм-м. Примерно шесть взрывов гетерозиготной активности... Готово, Сонк, хватит.»

Я развернул ультрафиолет назад.

«Год Первый, дедуля?» — спросил я, все еще сомневаясь.

«Или что-то около того, — изрек дедуля. — И более не медли, отрок.»

Я нагнулся и дал им необходимый толчок.

Последнее, что я услышал, был крик мистера Пу.

— Что ты делаешь? — свирепо орал он. — Что ты задумал? Смотри мне, юный Хогбен... что это? Хогбен, предупреждаю, если это какой-то фокус, я напущу на тебя Младшего! Я наложу такое заклятье, что даже ты-ы-ы...

Вой перешел в писк, не громче комариного, все тише, все тоньше, и исчез.

Я весь напрягся, готовый, если смогу, не допустить своего превращения в Пу. Эти гены, конечно, крохотные — но палец им в рот не клади!

Ясно, что дедуля совершил кошмарную ошибку. Знать не знаю, сколько лет назад был Год Первый, но времени с тех пор прошло предостаточно, чтобы Пу заселили всю планету. Я приставил два пальца к глазам, чтобы растянуть их, когда они начнут выпучиваться и сближаться, как у Пу...

«Ты еще не Пу, сынок, — произнес дедуля, посмеиваясь. — Видишь их?»

«Не-а, — ответил я. — А что там происходит?»

«Сани замедляют ход... Остановились. Да, это Год Первый. Взгляни на этих мужчин и женщин, высыпавших из своих пещер, чтобы приветствовать новых товарищей. Ой-ой-ой, какие широкие плечи у этих мужчин... Пошире, чем у папаши Пу. Ох! Только посмотри на женщин. Да Младший просто красавчиком среди них ходить будет! За такого любая пойдет.»

«Но, дедуля, это же ужасно!» — воскликнул я.

«Не перебивай старших, Сонк, — закудахтал дедуля. — А вот Младший пускает в ход свои способности. Какой-то ребенок схватился за голову. Мать ребенка посылает Младшего в нокдаун. А теперь папаша взялся за Пу-старшего. О-го-го, какая схватка!.. Да, о семействе Пу позаботятся!»

«А как насчет нашего семейства? — взмолился я, чуть не плача.»

«Не беспокойся. О нем позаботится время. Подожди... Гм-м. Поколение — вовсе не так много, когда знаешь, как смотреть. Ай-ай-ай, что за мерзкие уродины, эти десять отпрысков Пу! Почище своего папули. Хотел бы я, чтобы Лили Лу Матц могла взглянуть на своих внучков. А вот каждый из них вырастает, обзаводится семьей и, в свою очередь, имеет десять детей. Приятно видеть, как выполняется мое обещание, Сонк.»

Я лишь простонал.

«Ну, хорошо, — решил дедуля, — давай перепрыгнем через пару столетий. Да, они здесь и усиленно размножаются. Семейное сходство превосходное! Еще тысячу лет. Древняя Греция! Нисколько не изменились! Помнишь, я говорил, что Лили Лу напоминает мою давешнюю приятельницу по имени Горгона? Не удивительно! Хотел бы я, чтобы ты имел возможность полюбоваться на пра-правнуков Лили Лу! Хотя, если пораскинуть мозгами, лучше не стоит.»

Он молчал минуты три, а потом рассмеялся.

«Бах! Первый гетерозиготный взрыв. Начались изменения.»

«Какие изменения, дедуля?» — упавшим голосом спросил я.

«Изменения, доказывающие, что твой старый дедушка не такой уж осел, как ты думал. Я знаю, что делаю. Смотри, какие мутации претерпевают эти маленькие гены!»

«Так, значит, я не превращусь в Пу? — обрадовался я. — Но, дедуля, мы обещали, что их род продлится.»

«Я сдержу свое слово, — с достоинством молвил дедуля. — Гены сохраняют их фамильные черты точь в точь. Вплоть... — Тут он рассмеялся. — Отбывая в Год Первый, они собирались наложить на тебя заклятье. Готовься».

«О, боже! — воскликнул я. — Их же будет миллион, когда они попадут сюда. Дедуля! Что мне делать?»

«Держись, Сонк, — без сочувствия ответил дедуля. — Миллион, говоришь? Что ты, гораздо больше!»

«Сколько же?» — спросил я.

Он начал говорить. Вы можете не поверить, но он *до сих пор говорит*. Вот их сколько!

С ними приключилось примерно то же, что и с семейкой Юков, что живут к югу от нас: недостатки родителей наиболее ярко проявляются в их детях. Всему виной старик Ген Хромосом и его родственнички. Пу остались Пу и сохранили способность наводить порчу. Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что они в конце концов завоевали весь мир.

Но могло быть и хуже. Пу могли сохранить свой рост. А они становились все меньше, и меньше, и меньше. Гены Пу получили такую взбучку от гетерозиготных взрывов, подстроенных дедулей, что вконец спятили и думать позабыли о размере. Этих Пу можно назвать вирусами — что-то вроде гена, только порезвее. Но Господь свидетель, они похожи на настоящие гены не больше, чем сыновья Юка на Джорджа Вашингтона!

И тут они до меня добрались.

Я чихнул и услышал, как чихнул сквозь сон дядя Лем, лежащий в багажнике желтой машины. Дедуля все бубнил, сколько Пу взялось за меня в эту минуту, и обращаться к нему было бесполезно. Я по-особому прищурил глаза и посмотрел прямо в свой чих, чтобы узнать, что меня щекотало...

Вы никогда в жизни не видели столько Пу! Да, это настоящая порча. По всему свету эти Пу насылают порчу на людей, на всех, до кого только могут добраться. И они будут делать это до конца времен, ибо дедуля сдержал свое обещание.

Говорят, что некоторые вирусы даже в микроскоп нельзя рассмотреть. Представляю, как переполошатся все эти прохвессора, когда наконец увидят крошечных злобных дьяволов, уродливых, как смертный грех, с близко посаженными выпученными глазами, что накладывают заклятья на всех, кто окажется поблизости.

Дедуля с Геном Хромосомом все устроили наилучшим образом. Так что Младший Пу уже не сидит, если можно так выразиться, занозой в шее.

Хотя, по правде сказать, от него страшно дерет горло.

Темный Мир

© Henry Kuttner. **The Dark World**. Ace, New York, 1965.

1. Огонь в ночи

На севере жидкий дымок столбом поднимался в темнеющее небо. И я вновь испытал внезапный прилив страха, мне снова захотелось куда-то бежать без оглядки под покровом ночи. Подобное желание с недавних пор постоянно преследовало меня, хотя на то не было видимых причин. Это был всего лишь дымок, что поднимался из непроходимых болот района Лимберлост, что раскинулся не более чем в пятидесяти милях от Чикаго, где суеверия давно уже отступили перед монолитными конструкциями из стали и бетона.

Я знал, что это был обычный костер — и в то же время я понимал, что это не так. Что-то в глубине моего существа сознавало, откуда взялся этот дымок и кто стоит рядом с костром, глядя в мою сторону сквозь деревья.

Я отвернулся. Мой взгляд скользнул по стенам, где теснились полки, набитые добычей моего дяди-коллекционера: своей страстью к собирательству он иногда напоминал мне сороку. Там были инкрустированные серебром трубки для курения опиума, позолоченные шахматные фигурки из Индии, меч...

Давние воспоминания шевельнулись во мне — и давний ужас. В два прыжка я оказался рядом с мечом и сорвал его со стены, крепко стиснув рукоять. Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, я подошел к окну и вновь уставился на далекий дымок. В моей руке был меч, но почему-то это не прибавляло мне уверенности. С этим мечом что-то было не так.

— Полегче, Эд, — раздался низкий голос дяди за моей спиной. — В чем дело? Ты выглядишь немного... дико.

— Это не тот меч, — услышал я собственный полный отчаяния голос.

Внезапно в моей голове прояснилось. Я растерянно заморгал, тупо глядя на дядю и гадая, что со мной происходит.

Казалось, кто-то отвечает ему вместо меня:

— Это не тот меч. Этот клинок, должно быть, привезен из Камбоджи. Он — один из трех талисманов Повелителя Огня и Воды. Главных талисманов три: плод дерева Куи, сорванный в сезон дождей, но сохранивший свежесть; вечно цветущая пальма и меч духа-хранителя Янь*.

Мой дядя уставился на меня, попыхивая трубкой.

— Ты изменился, Эд, — сказал он своим низким, мягким голосом. — Ты здорово изменился. Я думаю, из-за войны — этого следовало ожидать. Вдобавок, ты был болен. Но раньше ты никогда не

* Янь — один из двух главных символов, космических начал в даосизме. Янь символизирует мужское начало и день, Инь — женское начало и ночь.

интересовался подобными вещами. Мне кажется, ты слишком много времени проводишь в библиотеках. Я надеялся, что отпуск пойдет тебе на пользу. Отдых...

— Я не желаю отдыхать! — с яростью воскликнул я. — Я полтора года прозагорал на Суматре. Только и делал, что сидел в этой вонючей деревушке в джунглях и все ждал, ждал, ждал...

Она стояла у меня перед глазами, я чувствовал ее запах. Я вновь ощущал лихорадочную дрожь, что сотрясала мое тело, когда я лежал в запретной хижине.

Воспоминания вернули меня на восемнадцать месяцев назад, к тем временам, когда все еще шло своим чередом. Вторая мировая война близилась к завершению. Я летел над джунглями Суматры. В войне, конечно, нет ничего естественного и нормального, но до той ослепительной вспышки в воздухе я был вполне обычным человеком, уверенным в себе и своем месте в мире, который не гонялся за постоянно ускользающими обрывками воспоминаний.

Внезапно все вокруг погрузилось во тьму. Я так никогда и не узнал, что собственно произошло. При крушении самолета я отделался на удивление легко — несколькими пустяковыми царапинами. Но несмотря на то, что я остался цел и невредим, на меня опустились слепота и беспамятство.

Дружественные батаки нашли меня среди обломков самолета. Они исцелили меня от жара и приступов лихорадки своими странными, примитивными, но эффективными средствами. Но порою мне казалось, что они оказали мне дурную услугу, когда вырвали меня из лап смерти. И у их шамана тоже зародились сомнения.

Он что-то знал. Он проделывал загадочные, бессмысленные манипуляции с веревкой с узелками и горстью риса, обливаясь потом от напряжения, причин которого я тогда не понимал. Я помню разрисованную уродливую маску, нависавшую надо мной из глубокой тени, движения его рук, от которых исходила странная сила.

— Вернись, о душа, где бы ты ни скиталась: в лесах, в горах или у реки. Смотри, я вызываю тебя *тоэмба брас*, яйцом птицы Раджи и одиннадцатью целебными листьями...

Да, сперва все они жалели меня, но шаман был первым, кто почувствовал неладное, и ко мне начали относиться настороженно. Я чувствовал, как эта настороженность неуклонно растет, как меняется отношение ко мне. Они боялись. Не меня, я в этом уверен, но чего?

Перед тем, как прилетел вертолет, чтобы вернуть меня в цивилизованный мир, шаман кое-что рассказал мне. Ровно столько, сколько осмелился.

— Ты должен прятаться, сын мой. Всю свою жизнь ты должен прятаться. Что-то ищет тебя...

Он произнес слово, которого я не понял.

— Оно пришло из Иного Мира, из царства духов, чтобы выследить тебя. Помни, все магические предметы должны быть для тебя табу — ты не должен касаться их. А если и это не поможет, то, может

быть, тебе удастся сразиться с ним с помощью колдовства. Но мы не можем помочь тебе. Мы недостаточно могущественны для этого.

Он был рад, когда я улетел. Они все были рады.

После этого я не находил себе места: что-то кардинально изменило меня. Лихорадка? Возможно. По крайней мере, я не чувствовал себя тем же самым человеком, каким был когда-то. Сны, воспоминания — что-то жгло меня, преследовало, как будто где-то когда-то я оставил какую-то крайне важную работу незаконченной...

Постепенно я понял, что свободнее всего могу говорить об этом со своим дядей.

— В моей голове прояснилось. Как будто спала некая пелена. Я многие вещи стал воспринимать более отчетливо, словно увидев их в ином ракурсе. То, что происходит со мной сейчас, раньше показалось бы мне чем-то совершенно невероятным. А я воспринимаю это как должное.

Ты ведь знаешь, я много путешествовал. Это не помогло. Постоянно что-то тревожит меня: амулет в окне лавки старьевщика; шнурок с узелками; опал цвета кошачьего глаза и две фигуры. Я постоянно вижу их во сне. А однажды...

Я замолчал.

— Что? — мягко подтолкнул меня дядя.

— Это случилось в Новом Орлеане. Однажды ночью я проснулся: со мной рядом в комнате кто-то был. Совсем близко. У меня под подушкой лежал пистолет. Особый пистолет. Когда я схватил его, зверь... назовем его собакой... — выпрыгнул из окна. Только он не слишком был похож на собаку.

Я помолчал и добавил:

— В пистолете были серебряные пули.

Мой дядя молчал долго. Я знал, о чем он думает.

— А другая фигура? — наконец спросил он.

— Не знаю. На ее голову всегда накинута капюшон. Она кажется мне очень старой. И кроме этих двух...

— Что?

— Голос. Очень нежный, завораживающий голос. Огонь. И за языками пламени — лицо, которое мне ни разу не удавалось толком разглядеть.

Дядя кивнул. В комнате становилось темно, я с трудом различал черты его лица, а дым снаружи растворился в сумраке ночи... Но слабое мерцание все еще виднелось среди деревьев... Или у меня просто разыгралось воображение?

Я кивнул головой в сторону окна.

— Я видел этот огонь и раньше, — сказал я дяде.

— Что в этом странного? Туристы всегда разводят костры.

— Нет. Это — Огонь Нужды.

— Это еще что такое?

— Это ритуал, — сказал я. — Как костры в ночь на Ивана Купалу. Как костры кельтов. Но Огонь Нужды зажигают только во время бедствия. Это очень старый обычай.

Дядя отложил свою трубку и наклонился вперед.

— В чем дело, Эд? Ты хоть сам понимаешь, что несешь?

— Я думаю, что с точки зрения психиатрии это можно назвать комплексом преследования, — медленно ответил я. — Я... верю в то, что раньше не принимал всерьез. Мне кажется, что кто-то пытается разыскать меня, что он меня уже нашел. И зовет. Кто это, я не знаю. Чего от меня хотят, я тоже не знаю. Но некоторое время назад я обнаружил еще одну вещь — этот меч.

Я взял меч со стола.

— Это не тот меч, что мне нужен, — продолжал я. — Но иногда, когда мой разум... блуждает в потемках, что-то проникает в него извне. Например, желание иметь меч. И не просто меч — один-единственный, тот самый... Я не знаю, как он выглядит. Но я сразу бы узнал его, если бы взял в руки.

Я слегка усмехнулся.

— И если бы я вытащил его из ножен хоть на дюйм, я сумел бы погасить этот костер с той же легкостью, как пламя свечи. А если бы я обнажил его полностью... то всему миру пришел бы конец!

Дядя кивнул и, помолчав мгновенье, спросил:

— А врачи — они что говорят?

— Я знаю, что они *сказали бы*, если бы я обратился к ним, — угрюмо ответил я. — Полное сумасшествие. Если бы я в том сам был уверен, мне было бы легче. Ты слышал, что прошлой ночью была убита собака?

— Конечно. Старый Герцог. Его, видно, загрызла собака с соседней фермы.

— Или волк. Тот самый волк, который проник ко мне в комнату прошлой ночью и стоял надо мной, как человек, и срезал прядь моих волос.

За окном что-то сверкнуло и вновь скрылось во тьме. Огонь Нужды.

Дядя поднялся со своего места и стоя глядел на меня в сумерках. Он положил свою большую руку мне на плечо.

— Думаю, что ты болен, Эд.

— Ты думаешь, что я спятил. Что ж, может быть и так. Но у меня предчувствие, что скоро я обо всем узнаю — так или иначе.

Я взял меч в ножнах и положил его себе на колени. Мы просидели, не проронив ни слова, кажется, целую вечность.

В лесу на севере неумолимо пылал Огонь Нужды. Я не мог его видеть. Но его пламя кипело в моей крови — угрожающе и зловеще.

2. Зов ведьмы в алом

Я никак не мог уснуть. Духота летнего вечера накрыла меня, словно шерстяное одеяло. В конце концов я не выдержал, встал и отправился в гостиную, безуспешно пытаюсь отыскать сигареты. Из открытой двери до меня донесся голос дяди:

— Все в порядке, Эд?

— Да. Не могу заснуть. Может быть, почитаю.

Я взял первую попавшуюся книгу, откинулся в удобном кресле и зажег настольную лампу. Стояла гробовая тишина. Я не слышал даже отдаленного плеска волн о берега озера.

Мне чего-то не хватало...

Руки бывалого стрелка в трудную минуту всегда будут искать гладкую металлическую или деревянную поверхность ружья. Точно так же и моей руке хотелось почувствовать нечто, что не было ни ружьем, ни мечом. Я не мог вспомнить, что это было за оружие — то, которым я некогда пользовался. Мой взгляд упал на кочергу, лежавшую у камина, и я было решил, что это то, что нужно. Но ощущение узнавания длилось лишь миг и сразу прошло.

Книга оказалась дешевым романом. Я быстро перелистывал страницы. Слабый, неясный зов в моей крови не исчезал, а напротив, нарастал, поднимаясь из глубин подсознания. Непонятное возбуждение, казалось, разгоралось в моей душе.

Скривившись, я поднялся и поставил книгу на место. На мгновение я остановился перед полкой, пробегаая взглядом по корешкам. Повинуясь внезапному порыву, я вытащил том, в который не заглядывал уже много лет — Ветхий Завет. Он сам открылся в моих руках. В глаза мне бросилась строчка:

«И я пришел, и чудовища окружили меня».

Я поставил книгу на место и вернулся в кресло. Читать настроения не было. Свет настольной лампы раздражал меня, и я нажал на выключатель. Тут же лунный свет залил комнату, и странное чувство ожидания нахлынуло на меня с удвоенной силой, как будто я переступил... некий барьер.

Вложенный в ножны клинок по-прежнему лежал на подоконнике. Я посмотрел вверх него на затянутое легкими облаками небо, где сияла золотистая луна. Где-то вдалеке виднелось слабое мерцание — Огонь Нужды все еще горел на болотах.

И он звал.

Золотистый квадрат окна притягивал с гипнотической силой. Я откинулся на спинку кресла, полускрыв глаза, и чувство опасности холодом обдало мой мозг. Мне уже несколько раз приходилось слышать этот обращенный ко мне зов, но я всегда находил в себе силы сопротивляться.

На этот раз я заволновался.

Прядь волос, срезанная с моей головы — не придала ли она моим врагам новые силы? Суеверие. Логика именovala это суеверием, но глубокое внутреннее убеждение уверяло меня, что древние поверья, связанные с волосами — не просто болтовня. С тех пор, как я побывал на Суматре, я порядком растерял былой скептицизм. И, кроме того, с тех пор я многому научился.

Странные это были занятия, начиная от белой магии и кончая языческими сказаниями об оборотнях и демонах. Но я постигал все удивительно быстро. Как будто я лишь освежал в памяти то, что когда-то знал на зубок. В действительности меня занимала лишь одна вещь — и, что бы я ни читал, мне непременно попадались ссылки на нее.

Этим нечто была некая сила, существо, известная из фольклора под столь знакомыми именами — Дьявол, Люцифер, Сатана, и именами, мне прежде неизвестными: Кутчи — в австралийских пустынях, Тунья — у эскимосов, Абонсам — в Африке и Стратели — в Швейцарии...

Я не занимался изучением дьявола — но у меня и не было в этом нужды. Мне все время снился один сон, который не мог быть навеян ничем иным, кроме темной силы, олицетворявшей зло. Я стоял перед золотистым квадратом света; жутко напуганный и в то же время страстно стремившийся к некому перевоплощению. И глубоко внутри светившегося квадрата начиналось какое-то движение. Я знал, что следует сделать некие ритуальные жесты, прежде чем все начнется, но мне было трудно стряхнуть сковавшее меня оцепенение.

Наполненное лунным светом окно передо мной напоминало тот квадрат, но все же не в точности.

Ведь сейчас меня не сковывал тот леденящий ужас. Напев, который я слышал, скорее был мягким, успокаивающим, как женский убаюкивающий голос.

Золотистый квадрат задрожал, затуманился, и тоненькие лучики света блеснули перед моими глазами. Тихий напев завораживал, лишал сил.

Золотистые пальчики-лучики забегали взад-вперед, словно в неопределенности. Они дотронулись до лампы, стола, ковра и отступили. Потом они коснулись меня.

И сразу стремительно рванулись вперед! Я даже не успел толком испугаться, а они уже обхватили меня, как золотые ладони сна. Напев стал громче, и что-то во мне отвечало ему.

Так кожа, содранная с сатира Марсия*, трепетала при звуках его родных фригийских мелодий! Я знал этот напев. Я знал это... заклинание!

* Согласно преданию, сатир Марсий, родом из Фригии, достиг в игре на флейте необычайного мастерства и, возгордась, вызвал на состязание самого Аполлона. Дерзкое соперничество закончилось тем, что Аполлон, играя на кифаре, не только победил Марсия, но и ободрал с несчастного кожу. Кожа эта, гласит предание, висит во Фригии, в Келенах, у истоков реки Меандр; при звуках флейты кожа начинает шевелиться, но недвижима при звуках песен в честь Аполлона.

В золотистом свете растворяющегося окна мелькнула тень — нечеловеческая, с янтарными глазами и вздыбленной шерстью — тень волка.

Он помедлил, вопросительно оглянувшись через плечо. И сразу же появилась еще одна фигура, закутанная в плащ с капюшоном так, что не было видно ни ее лица, ни тела. И она была невысокой, как ребенок.

Волк и фигура в плаще маячили в золотистом тумане, выжидательно глядя на меня. Тихий напев стал яснее. Можно было различить звуки и слова. Слова, которых не было ни в одном из земных языков. Но я знал их.

— Ганелон! Я зову тебя, Ганелон! Во имя клятвы, скрепленной твоей кровью, — услышь меня!

Ганелон! Ну, конечно же, это было мое имя. Я так хорошо знал его.

Но кто называл меня так?

— Я звала тебя раньше, но путь был закрыт. Сейчас через бездну перекинут мост. Приди ко мне, Ганелон!

Вздых.

Волк оглянулся через угловатое плечо и оскалил клыки. Закутанная в плащ фигура наклонилась надо мной. Я ощутил пристальный взгляд из темноты капюшона, и ледяное дыхание коснулось моего лица.

— Он позабыл, Медёя, — произнес нежный тоненький голосок, похожий на голос ребенка.

Опять послышался вздох.

— Так он забыл меня?! Ганелон! Ганелон! Неужели забыл ты руки Медеи, губы Медеи?

Полусонный, убаюканный золотым туманом, я шевельнулся.

— Он забыл, — сказала закутанная в плащ фигура.

— Все равно пусть он придет ко мне. Ганелон! Огонь Нужды пылает. Врата в Темный Мир открыты. Огнем и землей, воздухом и тьмой я заклинаю тебя! Ганелон!

— Он забыл.

— Несите его. Теперь у нас есть силы.

Золотистая пелена сгустилась. Волк с горящими глазами и закутанная в плащ фигура приблизились ко мне. Я почувствовал, как меня подняли и понесли против моей воли.

Окно широко распахнулось. Я увидел меч в ножнах, готовый к битве, и схватился за него. Но я не мог противиться тому стремительному потоку, что уносил меня вдаль. Волк и тень в плаще с капюшоном плыли вместе со мной.

— К Огню! Несите его к Огню.

— Он забыл, Медея.

— К Огню, Эдэйрин, к Огню.

Шелестящие кроны деревьев проплывали мимо нас. Далеко впереди я увидел сияние. Оно приближалось, все усиливаясь. Это был Огонь Нужды.

Поток подносил меня все ближе к Огню...

— Только не в Каэр Ллур!

Эти загадочные слова всплыли из глубин моей памяти. Волк с янтарными глазами вздрогнул и уставился на меня, закутанная в плащ фигура придвинулась ко мне в золотистом потоке. Я почувствовал, как ледяное дуновение пробежало по окружавшему нас клубившемуся туману.

— Каэр Ллур, — детским нежным голосом прошептала Эдейрин, закутанная в плащ фигура. — Он помнит Каэр Ллур, но помнит ли он Ллура?

— Он вспомнит! Он был посвящен Ллуру! И в Каэр Ллуре, в обители Ллура, он вспомнит все!

Огонь Нужды сверкающей колонной возносился в небо совсем недалеко от меня. Я, как мог, сопротивлялся влекущей меня силе; откинув прочь ножны, я принялся рубить мечом окружающий меня туман. Старинная сталь рассекала светящиеся клубы тумана, и он стал отступать. Мелодичный напев смолк, на мгновение воцарилась гробовая тишина. А затем...

— Матолч! — выдохнул неведомый голос. — Лорд Матолч!

Волк прижался к земле, оскалив клыки. Я рубанул мечом по его рычащей морде. Он легко увернулся от удара, а затем прыгнул на меня.

Волк схватил меч зубами за лезвие и вырвал его из моих рук.

Золотистый туман вновь заключил меня в свои теплые объятия.

— Каэр Ллур, — доносилось отовсюду.

Огонь взметнулся вверх пурпурным фонтаном.

— Каэр Ллур! — кричало пламя.

И из-за огня поднялась... женщина!

Волосы, темные, как полночь, мягко стекали к ее коленям. Из-под прямых бровей она бросила на меня взгляд — взгляд, в котором читались вопрос и неукротимая воля. Она была само очарование. Темное очарование.

Лилит. Медея, ведьма Колхиса.

— Врата закрываются, — произнес детский голосок Эдейрин.

Волк, все еще держащий в зубах мой меч, тревожно прижал уши. Но женщина у огня не промолвила ни слова. Она открыла мне свои объятия.

Золотистые облака толкали меня вперед, в эти белые руки.

Волк и закутанная в плащ фигура прижались к нам. Напев поднялся до тревожного рева — грохот стоял такой, будто раскалывалась планета.

— Тяжело, слишком тяжело, — сказала Медея. — Помоги мне, Эдейрин. Лорд Матолч!

Огонь угас. Вокруг нас расстилались не залитые лунным светом болота Лимберлоста, а серая пустота, не имевшая очертаний и простиравшаяся до бесконечности. Даже свет звезд не пробивался сквозь этот покров.

Теперь и в голосе Эдейрин слышался страх.

— Медея, у меня нет сил... Я слишком долго пробыла на Земле.

— Открой Врата! — вскричала Медея. — Приоткрой их хоть на немного, или же мы останемся здесь, между мирами, навсегда!

Волк пригнулся и зарычал. Я ощутил энергию, исходившую от его звериного тела; но мозг его не был мозгом зверя.

Золотистый туман вокруг нас растворялся. Серая пустота наступала.

— Ганелон! — взмолилась Медея. — Ганелон! Помоги мне!..

И тут дверь в моем сознании отворилась. Бесформенная темнота заполнила его. Я почувствовал, как смертоносная, ужасная тень коснулась меня, наполняя мое сознание черными волнами.

— У него есть сила, — прошептала Эдейрин. — Он был посвящен Ллуру. Пусть он призовет его.

— Нет, я не посмею. Ллура?

Но Медея повернулась ко мне с вопросительным выражением на лице.

Волк у моих ног зарычал и напрягся, как будто его смертоносной животной мощи могло хватить на то, чтобы открыть врата между закрытыми мирами.

Теперь море тьмы поглотило меня целиком. Мысль моя устремилась вперед и натолкнулась на пространство темного ужаса, бесконечного, необъятного, затем рванулась вновь и...

Прикоснулась к чему-то!

«Ллур... Ллур!»

— Врата открыты, — сказала Эдейрин.

Серая пустота исчезла. Золотистые облака потускнели и растворились. Вокруг меня вздымались, теряясь в вышине, белые колонны. Мы стояли на возвышении с начертанными на нем странными знаками.

Волна зла, струившаяся сквозь меня, отступила. Но, терзаемый ужасом и жалостью к самому себе, я упал на колени и прикрыл рукой глаза.

Я позвал... Ллур!

3. *Закрытые миры*

Я проснулся, ощущая боль в каждой мышце своего тела, и лежал неподвижно, уставившись в низкий потолок. Внезапно я вспомнил все, что произошло накануне. Я повернул голову и обнаружил, что лежу на мягкой кровати, убранной шелками, с горой подушек. В противоположной стене полупустой, скромно обставленной комнаты, в нише было небольшое окно, через которое пробивался тусклый свет.

Рядом со мной на трехномом стуле примостилась крохотная, закутанная в плащ фигурка — я знал, что это Эдейрин.

Даже сейчас я не видел ее лица: тень, отбрасываемая капюшоном, была слишком глубока. Я ощущал лишь ее пронзительный взгляд и дыхание чего-то незнакомого... холодного и смертоносного. Уродливый грубый полотняный плащ серого цвета, казалось, обволакивал нечто неживое.

Приглядевшись, я понял, что это странное создание едва достигало четырех футов, встань оно во весь рост. И вновь я услышал высокий полудетский голос, по которому невозможно было определить пол.

— Не хотите ли вы есть, лорд Ганелон? Или пить?

Я откинул шелковое покрывало и сел на постели. На мне была тонкая серебристая шелковая туника и брюки из того же материала. Эдейрин даже не шелохнулась, но портьера на стене внезапно откинулась, и в комнату бесшумно вошел человек с накрытым подносом.

Вид его как-то успокаивал. Это был высокий человек, сильный и мускулистый, из-под его шлема с плюмажем в этрусском стиле на меня смотрело мужественное, загорелое лицо. Но мне когда я встретился с ним взглядом, то его синие глаза напомнили мне озера, в которых плескался страх. И это был застарелый страх, настолько привычный, что он практически растворился в его глазах.

Он молча поставил поднос и так же молча удалился.

Эдейрин кивнула в сторону подноса:

— Ешьте и пейте. Вам следует подкрепиться, лорд Ганелон.

Кажется, там были мясо и хлеб, и еще кубок с бесцветной жидкостью — не водой, судя по вкусу. Я отпил глоток, поставил кубок и хмуро взглянул на Эдейрин.

— Значит, я все-таки не сумасшедший, — сказал я.

— Нет. Душа ваша блуждала где-то, пока сами вы были в изгнании. А теперь вы опять дома.

— В Казр Ллуре? — спросил я, сам не зная, почему.

— Нет. Но вы ведь должны помнить...

— Я ничего не помню. Кто вы? Что со мной произошло?

— Вы ведь знаете, что вы — Ганелон?

— Меня зовут Эдвард Бонд.

— И все же вы почти вспомнили — у Огня Нужды, — сказала Эдейрин. — Со временем вы вспомните все. А опасность не отступает ни на минуту. Кто я? Я — Эдейрин, что служит Ковену.

— И вы...

— Женщина, — ответила она тем же полудетским, бесцветным голосом, едва заметно усмехнувшись. — *Очень старая* женщина, самая старая из всего Ковена. Сначала нас было тринадцать, но с тех пор нас стало куда меньше. Есть еще Медея, лорд Матолч (тут я вспомнил волка), Гаст Рáйми, у которого могущества больше, чем у любого из нас, но он слишком стар, чтобы им воспользоваться. И вы, лорд Ганелон, или Эдвард Бонд, как вы себя называете. Нас осталось лишь пятеро. Когда-то нас были сотни. Но даже я не помню тех времен, хотя Гаст Райми может вспомнить, если захочет.

Я схватился за голову.

— Боже правый, я ничего не понимаю! Ваши слова для меня — пустой звук. Я даже не знаю, где нахожусь!

— Послушайте, — сказала она, и я почувствовал мягкое прикосновение к своему плечу. — Вы должны понять — вас лишили памяти.

— Неправда!

— *Правда*, лорд Ганелон. Ваши истинные воспоминания были стерты и заменены другими, вымышленными. Все, что вы помните о своей жизни на Земле — ложь. Ничего этого не было. А если и было, то не с вами.

— На Земле? Я не на Земле?

— Это другой мир, — сказала она. — Но это ваш мир. Вы родились здесь. Бунтовщики, наши противники... отправили вас в изгнание и изменили вашу память.

— Этого не может быть!

— Идите сюда, — сказала Эдейрин и подошла к окну.

Она к чему-то притронулась, и стекло стало совершенно прозрачным. Я смотрел поверх ее головы на пейзаж, которого раньше никогда не видел.

Или видел?

Поросшие лесом холмы внизу купались в кровавом свете тусклых лучей багрового солнца. Я смотрел на них со значительной высоты и не мог различить подробностей, но мне показалось, что деревья имели странную форму и что они двигались. Река бежала к далеким горам. Среди леса возвышались несколько белых башен. И ничего больше. Но один вид огромного багрового солнца сказал мне достаточно. Это была не та Земля, которую я знал.

— Другая планета?

— О, нет, тут совсем другое, — сказала она. — Мало кому в Темном Мире это известно. Но я знаю — и, к несчастью для тебя, это узнал и кое-кто еще. Во Вселенной существуют миры разных вероятностей, разбегающиеся в потоке времени, но почти идентичные, куда они разошлись не слишком далеко.

— Я ничего не понял.

— Миры сосуществуют во времени и пространстве, но находятся в разных измерениях, в различных вероятностных вариациях. Этот мир мог бы быть твоим, если бы давным-давно не произошло некое событие. Вначале Темный Мир и Земля были одним единым в пространстве и времени миром. Потом что-то случилось, я точно не знаю, что именно, и это имело беспрецедентные последствия. В тот миг во временном потоке образовалась развилка, и там, где существовал один мир, появились два.

Сперва они были абсолютно идентичными, но в одном из них основополагающее событие так и *не произошло*. Это случилось сотни лет тому назад, но оба мира до сих пор находятся очень близко друг к другу во временном потоке. Они неуклонно расходятся все дальше и дальше, и становятся все меньше похожи один на другой. Пока же они настолько схожи, что человек с Земли может иметь своего двойника в Темном Мире.

— Двойника?

— Того, кем он мог бы быть, если бы много столетий назад не произошло основополагающее событие, разделившее миры. Да, вы двойники — Ганелон и Эдвард Бонд. Теперь ты понимаешь?

Я вернулся к постели и сел на нее, нахмурившись.

— Миры-двойники — ладно, тут все ясно. Но мне кажется, ты хотела сказать нечто большее. Значит, где-то живет мой двойник?

— Ты родился в Темном Мире. Твой двойник, настоящий Эдвард Бонд, родился на Земле. Но у нас здесь имеются враги, бунтовщики, которые бежали в леса: им удалось овладеть знаниями, достаточными для того, чтобы перекинуть мост между расходящимися мирами. Мы научились этому совсем недавно, хотя когда-то это знание было доступно всему Ковену.

Бунтовщики преодолели бездну, разделяющую миры, и переправили тебя, Ганелона, на Землю, чтобы Эдвард Бонд мог оказаться здесь, среди них. Они...

— Но зачем? — перебил я ее. — Для чего им это понадобилось?

Эдейрин повернула свою покрытую капюшоном голову, и я опять — уже не в первый раз — ощутил странное ледяное дуновение, когда она обратила на мое лицо свои невидимые глаза.

— Для чего им это понадобилось? — отозвалась она своим мелодичным спокойным голосом. — Думай, Ганелон. Посмотрим, удастся ли тебе вспомнить.

Я думал. Я закрыл глаза и попытался погрузиться в свое сознание как можно глубже, чтобы воспоминания Ганелона всплыли на поверхность, если они вообще существовали. Я все еще никак не мог постичь эту абсурдную ситуацию во всей ее полноте, хотя рассказ Эдейрин, если он был правдой, объяснял многое. Он даже объяснял, как я внезапно понял, то странное затмение сознания в самолете над джунглями Суматры, с которого все и пошло наперекосяк.

Возможно, именно в эту минуту Эдвард Бонд покинул Землю, а Ганелон занял его место. И оба они были слишком беспомощны и слишком испуганы, чтобы понять, что, собственно, случилось.

Но это же невозможно!

— Нет, я ничего не помню! — резко бросил я. — Этого не может быть. Я *знаю*, кто я. Я помню все, что когда-либо произошло с Эдвардом Бондом. Ты не сможешь доказать мне, что это всего лишь иллюзия. Все слишком отчетливо, слишком реально!

— Ганелон, Ганелон, — сказала с усмешкой Эдейрин. — Подумай о бунтовщиках. Попытайся вспомнить, почему они так с тобой поступили. Лесной народец, непокорные человечки в зеленом... Ненавистные бунтовщики, которые угрожают нам. Ганелон, ты вспомнишь!

Может, то был своего рода гипноз. Я подумал об этом позже. Но в тот момент в моем мозгу всплыла картина: я увидел группку людей в зеленых одеждах, двигавшихся через лес, и при виде их почувствовал, как во мне вспыхнула ярость. В этот момент я был Ганелоном, великим могущественным властителем, которому отказывались повиноваться ничтожные существа, недостойные целовать следы его ног.

— О да, ты ненавидел их! — прошептала Эдейрин.

Наверное, она заметила выражение моего лица. Когда она заговорила, я почувствовал, что сижу в непривычной для себя позе. Плечи

мои были горделиво расправлены, а губы скривились в презрительной усмешке. Так что, возможно, она вовсе и не читала моих мыслей. По моему лицу и осанке легко можно было понять, о чем я сейчас думал.

— И, конечно же, ты карал их за измену где мог и когда мог, — продолжала она. — Это было твоим правом и твоей обязанностью. Но они обманули тебя, Ганелон. Они оказались хитрее тебя. Они нашли дверь, которая поворачивалась на оси времени, и вышвырнули тебя в другой мир. По другую сторону той двери был Эдвард Бонд, который не питал к ним ненависти. Поэтому они и открыли дверь.

Эдейрин слегка повысила голос, и я уловил в нем издевку.

— Ложная память, ложная память, Ганелон! Перевоплощаясь в Эдварда Бонда, ты приобрел и его прошлое. А он пришел в наш мир таким, каким был, понятия не имея о Ганелоне. Он причинил нам немало беспокойства, друг мой, и доставил массу хлопот. Вначале мы не поняли, что произошло. Мы решили, что Ганелон покинул Ковен и изменил нам, присоединившись к бунтовщикам и помогая им бороться против нас.

Она вновь усмехнулась.

— Нам пришлось пробудить ото сна Гаста Райми, чтобы он помог нам. В конце концов, изучив метод отворения двери между мирами, мы попали на Землю, искали тебя и нашли. И перенесли тебя сюда. Это твой мир, лорд Ганелон! Примешь ли ты его?

Ошеломленный, я покачал головой.

— Мы можем вернуть тебе настоящую память, и мы это сделаем. Даже сейчас подлинные воспоминания порою всплывают в твоём сознании. Полное исцеление потребует много времени. Так или иначе, ты остаешься членом Ковена, а Эдвард Бонд вернулся обратно на Землю, вспоминая, — тут она снова усмехнулась, — вспоминая, я уверена, все то, что он оставил здесь незавершенным. Но он не в состоянии вернуться сюда и снова вмешаться в наши дела, которые его совершенно не касаются. Ты, Ганелон, был нам очень нужен! О, как ты был необходим нам, Ганелон!

— Что я могу сделать — я, Эдвард Бонд?

— Ганелон может сделать многое — когда вспомнит. Для Ковена сейчас настали тяжелые времена. Когда-то нас было тринадцать. Когда-то существовали другие Ковены, которые присоединялись к нам на Шабаше. Когда-то мы правили всем этим миром под началом Великого Ллур. Но Ллур сейчас дремлет. Все больше и больше отдаляется он от тех, кто поклоняется ему. Постепенно, шаг за шагом, Темный Мир скатывается к варварству. Из всех Ковенов остались только мы, ничтожная горстка людей, обитающих в Каэр Ллуре, где Всемогущий спит за своим Золотистым Окном.

На мгновение она погрузилась в молчание.

— Иногда я думаю, что Ллур вовсе и не спит, — сказала она. — Я думаю, что он мало-помалу уходит в какой-то другой мир, еще более удаленный, потеряв всякий интерес к нам, своим созданиям.

Но он вернется! — она засмеялась. — Да, он вернется, когда жертвы вновь будут принесены перед его Окном. И пока он с нами, у Ковена будут силы диктовать его волю Темному Миру.

Но день ото дня повстанцы становятся все сильнее, Ганелон. С нашей помощью ты набирался сил, чтобы сокрушить их — и вдруг внезапно исчез. Ты был нам нужен тогда и еще больше нужен сейчас. Ты — член Ковена, возможно, самый могущественный из всех нас. Вместе с Матолчем...

— Подожди минутку, — сказал я. — Я все еще путаюсь. Матолч — это тот самый волк, которого я видел?

— Да.

— Ты говоришь о нем так, как будто он человек.

— Но он и есть человек — время от времени. Он — оборотень и может менять свой облик.

— Оборотень? Невероятно. Это же миф, дурацкое суеверие...

— А с чего начался миф? — спросила Эдейрин. — Давным-давно множество Врат соединяли Темный Мир с миром Земли. На Земле воспоминания об этих днях живут в преданиях и сказках. Но они имеют под собой вполне реальную основу.

— Оборотни, вампиры и прочая нечисть — это суеверия и ничего больше, — убежденно сказал я. — Неужели ты хочешь убедить меня, будто они действительно существуют?

— Гаст Райми может рассказать тебе о них больше, чем я. Но не будить же его ради такого пустяка! Возможно, я смогу объяснить тебе. Что ж, слушай: организм состоит из клеток. Клетки могут до известных пределов приспосабливаться к изменениям. Если их способность к адаптации существенно увеличить, то процесс метаболизма ускоряется настолько, что появление оборотней становится вполне возможным.

Нежный, бесполой полудетский голосок лился из-под накинутого капюшона, а я начинал кое-что понимать. На Земле, когда я изучал в колледже биологию, мне доводилось разглядывать в микроскоп «взбесившиеся» клетки, клетки-мутанты. Нередко встречались люди, чье тело целиком было покрыто волосами, словно волчьей шерстью — и об этом я знал. А если бы клетки могли приспосабливаться действительно *быстро*? Тогда творились бы странные вещи!..

Но как быть с костями? Необходима особая костная структура, а не жестко скрепленный человеческий скелет? Физиологическая структура, которая, в теории, могла бы изменяться таким образом, что человек превращался бы в волка.

— Кое-что здесь, конечно, иллюзия, — сказала Эдейрин. — У Матолча не настолько велико сходство со зверем, как это кажется. И тем не менее он оборотень и может менять свой облик.

— Но как? — спросил я. — Откуда у него такая сила?

Впервые Эдейрин, казалось, заколебалась.

— Он... мутант. Среди жителей Темного Мира много мутантов. Некоторые из них входят в Ковен, остальные — нет.

— Ты тоже мутант? — спросил я ее.

— Да.

— И тоже оборотень?

— Нет, — ответила Эдейрин, и тоненькая фигурка под плащом, казалось, слегка вздрогнула. — Нет, я не могу менять свой облик, лорд Ганелон. Разве ты не помнишь, чем... чем я сильна?

— Нет.

— И тем не менее, мои способности могут пригодиться тебе, если бунтовщики вновь посмеют напасть на нас, — медленно сказала она. — Да, среди нас много мутантов, и, возможно, именно это послужило главной причиной разделения миров много веков назад. На Земле нет мутантов — по крайней мере, таких, как мы. Матолч не единственный.

— А я — мутант? — спросил я очень осторожно.

Она покачала головой в капюшоне.

— Нет. Потому, что ни один мутант не может быть посвящен Ллуру, как был посвящен ему ты. Кто-то из членов Ковена должен иметь ключ к Каэр Ллуру.

Холодное дыхание страха вновь коснулось меня. Нет, не страха! Ужаса, смертельного, перехватывающего дыхание, кошмарного ужаса, который захлестывал меня при каждом упоминании имени Ллура.

С трудом я заставил себя спросить:

— Кто такой Ллур?

— Кто тут говорит о Ллуре? — послышался за моей спиной низкий голос.

Наступило долгое молчание.

— Кто тут говорит о Ллуре? Лучше не поднимать завесу над *этой* тайной, Эдейрин!

— А может, это необходимо, — отозвалась она.

Я повернулся и на фоне черной портьеры увидел стройную, как натянутая струна, фигуру человека, одетого, как и я, в туннику и брюки. Его рыжая подстриженная бородка торчала вперед. Полуулыбка-полуоскал его полных губ о чем-то напомнила мне. В каждом движении его гибкою тела чувствовалась стремительная грация. Он смотрел на меня своими желтыми глазами, явно забавляясь.

— Молись, чтобы в этом не было необходимости, — сказал человек. — Ну, лорд Ганелон, неужели ты забыл и меня тоже?

— Он забыл тебя, Матолч, — сказала Эдейрин. — По крайней мере, в этом образе!

Матолч — волк, оборотень!

Он усмехнулся.

— Сегодня вечером — Шабаш, — сказал Матолч. — Лорд Ганелон должен быть готов к нему. Как я понимаю, возникли кое-какие трудности. Однако это — дело Медеи. Она интересуется, проснулся ли Ганелон. Раз он проснулся, позволь нам проследовать к ней прямо сейчас.

— Ты пойдешь с Матолчем? — спросила меня Эдейрин.

— Почему бы и нет? — ответил я.

Рыжебородый снова оскалился.

— А ты действительно все забыл, Ганелон! В добрые старые времена ты никогда не допустил бы, чтобы я оказался за твоей спиной с кинжалом в руках.

— Но ты был всегда достаточно умен, чтобы не пытаться нанести удар, — ответила Эдейрин. — Если бы Ганелон призвал Ллура, для тебя бы это добром не кончилось!

— Я просто пошутил, — беззаботно отозвался Матолч. — Моим врагам необходимо быть достаточно сильными, чтобы дать мне бой. Так что я подожду, пока к тебе не вернется память, лорд Ганелон. Между тем Ковен приперт к стенке, и я нуждаюсь в тебе так же сильно, как и ты во мне. Так ты идешь?

— Иди с ним, — сказала Эдейрин. — Ты в безопасности. Рычание волка лучше, чем его укус — даже если здесь и не Каэр Ллур.

Мне показалось, что я уловил скрытую угрозу в ее словах. Матолч пожал плечами и отодвинул портьеру, пропуская меня вперед.

— Мало кто смеет угрожать оборотню, — бросил он через плечо.

— Я смею, — отозвалась Эдейрин из непроницаемой тени своего капюшона.

И я вспомнил, что она тоже мутант, хотя и не оборотень, как этот рыжебородый человек-волк.

Кто же ты, Эдейрин?

4. Матолч и Медея

До сих пор удивление от случившегося по-настоящему не коснулось меня. Шок притупил мои чувства. Подобно тому, как солдат при яркой вспышке осветительной бомбы, сброшенной с самолета над его головой, замирает в неподвижности, так и разум мой по-прежнему не проявлял активности. Поскольку мысли мои словно скользили по поверхности, сконцентрировавшись на обыденных мелочах, я был в состоянии игнорировать тот невероятный факт, что я нахожусь не на Земле — такой привычной и незыблемой.

Но странная вещь! Что-то невероятно знакомое было в этих сводчатых залах со светлыми стенами, по которым я шел вслед за Матолчем. Столь же знакомым показался мне и сумеречный лес, простиравшийся до горизонта, который я увидел из окна своей комнаты.

Эдейрин, Медея, Ковен.

Эти имена были полны скрытого смысла, словно слова некоего языка, который я когда-то знал, а потом забыл.

Стремительная походка — почти бег — Матолча, разворот его мускулистых плеч, оскал из-под рыжей бороды — все это было не ново для меня.

Он не отрывал от меня взгляда своих желтых глаз. Внезапно мы остановились перед красной портьерой и он, заколебавшись, откинул ее, приглашая меня войти.

Я сделал шаг и остановился, глядя на него.

Он кивнул, как будто только что убедился в чем-то. На его лице застыло вопросительное выражение.

— Значит, ты все-таки кое-что помнишь? Достаточно, чтобы понять, что это не комната Медеи... И все же пойдем со мной. Я хочу поговорить с тобой.

Следуя за ним по винтовой лестнице, я внезапно понял, что он говорит со мной не по-английски. Но я понимал его так же, как понимал Эдейрин и Медею.

Ганелон?

Мы очутились в башне, стены которой являли собой прозрачные панели. Пахло застоявшимся дымом, припорошенные пеплом угли еще дымились в жаровне на треножнике, который стоял в центре комнаты. Матолч указал мне на одно из кресел и сам уселся рядом.

— Интересно, много ли ты помнишь? — сказал он.

Я покачал головой.

— Немного. Но и этого достаточно, чтобы не доверять тебе.

— Значит, искусственные воспоминания землянина все еще достаточно сильны. Гаст Райми сказал, что рано или поздно ты все вспомнишь, но это потребует времени. Фальшивые записи в твоём сознании сотрутся, и старые, подлинные воспоминания вернуться к тебе — надо только ждать.

«Так в старину, — подумал я, — писцы соскребали старый текст с пергамента, покрывая его новым».

Но Ганелон все еще был чужд мне. Я по-прежнему оставался Эдвардом Бондом.

— Интересно, — протянул Матолч, разглядывая меня. — Ты немало времени провел в изгнании. Не изменился ли ты окончательно? Раньше ты всегда... ты ненавидел меня, Ганелон. Скажи, ты ненавидишь меня сейчас?

— Нет, — сказал я. — Самое большее — не доверяю.

— У тебя на то есть причины, если ты хоть что-нибудь помнишь. Мы всегда были врагами, Ганелон, хотя и связаны друг с другом требованиями и законами Ковена. Должны ли мы враждовать и дальше?

— Кто знает. Я не хочу наживать себе врагов — особенно здесь.

Матолч нахмурил свои рыжие брови.

— Да, это не речи Ганелона! В старые добрые времена тебя не волновало, сколько у тебя врагов. Если ты настолько изменился, то всех нас ждет большая опасность.

— Я мало что понимаю из того, что ты говоришь, — сказал я. — Я ничего не помню. Все это похоже на сон.

Тут он вскочил и заметался по комнате.

— Ладно. Если ты вновь станешь прежним Ганелоном, мы опять будем врагами. Это точно. Но если пребывание на Земле изменило тебя — мы еще можем быть друзьями. Так будет лучше. Медее,

правда, это не понравится; думаю, что и Эдейрин тоже. А что касается Гаста Райми...

Он пожал плечами.

— Гаст Райми стар... очень стар. Из всех живущих в Темном Мире, Ганелон, ты обладаешь наибольшим могуществом. Или можешь обладать. Но это значит, что надо идти в Каэр Ллур.

Матолч остановился, чтобы взглянуть мне в глаза.

— Раньше ты понимал, что это означает. Ты боялся, но ты стремился к власти. Однажды ты уже был в Каэр Ллуре — на посвящении. Так что между тобой и Ллуrom существует связь, правда, еще несовершенно. Но ее можно укрепить, если ты того захочешь.

— Кто такой Ллур? — спросил я.

— Молись, чтобы ты никогда этого не вспомнил, — сказал Матолч. — Когда Медея будет говорить с тобой, бойся, когда она заговорит о Ллуре. Я могу быть другом твоим или врагом, Ганелон, но ради моего собственного спасения, ради спасения Темного Мира — даже этих бунтовщиков — я заклинаю тебя: не ходи в Каэр Ллур, о чем бы ни просила тебя Медея, и что бы она ни обещала. По крайней мере, подожди, пока твоя память не вернется к тебе.

— Что есть Ллур? — спросил я снова.

Матолч повернулся ко мне спиной.

— Я думаю, Гаст Райми это знает. Я не знаю и не хочу знать. Ллур — это... это... зло, и он ненасытен. Его можно умиловить лишь... лишь...

Он замолчал.

— Ты этого не помнишь, — сказал он спустя некоторое время. — Одно меня смущает. Скажи: а как призывать Ллура, ты тоже забыл?

Я не ответил. В сознании моем царил мрак, словно черные ворота преграждали путь моим мечущимся мыслям.

Ллур... Ллур?

Матолч кинул на тлеющие угли жаровни пригоршню порошка.

— Можешь ли ты призвать Ллура? — спросил он вкрадчивым шепотом. — Отвечай, Ганелон. Можешь?

Неприятный запах усилился. Мрак в моей голове отступал, как будто в темноте медленно открывались врата. Я... узнал этот смертоносный запах.

Я вскочил, в бешенстве глядя на Матолча, в два прыжка подскочил к треножнику и ударом ноги, обутой в сандалию, опрокинул его. Угли рассыпались по каменному полу. Рыжебородый в испуге обернулся ко мне.

Я схватил Матолча за тунику и встряхнул с такой силой, что у него лязгнули зубы. Слепая ярость переполняла меня.

Подумать только, Матолч пытался меня обмануть!

Я услышал собственный голос — казалось, говорит кто-то посторонний:

— Оставь свои заклинания для шлюх и рабов! — рычал я. — Я скажу тебе ровно столько, сколько пожелаю — и не более! Жги свои волшебные травы в другом месте!

Рыжебородый стиснул челюсти. Желтые глаза пылали. Лицо Матолча исказилось, черты его начали расплываться, едва различимые в клубах дыма, которые поднимались от разбросанных углей.

Желтые зрачки угрожающе сверкали сквозь серый туман.

Оборотень издал невнятный гортанный звук, который мог принадлежать только зверю. Это рычал волк! Волчья морда свирепо глядела на меня!

Дым рассеялся. И видение — видение? — исчезло. Матолч, чье лицо мало-помалу утрачивало свирепость, мягко выскользнул из моих рук.

— Ты... ты напугал меня, лорд Ганелон, — ровно произнес он. — Но думаю, ты ответил на мой вопрос, благодаря или вопреки этим травмам, — тут он кивнул на опрокинутый треножник.

Я повернулся к двери.

— Подожди, — сказал Матолч. — Недавно я кое-что забрал у тебя.

Я остановился.

Рыжебородый подошел ко мне, держа в руках меч без ножен.

— Я отобрал его у тебя, когда мы проходили сквозь Огонь Нужды, — сказал он. — Он твой.

Я взял клинок и вновь двинулся к выходу, закрытому портьерой.

— Мы еще не враги, Ганелон, — тихо произнес мне вслед Матолч. — И если ты мудр, то не забудешь моего предостережения: не ходи в Казр Ллур!

Я вышел. Держа меч, я торопливо сбежал по винтовой лестнице. Ноги сами несли меня. Тот, кто вторгся в мой мозг, был все еще силен. Старый пергамент... Стертые, почти уничтоженные записи все явственнее проступали на нем, словно под воздействием проявителя. Записи, которые и были моей утраченной памятью.

Замок — откуда я знал, что это был замок? — являл собой настоящий лабиринт. Дважды я проходил мимо молчаливой стражи, в глазах которой сквозил уже знакомый мне страх — мне показалось, что страх этот усиливался при моем появлении.

Я торопливо проследовал по янтарному коридору, откинул в сторону золотистую портьеру и ступил в овальную комнату со сводчатым потолком, стены которой были обиты бледным шелком. В центре покоев журчал фонтан, его прохладные брызги коснулись моей щеки. Напротив виднелась арка, затененная снаружи листвой.

Я прошел сквозь арку и ступил в окруженный стенами сад с экзотическими цветами и причудливыми деревьями.

Клумбы ошеломляли буйством красок: цветы сверкали как драгоценные камни на фоне темной почвы. Рубиновые и аметистовые, прозрачные и молочно-белые, серебряные, золотые, изумрудные цветы расстилались неподвижным ковром. Но деревья не были неподвижны. Их изогнутые, могучие черные стволы и ветви тонули в светящимся облаке ядовито-зеленой листвы.

Зеленый занавес угрожающе зашевелился при моем приближении. Я увидел, как черные искривленные сучья медленно потянулись ко мне — и замерли, вновь став неподвижными. Они узнали меня!

В темном небе над этим негостеприимным садом солнце, казалось, сверкало еще безжалостнее.

Деревья вновь зашевелились.

Беспокойство судорогой свело листву. Изогнувшаяся ветвь поднялась над пеленой листвы, хлестнула пустоту, закачалась и замерла. И тут же показалась фигура человека, который бежал согнувшись, уворачиваясь от страшных ударов деревьев-стражей.

Человек, одетый в плотно облегающий костюм цвета земли и зелени, бежал ко мне, приминая яркие цветы. Его суровое, бесстрашное лицо кипело возбуждением и восторгом. В руках у него не было никакого оружия, но к поясу было пристегнуто что-то, похожее на пистолет.

— Эдвард! — позвал он меня, стараясь говорить тише. — Эдвард Бонд!

Я узнал его. Не его самого, конечно. Я уже видел таких, как этот — увертливых, крадущихся, одетых в зеленое людишек — и уже знакомая давняя ненависть накатывала на меня при каждом взгляде на него.

Враг! Выскочка! Один из тех, кто осмелился обратить свою магию на великого лорда Ганелона.

Я почувствовал, как краска гнева горячей волной заливает мое лицо, как стучит кровь, отдаваясь в ушах — непривычно и вместе с тем знакомо. Тело мое само приняло излюбленную позу Ганелона — плечи отведены назад, губы сжаты, подбородок высоко поднят. Я услышал, как мой голос сыплется проклятиями на едва понятном мне языке. И я увидел, как человек в зеленом отпрянул назад. Разочарование читалось на его лице. Рука его потянулась к поясу.

— Ганелон? — выдавил он; глаза его сузились, пытаясь встретиться с моими. — Эдвард, ты с нами? Или ты опять стал Ганелоном?

5. Ведьма в алом

В правой руке я все еще сжимал меч. Вместо ответа я нанес разящий удар. Он увернулся, оглянулся через плечо и схватился за оружие. Я проследил за его взглядом и увидел другую фигуру в зеленом, пробиравшуюся к нам между деревьями. Она была меньше и стройнее — девушка в тунике цвета леса. Ее черные волосы ниспадали на плечи. На бегу она почти сгибалась пополам; ее лицо, повернутое ко мне, исказила ненависть, а улыбка напоминала оскал.

Человек, стоявший передо мною, закричал:

— Эдвард, выслушай меня! Даже если ты стал Ганелоном, ты должен помнить Эдварда Бонда! Он был с нами, он верил в нас! Выслушай нас, пока не поздно! Арле сможет убедить тебя, Эдвард. Иди к Арле. Даже если ты Ганелон, разреши мне отвести тебя к Арле!

— Бесполезно, Эрту! — раздался высокий голос девушки.

Она боролась с гибкими ветвями обхватившего ее дерева. Теперь они уже не пытались говорить вполголоса. Они кричали изо всех сил, и я знал, что в любую минуту могли прибежать стражники, а я хотел убить их сам, прежде чем кто-нибудь лишит меня этого удовольствия. Я жаждал крови врагов и в тот момент не помнил даже имени Эдварда Бонда.

— Убей его, Эрту! — вскричала девушка. — Убей его или уйди с дороги! Я знаю Ганелона!

Я взглянул на нее и крепче сжал в руке меч. Да, она говорила правду — она знала Ганелона. И Ганелон знал ее и смутно помнил, что у нее были причины ненавидеть его. Я видел это лицо раньше, искаженное ненавистью и отчаянием. Я не помнил, где, когда и почему это произошло, но она была мне знакома.

Тот, которого звали Эрту, неохотно поднял оружие. Для него я все еще сохранял, по крайней мере, облик друга. Я торжествующе рассмеялся и снова занес над ним меч, слыша как сталь со свистом рассекает воздух. На этот раз показалась кровь. Он вновь отступил назад и поднял свое оружие; черный зрачок дула глядел мне прямо в лицо.

— Не вынуждай меня к этому, — процедил он сквозь зубы. — Все может измениться. Ты же был когда-то Эдвардом Бондом и можешь стать им вновь. Не заставляй меня убивать тебя, Ганелон!

Я поднял меч, едва видя его сквозь кровавую пелену ярости, застилавшую мне глаза. Я ощущал небывалый подъем. Я уже видел, как из его рассеченных артерий хлещет кровь после выпада моего меча.

Я напряг свое тело для последнего решительного удара!

И вдруг меч в моих руках ожил: он вздрогнул и выскользнул из моих рук.

Невозможно описать, как это произошло, но мой удар возвратился ко мне. Сила, с которой я собирался обрушиться на врага, перелилась с меча в сжимавшую его руку и обратилась против моего собственного тела. Взрыв боли — и сад завертелся у меня перед глазами. Я тяжело рухнул на колени.

Пелена спала с моих глаз. Я по-прежнему оставался Ганелоном, но Ганелоном выведенным из строя некоей могущественной силой.

Я стоял на коленях в траве, опираясь на левую руку и тряся ноющими пальцами правой, уставившись на свой меч. Он тускло поблескивал в траве в дюжине шагов от меня.

Это дело рук Матолча — я знал это! Я должен был помнить, что этому изворотливому, лживому человеку-волку нельзя доверять ни на йоту. Я поднял на него руку в его башне и следовало ожидать, что он непременно отомстит. Даже Эдвард Бонд, какой бы размазней он не был, вероятно, не принял бы подарка от оборотня!

Правда, сейчас было не время злиться на Матолча. Я глядел в глаза Эрту и в дуло его оружия. Решение все явственней проступало на его лице, пока он изучал мое.

— Ганелон! — сказал он почти шепотом. — Чародей!

Он прицелился, собираясь спустить курок.

— Подожди, Эрту! — раздался вскрик позади него. — Подожди, дай мне!

Все еще оглушенный, я поднял голову. Все произошло настолько быстро, что девушка еще не успела выпутаться из обхвативших ее веток, но вот она освободилась и выхватила свое оружие — и за черным дулом пистолета я увидел ее бледное лицо, искаженное неуголимой ненавистью.

— Дай мне! — снова крикнула она. — Я должна вернуть ему долг!

Я был беспомощен. Я знал, что даже на таком расстоянии она не промахнется. Я видел, как ярость пылает в ее глазах, как дрожит дуло пистолета, но я знал, что она не промахнется. В это мгновение многое пронеслось перед моими глазами — полустертые воспоминания Ганелона и жизнь Эдварда Бонда слились воедино.

И вдруг деревья угрожающе зашелестели за ее спиной, словно волнующие ветром. Гибкие ветви потянулись к ней с такой быстротой, словно были живыми, с немыслимой силой молотя по воздуху. Эрту что-то кричал, но слов разобрать было невозможно. Я думаю, что гнев настолько поглотил девушку, что она ничего не видела и не слышала.

Она так и не узнала, что произошло. Наверно, она успела лишь почувствовать сокрушительный удар ближайшей ветви склонившегося над ней дерева, который переломал ей кости. Она все-таки успела выстрелить в самый момент удара, и ослепительная молния взрыла почву у моих колен. Запах тлеющей травы ударил мне в ноздри.

Девушка успела только слабо вскрикнуть, когда страшные ветви обвили её вокруг. Они сомкнулись смертоносными тисками, и я отчетливо услышал хруст, который слышал неоднократно в этом саду. Позвоночник ломался как щепка в объятиях могучих ветвей.

Эрту на мгновение замер. Затем он решительно обернулся ко мне, и я понял, что на сей раз он спустит курок без колебаний.

Но время было упущено. Эрту не успел еще полностью повернуться ко мне, как из-за моей спины донесся смех, короткий и злой. Я увидел, как страх и ненависть мелькнули на бронзовом лице Эрту, как он отвел оружие от меня и направил его на того, кто стоял за моей спиной. Но прежде, чем он успел нажать на курок, что-то похожее на стрелу из ослепительно белого света выскользнуло из-за моего плеча и ударило его в сердце.

Он упал как подкошенный. Рот его искривился в оскале, глаза невидяще смотрели в небо.

Я повернулся, с трудом поднимаясь на ноги. Передо мной стояла улыбающаяся Медея, такая стройная, такая прекрасная в своем облегающем алом платье. В руке она держала небольшой черный жезл. Ее пурпурные глаза встретились с моими.

— Ганелон, — прошептала она с бесконечной нежностью. — Ганелон...

И, по-прежнему пристально глядя мне в глаза, она хлопнула в ладоши.

Безмолвные стражники вбежали в сад, подняли и унесли безжизненное тело Эрту. Деревья зашевелились, вздохнули и умолкли.

— Ты вспомнил, — сказала Медея. — Ты снова наш, Ганелон!

Медея, ведьма Колхиса! Черно-бело-алая, она стояла, улыбаясь мне, и странная ее красота будила давние, забытые воспоминания в моей крови. Ни один мужчина, что видел Медею хоть однажды, не мог позабыть ее до конца своих дней.

Но — осторожнее! В ней было еще что-то, о чем я должен был помнить. Что-то, заставлявшее даже Ганелона относиться к ней слегка настороженно. Ганелона? Значит, я снова стал Ганелоном? Перед лесными жителями я вновь был самим собой, но сейчас опять почувствовал неуверенность.

Воспоминания отхлынули от меня. И пока прекрасная колдунья стояла, улыбаясь мне, все, что на короткое время сделало меня Ганелоном, сползло с меня, как разорванный плащ. Теперь уже Эдвард Бонд стоял перед Медеей в чужой одежде, глядя на сад и с ужасом и отвращением вспоминая все, что здесь произошло.

На мгновение я отвернулся, чтобы Медея не догадалась по выражению моего лица, что со мной творится. Сознание того, что в моем теле сосуществуют две личности, было ужаснее, чем воспоминания о том, что я только что натворил, подчиняясь злой воле Ганелона.

Это тело было телом Ганелона. На сей счет у меня не оставалось сомнений. Эдвард Бонд вновь вернулся на Землю, но его воспоминания по-прежнему переполняли мой мозг. Так что у меня с ним была одна душа, а от Ганелона почти ничего не осталось, кроме тех

нечастых моментов, когда воспоминания, которые действительно принадлежали мне (мне ли?), на время оттесняли Эдварда Бонда.

Я ненавидел Ганелона. Я презирал его образ мыслей, его самого. Моя ложная память — наследие Эдварда Бонда — была сильнее во мне, чем память Ганелона. Я *был* Эдвардом Бондом! Я стал им сейчас!

Заботливый голос Медеи прервал мои размышления. Она повторила вопрос:

— Ты помнишь меня, лорд Ганелон?

Я повернулся к ней, испытывая смущение: на лице моем отражалась борьба чувств.

— Я — Бонд, — упрямо сказал я.

Она вздохнула.

— Ты вернешься, — сказала она. — Пусть не сейчас, но все равно Ганелон вернется к нам. Когда ты вновь увидишь знакомую тебе обстановку, привычную жизнь Темного Мира и Ковена, врата твоего сознания опять откроются. Я думаю, кое-что ты вспомнишь уже этой ночью, на Шабаше.

Внезапно ее улыбка стала почти угрожающей.

— С тех пор, как я отправилась в мир Земли, еще ни разу не было Шабаша, — продолжала она, — а это очень долго. К тому же, в Каэр Ллуре есть тот, кто уже зашевелился и ждет своей жертвы.

Она испытующе поглядела на меня, и глаза ее сузились.

— Ты помнишь Каэр Ллур, Ганелон?

Прежнее болезненное чувство ужаса волной прокатилось по мне при упоминании этого загадочного названия.

Ллур... Ллур! Темнота и какое-то шевеление за золотым окном. Нечто слишком чуждое, чтобы ступать по той же земле, по которой ступает нога человека, нечто такое, чему вообще нет места в человеческой жизни. Ступая по той же земле, вторгаясь в жизни людей, это нечто настолько опустошало их, что в них уже не оставалось ничего человеческого. И все же, несмотря на мое отвращение, Ллур был мне ужасно близок!

Я знал! Я вспомнил!

— Ничего не помню, — тем не менее отрезал я.

Именно в этот момент я вдруг понял, что надо быть осторожным. Я не мог довериться никому, а меньше всего самому себе, Ганелону. Я *помнил*, но я не должен был им этого показать. Пока я не выясню, чего они хотят, чем они могут мне угрожать, я не должен был открывать своей тайны — она была единственным оружием, которым я обладал.

Ллур! Мысль об этом неведомом человеке — или существе — укрепила мое решение. Ведь в померкшем прошлом Ганелона между ним и Ллуrom существовала страшная связь. Я знал, что они пытаются заставить меня пойти на полное единение с Ллуrom, а ведь даже Ганелон боялся этого! Мне следовало притворяться более неосведом-

ленным, чем я есть на самом деле, пока память моя не прояснится окончательно.

Я вновь покачал головой:

— Я ничего не помню.

— Даже Медею? — прошептала она и устремилась ко мне.

В ней действительно было что-то колдовское. Мои руки приняли эту ало-белую нежную плоть, как будто они были руками Ганелона. Но на ее обжигающий поцелуй ответили губы Эдварда Бонда.

Забыть Медею?

Эдвард Бонд или Ганелон — какая разница? В эту минуту — никакой.

Но прикосновение колдуньи в алом вызвало перемену в Эдварде Бонде. Оно несло ощущение чего-то чуждого — слишком чуждого ему (или мне?). Я держал ее в объятиях — прекрасную, доступную, но что-то чужое и непонятное нависло надо мной, едва мы прикоснулись друг к другу. Я догадывался, что она сдерживает себя, еле сдерживает... демона, демона, который обладал ею — демона, который старался вырваться на волю.

— Ганелон!

Дрожа, она уперлась ладонями мне в грудь и вырвалась из моих объятий. Крохотные капельки пота выступили у нее на лбу.

— Хватит! — выдохнула она. — Ты все знаешь!

— О чем ты, Медея?

Неописуемый ужас стоял в ее пурпурных глазах.

— Ты забыл, — сказала она. — Ты забыл меня, забыл, кто я такая, что я такое!

6. Поездка в Каэр Секэйр

Позже, в покоях, принадлежавших ранее Ганелону, я ждал, когда начнется Шабаш. И в ожидании безостановочно ходил взад и вперед по комнате. Ноги Ганелона мерили шагами комнату Ганелона. Но человек, шагавший по комнате, был Эдвардом Бондом. Удивленный, я размышлял о том, как фрагменты воспоминаний другого человека, наложившись на стертое сознание Ганелона, переменили меня и сделали таким, какой я есть.

Я подумал: смогу ли я теперь вообще когда-нибудь быть уверенным в том, кто я есть на самом деле? Теперь я ненавидел Ганелона и не доверял ему. Но я знал, как легко моя прежняя половина одерживает верх, побеждая Эдварда Бонда.

Чтобы спасти себя, я должен был вернуть память Ганелона. Я должен был знать больше, нежели полагали все окружающие. Иначе и Ганелон, и Эдвард Бонд — я понимал это — могли погибнуть. Медея ничего мне не скажет. Эдейрин тоже. Матолч мог бы поведать мне о многом, но он исказил бы истину.

Я едва решился отправиться с ними на Шабаш, который, как я полагал, был посвящен Ллуру — из-за этой ужасной связи между ним и мной. Предполагалось, что будут принесены жертвы.

Как мог я быть уверен — я, нынешний, — что не меня хотели положить на алтарь перед... перед золотым окном?

Затем ненадолго — но я не ощущал течения времени — во мне вновь пробудился Ганелон, и отрывочные воспоминания промелькнули в моем сознании; они были слишком бесформенны, чтобы я мог в них разобраться. Я уловил только страх — страх и отвращение, и еще отвратительное влечение к чему-то, победить которое у меня не было сил.

Но я не мог не пойти туда: ведь если я отказался бы, то тем самым признался бы, что мне известно о том, что угрожало Ганелону, больше, чем это должно было быть известно Эдварду Бонду. И моим единственным ненадежным оружием против них было то небольшое, что я вспомнил и держал в тайне.

Оставались еще жители леса. Они были вне закона, и за ними охотились воины Ковена. Плен для них означал рабство — я хорошо помнил ужас во взгляде тех живых мертвецов, что были слугами Медеи. Как Эдвард Бонд я жалел их, раздумывая, как спасти их от Ковена. Настоящий Эдвард Бонд прожил с ними в лесах долгих полтора года, организовывая сопротивление, сражаясь с Ковеном. Я знал, что сейчас на Земле он не находит себе места, мучимый безнадежной мыслью о том, что его дело не завершено и что его друзья находятся во власти темных сил.

Возможно, мне стоило попытаться разыскать лесных жителей. Среди них, по крайней мере, я был бы в безопасности, пока моя память полностью ко мне не вернулась бы. Но если бы она вернулась, насколько неистова была бы ярость Ганелона? Он сошел бы с ума от переполнявшей его ненависти и от собственного унижения. Мог ли я подвергать жителей лесов такой опасности, как явление лорда Ганелона, если памяти его все же суждено было вернуться ко мне? Мог ли я подвергать такой опасности себя, ведь их, жаждущих мести, было множество против меня одного?

Я не мог идти туда и не мог оставаться здесь. Эдвард Бонд, который в любую минуту мог стать Ганелоном, нигде не чувствовал бы себя в безопасности. А опасность грозила отовсюду: и от восставших лесных жителей, и от любого из членов Ковена.

Опасность исходила от дикого, злобного Матолча.

Или от таинственной Эдейрин, которая наблюдала за мной своими ледящими глазами из-под тени капюшона.

Или от Гаста Райми, кем бы он ни был. От Арле. Или от ведьмы в алом!

«Да, и прежде всего, от Медеи, — подумал я. — От Медеи, которую я когда-то любил!»

С наступлением сумерек пришли две девушки-рабыни и принесли пищу и новую одежду. Я торопливо поел, переоделся в одноцветные, из прекрасной ткани, тунику и брюки и накинул на плечи величественный голубой плащ, который они услужливо держали. Я

нерешительно вертел в руках маску из золотистой ткани, пока одна из девушек не напомнила:

— Мы проводим тебя, когда ты будешь готов, Повелитель.

— Я уже готов, — сказал я и проследовал за ними.

Призрачный, непонятно откуда льющийся свет, освещал коридоры замка. Меня провели в покои Медеи, в комнату с журчащим фонтаном под высокими сводами. Рыжая ведьма была невыразимо прекрасна в плотно облегавшем ее фигуру ослепительно-белом платье. Ее обнаженные плечи матово поблескивали. На ней был алый плащ. На мне — голубой.

Рабыни незаметно исчезли. Медея улыбнулась мне, но я почувствовал, что она нервничает — напряженность, таившаяся в уголках губ и в глазах выдавали ее. Казалось, она буквально излучала флюиды нетерпеливого ожидания.

— Ты готов, Ганелон?

— Не знаю, — сказал я. — Смотря как понимать. Не забывай, что я ничего не помню.

— Твоя память может вернуться сегодня ночью, хотя бы частично, — сказала она. — Но ты не будешь принимать участия в ритуале до тех пор, пока не будет принесена жертва. Лучше, если ты просто понаблюдаешь. Раз ты не помнишь необходимых ритуалов, будет лучше, если ты позволишь вести церемонию другим членам Ковена.

— Матолчу?

— И Эдейрин, — сказала Медея. — Гаст Райми не придет. Он покидает свой замок только в исключительных случаях. Он стар, очень стар.

Я нахмурился.

— Куда мы направляемся? — спросил я.

— В Каэр Секэйр. Я уже говорила тебе, что жертвоприношения не совершались с тех самых пор, как я отправилась на Землю искать тебя. Мы и так опоздали.

— Что мне надо будет делать?

Она коснулась своей изящной рукой моей руки.

— Ничего, пока не придет время. Тогда ты все поймешь сам. Но до той поры ты должен просто наблюдать, и не более того. А теперь надень свою маску.

Она надела маленькую черную маску, которая оставляла открытой нижнюю половину лица.

Я надел золотую маску и вышел через арку вслед за Медеей.

Мы очутились во дворе. Две лошади стояли там, ожидая нас — их держали грумы. Медея вскочила на одну, я — на другую.

Небо над нашими головами начало темнеть. В стене отворились массивные ворота. За ними виднелась дорога, уходящая к далекому лесу.

Угрюмое, гневно пылавшее кроваво-красное солнце заливало темным пламенем вершины горного хребта.

Оно вскоре закатилось. Темнота стремительно захлестнула небо. Вспыхнули мириады звезд. При их неверном свете лицо Медеи казалось призрачно-бледным.

Глаза ее сверкали сквозь тьму.

Издалека до меня донесся слабый зов трубы. Он повторился еще раз.

И снова — тишина и едва различимый гул, который постепенно превратился в ритмичный перестук копыт.

Мимо нас мелькнула фигура: безмолвный стражник-раб. Он был без маски. Взгляд его был устремлен на открытые ворота. Затем другой, третий... Так мимо нас проследовали три отряда воинов, а за ними — почти столько же юных девушек-рабынь.

На легком быстроногом скакуне подъехал Матолч, бросив на меня украдкой взгляд. Его желтые глаза сверкнули; зеленый, цвета леса, плащ окутывал плечи.

За ним — крохотная фигурка Эдейрин на пони, таком же маленьком, как и она. Ее лицо по-прежнему скрывал капюшон, но теперь на ней был ярко-желтый плащ.

Медея кивнула мне. Мы прищипорили коней и заняли свои места в колонне. За нами скакали и другие всадники, но я не мог их толком рассмотреть из-за опустившейся темноты.

Мы проехали сквозь ворота в стене в гробовой тишине, если не считать стука лошадиных копыт, и поскакали по равнине. Лес постепенно надвигался, пока, наконец, не поглотил нас.

Я оглянулся назад. Исполинской глыбой на фоне неба высился покинутый нами замок.

Мы ехали под тяжелыми нависавшими ветвями. Этим деревьям было далеко до черных обитателей ужасного сада Медеи, но и они выглядели необычно. Я не мог понять, почему от этих окружавших нас темных громадин исходило явственное ощущение абсолютной чуждости.

Спустя довольно много времени дорога кончилась, и под копытами запружинила лесная почва. На небе неторопливо возшла луна. В ее желтом сиянии в глубокой долине под нами проступили очертания башни — мрачной, без окон, почти готической по своей архитектуре, словно выросшей из черной земли, из-под темного покровы древних странных деревьев.

Каэр Секэйр!

Я бывал здесь раньше. Ганелон из Темного Мира хорошо знал это место. Но я-то не знал его; при его виде у меня лишь появилось неприятное ощущение чего-то до боли знакомого, — известный всем психологам феномен дежавю в сочетании со странным ощущением отстраненности. Казалось, что мое тело, мой разум, сама душа моя существуют отдельно от меня.

Каэр Секэйр. Секэйр? Изучая на Земле магию, я где-то наталкивался на это имя. Старинный ритуал в Гаскони... ну конечно же!

Месса святого Секэйра!

И человек, которому отслужат эту Черную Мессу, должен умереть. Это я тоже помнил. Не по Ганелону ли будут служить сегодня Черную Мессу?

Это место не было Обителью Ллура. Откуда-то я знал это. Каэр Ллур находится не здесь и выглядит иначе. Это не храм, куда совершают паломничество. Но сюда, в Каэр Секэйр, как и в другие храмы по всему Темному Миру, Ллура можно было призвать, чтобы он насытился. И он являлся на зов.

Не Ганелону ли сегодня суждено было умиловать его? Я нервно сжал поводья. Напряжение витало в воздухе, и я никак не мог понять — по какой причине. Медея, ехавшая рядом со мной, была спокойна; как всегда невозмутима была и Эдейрин. Матолч — я мог поклясться — тоже не выказывал ни малейших признаков волнения. И все же тревожное ожидание пронизывало ночь, как будто им веяло от темных деревьев по обеим сторонам дороги.

Перед нами молчаливой, бесформенной толпой двигались воины и рабыни. Некоторые воины были вооружены; казалось, они конвоировали остальных. Движения их были механическими, словно кто-то когда-то погрузил этих прежде свободных людей в гипнотический сон. Я знал, хотя об этом не было сказано ни слова, о том, с какой целью этих мужчин и девушек вели в Каэр Секэйр. Но даже эти безмолвные, лишенные разума жертвы не проявляли беспокойства. Нет, напряженность исходила из тьмы, окружавшей нас.

Кто-то или что-то ожидало нас в ночи!

7. Лесной народ

Из темного леса внезапно раздался призывный звук трубы. В ту же самую секунду захрустели ветки, раздался крик и вопли, и лес осветился слабыми вспышками выстрелов из неведомого оружия. На дорожку внезапно хлынули фигурки в зеленом, которые врзались в колонну рабов впереди нас. Они схватились со стражниками, зажав их между нами и безмолвными жертвами.

Конь мой дико заржал. Я с трудом сдерживал его, осаживая, и чувствовал, как уже знакомая кровавая пелена ярости затуманивает мой мозг. Увидев лесных жителей, Ганелон изо всех сил пытался взять контроль надо мной. И его тоже приходилось сдерживать. Несмотря на все свое удивление, я чувствовал, что данную ситуацию можно повернуть в свою пользу. Стегая вставшего на дыбы коня между ушами кожаными поводьями, я пытался удержаться в седле.

Рядом со мной Медея поднялась на стременах, посылая молнию за молнией в зеленую гущу впереди нас из того самого оружия в виде темной трубки, которая вздрагивала в ее руках после каждого выстрела. Эдейрин отъехала в сторону, не принимая никакого участия в сражении. Маленькая, закутанная в плащ фигурка спорбилась в

седле, но сама ее неподвижность выглядела устрашающе. У меня было такое чувство, что она в любую минуту может прекратить бой, если захочет.

Матолча же в седле не было. Его лошадь уже пробиравлась сквозь чашу, а сам Матолч ринулся в гущу схватки, издавая довольное рычание. От этого звука у меня по спине побежали мурашки. Я видел, что под его зеленым плащом скрывалась вовсе не человеческая фигура, и люди в зеленом рассыпались перед ним в разные стороны, когда он прорубался сквозь их ряды к голове колонны.

Попытка лесных жителей спасти обреченных готова была вот-вот провалиться. Я понял это практически сразу. Я также видел, что они не осмеливаются нападать на членов Ковена. Все их усилия были направлены на то, чтобы одолеть похожих на роботов стражников и спасти столь же похожих на роботов жертв от Ллура. И я видел, что они терпят неудачу.

Потому, что жертвы были слишком апатичны, чтобы бежать. Если они и обладали когда-то силой воли, то давно ее лишились. Они подчинялись приказам — только и всего. А у лесных жителей не было вожака. Когда я это заметил, то сразу понял, в чем тут дело. Это была моя вина. Эдвард Бонд спланировал это смелое нападение, но из-за моего появления он исчез и вести их было некому. И бесплодное сражение уже близилось к концу.

Летучие огненные стрелы Медеи убивали одного повстанца за другим. Роботоподобные стражники расстреливали их словно мишени на учениях. Горланное яростное рычание Матолча, который пробивался через толпу нападавших к своим воинам, действовало эффективнее любого оружия. Нападавшие отшатывались от данного звука куда проворнее, чем от оружейного огня. Я знал, что стоило Матолчу добраться до своих людей, как организованное сопротивление сломало бы хребет этому воинству без предводителя.

На несколько мгновений мое собственное сознание тоже превратилось в поле битвы. Ганелон пытался взять бразды правления в свои руки, а Эдвард Бонд яростно сопротивлялся.

Как Ганелон я знал, что место мое было рядом с оборотнем: инстинкт толкал меня рубиться рядом с ним. Но Эдвард Бонд считал иначе: он тоже знал, где его место.

Я сдвинул свою золотистую маску, чтобы все могли видеть мое лицо, вонзил шпоры в бока своего коня и направил его в гущу схватки вслед за Матолчем. Один только вес моего коня давал мне преимущество, которого не было у спешившегося оборотня. Стук копыт и могучая грудь моего скакуна расчищали дорогу. Привстав на стременах, я закричал низким горланным голосом Ганелона:

— Бонд! Бонд! Эдвард Бонд!

Бунтовщики слышали меня. Сражение вокруг колонны сразу утихло: каждый из одетых в зеленое людей обернулся, чтобы посмотреть на меня. Когда они увидели своего потерянного вождя, громкий крик прокатился по их рядам:

— Бонд! Эдвард Бонд!

Лес звенел этим криком, и в голосах их звучала угасшая было отвага. Дикий рык ярости Матолча был заглушен криками лесных жителей, вновь собравших все силы и ринувшихся в атаку.

Память Ганелона подсказывала мне, что надо было делать. Лесные жители валили одного стражника за другим, не обращая больше внимания на выстрелы, косившие их разрозненные ряды, но только я один мог спасти пленников. Лишь голос Ганелона мог вывести их из оцепенения.

Я прищиприл своего испуганного коня, расшвыривая стражников направо и налево, и поскакал к голове колонны.

— В лес! — закричал я. — Очнитесь и бегите! Бегите скорее!

В едином порыве рабы, еще не оправившиеся от транса своих сновидений, но послушные голосу одного из членов Ковена, прорвались сквозь поредевшую цепь своих стражей. Ход битвы изменился, когда они всей массой неудержимо устремились через дорогу в темноту леса.

Одетые в зеленое фигуры, пропуская их, разом разомкнули свои ряды. Это был странный беззвучный порыв. Даже стражники не издавали ни единого звука, хотя они все стреляли и стреляли вслед уходящей колонне. Их лица были по-прежнему безжизненны, словно они спали, не видя снов.

Меня бил озноб при виде того, как мужчины и женщины бежали, спасая свои жизни, а воины с оружием убивали их, причем лица тех и других абсолютно ничего не выражали. Они молча бежали и молча умирали, когда их настигал выстрел.

Я повернул своего коня и поскакал вслед за уходящей колонны. Моя золотая маска сбилась набок, и я, сорвав ее, помахал лесным жителям. Лунный свет играл бликами на золотистой ткани.

— Спасайтесь! — кричал я. — Разбегайтесь и следуйте за мной!

Позади, совсем близко, я услышал низкое рычание Матолча. Я оглянулся через плечо, когда мой конь пересекал дорогу. Высокая фигура оборотня возвышалась над головами нескольких его солдат. Лицо его больше напоминало искаженную злобой морду волка. И пока я смотрел на него, он поднял черную трубку, такую же, какой пользовалась Медея. Я увидел, как из нее вырвался сноп белого огня, и пригнулся в седле.

Это движение спасло меня. Я почувствовал, как воздушная волна толкнула меня в спину, взметнув вверх голубой плащ, и услышал треск рвущейся ткани, когда огненный заряд, пронзив его, ушел в темноту. Конь мой ринулся в лес.

И вот вокруг меня зашелестели деревья, а обезумевший конь оступился и испуганно заржал, подняв голову. Рядом со мной в темноте чей-то тихий голос произнес:

— Сюда.

И чья-то рука взяла поводья.

Я позволил лесному жителю вести себя в темноту.

Занималась заря, когда усталая наша колонна добралась до цели, войдя в долину между утесами, где лесные жители разбили свой лагерь. Все мы устали, хотя рабы, которых мы вызволили, с отсутст-

вующим выражением на лицах шли за мной нестройной колонной. Они не сознавали, что ноги их сбиты, а тела истощены.

Жители леса скользили меж деревьев, окружая нас, опасаясь преследователей. Раненых среди нас не было. Оружие Ковена не наносило ран: те, кого оно настигало, сразу падали замертво.

В бледном свете зари я никогда бы не догадался, что в раскинувшейся передо мной долине разместился базовый лагерь бунтовщиков. Она выглядела пустынной, разве что тут и там были разбросаны валуны. Склоны поросли мохом, небольшой ручеек, стекавший в долину, был окрашен восходящим солнцем в розовый цвет.

Один из лесных жителей взял под уздцы моего коня, и мы вошли в долину пешком; безучастные ко всему происходящему рабы толпились сзади. Казалось, мы вступили в совершенно необитаемую долину. Но стоило нам пройти половину пути, как лесной житель справа от меня неожиданно положил мне руку на плечо, и мы остановились; позади нас беззвучно замерла покорная толпа. Лесные жители вокруг меня заулыбались. Я поднял голову.

Она стояла на высоком валуне, который перегораживал ручеек, одетая по-мужски — в мягкую бархатную зеленую тунику, перепоясанную ремнем, увешанным оружием, но волосы ее волшебной мантией ниспадали до самых колен — поток бледного золота, переливающийся, как вода. Венок из светлых листьев того же цвета поддерживал их, не давая спадать на лицо. Стоя на валуне в солнечном сиянии, она смотрела на нас и улыбалась. В особенности она улыбалась мне — Эдварду Бонду.

Лицо ее было прекрасно. В нем читались сила и непорочность, и строгое спокойствие святой, но алые губы улыбались тепло и дружелюбно. Глаза ее были того же темно-зеленого цвета, что и туника. Таких глаз я не видел ни у кого в своем родном мире.

— С благополучным возвращением, Эдвард Бонд, — сказала она ясным, нежным, чуть приглушенным голосом. Казалось, она за долгие годы настолько привыкла говорить тихо, что даже сейчас не осмелилась повысить голос.

Она легко прыгнула с валуна, двигаясь с уверенностью дикарки, которая всю жизнь провела в лесах. Наверное, так оно и было на самом деле. Волосы ее струились в воздухе легко, как паутина, медленно колыхаясь на плечах при ходьбе. Казалось, она ступала в нимбе своих светлых золотых волос.

Я вспомнил, о чем говорил мне лесной житель Эрту в садах Медеи, прежде чем его поразила молния из черной трубки.

«Арле убедит тебя, Эдвард! Даже если ты Ганелон, разреши мне отвести тебя к Арле!»

Сейчас я стоял перед ней. В этом я был уверен. И если даже меня когда-то и требовалось убеждать в том, что дело лесных жителей было и моим делом, то первые слова этой девушки с нимбом развеяли все сомнения. Что касается Ганелона...

Откуда мне знать, как поступил бы Ганелон?

На этот вопрос ответили за меня. Прежде, чем мои губы произнесли хоть слово, прежде, чем я успел составить план своих дальнейших действий, Арле подошла ко мне и, совершенно не обращая внимания на то, что за нами наблюдают, положила свои руки мне на плечи и поцеловала меня прямо в губы.

И этот поцелуй не был похож на поцелуй Медеи — нет! Губы Арле были прохладными и нежными, а не пылавшими, как зовущие, страстные, медово-пряные уста алой ведьмы. То странное влечение, что пленило меня своим ядом, когда я сжимал в объятьях Медею, не одолевало меня сейчас. Было нечто чистое в Арле, чистое и искреннее, что заставило меня вдруг испытать отчаянный приступ тоски по Земле.

Она отступила назад. Ее темно-зеленые глаза встретились с моими — в них было спокойное понимание. Казалось, она чего-то ждала.

— Арле, — сказал я, совладав с собой.

И это, казалось, успокоило ее. Казалось, она хотела что-то спросить — это ясно читалось в выражении ее лица — и передумала.

— Я волновалась, — сказала она. — Они не причинили тебе вреда, Эдвард?

Инстинкт подсказал мне, как нужно отвечать.

— Нет, мы не доехали до Каэр Секэйра. Если бы лесные жители не напали на колонну, что ж, жертвоприношения было бы не миновать.

Арле протянула руку и приподняла край моего разорванного плаща. Тонкие пальчики ее погладили шелковую ткань.

— Голубой плащ, — сказала она. — Да, это цвет тех, кого должны принести в жертву. Боги были сегодня на нашей стороне, Эдвард. А от этого злого символа мы должны сейчас же избавиться.

Ее глаза сверкнули. Она стянула с меня плащ, разорвала его пополам и бросила на землю.

— Больше ты никогда не пойдешь охотиться один, — добавила она. — Я ведь говорила тебе, что это опасно. Но ты посмеялся надо мной. Могу поспорить, что ты не смеялся, когда тебя схватили рабы Ковена! Разве не так?

Я кивнул. Медленно, очень медленно страшная ярость закипала во мне. Значит, голубой цвет был цветом жертвы? Вот как! Мои опасения были небезосновательны. В Каэр Секэйре мне была уготована роль жертвы, слепо шедшей навстречу своей участи. Матолч, конечно же, знал об этом. Представляю себе, как мозг оборотня смаковал эту шутку! Эдейрин, поглощенная своими холодными, нечеловеческими мыслями под тенью опущенного капюшона, тоже знала. А Медея?

Медея!

Она осмелилась предать меня! Меня, ГАНЕЛОНА!

Открывающего Врата, Избранника Ллур, великого лорда Ганелона! Как они посмели!

Черный гром гремел в моем мозгу. Я думал: «Клянусь Ллуром, они поплатятся за это! Они будут ползать у моих ног, как жалкие псы! И молить о пощаде!»

Ярость смела все преграды в моем сознании. Эдвард Бонд превратился в череду смутных воспоминаний, которые ускользнули от

меня, подобно тому, как голубой плащ будущей жертвы, соскользнул с плеч лорда Ганелона!

Я заморгал, озираясь в кругу одетых в зеленое людей. Как я попал сюда? Как смеют эти лесные бунтовщики стоять передо мною в столь вызывающих позах? Кровь бросилась мне в лицо, перед глазами все поплыло... Как только это пройдет, я выхвачу свое оружие и изрублю этих выскочек, как дровосек рубит дрова...

Погоди!

Во-первых, мои братья по оружию, Ковен, предали меня. Почему? Почему? Они же были рады видеть меня вновь, когда вернули меня из другого, чуждого мира Земли. С лесными жителями я могу расправиться, повлиять на нее, но опять-таки почему, почему? Или, может, тут замешана Эдейрин или сам старик Гаст Райми? В любом случае, клянусь Золотым Окном, которое открывается в бездну, они еще пожалеют о своей ошибке!

Я напряг свою память. Что могло обратить Ковен против меня? Я готов был поклясться, что вначале это не входило в намерения Медеи — слишком искренне она обрадовалась тому, что я вернулся. Матолч мог, конечно, повлиять на нее, но опять-таки почему, почему? Или, может, тут замешана Эдейрин или сам старик Гаст Райми? В любом случае, клянусь Золотым Окном, которое открывается в бездну, они еще пожалеют о своей ошибке!

— Эдвард!

Женский голос, нежный и испуганный, донесся словно издалека. Я с трудом вернулся к действительности, преодолевая гнев и ярость. Я увидел бледное лицо, окруженное нимбом золотистых волос, зеленые встревоженные глаза. Я опомнился.

Рядом с Арле стоял незнакомец. Взгляд его холодных серых глаз вызвал шок, который вернул меня к реальности. Он смотрел на меня так, словно хорошо знал меня — Ганелона. Я же никогда не видел его раньше.

Он был крепок, невысок и моложав, несмотря на седину, которая пробивалась в его коротко постриженной бородке. Лицо его загорело так сильно, что цветом не отличалось от почвы. В своем плотно облегающем зеленом костюме он казался подлинным обитателем леса, который бесшумно скользит между деревьев, незримый и угрожающий. Глядя на то, как вздувались буграми его мускулы, я понял: этот будет опасным противником. И в его отношении ко мне сквозила глубокая враждебность.

Уродливый белый шрам пересекал его лицо, проходя через правую щеку и плотно сжатые губы, так что лицо его будто бы навечно застыло в иронической гримасе. Тем не менее в его ледяных серых глазах не было ни искорки смеха.

И я заметил, как лесные жители, наблюдая за нами, отступили назад, взяв нас в кольцо.

Бородач схватил Арле за руку; рывок — и она оказалась у него за спиной. Безоружный, он сделал шаг вперед, ко мне, потом еще шаг...

— Нет, Лоррин, — вскричала Арле. — Не трогай его!

Лоррин впился глазами в мое лицо:

— Ганелон! — сказал он.

При звуках этого имени шепот страха и ненависти пронесся по окружавшему нас лесному племени. Я заметил, как руки у многих произвольно потянулись к оружию. Я увидел, как изменилось лицо Арле.

Испытанная уловка Ганелона пришла мне на помощь.

— Нет, — сказал я, потирая рукой лоб. — Это я, Бонд. Просто отравы, которой напоил меня Ковен, еще действует.

— Какая еще отравы?

— Не знаю, — ответил я Лоррину. — Она была в вине, которое дала мне выпить Медея. К тому же долгое ночное путешествие сильно утомило меня.

Я сделал несколько неверных шагов в сторону и прислонился к валуну. При этом я несколько раз тряхнул головой, как будто пытаясь прийти в себя. Но я был настороже. Шепот подозрения постепенно затих.

Прохладные пальцы коснулись моей руки.

— Радость моя, — прошептала Арле и, резко повернувшись к Лоррину, добавила:

— Неужели ты думаешь, что я не отличила бы Эдварда Бонда от Ганелона? Лоррин, ты глупец!

— Если б эти двое не были так схожи, нам никогда бы не удалось поменять их местами вначале, — грубо сказал Лоррин. — Будь осторожна, Арле. Очень осторожна.

Опять поднялся шум.

— Мы должны быть абсолютно уверены в нем, — раздавались голоса. — Не рискуй, Арле! Если это Ганелон, он должен умереть.

В зеленых глазах Арле вновь мелькнула тень сомнения. Она отпустила мою руку и еще пристальнее взглядела в мое лицо. Ее сомнения не рассеялись.

Я ответил взглядом на ее взгляд.

— Ну что, Арле? — спросил я.

Губы ее задрожали.

— Этого не может быть, я знаю. Но Лоррин прав. Ты же понимаешь: мы не можем рисковать. Если этот дьявол Ганелон вернется после того, что произошло, всем нам придет конец.

«Дьявол, — подумал я. — Дьявол Ганелон». Да, Ганелон ненавидел лесных жителей, но сейчас его снедает ненависть к другим — и она намного больше! Ковен предал его в минуту слабости. Лесное племя подождет. Его месть ждать не может. Этот дьявол Ганелон обрушит и Каэр Секэйр и Замок на головы Ковена!

А это означало, что играть следовало крайне осторожно!

— Да, Лоррин прав, — сказал я. — Вы сейчас не можете определить, Ганелон я или нет. Может быть, ты и знаешь это, Арле, — я

улыбнулся ей, — но тут не должно оставаться ни малейших сомнений. Пусть Лоррин испытает меня.

— Как? — спросил Лоррин, глядя на Арле.

Она нерешительно переводила взгляд с меня на бородача.

— Я, кажется, знаю.

Лоррин хмыкнул.

— Сама я могу ошибаться. Но есть та, которая видит правду: Фрейдис.

— Пусть Фрейдис испытает меня, — быстро ответил я. И был вознагражден, заметив, что Лоррин заколебался.

— Прекрасно, — сказал он наконец. — Если я ошибаюсь, то приношу свои извинения прямо сейчас. Но если я прав, то я убью тебя или буду пытаться убить. Только одну жизнь я отнял бы с большим удовольствием, чем твою, но оборотень пока недостижим для меня.

И вновь Лоррин потрогал свою щеку с уродливым шрамом. При мысли о лорде Матолче его серые глаза на какое-то мгновение загорелись. Я встречался с ненавистью и раньше. Но никогда еще я не наблюдал такой ненависти, какую Лоррин испытывал к волку.

Ну что ж, пусть убьет Матолча, если сможет! Есть другое, более нежное горло, на котором я мечтал сомкнуть свои пальцы. Все ее колдовство не убережет ведьму в алом, когда Ганелон ворвется в Каэр Секэйр и сломит Ковен как связку гнилых прутьев, голыми руками!

И вновь черный гнев загремел как набат. Нахлынувшая ярость смыла Эдварда Бонда, но она не затронула хитрости Ганелона.

— Как скажешь, Лоррин, — спокойно сказал я. — Идем к Фрейдис.

Он коротко кивнул. Мы двинулись вглубь долины, окруженные лесными жителями: Лоррин с одной стороны, Арле, удивленная и встревоженная, с другой. Покорные рабы брели следом.

Стены каньона постепенно смыкались. Впереди среди гранитных валунов показался вход в пещеру.

Мы расположились нестройным полукругом, глядя на вход. Наступила тишина, прерываемая только шелестом листьев на ветру. Красное солнце поднималось над горной грядой.

Из темноты до нас донесся голос — глубокий, раскатистый и сильный.

— Я бодрствую, — раздалось из темноты. — В чем дело?

— Мать Фрейдис, здесь те, кого мы спасли от Ковена, — быстро сказала Арле. — На них наложены чары.

— Отведи их ко мне.

Лоррин наградил Арле гневным взглядом и сделал шаг вперед.

— Мать Фрейдис! — позвал он.

— Я слушаю.

— Мы нуждаемся в твоём совете. Тот, кто назвал себя Эдвардом Бондом, кажется мне Ганелоном, который вернулся из мира Земли, куда ты его отослала.

Наступило продолжительное молчание.

— Отведите его ко мне, — в конце концов произнес голос. — Но сначала — рабы.

По знаку Лоррина лесные жители стали подгонять рабов ко входу в пещеру. Те не сопротивлялись. С ничего не выражавшими лицами вступали они в загадочную темноту, и один за другим исчезали.

Лоррин посмотрел на меня и наклонил голову, указывая на вход. Я улыбнулся.

— Когда я выйду, мы опять будем друзьями, как и раньше, — сказал я.

Глаза его не потеплели.

— Это решит Фрейдис.

Я повернулся к Арле.

— Фрейдис должна принять решение, — сказал я. — Но бояться нечего, Арле. Помни об этом. Я не Ганелон.

Она смотрела на меня, испуганная, неуверенная: я отступил от нее на шаг, на два...

Безмолвная толпа не сводила с меня глаз. Лесные жители держали оружие наготове.

Я тихо засмеялся и отвернулся.

А затем вошел в черное отверстие пещеры.

Тьма поглотила меня.

8. *Фрейдис*

Это звучит странно, но я был абсолютно уверен в себе, когда шел перед по тропинке, полого поднимавшейся в темноте. Впереди, за поворотом я увидел мерцание света и улыбнулся. Очень трудно было разговаривать с этими выскочками-бунтовщиками как с равными, словно я все еще был Эдвардом Бондом. Хотя нелегко также делать вид, будто их колдунья обладает такими же знаниями, как и лорд Ковена. Кое в чем она должна была разбираться, иначе ей никогда бы не удалось повернуть эту подмену, сослав меня в мир Земли и доставив сюда Эдварда Бонда. Но я считал, что в состоянии одурачить ее, как и любого, кого предложат мне эти смутьяны.

Маленькая пещера за поворотом была пуста; в ней никого не было, кроме Фрейдис. Она стояла на коленях спиной ко мне перед небольшим огнем, который, казалось, горел сам по себе, безо всякого топлива, на хрустальном блюде. Она была одета в белое, а ее седые волосы двумя толстыми косами лежали на спине. Я остановился и попытался вновь ощутить себя Эдвардом Бондом, дабы определить,

что бы он сказал в эту минуту. И тут Фрейдис повернулась и поднялась с колен.

Она была поразительно высокой. Мало кто в Темном Мире мог взглянуть мне в глаза, но ясные голубые глаза Фрейдис оказались на одном уровне с моим. Ее широкие плечи и большие гладкие руки были почти столь же сильными, как у мужчин. Если она и была преклонного возраста, то этого не чувствовалось: она поразительно легко двигалась, а лицо, обращенное ко мне, не имело возраста. Лишь в глазах ее отражалось знание, и когда я встретился с их взглядом, то понял, что в действительности она очень старá.

— Доброе утро, Ганелон, — сказала она глубоким безмятежным голосом.

Я вздрогнул. Она знала, кто я такой, как будто могла читать мои мысли. И это при том, что я был уверен (или почти уверен), будто бы ни один человек в Темном Мире не может этого сделать. На мгновение я почти лишился дара речи. Но затем мне на выручку пришла гордость.

— Здравствуй, старуха, — сказал я. — Я пришел предложить тебе шанс выжить, если ты выступишь на моей стороне. Есть дело, которое мы можем проверить сообща.

Она засмеялась.

— Садись, лорд Ковена, — ответила она. — В последний раз, когда мы мерились силами, ты оказался в ином мире. Не хочешь ли ты опять навестить Землю, лорд Ганелон?

Теперь настала моя очередь засмеяться.

— Ты не сможешь сделать этого. И даже если сможешь, то не сделаешь после того, как выслушаешь меня.

Ее голубые глаза пытливо изучали на меня.

— Ты чего-то отчаянно добиваешься, — медленно произнесла она. — Одно твоё присутствие здесь и то, что ты диктуешь мне условия, доказывают это. Я никогда не думала, что встречу с лордом Ганелоном лицом к лицу, разве что в оковах или же в пылу битвы. Но твоя нужда, лорд Ганелон, привязывает тебя ко мне крепче, чем оковы. Ты связан и беспомощен.

Она опять повернулась к огню и села, двигаясь с плавной грацией, великолепно управляя своим большим сильным телом. Сквозь пламя на его хрустальном ложе она смотрела на меня.

— Садись, Ганелон, — повторила она. — Давай торговаться. Об одном только тебя прошу: не трать свое время на то, чтобы лгать мне. Я знаю, когда ты говоришь правду, лорд Ковена. Помни это.

Я пожал плечами.

— С какой стати мне лгать тебе? — спросил я. — Мне нечего от тебя скрывать. Чем больше правды обо мне ты будешь знать, тем сильнее убедишься в моей правоте. Но сначала скажи: где те рабы, которые вошли сюда до меня?

Она кивнула, указывая головой в темноту пещеры.

— Я послала их туда, в глубь горы. Они спят. Ты же знаешь, как глубок сон тех, кто освобожден от Заклятия, лорд Ганелон.

Я уселся, покачивая головой.

— Нет, нет, этого я еще не могу вспомнить. Ты просила, старуха, чтобы я говорил правду. Тогда слушай. Я — Ганелон, но ложные воспоминания Бонда все еще затуманивают мой мозг. И пришел я сюда как Эдвард Бонд. Но Арле сказала мне кое-что, вызвавшее Ганелона из небытия. Она сказала мне, что Ковен в час моей слабости одел меня в голубой плащ жертвы, и я скакал в Каэр Секэйр, когда лесные жители напали на нас. Должен ли я открыть тебе свое самое сокровенное желание, ведунья?

— Месть Ковену! — произнесла она с расстановкой, и глаза ее сверкнули сквозь разделявшее нас пламя. — Ты сказал правду, Лорд Ковена. Ты хочешь, чтобы я помогла тебе отомстить. А что ты можешь предложить лесным жителям взамен, кроме огня и меча? Почему мы должны доверять тебе, Ганелон?

И вновь глаза ее, не имевшие возраста, жгли мое лицо.

— Смотря чего вы хотите. Я хочу отомстить. А вы?

— Покончить с Ллуром! Уничтожить Ковен!

Голос ее разнесся под сводами пещеры, а лицо засияло, когда она произнесла эти слова.

— Да будет так! Я тоже желаю гибели Ковену и Ллuru.

Мой язык с трудом повиновался мне, когда я произнес последнюю фразу — сам не знаю, почему. Правда, когда-то после великого и ужасного ритуала я был отмечен печатью Ллура — это я хорошо помнил. Но Ллур и я не были единым целым. Мы могли бы им стать, если бы события развивались по другому. Сейчас я задрожал при одной мысли об этом.

Да, теперь я желал конца Ллура — должен был желать, если хотел остаться в живых.

Проницательная Фрейдис взглянула на меня:

— Конечно, ты должен этого желать, как же иначе? Но чего же ты хочешь от нас, Ганелон?

Я поспешно заговорил:

— Я хочу, чтобы ты поклялась своему племени, что я — Эдвард Бонд. Нет, подожди! Я в состоянии сделать для них сейчас гораздо больше, чем смог бы Эдвард Бонд. Скажи спасибо, что я вновь стал Ганелоном, старуха. Сейчас только он может помочь вам. Послушай меня: твои сородичи не могут убить меня, я это знаю. Ганелон бессмертен, он может умереть только на алтаре Ллура. Но они могут схватить меня и держать здесь заложником, пока ты опять не вернешь сюда Эдварда Бонда своими заклинаниями. А это будет глупо, потому что не поможет ни тебе, ни мне.

Все, на что Эдвард Бонд был способен, он уже для вас сделал. Теперь пришел черед Ганелона. Кто еще может рассказать вам, каково уязвимое место Ллура? Где Матолч держит свое секретное оружие? Как уничтожить Эдейрин? Все это знаю я — или знал когда-то. Ты должна помочь мне вернуть память, всю целиком. А потом...

Тут я кровожадно усмехнулся.

Она кивнула головой, и некоторое время мы сидели молча.

— Чего ты хочешь от меня, Ганелон? — спросила она в конце концов.

— Расскажи мне сначала о том, как связаны миры, — живо спросил я. — Как тебе удалось поменять местами нас с Эдвардом Бондом?

Фрейдис рассеянно улыбнулась.

— Не торопись, лорд Ковена! — ответила она. — У меня тоже есть свои тайны! Я отвечу лишь на часть твоего вопроса. Мы совершили этот обмен, как ты, наверно, догадываешься, только для того, чтобы избавиться от тебя. Ты должен помнить, как свирепо ты расправлялся с нами, как обращал наших людей в рабство, как ненавидел нашу свободу. Мы — гордый народ, Ганелон, и нас нельзя угнетать вечно. Но мы знали, что тебе не грозит смерть, по крайней мере, от наших рук.

Я знала об ином мире, — о Земле. Я искала и нашла Эдварда Бонда. И после долгих поисков и невероятных усилий я осуществила твое перемещение в этот чуждый тебе мир, и воспоминания Эдварда Бонда сковали твою память.

От тебя мы избавились. Теперь у нас был Эдвард Бонд, но сначала мы не доверяли и ему. Он был слишком похож на тебя. Но его-то мы могли убить, если потребовалось бы. Но мы этого не сделали. Он сильный человек, лорд Ковена. Мы стали доверять ему и положились на него. Он дал нам новые идеи организации военных действий. Он был хорошим вождем. Это он составил план нападения на будущие жертвы Ковена...

— Нападения, которое провалилось, — возразил я. — Или, вернее, провалилось бы, если бы я не изменил соотношение сил. Эдвард Бонд обладал земными знаниями, но его оружие смогло бы, в лучшем случае, поколебать наружные укрепления Ковена. Ты сама должна знать, что есть и другие силы, которые редко пускают в ход, но они никогда не подводят!

— Знаю, — сказала она. — Знаю, Ганелон. Но мы, по меньшей мере, должны были попытаться. И Ковен был ослаблен, потеряв тебя. Кроме тебя, никто из них не осмелился бы вызвать Ллура. Разве что Гаст Райми.

Она задумчиво уставилась на огонь.

— Я знаю тебя, Ганелон. Я знаю гордыню, которая сжигает твою душу. И я знаю, что за месть ты лелеешь в своем сердце. Но тем не менее, когда-то ты был посвящен Ллуру, ты член Ковена с самого своего рождения. Откуда я знаю, можно ли тебе доверять?

Я ничего ей не ответил. И мгновение спустя Фрейдис повернулась к закопченной дымом стене. Она откинула занавеску, которую я до сих пор не замечал. Там, в углублении, находился Символ, очень древний Знак, более древний, чем цивилизация, чем человеческая речь.

Так, значит, Фрейдис была одной из немногих, знавших, что означает этот Символ, как знал это я?

— А теперь поклянешься ли ты, что говоришь искренне? — спросила она.

Я сделал рукой ритуальный жест, который связал меня безвозвратно. Это была клятва, которую я не мог нарушить, не будучи проклят, дважды проклят: на этом свете и на том. Но я не колебался. Я говорил правду!

— Я уничтожу Ковен!

— И Ллура?

— Я уничтожу Ллура!

Крупные капли пота выступили у меня на лбу, когда я произнес эти слова. Да, сказать такое было нелегко.

Фрейдис задернула занавеску. Она казалась вполне удовлетворенной.

— Теперь у меня осталось значительно меньше сомнений, — сказала она. — Ну что ж, Ганелон. Нórны* прядут свою пряжу, связывая воедино предназначение и грядущие свершения наши. Да, судьба существует, хотя мы не всегда можем предвидеть ее. Я не просила тебя поклясться в преданности лесному народу.

— Я это понял.

— Ты никогда бы не поклялся в этом, — сказала она. — Да это и не обязательно. После того, как с Ковеном будет покончено, после того, как Ллур будет уничтожен, я смогу защитить свой народ даже от тебя, Ганелон. Мы еще, возможно, встретимся с тобой на поле брани. Но до той поры мы — союзники. Я назову тебя Эдвардом Бондом!

— Мне этого мало, — ответил я ей. — Это должно пройти незамеченным.

— Никто не усомнится в моих словах, — отрезала Фрейдис.

Отблески огня играли на ее массивной фигуре, на гладком лице, по которому нельзя было определить возраст.

— Я не могу бороться с Ковеном, если не верну себе память! Память Ганелона! *Всю* его память!

Она только покачала головой.

— Видишь ли, — медленно сказала она, — здесь я мало чем могу тебе помочь. Кое-что сделать — да. Но память — очень тонкая субстанция, и вернуть однажды стертые воспоминания нелегко. Ты еще не утратил воспоминания Эдварда Бонда?

Я кивнул головой.

— Да. Но собственных воспоминаний у меня нет, или они крайне избирательны. Я знаю, например, что был посвящен Ллуру, но не припоминаю никаких подробностей.

— Об этом тебе как раз, пожалуй, лучше и не вспоминать, — заметила Фрейдис. — Но ты прав. От тупого клинка пользы мало! Так что слушай.

Неподвижная, как скала, возвышалась она по ту сторону огня. Голос ее стал еще глубже.

— Я послала тебя в мир, называемый Землей. Я открыла сюда путь твоему двойнику — Эдварду Бонду. Он помог нам, и Арле

* Нórны — в скандинавской мифологии низшие женские божества, определяющие судьбы людей.

полюбила его; не сразу, конечно... Даже Лоррин, который доверяет очень немногим, доверился Эдварду Бонду.

— Кто такой Лоррин?

— Теперь он — один из нас. Но так было не всегда. Много лет назад он жил в своем доме в лесу; он был охотником, и мало кто умел выслеживать добычу так, как Лоррин. У него была совсем юная жена. Но она умерла. Однажды ночью Лоррин вернулся к себе домой и увидел смерть и кровь, и волка с окровавленной пастью, который ухмылялся ему в лицо. Он боролся с волком, но не одолел его. Ты видел щеку Лоррина. Все его тело покрыто подобными шрамами от когтей и клыков этого волка.

— Волка? — спросил я. — А не...

— Да, оборотня, — ответила Фрейдис. — Ликантропа, меняющего облик: Матолча. Когда-нибудь Лоррин убьет Матолча. Ведь он живет только ради этого.

— Пусть забирает этого рыжего пса! — презрительно бросил я. — Если он пожелает, я позволю ему разрубить Матолча на куски!

— Арле, Лоррин и Эдвард Бонд составили план действий, — продолжала Фрейдис. — Они поклялись, что в Темном Мире больше не будет Шабашей. Бонд показал им как изготавливать новое оружие, которое применяется на Земле. Это оружие сейчас хранится в арсенале в ожидании своего часа. Ни одного Шабаша не было проведено с тех пор, как Медея и ее друзья отправились на Землю искать тебя. Нам не на кого было нападать, разве что на старого Гаста Райми. Сейчас Медея и остальные члены Ковена вернулись, и мы готовы. Если ты выступишь против них, Ганелон, то, думаю, Ковен может быть уничтожен.

— Ковен обладает собственным оружием, — прошептал я. — Память моя еще меня подводит, но мне кажется, что Эдейрин может... может...

Я потряс головой.

— Нет, не помню!

— Как можно уничтожить Ллура? — спросила Фрейдис.

— Может быть, я и знал. Это когда-то, но сейчас не знаю, не помню.

— Посмотри на меня.

Фрейдис наклонилась вперед. Казалось, будто ее неотмеченное печатью возраста лицо погрузилось в огонь.

Сквозь языки пламени ее взор встретился с моим. Древняя неведомая сила переполняла ее чистые голубые глаза, похожие на озера прохладной воды под ярким небом — озера глубокие и спокойные, в которые хотелось погружаться в полной тишине до скончания времен...

Постепенно голубые воды затуманились и потемнели. Я увидел гигантский черный купол на фоне черного неба. Я увидел то, что гнезилось в недрах сознания Ганелона — Каэр Ллура!

Купол подплыл ближе. Он нависал надо мной. Стены его раздвинулись, как темная вода, и я двинулся по яркому сверкающему коридору, который вел к самому Ллуру.

9. Вторжение в астрал

Я двигался вперед. Передо мной мелькали лица: свирепая усмешка Матолча, покрытая капюшоном голова Эдейрин с ее взглядом, от которого пробирал холод, странная красота Медеи, которую, даже в ненависти, не мог забыть ни один человек. Они глядели на меня с недоверием. Они безмолвно вопрошали. С удивлением я понял, что вижу перед собой настоящие лица.

После магических заклинаний Фрейдис я попал в какой-то внепространственный туннель, где может путешествовать только разум, и встретился здесь с мысленными образами членов Ковена. Они звали меня. Они настойчиво задавали мне вопрос, которого я не мог слышать.

Смерть была на уме у Матолча, когда он повернул ко мне лицо. Вся его ненависть ко мне ярко горела в его желтых глазах. Губы оборотня шевелились — я почти понимал его. Черты Медеи поплыли передо мной, заслоняя лицо оборотня. Ее кроваво-красные губы снова и снова задавали один и тот же безмолвный вопрос.

— Ганелон, где ты? Ганелон, любимый мой, где ты? Ты должен вернуться к нам. Ганелон!

Безликая голова Эдейрин возникла между Медеей и мной, и очень отчетливо я услышал ее холодный тихий голос, эхом повторявший все ту же мысль:

— Ты должен вернуться к нам, Ганелон. Вернуться к нам и умереть!

Красная пелена ярости закрыла от меня эти лица.

Предатели, лживые убийцы, забывшие клятву, данную Ковену! Как осмелились они угрожать Ганелону, самому сильному из них всех? И почему?

Почему?

Мой мозг напряженно искал ответ. Но затем я понял, что одного лица передо мной не было. Эти трое искали меня своими мыслями в астрале, но куда делся Гаст Райми?

Я попытался установить прямой контакт с его мозгом.

И у меня ничего не получилось. Но я вспомнил. Я вспомнил Гаста Райми, чье лицо Эдвард Бонд никогда не видел. Старый-престарый, стоящий выше добра и зла, выше страха и ненависти, Гаст Райми, самый мудрый из всего Ковена. Если бы он пожелал, он бы мог ответить на мой мысленный вопрос. Если же он не желал, ничто не могло заставить его это сделать. Ничто не могло причинить вред Старейшему, потому что он жил благодаря лишь силе своей воли.

Силой собственной мысли он мог покончить с собой в одно мгновение. И он был как пламя свечи, выскальзывающее из пальцев, когда пытаешься схватить его. Жизнь для него ничего больше не

значила. Он не цеплялся за нее. Если бы я попытался поймать его, он просочился бы у меня между пальцев, как огонь или вода. Он был так же мертв, как и жив. И если его не вынудить, он ни за что не нарушит своей глубокой сосредоточенности ради мысли, которая способна была превратить его в труп.

Его разум и его лик оставались вне пределов моей досягаемости. Он не отвечал. Все остальные члены Ковена продолжали взывать ко мне со странным отчаянием: «Вернись и умри, лорд Ганелон!» Но Гасту Райми это было безразлично.

Теперь я понял, что это по его приказу мне был подписан смертный приговор. И я понял, что мне надо отыскать его и каким-то образом заставить отвечать на мои вопросы: его, Гаста Райми, которого вообще невозможно было к чему-либо принудить! И все-таки я должен был заставить его!

Все это время мое сознание скользило по огромному залу Каэр Ллура, подхваченное той волной, что зародилась глубоко в сознании Ганелона, избранника Ллура; Ганелона, который в один прекрасный день должен был вернуться к Тому, Кто Ждет... И вот я вернулся!

Золотое Окно сверкало передо мной. Я знал, что это то самое окно, через которое Великий Ллур глядит на свой мир, через которое он принимает приносимые ему жертвы. И Ллур был голоден. Я ощутил его голод. Мысли Ллура тоже были в астрале, и в тот момент, когда я понял, куда двигалось мое сознание, за Золотым Окном я почувствовал некое нарастающее возбуждение.

Ллур уже уловил мое присутствие частью своего сознания. Он узнал своего избранника. Он раскрыл мне свои богоподобные объяснения, из которых, как я знал, не было возврата.

Я услышал беззвучный крик Медеи, рассеявшийся в астрале, как облачко дыма — борясь с ужасом, она изгоняла его из своего сознания. Я услышал беззвучный вой Матолча, полный животного ужаса, и он тоже закрыл свое сознание. Эдейрин я даже не слышал: она исчезла так внезапно, как будто у нее вообще не было мыслей. Я знал, что все троё прятались сейчас в своем Замке, закрыв глаза, захлопнув свое сознание, погрузившись в пустоту, потому что Ллур прочесывал астрал в поисках пищи, в которой ему так долго было отказано:

Какая-то часть моего сознания разделяла ужас членов Ковена, но другая часть меня помнила Ллура. На мгновение я почти вспомнил ощущение того темного экстаза, когда Ллур и я были едины. Воспоминания об ужасе и дурманящей радости вернулись ко мне — воспоминания о власти над всеми земными существами.

Все это стало бы моим. Стоило мне только захотеть. Стоило только полностью раскрыться перед Ллуrom. Лишь один человек в поколении посвящался Ллуру, вмещал в себя часть его божественной души, делил с ним экстаз от человеческого жертвоприношения — и этим человеком стал бы я, если бы посмел завершить ритуал, который целиком отдавал бы меня Ллуру. Если бы я выбрал это, если бы я осмелился...

Но тут я вспомнил о своем гневе. Я не должен был позволять себе думать об этой обещанной радости. Я поклялся положить конец Ллуру. Я поклялся старинным Знаком покончить с Ковеном и Ллуrom. Медленно, неохотно, мозг мой начал освобождаться от контакта с ненасытными щупальцами.

В тот момент, когда контакт был прерван, волна ужаса захлестнула меня. Я почти дотронулся до... *него!* Я почти позволил себе погрузиться в то, чего не мог постичь ни один человеческий ум. Ни один язык не дал бы определения тому, чем был Ллур. Но я понял, что происходило в моем сознании, когда я был Эдвардом Бондом. И еще я понял, что жить на той же земле, что и Ллур, делить с ним одну и ту же жизнь было наказанием, делавшим жизнь и весь этот мир чуждыми и непереносимыми для человека, который знал, что такое Ллур.

Я должен положить конец *ему*. В эту минуту я понял, что должен буду встретиться лицом к лицу с существом, которое мы называли Ллуrom, и бороться с ним до конца. Никто из людей до сих пор отчетливо не видел его: даже его жертвы, даже его избранники. Но у меня не было другого выхода — ведь я поклялся убить его!

Весь дрожа, я возвращался из черных глубин Каэр Ллура, всплывая на поверхность спокойных голубых озер мысли, которые были глазами Фрейдис. Тьма вокруг меня стала рассеиваться, и постепенно перед глазами у меня проступили стены пещеры, и горящее без топлива пламя, и высокая колдунья, погрузившая меня в неподвижные глубины силой своих заклинаний.

В то время, как я медленно возвращался к действительности, знание проступало в моем мозгу зарницами молний, слишком неуловимыми, чтобы передать их словами.

Но я знал, я вспомнил!

Жизнь Ганелона проносилась передо мной в образах, которые проскальзывали в моем мозгу и оставались там навеки запечатленными. Я знал его сильные стороны; я знал его возможности и его скрытые слабости. Я знал его прегрешения. Я восхищался его силой и гордыней. Я принял свой прежний облик. Я полностью стал Ганелоном. Или почти полностью.

Оставалось еще что-то, скрытое от меня. Слишком многое было стерто из моей памяти, чтобы вернуться сразу, единой волной. Оставались неясными некоторые моменты — и важные моменты! — которых я не мог вспомнить.

Голубая дымка рассеялась. Я глядел в чистые глаза Фрейдис сквозь огонь. Я улыбнулся, чувствуя, что ко мне вернулась холодная, незыблемая уверенность в собственных силах.

— У тебя это здорово получилось, ведунья, — сказал я ей.

— Ты вспомнил?

— Да, и предостаточно, — я засмеялся: — Передо мной два пути: первый значительно легче, хотя он и невозможен. Но я пройду именно этим путем.

— Гаст Райми? — спросила она спокойно.

— Как ты узнала?

— Я знаю Ковен. И думаю, хотя и не уверена до конца, что в руках Гаста Райми находится тайна Ковена и Ллура. Но никто не может заставить Гаста Райми что-либо сделать...

— Я найду способ. Да-да, я даже скажу тебе, что собираюсь делать дальше. Ты узнаешь все, что я только что узнал. Известно ли тебе что-нибудь о Маске и Жезле?

Не отрывая от меня взгляда, она покачала головой.

— Расскажи. Может, я смогу помочь тебе.

Я опять рассмеялся. Это было так невообразимо, так невероятно: она и я сидели друг против друга — заклятые враги из разных кланов — и планировали совместные действия, чтобы достичь общей цели! И все же мне мало что удалось скрыть от нее в тот день, хотя, думаю, и ей удалось скрыть от меня не больше.

— Во дворце Медеи хранятся хрустальная Маска и серебряный Жезл Власти, — сказал я ей. — Что может этот Жезл, я пока еще не вспомнил. Но когда я найду его, мои руки подскажут мне это! А обладая им, я смогу победить Медею и Матолча со всем их могуществом. Что же касается Эдейрин, я знаю только одно: Маска защитит меня от нее.

Тут я заколебался.

Про Медею я теперь знал все. Я вспомнил ее странный голод и еще более странную жажду, которые правили прекрасной ведьмой. Я знал теперь — тут я невольно вздрогнул — почему она не убивала своих пленных, а только оглушала их стрелами огня.

В Темном Мире — моем мире — мутации странным образом меняли плоть тех, кто начинал свою жизнь как обычный человек. Медея была одним из самых странных созданий. Ни в одном из земных языков не существовало названия для нее, потому что там никогда не рождалось существа, подобного Медее. Хотя ее было с чем сравнить. Создания, похожие на нее, были известны на Земле. Они жили в преданиях и легендах, а быть может существовали некогда и на самом деле. Их называли вампирами.

Но Эдейрин — нет! Я ничего не вспомнил о ней. Наверное, даже Ганелон этого не знал. Я знал лишь, что когда возникала необходимость, Эдейрин открывала свое лицо.

— Фрейдис, — сказал я и опять заколебался. — Кто такая Эдейрин?

Она покачала головой, и седые косы качнулись у нее за спиной.

— Я никогда этого не знала. Мне только изредка удавалось проникать в ее мысли, когда мы встречались там, где ты встретился с ней сегодня, в астрале. Я обладаю большой властью, Ганелон, но меня всегда отпугивал тот холод, которым веяло от ее капюшона. Нет, я не могу тебе сказать, кто она такая.

Я опять засмеялся. Теперь мной овладела беззаботность.

— Забудь об Эдейрин, — сказал я. — Когда я заставлю Гаста Райми сделать то, что я хочу, и встречу с Ллуrom, держа в руках оружие, которое победит его, зачем мне тогда бояться Эдейрин?

Хрустальная Маска — защита против нее. Это я знаю. Каким бы чудовищем она ни оказалась — Ганелон не боится ее.

— Значит, против Ллура тоже есть оружие?

— Меч, — ответил я. — Меч, который... не совсем похож на обычное оружие. Тут моя память еще затуманена. Но я знаю, что Гаст Райми может рассказать мне, где оно, это оружие, которое все же не похоже на оружие: Меч Ллура.

На какое-то мгновение, когда я произнес это имя, огонь между нами затрепетал, словно чья-то тень легла на его пламя. Мне не следовало произносить данное имя вслух.

Эхо его покатилося по всем сферам астрала и, возможно, в Каэр Ллуре сам Ллур зашевелился за своим Золотым Окном. Зашевелился и заглянул в него.

Даже здесь я на мгновение ощутил то чувство голода, что пришло из этого далекого Каэр Ллура. И внезапно я понял, что я натворил — *Ллур проснулся!*

Я смотрел на Фрейдис широко открытыми глазами, заметив, что и ее голубые глаза расширяются тоже. Она, должно быть, также почувствовала это шевеление, прокатившееся бесформенной волной по всему Темному Миру. Я знал, что в Замке Ковена тоже ощутили это. И, возможно, что сейчас они смотрели друг на друга с тем же ужасом, как и мы с Фрейдис.

Ллур проснулся!

И это я разбудил его. Я, Избранник Ллура, мысленно прошел по сверкающему коридору, постоял, раздумывая, перед самым Окном, за которым он жил. Ничего удивительного, что после этого он проснулся окончательно.

Возбуждение охватило меня.

— Теперь они должны будут что-то предпринять, — радостно сказал я Фрейдис. — Ты добила даже большего, чем хотела, когда позволила моим воспоминаниям вернуться ко мне. Ллур проснулся и сейчас он голоден; он голоднее, чем когда-либо прежде. Уже долгое время не было Шабаша, и Ллур требует своей жертвы. Скажи мне, ведую, твои шпионы наблюдают сейчас за Замком?

Она утвердительно кивнула головой.

— Хорошо. Тогда мы сможем узнать, когда рабов вновь соберут для жертвоприношения на Шабаше, — а это должно произойти скоро, очень скоро! Вот тогда-то Эдвард Бонд и поведет своих людей на штурм Замка. Ковен будет в Каэр Секэйре, а в Замке останутся Маска и Жезл — понимаешь, старуха!?

Мой голос был переполнен триумфом:

— Маска и Жезл для Ганелона! Гаст Райми — один в Замке, и он ответит мне на все мои вопросы, если сможет! Норны на нашей стороне, Фрейдис!

Она долго глядела на меня, не произнося ни слова. Потом хмурая улыбка осветила ее лицо и, наклонившись, она протянула руку ладонью вниз к пламени. Я увидел, как огонь лижет ее пальцы, и вдруг она сжала пламя в ладони, даже не поморщившись.

Огонь мигнул и погас. Опустевшее хрустальное блюдо стояло на пьедестале. В пещере сразу стемнело. В этих сумерках Фрейдис казалась мраморной статуей, возвышавшейся надо мной.

Я услышал ее глубокий голос.

— Норны с нами, Ганелон, — повторила она. — Смотри же, не забывай о своей клятве бороться на нашей стороне. Или тебе придется отвечать перед богами и мною. И клянусь богами...

Она хрипло рассмеялась.

— Клянусь богами, если ты предашь меня, мне не понадобится другой силы, чтобы раздавить тебя, кроме вот этой!

И я увидел в темноте, как она подняла вверх свои большие руки.

Мы поглядели друг другу в глаза, эта могущественная волшебница и я. Я даже не был уверен, смогу ли я победить ее в обычном сражении, если такая необходимость возникнет. И по волшебству, и по силе я видел равную себе. И склонил голову.

— Да будет так, ведунья, — сказал я, и мы пожали друг другу руки в темноте. Я почти надеялся, что мне не придется предавать ее.

Рука об руку пошли мы по коридору к выходу из пещеры.

Стоявшие полукругом лесные жители все еще ожидали нас. Арле и угрюмый Лоррин стояли впереди, и, когда мы вышли, они подняли головы. Я остановился, уловив движение многих рук, потянувших к оружию на поясе или к своим лукам. Лесных жителей явно охватила паника.

Я стоял выпрямившись, наслаждаясь охватившим их ужасом, зная, что — я Ганелон. Их судьба была предreshена. Рано или поздно им воздастся по заслугам. Когда придет время. Когда придет мое время!

Но пока я нуждался в их помощи.

У моего плеча раздался низкий голос Фрейдис:

— Я говорила с этим человеком, — сказала она. — Это — Эдвард Бонд.

И недоверие исчезло с их лиц — слова Фрейдис убедили их.

10. Оружие против Ковена

И веший источник, что бьет меж корней мирового древа Иггдрасиль*, пробудился и забил вновь, и стражи Древа Судеб поднялись, чтобы служить мне. Три Норны — вершительницы Судеб — я молился им!

О, Урд, что правит прошлым!

Она поведала мне о членах Ковена, об их силе и их слабости: о Матолче, оборотне, чьи припадки гнева были самым большим его недостатком, слабым местом, в которое я мог ударить, когда ярость

* Иггдрасиль — в скандинавской мифологии гигантский ясень, являющийся структурной основой мира, древо жизни и судьбы, соединяющее девять миров — небо, землю, подземный мир и т.д..

лишала его звериной хитрости; о ведьме в алом и об Эдейрин, и о старом Гасте Райми. О моих врагах. Врагах, коих я могу уничтожить с помощью определенных талисманов, о которых я вспомнил. И я их уничтожу!

О Верданди, что правит настоящим!

Эдвард Бонд сделал все, на что был способен. Восставшие показали мне оружие, хранившееся в пещерах: примитивные ружья и гранаты, газовые бомбы и даже несколько самодельных зажигательных снарядов. Они пригодятся против войск Ковена. Насколько бесстрашны они против самих членов Ковена, знал только я один, да, возможно, еще Фрейдис.

Да, Арле с Лоррином и их последователи были готовы воспользоваться этим непривычным для них земным оружием для отчаянной попытки штурма Замка. И я готов был дать им этот шанс, как только шпионы принесли бы весть о приготовлении к Шабашу. Ждать оставалось недолго. Совсем недолго! Ибо Ллур проснулся, и сейчас ждал — жаждущий, голодный, за Золотым Окном — его дверь в мир людей.

О Скульд, что правит будущим!

Скульд я молился больше всех. Я хотел, чтобы Ковен отпавился в Каэр Секэйр прежде, чем займется новая заря. Я хотел, чтобы повстанцы были готовы к тому времени.

Эдвард Бонд хорошо вымуштровал их. У них появилась даже воинская дисциплина. Каждый прекрасно знал свое оружие и каждый в совершенстве знал лес. Мы составили план — Арле, Лоррин и я. И хотя я не сказал им обо всем, что намеревался сделать, повстанцы, отряд за отрядом, исчезали в лесу, направляясь к Замку.

Они не собирались нападать. Они не должны были обнаруживать себя, пока не будет дан сигнал. До тех пор им следовало просто ждать, скрываясь среди кустарников и деревьев, окружавших Замок. Но они должны были быть наготове. В нужный момент они должны были броситься к большим воротам в стене. Гранаты помогли бы им справиться с делом.

Им не казалось удивительным, что мы будем сражаться с магией с помощью гранат и ружей. С возвращением памяти я все яснее начал понимать, что Темным Миром правило не только волшебство. Для земного разума такие существа, как Матолч и Медея, показались бы сверхъестественными, но у меня было две памяти. Я, Ганелон, мог пользоваться воспоминаниями Эдварда Бонда, как рабочий пользуется инструментом.

Я ничего не забыл из того, что знал когда-то о Земле. Применяя ее логику к Темному Миру, я начал понимать то, что раньше принимал как аксиому.

Ключ ко всему был в мутациях. В человеческом мозге существовали такие глубины, до которых еще никто не добирался, силы и чувства, которые были утрачены, атрофировались, подобно рудиментарному третьему глазу. Человеческий организм — самое совершенное творение из плоти, которое когда-либо существовало.

У хищников есть клыки и когти. У человека есть только его мозг. Но как плотоядные научились отрачивать свои когти, чтобы те стали еще смертоноснее, так и человек развивал свой разум по мере необходимости. Даже на Земле существовали медиумы, телепаты, экстрасенсы и многие другие. В Темном Мире мутации были неуправляемы и создали то, в чем, возможно, не будет нужды еще миллионы лет.

Подобные создания, обладавшие неведомыми прежде силами, нуждались в орудиях, которые помогали бы этими силами пользоваться. Взять хотя бы жезлы. Не будучи инженером, я мог понять принцип их действия. Наука имеет тенденцию пытаться использовать как можно более простые механизмы: клистрон и магнетрон — не более, чем металлические стержни. И все же при определенных условиях, верно подключенные и установленные, они становятся немалым подспорьем.

Жезлы использовали неисчерпаемую электромагнитную энергию планеты, которая, в конечном итоге, представляет собой гигантский магнит. Что же касается управляющих импульсов, то тут все дело в тренировке мозга.

Превращался Матолч по-настоящему в волка или нет, я не знал, хотя думаю, что нет. Гипноз давал частичный ответ. Когда рассерженный кот выгибает спину и ошетиливается, он словно вырастает вдвое. Кобра фактически гипнотизирует свою добычу. Зачем? Чтобы сломить сопротивление своего врага, разоружить его, ослабить его волю, что жизненно важно в любой стычке. Нет, возможно, Матолч и не превращался в волка, но те, кто находился под влиянием его гипноза, полагали, что так оно и есть. В конце концов эффект был тот же.

Медея? Та же самая параллель. Есть заболевания, при которых периодические переливания крови необходимы. Не то, чтобы Медея пила кровь: ее жажда была иного свойства. Но животворная нервная энергия — такая же реальность, как и лейкоциты. И хотя она и была ведьмой, ей не требовалась магия, чтобы удовлетворять свои нужды.

Относительно Эдейрин я не был настолько уверен. Какие-то смутные воспоминания туманом клубились в моем мозгу. Когда-то я знал, кем она была, какая леденящая сила скрывалась в глубине ее капюшона. И это тоже не было магией. Хрустальной Маске суждено было предохранить меня от Эдейрин, но большего я пока не знал.

Даже Ллур — *даже Ллур!* Он не был богом. Это я хорошо знал. Но чем он был, я пока не знал и не мог догадаться. Рано или поздно я собирался выяснить это, и Меч Ллура, который вовсе не был мечом, должен был здесь мне помочь.

А тем временем мне предстояло играть свою роль. Даже после утверждения Фрейдис я не имел права давать повстанцам ни малейшего повода усомниться во мне. Я уже объяснил, что отравы Медеи ослабила меня и выбила из колеи. Это могло помочь мне оправдать все будущие просчеты. Любопытно, что Лоррин без колебаний при-

нял меня после слов Фрейдис, в то время как в поведении Арле я заметил слабое, почти неуловимое недоверие. Я не думал, что она догадывалась о чем-нибудь. А если и так, то она явно не хотела признаваться в этом даже самой себе.

Но я не мог допустить, чтобы это подозрение росло.

Сейчас в долине кипела бурная работа.

Многое произошло с тех пор, как я пришел сюда на рассвете. Я испытал такую физическую и эмоциональную нагрузку, которая свалила бы обычного человека на неделю, но Ганелон только начал свою борьбу. То, что наш план нападения был составлен так быстро — заслуга Эдварда Бонда, и в какой-то степени я был рад, что составление данного плана полностью поглотило нас и мне не пришлось выяснять личных отношений с Арле и Лоррином.

Это помогло скрыть и мое невежество во многих вещах, которые должен был знать Эдвард Бонд. Мне не раз приходилось добывать сведения хитростью, я многократно ссылаясь на то, что плохо себя чувствую из-за отравы Медеи и изнурительного заключения в Замке. Но к тому времени, как план наш был полностью разработан, мне показалось, что даже Арле стала относиться ко мне с меньшей подозрительностью.

Я знал, что должен был полностью рассеять эти подозрения.

Мы поднялись из-за большого, застеленного картой стола в пещере. Мы все устали. Я увидел, как Лоррин улыбнулся мне своими изуродованными шрамом губами, и в этой улыбке была теплота — ведь он думал, что улыбается человеку, с которым они были близкими друзьями. Я заставил лицо Эдварда Бонда тоже улыбнуться в ответ.

— На сей раз у нас все получится, — уверенно сказал я ему. — Мы обязательно выиграем!

Улыбка его внезапно превратилась в гримасу, а в глазах вспыхнул странный огонь.

— Помни, — прорычал он, — Матолч — мой!

Я вновь взглянул на карту на столе, искусно начерченную под руководством Эдварда Бонда.

Темно-зеленые холмы, покрытые странным полуожившим лесом, каждый ручеек заклеен белым материалом, каждая дорога отмечена. Я положил руку на небольшое скопление башен, изображавшее Замок Ковена в миниатюре. Из него выходила дорога, по которой я ехал прошлой ночью рядом с Медеей в своем жертвенном голубом плаще. А вот тут раскинулась долина, приютившая глухую башню Каэр Секэйр — место нашего назначения.

На мгновение я вновь очутился на этой дороге, в темноте, при свете звезд, а рядом со мной ехала Медея в алом плаще, с белым лицом, кроваво-красными губами и глазами, сиявшими мне. Я вспомнил теплоту этого неудержимо льнущего ко мне тела, которое я прошлой ночью сжимал в объятиях, как и много раз до этого. В мозгу моем все время вставал один и тот же вопрос:

— Медея, Медея, алая ведьма Колхиса, зачем ты предала меня?

Я с силой ударил ладонью по крохотным башням Замка, которые превратились в пыль под моей рукой и кроваждно оскалился над обломками, в которые я превратил макет Эдварда Бонда.

— Нам больше *это* не понадобится! — процедил я сквозь зубы. Лоррин рассмеялся.

— Чинить не придется. Завтра Замок Ковена тоже будет разрушен.

Я стряхнул пыль с ладони и посмотрел на Арле. Она глядела на меня настороженно и выжидающе. Я улыбнулся.

— Мы так и не смогли побыть вместе, — сказал я, стараясь вдохнуть нежность в свой голос. — Мне следует выпастись перед тем, как выступать, но у нас есть время пройтись. Ты не возражаешь?

Настороженные зеленые глаза неотрывно следили за мной. Затем она кивнула без тени улыбки на лице, и обошла стол, протягивая мне руку. Я взял ее за руку, мы спустились по ступенькам к выходу из пещеры и молча вышли в долину. Я предоставил ей самой выбирать путь, и мы, не разговаривая, двинулись по дороге к верхней части долины, а ручеек, журча, бежал рядом с нами.

Арле шла легким шагом, ее невесомые волосы плыли за ней бледным туманным облаком. Я подумал: не намеренно ли она держала свою свободную руку на оружии у другого бока?

Мне трудно было все время думать о ней или гадать: признала она во мне Эдварда Бонда или нет. Лицо Медеи во всей ее пугающей красоте плыло передо мной, пока я шел по долине, лицо, которое не мог бы забыть ни один мужчина, хоть однажды взглянувший на него. На мгновение я разозлился, вспомнив, что Эдварду Бонду в моем обличье доставались ночью поцелуи, предназначенные для Ганелона.

Что ж, я еще успею свидеться с нею сегодня ночью, прежде чем она умрет от моей руки!

Перед моими глазами стояла крохотная дорога на карте, вившаяся от Замка Ковена до священной башни. Я знал, что по настоящей дороге, когда наступит ночь, вновь поскачет кавалькада, в которой прошлой ночью скакал и я. И вновь лесные жители намерены были поджидать в засаде по обочинам дороги, и вновь мне суждено было вести их против Ковена. Но на сей раз исход обещал быть совершенно неожиданным как для Ковена, так и для повстанцев.

Что за странную паутину соткали Норны! Прошлой ночью как Эдварду Бонду, этой ночью как Ганелону — мне суждено было вести тех же самых людей в ту же самую атаку, но цели разнились как день и ночь.

Мы — смертельные враги, хотя невероятным образом и делим одно и то же тело. Враги, хотя мы никогда не встречались и никогда не сможем встретиться, несмотря на наличие общего тела. Этот парадокс был слишком сложен, чтобы пытаться его разрешить.

— Эдвард, — раздался голос у моего плеча.

Я опустил глаза. Арле смотрела на меня с тем же настороженным выражением, с которым так часто смотрели на меня нынче ночью.

— Эдвард, она очень красива?

Я усталился на нее.

— Кто?

— Ведьма. Ведьма Ковена. Медея.

Я чуть было не расхохотался. Не служило ли это объяснением всей ее сегодняшней настороженности? Не решила ли она, что моя отстраненность, все те перемены, которые она почувствовала во мне, свершились благодаря чарам соперницы? Ну уж в этом, по крайней мере, я мог ее успокоить. Я мысленно попросил Ллур простить мне эту ложь, взял ее за плечи и сказал:

— Милая моя, ни в этом мире, ни на Земле нет женщины и половине столь же прекрасной, как ты!

И все же она продолжала смотреть на меня настороженно.

— Когда ты действительно будешь думать то, что говоришь, Эдвард, я буду рада, — сказала она. — А сейчас ты так не думаешь, я же вижу.

И ее маленькая ладонь зажала мне рот, когда я попытался протестовать.

— Давай не будем говорить о ней сейчас. Она — колдунья и повелевает силами, с которыми ни ты, ни я не можем бороться. Это не твоя и не моя вина, что ты не можешь в одночасье забыть ее красоту. Сейчас это не имеет значения. Посмотри! Ты узнаешь это место?

Она мягко высвободилась из моих объятий и указала рукой на расстилавшуюся перед нами панораму. Мы стояли среди высоких; слегка раскачивающихся на ветру деревьев на вершине невысокой горы. Листья и ветви окружали нас со всех сторон, но сквозь просветы в них была видна раскинувшаяся внизу страна, залитая красноватым светом заходящего солнца.

— Все это будет когда-нибудь нашим, — тихо сказала Арле. — После того, как мы победим Ковен, после того, как исчезнет Ллур. Мы тогда сможем жить на земле, а не под землей, расчистить леса, построить города, — снова жить так, как должны жить люди. Подумай об этом, Эдвард! Мир, свободный от зла! И все это потому, что некоторые из нас с самого начала не испугались Ковена и нашли тебя. Если мы выиграем эту битву, Эдвард, то только благодаря тебе и Фрейдис. Без тебя мы все погибли бы.

Внезапно она повернулась, и вновь ее золотистые волосы образовали сияющий нимб вокруг головы; она улыбнулась мне с внезапной обезоруживающей нежностью, которой я раньше никогда в ней не замечал.

До сих пор она держалась несколько отстраненно, несмотря на все мои попытки сближения. Теперь я внезапно увидел ее глазами Эдварда Бонда и неожиданно с удивлением подумал, что Бонду здорово повезло. Да, яркая страстная красота Медеи никогда не исчезнет из моей памяти. Но и во внешности Арле было свое нежное и хрупкое очарование.

Она стояла рядом со мной, и губы ее слегка раскрылись в улыбке. На мгновение я позабавился Эдварду Бонду. Потом я вспомнил: я и был Эдвардом Бондом! Но именно Ганелон неожиданно наклонился и заключил лесную девушку в свои железные объятия. Это удивило ее: я почувствовал, как от неожиданности она сперва попыталась вырваться. Но тут наши губы слились воедино.

Больше она не сопротивлялась.

Странное, застенчивое, маленькое создание! Так приятно было держать ее в объятиях и целовать! По тому, как она отвечала мне, я понял, что Эдвард Бонд никогда не целовал ее так. Но ведь Эдвард Бонд был слабаком и глупцом. И прежде, чем наш поцелуй закончился, я знал, куда мне обратиться за утешением, когда Медея заплатит за предательство своей жизнью. Мне не суждено было забыть Медею, но и этот поцелуй Арле обречен был навечно остаться в моей памяти.

На какую-то минуту она молча прильнула ко мне, и волосы ее окутали нас обоих, а я посмотрел поверх ее головы на долину, которую она в своих мыслях видела населенной свободным лесным народом, заполненной его городами. Я знал, что этой мечте не суждено было сбыться.

У меня была своя мечта!

Я видел, как лесные люди строят мой величественный замок, возможно, вот на этой горной вершине. Замок, доминирующий над долиной и над всеми окрестными землями. Я видел, как подчиняясь назначенным мною военачальникам, они идут в бой, завоеывая все новые земли. Видел, как маршируют мои армии, трудятся рабы на полях и в шахтах, как мои корабли бороздят темные океаны мира, который полностью станет моим.

Арле делила бы его со мной — какое-то время.

— Я всегда буду любить тебя! — прошептал я ей на ухо голосом Эдварда Бонда.

Но это губы Ганелона снова нашли ее губы в последнем поцелуе, на который у меня тогда нашлось время.

Любопытно, но мне показалось, что именно поцелуй Ганелона убедил ее в том, что я — Эдвард Бонд.

После этого я спал несколько часов в зале пещеры, принадлежавшей Эдварду Бонду, в его мягкой постели, и его стражники охраняли вход в нее. Мне снились поцелуи его лесной девушки, его будущее королевство и его невеста, которым суждено было стать моими, когда я проснусь. Я думаю, что на Земле Эдвард Бонд должно быть испытывал в ту ночь муки ревности.

Но мне тоже снились кошмары. Ллур в своем замке проснулся и был голоден; огромные холодные ищущие щупальца его голода лениво ворочались в моем мозгу, пока я спал. Я знал, что они шевелятся сейчас в каждом мозгу Темного Мира, способном ощутить их. Я знал, что скоро должен проснуться — или не проснуться никогда. Но сначала мне нужно было выспаться, иначе я не смог бы набраться сил

для ночного сражения. Я решительно выкинул из своих мыслей и Ллура, и Арле.

Но и в самых глубинах моего сна меня преследовала страстная улыбка алых губ Медеи.

11. В башне Гаста Райми

Мы с Лоррином притаились в тени деревьев и смотрели на Замок Ковена, сиявший огнями на фоне звездной ночи. Это была наша ночь! Мы оба знали это и взмокли от пота в напряженном ожидании того, что должно было произойти.

Вокруг нас в лесу ждала нашего сигнала невидимая армия лесного народа. На этот раз здесь собрались большие силы. Звездный свет играл на стволах ружей, и я знал, что повстанцы настроены были дать солдатам Ковена решительный бой.

Вот только вряд ли он будет успешным.

Мне это было безразлично. Они думали, что будут штурмовать Замок Ковена при помощи своего оружия. Я же знал, что их единственной целью было отвлечь внимание солдат и позволить мне проникнуть в Замок и найти то тайное оружие, которое дало бы мне власть над Ковеном. Пока они сражались бы, я успел бы проникнуть к Гасту Райми и узнать у него то, что мне необходимо было знать.

Все остальное меня уже не интересовало. Многим лесным жителям суждено было погибнуть — ну и пусть. Когда придет мой час, в рабах не будет недостатка. И ничто не могло теперь остановить меня. Норны были на моей стороне — я не мог проиграть.

В Замке царил оживление. В застывшем ночном воздухе звенели голоса; в свете факелов метались взад-вперед тени людей. Затем во вспышке золотистого света распахнулись большие ворота, и на их фоне проступили фигуры многочисленных всадников. Процессия собиралась в путь.

Я услышал мелодичное позвякивание цепей и понял, что на сей раз жертвы были прикованы к лошадям, чтобы никакие голоса сирен не заманили бы их больше в лес. Я пожал плечами. Пусть себе идут на смерть. Ллура следовало кормить, пока он еще жив. Лучше уж они, чем Ганелон, будут принесены в жертву у Золотого Окна. Мы видели, как они шли по темной дороге, а цепи продолжали звенеть.

Здесь был Матолч — вон там, на могучем коне. Я узнал его хищную фигуру, небрежно накинутый на плечи плащ. Я узнал бы его в любом случае, потому что Лоррин рядом со мной чуть не бросился ему наперерез. Я услышал, как он судорожно втягивал воздух носом, и голос его угрожающе прозвучал у моего уха.

— Помни! Он — мой!

Проехала Эдейрин, вся закутанная в свой плащ, и от нее, казалось, повеяло холодом.

Проехала Медея!

Когда я уже больше не различал вдалеке очертаний ее фигуры, белое платье превратилось в слабое мерцание, а алый плащ растаял в темноте, я повернулся к Лоррину. В моем мозгу все перепуталось, я спешно менял планы. Ко мне пришло новое желание, и я даже не пытался противиться ему.

Я не помнил жертвоприношений в Каэр Секэйре. Это было одним из белых пятен в моей памяти — и к тому же опасным. Пока Ганелон не вспомнит Шабаш, пока он не посмотрит, как Ллур принимает приношения через Золотое Окно, он может полностью доверять себе в борьбе с Ковеном и Ллуrom. Этот провал в моей памяти следовало ликвидировать. Меня вдруг одолело любопытство. Или то был зов Ллура?

— Лоррин, подожди меня здесь, — прошептал я в темноту. — Мы должны быть уверены в том, что они вошли в Каэр Секэйр и начали Шабаш. Я не хочу отдавать приказ о нападении, пока не буду убежден в этом. Подожди меня.

Он протестующе зашевелился, но я покинул его прежде, чем он успел заговорить. Я выбрался на дорогу и мягко, бесшумно побежал за процессией к долине: наблюдать за Мессой Святого Секэйра, за Черной Мессой. Пока я бежал, мне казалось, что запахи духов Медеи витают в воздухе, которым я дышал, и я задыхался от своей страстной ненависти и своей любви к ней.

— Она умрет первая, — пообещал я себе в темноте.

Я смотрел, как огромные железные ворота Каэр Секэйра закрываются за последним из процессии. Внутри башни царила тьма. Они спокойно входили один за другим и исчезали в кромешной темноте. Ворота со звоном захлопнулись за ними.

Какое-то воспоминание Ганелона, затерянное в глубинах подсознания, заставило меня пойти налево, в обход высокой стены. Я пошел на поводу у своего инстинкта, и как лунатик зашагал к какой-то неведомой мне цели. Память привела меня прямо к выступу в стене и заставила положить руки на его поверхность. Там явно нащупывался некий замысловатый спиралевидный узор. Мои пальцы что-то помнили: они начали скользить по линиям, в то время, как разум мой по-прежнему пребывал в неведении.

А потом стена поддалась под моими руками. Этот узор был своего рода ключом, и передо мной отворилась дверь в темноту. Я уверенно двинулся вперед: из черноты ночи, сквозь темный провал двери, в еще более кромешную тьму внутри. Но мои ноги знали дорогу.

Передо мной выросла лестница, ведущая вверх. Мои ноги ожидали этого, и я не споткнулся. Мне было даже интересно двигаться вслепую по этому странному и опасному месту, не ведая, где я и зачем я это делаю, доверяя своему телу поиск верного пути. Ступени вели меня все выше и выше.

Ллур был тут. Я ощущал его присутствие в форме некоего давления на мой мозг, многократно усиленного из-за недостатка свободно-

го пространства в этих стенах. По каменному мешку Казра словно вновь и вновь прокатывались раскаты грома. Что-то во мне безмолвно затрепетало в ответ, некое сладостное ожидание, которое я быстро подавил усилием воли.

Ллур и я больше не были связаны той давней церемонией. Я отказался от нее. Я теперь не являлся Избранником Ллура, но внутри меня по-прежнему нарастало какое-то не поддававшееся контролю чувство при мысли о тех, кого собирались принести в жертву и кто так послушно прошествовал через черные врата Казр Секэйра. И я подумал о том, помнит ли Ковен — нет, Медея! — обо мне сейчас, о том, кого они собирались принести в жертву прошлой ночью.

Мои ноги внезапно остановились на полушаге. Я ничего не видел, но знал, что передо мной находится стена с узором-замком. Мои руки нашли нужные выступы и надавили на них. Часть стены скользнула в сторону; я стоял, опираясь на ее край, глядя вниз, далеко вниз.

Казр Секэйр напоминал густую рошу колонн, вершины которых терялись в бесконечной темноте. И где-то там, вверху, слишком высоко, чтобы я мог разглядеть его источник, вспыхнул свет. Сердце мое на мгновение остановилось, когда я увидел, узнал этот свет, лившийся из Золотого Окна.

Память моя вернулась ко мне. Это было Окно Ллура, Окно Жертвоприношений. Я не мог его видеть, но я помнил его свет. В Казр Ллуре это Окно светилось вечно, и сам Ллур жил за ним — далеко за ним — с начала времен. Но в Казр Секэйре и других храмах Темного Мира, где приносили жертвы, существовали другие Окна, которые загорались лишь тогда, когда бестелесный Ллур приходил сквозь тьму взять то, что было ему положено по праву.

Наверху, голодный и злой, Ллур купался сейчас в этом золотистом свечении, словно солнце, которое взошло ночью, чтобы осветить этот храм. Я все еще не мог вспомнить, где было расположено Окно Казр Секэйра и какой оно было формы. Но что-то во мне признало этот золотистый свет и затрепетало в ответ, когда я наблюдал сквозь лес колонн за тем, как он разгорается.

Далеко внизу я увидел членов Ковена, крошечные фигурки, которые можно было различить только по разноцветным плащам: Матолч — в зеленом, Эдейрин — в желтом, Медея — в алом. Позади них полукругом выстроилась стража. Впереди последний из рабов слепо шагал куда-то между колонн. Я не видел, куда они направлялись, но в общих чертах мне это было известно. Окно распахнулось в ожидании жертв, и каким-то образом жертвы должны были попасть туда.

Когда свет стал ярче, я заметил, что перед Ковеном высится огромный алтарь в форме чаши, черный на черном помосте. Сверху к нему спускался глубокий желоб, изогнутый в виде спирали. Я проследил за ходом этого желоба и понял, что он доходит прямо до освещенного Окна. Глубоко внутри меня что-то шевельнулось, подсказывая, для чего здесь понадобились чаша и желоб. Я оперся о стену, дрожа от возбуждения, которое частично было моим, а частично Его, того, кто нависал над нами подобно солнцу в золотистом сиянии лучей.

Снизу до меня донеслось тихое пение. Я узнал голос Медеи — чистый, серебристый, звенящий. Тоненькая ниточка звука в полумраке и абсолютной тишине, дрожа, тянулась вверх среди огромных колонн Секэйра, вершины которых терялись в вышине.

Напряжение ожидания все росло и росло, фигуры внизу стояли неподвижно и, подняв головы, наблюдали за разгоравшимся светом. Голос Медеи продолжал тянуть всю ту же песню.

Время остановилось в роще колонн Секэйра, а Ллур наверху ждал своей добычи.

Затем тонкий и страшный крик донесся с высот над нашими головами. Единственный вскрик. Свет наверху возбужденно вспыхнул, словно безмолвный отклик самого Ллура. Песня Медеи достигла своей высшей точки и затихла. Среди колонн что-то зашевелилось, что-то двинулось по изгибу желоба. Мои глаза неотрывно смотрели на алтарь и на чашу над ним.

Члены Ковена замерли в напряженном ожидании подобно некой скульптурной группе.

С желоба начала капать кровь.

Я не помню, как долго я стоял, опираясь на стену и не отрывая глаз от алтаря. Я не знаю, сколько раз я слышал крики наверху и сколько раз пение Медеи достигало своей высшей точки, сколько раз торжественно вспыхивал свет наверху, и кровь стекала по желобу в огромную чашу на алтаре. Я был наполовину с Ллуrom в его Золотом Окне, дрожа в экстазе, когда он принимал очередную жертву, и наполовину — с членами Ковена, деля с ними радость участия в Шабаше.

Но я знал, что выжидал слишком долго.

Что именно спасло меня — я не понимаю до сих пор. Какой-то внутренний голос неслышно вскричал в моем мозгу, что опасно проводить здесь столько времени, что я должен был попасть совсем в другое место, пока Шабаш еще не закончился, что Лоррин и его люди ждали, пока я, как удав, наслаждался жертвами, приносимыми Ллуrom.

Крайне неохотно сознание мое вернулось к действительности. С огромным трудом оторвал я себя от мерцания Золотого Окна и, шатаясь, стоял в темноте — вновь в своем собственном теле, а не в бессознательном единении с Ллуrom там, наверху. Внизу, охваченные экстазом жертвоприношения, застыли члены Ковена. Но сколько еще они намерены были оставаться здесь, я не знал. Может — всю ночь, может — всего лишь час. Я должен был торопиться, если я уже безнадежно не опоздал. Не было никакой возможности узнать это.

Я спустился в темноте обратно по лестнице и сквозь невидимую дверь вышел на дорогу, ведущую к Замку Ковена, и все это время что-то внутри меня дрожало от экстаза, а свет Окна все еще сиял перед моим затуманенным взором. Желоб, по которому текла кровь, стоял передо мной, а пение Медеи звучало в моих ушах громче, чем звук моих собственных шагов по дороге...

Кроваво-красная луна уже закатилась, когда я вернулся к Лоррину, который все еще прятался под стеной Замка и чуть с ума не сошел от нетерпения. Когда я бежал к нему по дороге, невидимые воины с облегчением зашевелились, словно терпение их уже было на пределе, и они вскоре атаковали бы, даже если бы я не явился.

Я помахал Лоррину, когда был от него футах в двадцати. На охрану Замка мне сейчас было плевать. Пусть видят меня. Пусть слышат.

— Давай сигнал! — крикнул я Лоррину. — Атакуем!

Я видел, как он поднял руку, и лунный свет засверкал на серебряном рожке, который он поднес к губам. Звуки сигнала раскололи безмолвие ночи, стряхнув с меня остатки оцепенения.

Я услышал громогласный клич, который пронесся по всему лесу, когда лесные жители кинулись вперед, и мой собственный голос что-то проревел в ответ в экстазе битвы, сравнимым с тем экстазом, который я только что делил с Ллуром.

Треск ружейных выстрелов перекрыл шум наших голосов. Первые взрывы гранат потрясли Замок, с потрясающей ясностью высветив наружные стены; изнутри раздались крики, беспорядочные сигналы рожков, испуганные голоса стражников, которые лишились своих вожаков. Но я знал, что они вот-вот опомнятся. Они были достаточно хорошо натренированы Матолчем и мной самим. И у них имелось оружие, которое лесным жителям придется явно не по вкусу.

Когда же они опомнятся и прекратят паниковать, битва разгорится всерьез, и немало крови прольется с обеих сторон.

Я не собирался стоять и ждать, когда это случится. Первые взрывы проделали в стене неподалеку от меня брешу, и я спокойно пролез в ближайший пролом, не обращая внимания на пули, барабанившие по камням вокруг меня. Норны были со мной сегодня ночью. Я выпросил у них заговоренную жизнь и знал, что не могу проиграть.

Где-то наверху, в осажденной башне, сидел холодный и безучастный Гаст Райми, словно бог, наблюдавший за битвой, разгоревшейся вокруг Замка. У меня была назначена с ним встреча, хотя он об этом пока что не подозревал.

Я нырнул в ворота Замка, не обращая внимания на суетившихся вокруг стражников. Они не узнали меня в темноте и сумятице, но по моей тунике поняли, что я не был лесным жителем, и поэтому молча расступились передо мной.

Через две ступеньки на третью я рванул вверх по широкой лестнице.

12. Арфа Сатаны

Замок Ковена! Каким странным казался он мне, когда я торопливо шел по его залам. Знакомым, но все же до странности неведомым, словно я взирал на него сквозь завесу вживленной мне памяти Эдварда Бонда.

Пока я шел быстро, ноги сами несли меня, куда следовало. Но когда я замедлял шаг, мое затуманенное ложными воспоминаниями сознание брало верх, и я начинал недоуменно озираться в прежде знакомых мне залах и коридорах.

Получалось так: стоило мне сконцентрироваться на чем-нибудь, как это сразу становилось мне незнакомо, а все остальное, о чем я не думал, оставалось ясным и отчетливым.

Я шел по залам со сводчатыми потолками и полом, выложенным яркой мозаикой, которая иллюстрировала смутно знакомые мне легенды. Я шел по мозаичным кентаврам и сатирам, так хорошо известным Ганелону, в то время как Эдвард Бонд недоуменно спрашивал сам себя, неужели подобные существа и впрямь существовали в этом наполненном мутантами мире.

Мой двойственный мозг временами был для меня источником силы, а порою — досадной слабости. Сейчас я страстно желал лишь одного: не встретиться ни с какими преградами, что могли бы сбить меня с дороги к Гасту Райми, по которой мои ноги сами несли меня. Любая задержка могла оказаться губительной для моего плана.

Гаст Райми, как подсказывала мне память, обитал в самой высокой башне Замка. Там же находилась и сокровищница, в которой были спрятаны Жезл и Маска, а в глубинах безмятежных, неприкосновенных мыслей Гаста Райми хранился секрет уязвимости Ллур..

Эти три вещи я должен был получить, что было сделать совсем нелегко. Потому что я знал, хотя и не помнил всех деталей, что именно сокровищницу и охранял Гаст Райми. Ковен не мог оставить без присмотра это заветное место, где покоились вещи, которые могли принести ему смерть.

Даже я, Ганелон, имел свою тайну, запертую в той сокровищнице. Ибо ни один член Ковена, ни один колдун, ни одна волшебница не могли заниматься черной магией, не создав собственноручно некоего предмета, который мог бы уничтожить его владельца. Таков был Закон.

За всем этим стоят тайны, о которых я не хотел бы говорить, но общая идея ясна. Весь земной фольклор пронизывает сходная мысль: могущественные колдуны и колдуньи должны были сконцентрировать свою силу в предмете, хранящемся отдельно от них самих.

Миф о спрятанной душе характерен для всех народов Земли, но корни его уходят глубоко в реальность Темного Мира. Эту тайну я

могу вам поведать — все должно находиться в равновесии. На всякий минус должен иметься свой плюс. Мы, члены Ковена, не смогли бы стать столь могущественными, не создав соответствующееместилище слабости, и мы должны были прятать эту слабость с достаточной изобретательностью, чтобы ее не обнаружил ни один враг.

Даже члены Ковена не знали, в чем заключался мой собственный секрет. Я знал тайну Медеи и частично Эдейрин. Что касается Матолча, на то, чтобы справиться с ним, у меня хватило бы своих собственных сил члена Ковена. Гаст Райми роли не играл. Он не стал бы сражаться со мной.

Но Ллур!?

Где-то тут был спрятан Меч. И тот, кто сумел бы найти его и использовать тем неизвестным мне способом, ради которого он был изготовлен, тот держал жизнь Ллура в своих руках. Но и обладатель Меча подвергался серьезной опасности. Так как власть Ллура в Темном Мире превышала всяческое воображение, то и уравновешивающая сила, скрытая в Мече, должна была быть под стать ей. Даже приближаться к нему могло быть смертельно опасно. А держать его в руках?.. Но я знал, что мне придется взять его в руки — и не было смысла думать и гадать о грозящей мне опасности.

Я поднимался все выше и выше.

Сюда не доносились звуки битвы. Но я знал, что у ворот дерутся и умирают солдаты Ковена и люди Лоррина. Я предупредил Лоррина, что ни один человек не должен был прорваться сквозь ряды его войска, чтобы предупредить тех, кто находился в Каэр Секэйре. Я знал, что он выполнит мой приказ, несмотря на горячее желание схватиться с Матолчем. Теперь в Замке был лишь один человек, который мог бы известить Медею, даже не шевельнув пальцем. Всего лишь один!

Но он никого не известил. Я понял это, когда откинул белую портьеру и вошел в башню. В маленькой полукруглой комнате стены, пол и потолок были цвета слоновой кости. Окна были наглухо закрыты, но Гаст Райми видел все, что ему было нужно, и без помощи зрения.

Этот старый человек сидел, утопая в подушках своего кресла; его белоснежные волосы и борода крупными локонами ниспадали на столь же белоснежный плащ. Руки его, лежавшие на подлокотниках кресла, были бледны, как воск и так прозрачны, что я почти мог видеть, как течет жидкая кровь по его древним жилам.

Фитиль и воск уже догорели, пламя жизни еще мигало, но ветер мог в любую секунду задуть это пламя, погрузив его в вечную темноту. Так сидел самый древний из всех нас, и его голубые глаза, обращенные внутрь, не видели меня.

Воспоминания Ганелона опять нахлынули на меня. Ганелон многое узнал от Гаста Райми. Даже в те времена этот член Ковена был стар. А сейчас течение времени источило его, как морские приливы

точат камень, пока от него ничего не останется, кроме тоненькой оболочки, полупрозрачной, как матовое стекло.

Я видел, как огонь жизни Гаста Райми постепенно угасает внутри него. Оставались лишь тлеющие угольки, почти что пепел.

Он не видел меня. Не так легко было вызвать Гаста Райми из тех глубин, где бродили его мысли.

Я заговорил с ним, но он не ответил.

Я осторожно прошел мимо него к стене, разделявшей верхушку башни на две половины. Стена была гладкой, безо всяких признаков двери, но я знал, что требовалось делать. Я провел ладонями в определенной последовательности по ее прохладной поверхности, и передо мною появилось отверстие. Я ступил вовнутрь.

Здесь хранились священные талисманы Ковена.

Теперь, благодаря памяти Эдварда Бонда, я смотрел на сокровищницу новым, более осмысленным взором. Вот линзы, которые горели тусклым янтарным светом на отведенной им полке, вырубленной прямо в стене: я никогда раньше не задумывался над тем, что это такое. Они убивали. Но воспоминания о земной науке объяснили мне, почему. Это было не волшебство, а мгновенное высвобождение энергии мозга. И вот этот конический черный аппарат — он тоже убивал. Он мог разложить человека на молекулы, заставляя его жизненную энергию колебаться между искусственными катодом и анодом с такой быстротой, что ничто живое не могло выдержать подобного испытания.

Но все это оружие меня сейчас не интересовало. Я искал другие сокровища. Здесь не надо было бояться никаких ловушек, потому что никто, кроме членов Ковена, не знал, как найти сокровищницу и проникнуть в нее. О ее существовании ходили разве что легенды. Ни один раб, ни один стражник никогда не осмелился бы войти в башню Гаста Райми.

Мой взгляд скользнул по мечу — но это был не тот, который мне требовался; по узорчатому щиту, по арфе... Я узнал эту арфу. На Земле много преданий было сложено о ней, об арфе Орфея, которая могла возвращать мертвых из ада. Человеческие руки не могли играть на ней. И я еще не был готов, чтобы сыграть на этой арфе — пока.

То, что мне было нужно, лежало на полке в цилиндрическом футляре. Я открыл его и вынул тонкий черный стержень с рукояткой.

Жезл Власти. Жезл, который мог использовать электромагнитные силы планеты. Это могли делать и другие жезлы такого типа, но только этот не имел ограничителя, и его мощность была безграничной. Пользоваться им было опасно.

В другом футляре я обнаружил хрустальную Маску — изогнутую пластину, которая закрывала мои глаза, словно карнавальная маска, сделанная из стекла. Она могла защитить меня от Эдейрин.

Я продолжил свои поиски, но не нашел ничего похожего на Меч Ллура.

Время поджимало. Я не слышал шума сражения, но знал, что оно продолжалось, и еще я знал, что рано или поздно члены Ковена

должны были вернуться в Замок. Ну что же, теперь я готов был к схватке с ними, но вот бросать вызов Ллуру мне было пока рановато. Не стоило рисковать, пока я не был полностью уверен в исходе схватки.

Я стоял в дверях сокровищницы, глядя на убежденную сединой голову Гаста Райми. Каким бы он ни был стражем, он знал, что я имел право входить в сокровищницу. Он ни разу не пошевелился. Мысли его витали в невообразимой дали, и вернуть его обратно было нелегко. А заставить Гаста Райми было невозможно. У него был идеальный ответ на любое давление со стороны. Он мог просто умереть.

Ну что ж, у меня тоже имелся ответ!

Я вернулся в сокровищницу и взял арфу. Я вынес ее и поставил перед стариком. В его голубых глазах не отразилось ни малейшего проблеска жизни.

Я подошел к окнам и распахнул их. Затем я вернулся к арфе, присел на корточки рядом с ней и слегка прикоснулся к струнам.

Такие арфы существовали на Земле — или подобные ей. Легенды рассказывали об их поющих струнах не меньше, чем о загадочных, колдовских мечах. Такой сказочной силой обладала лира Орфея, и Юпитер поместил ее между звезд. Существовала арфа Гвидона из Британии, зачаровывавшая души людей. И арфа Альфреда, которая помогла разрушить датчан. Была арфа Давида — он играл на ней перед Саулом.

В музыке дремлет скрытая сила. Ни один человек сегодня не скажет, что за звук разрушил стены Иерихона, но когда-то люди знали это.

Здесь, в Темном Мире, легенды об этой арфе тоже ходили среди простого народа. Люди говорили, что на ней играл сам Дьявол, что духи воздуха перебирали ее струны. Ну что же, в какой-то степени они были правы.

Потому что эту арфу создала отточенная до совершенства наука. Это была машина. Звук, инфразвук и прочие колебания резонировали с мыслеволнами мозга, частично гипнотизируя, частично воздействуя на его электромагнитную структуру. Потому что мозг — не более чем коллоидная машина, а любой машиной можно было управлять.

И эта арфа могла подобрать ключ к любому мозгу и парализовать его.

Сквозь открытые окна доносились едва слышные крики дерущихся и звон мечей. Но Гаст Райми не слышал этих звуков. Своими древними, непостижимо глубокими мыслями он странствовал в измерениях чистой абстракции.

Пальцы мои коснулись струн арфы: сначала неуверенно, но потом — со все большей и большей уверенностью, по мере того, как память возвращалась ко мне.

Вздых перебираемых струн пронесся по белой комнате. Бормотание минорных тонов в сонном, низком, далеком ключе. И по мере того, как инструмент настраивался на рисунок мозга Гаста Райми, струны под моими руками звучали все увереннее.

Душа Гаста Райми... переведенная на язык чистой музыки!

Настойчиво и пронзительно звучала одна-единственная нота. Все выше и выше становился тон, переходя порог слышимости. Где-то в глубине начал набирать силу некий рокочущий звук — так шумит ветер, поднимаясь и завывая, так кричит не знающая покоя чайка.

Мелодия растекалась широкой рекой. Высоко-высоко, холодная, чистая и светлая, точно снежная вершина огромной горы, все пела и пела эта единственная нота.

Громче зашумели великие ветры. Рвущее душу арпеджио звучало в поднимавшемся потоке колдовской музыки.

Грохот падающих скал... резкие стоны опустошительных землетрясений, рев паводка, затоплявшего поля и леса.

Тяжелая, словно удар, нота, гулкая и неземная — и я увидел пространство между мирами, где беспощадная ночь космоса раскинулась подобно пустыне, не знающей следов.

И вдруг — веселая легкая мелодия, напомнившая мне залитые ярким солнцем поля, леса и ручьи.

Гаст Райми пошевелился.

На мгновение понимание отразилось в его голубых глазах. Он увидел меня.

А я увидел, как огонь жизни погас в этом древнем дряхлом теле.

Я знал, что он умирает, что я растревожил его долгий покой, что он утратил свой последний контакт с жизнью.

Я пододвинул арфу к себе. И тронул струны.

Мертвый Гаст Райми сидел передо мной, и последняя искра жизни угасала в его мозгу.

Я заставил волшебные заклинания арфы могучим ветром дунуть на гаснущие искры жизни Гаста Райми.

Орфею удалось вырвать мертвую Эвридику из царства Плутона — вот и я опутал паутиной музыки душу Гаста Райми, не давая ей покинуть тело!

Сначала он сопротивлялся, и я чувствовал, как разум его извивается, пытаясь ускользнуть, но арфа уже нашла ключ к этому мозгу и не позволяла ему уйти. Неумолимо она тянула его к жизни.

Искорка задрожала, угасла, а затем вновь разгорелась.

Громче запели струны. Громче стал рев беспокойных вод.

Еще выше зазвучала резкая нота, чистая, как ледяной звездный свет.

Рокочущий и порывистый, липкий как мед, пахнущий цветами и амброй, переливающийся кроваво-красным и аметистово-голубым, этот величественный красочный гобелен раскинулся трепещущей магической паутиной по башне замка.

Паутина шевельнулась.

И окутала Гаста Райми!

И в его потускневших голубых глазах вновь вспыхнула искорка жизни. Он перестал бороться. Он сдался. Ему легче было вернуться обратно к жизни и позволить мне расспросить его, чем бороться с поющими струнами, которые могли захватить в плен саму душу человека.

Под белоснежными волосами губы старика задвигались.

— Ганелон, — сказал он. — Я знал, когда запела арфа, кто играет на ней. Что ж, спрашивай. А потом позволь мне умереть. Я не хочу жить в то время, которое скоро наступит. Но ты выживешь, Ганелон, хотя тебе тоже не избежать смерти. Это мне удалось прочитать в будущем.

Белая голова медленно склонилась. Мгновение Гаст Райми к чему-то прислушивался, и я прислушался вслед за ним.

Сквозь распахнутые окна доносился звон мечей и крики умирающих.

13. Война — кровавая война!

Жалость захлестнула меня. Тень величия, окутывавшая Гаста Райми, исчезла, Передо мной сидел древний, сморщенный старик, и я на какое-то мгновение почувствовал неодолимое желание уйти и дать ему возможность вновь уплыть в спокойные пространства мысли. Я помнил, что когда-то Гаст Райми казался мне высоким, могучим человеком, хотя он никогда не был таким при моей жизни. Но в детстве я сидел у ног этого члена Ковена и с обожанием глядел в его величественное бородатое лицо.

Возможно, тогда в нем было больше жизни, больше тепла и человечности. Сейчас оно было неподвижным. Оно скорее напоминало лицо бога или человека, видевшего слишком многих богов.

— Учитель, — сказал я. — Прости меня!

Голубые глаза его остались безжизненными, и все же я почувствовал, как что-то в нем дрогнуло.

— Ты называешь меня учителем? — спросил он. — Ты, Ганелон? Много времени утекло с тех пор, когда ты склонялся перед кем бы то ни было.

Одержанная мной победа показалась мне бессмысленной. Я склонил голову. Да, я победил Гаста Райми, но мне ни к чему была такая победа.

— В конце концов, круг всегда замыкается, — спокойно сказал старик. — У нас с тобой больше общего, чем со всеми остальными. Мы с тобой — люди, Ганелон, а не мутанты. Я позволил Медее и всем остальным пользоваться моей мудростью, потому что я — Предводитель Ковена. Но, но...

Он заколебался.

— Уже два десятилетия мои мысли уносятся вдаль, — тихо продолжал он. — За грань понятий добра и зла, за грань самой жизни, где крохотные фигурки дергаются как марионетки. Когда я пробуждался, я давал ответы на вопросы, которые знал. Это не имело значения для меня. Я думал, что утратил всякую связь с реальностью. И что если смерть унесет всех мужчин или женщин Темного Мира, это не будет иметь равным счетом никакого значения для меня.

Я не мог вымолвить ни слова. Я знал, что я причинил великое зло Гасту Райми, пробудив его, заставив его выйти из состояния глубокого покоя.

Голубые глаза неотрывно смотрели на меня.

— И я понял, что это действительно не имеет никакого значения. В твоих жилах, Ганелон, не течет моя кровь. И все-таки мы сродни друг другу. Я учил тебя, как учил бы собственного сына. Я учил тебя, чтобы ты исполнил свой долг, став после меня Предводителем Ковена. А сейчас, похоже, я о многом жалею. И больше всего — об ответе, данном мной Ковену после того, как Медея вернула тебя с Земли.

— Ты велел им убить меня, — прошептал я.

Он кивнул головой.

— Матолч был испуган. Эдейрин приняла его сторону. Они заставили Медею согласиться. Матолч сказал: «Ганелон изменился. Это опасно. Пусть старик заглянет в будущее и скажет нам, что из всего этого получится». Поэтому они пришли ко мне, и я позволил своему разуму отдаться на волю ветров времени и заглянуть в будущее.

— И что там было?

— Гибель Ковена, — сказал Гаст Райми. — Если тебе оставляли жизнь. Я увидел, как руки Ллура тянутся в Темный Мир, как Матолч лежит мертвый, а смерть идет по пятам Эдейрин и Медеи. Вероятности изменчивы. Время подобно реке, порою меняющей свое русло. Когда ты отправился в мир Земли, ты был Ганелоном, но обратно ты вернулся с раздвоенным сознанием. У тебя есть опыт Эдварда Бонда, который ты можешь использовать как оружие. Медее следовало бы оставить тебя на Земле. Но она любила тебя.

— И дала согласие на мою смерть, — сказал я.

— А знаешь ли ты, о чем она думала? — спросил Гаст Райми. — В Каэр Секэйр во время жертвоприношения пришел бы Ллур. А ты был посвящен Ллуру. Неужели Медея не знала, что тебя нельзя убить?

Сомнение зародилось в моей душе. Однако Медея вела меня, словно барана на бойню, в Каэр Секэйр. Если у нее были какие-то оправдания, я готов был выслушать их. Но я знал, что у Матолча и Эдейрин их не было.

— Возможно, я пощажу Медею, — сказал я. — Но оборотня и Эдейрин — нет. Я уже обещал жизнь Матолча. А что касается Эдейрин, то она должна погибнуть.

Я показал Гасту Райми Хрустальную Маску. Он кивнул.

— А Ллур?

— Я был посвящен Ему, как Ганелон, — сказал я. — Теперь, как ты сказал, у меня два разума. Или, по крайней мере, дополнительный набор воспоминаний, хоть и искусственных. Я не желаю быть подданным Ллур! Я много нового узнал на Земле. *Ллур — не бог!*

Голова старца склонилась. Прозрачная рука поднялась и дотронулась до завитков бороды. Затем Гаст Райми взглянул на меня и улыбнулся.

— Значит, ты знаешь? — спросил он. — Я кое-что скажу тебе, Ганелон. Об этом никто еще не догадался. Ты не первый, пришедший с Земли в Темный Мир. Первым был я.

Я уставился на него с нескрываемым удивлением.

— Ты родился в Темном Мире, а я — нет, — сказал он. — Моя плоть родилась из праха Земли. Очень много воды утекло с тех пор, как я пересек границу миров, и мне уже никогда не удастся вернуться, потому что я давно уже прожил положенный мне срок. Только здесь я могу поддерживать ту искру жизни, что горит во мне, хотя это мне давно уже безразлично. Да, я родился на Земле, и я знал Вортигера и королей Уэльса. У меня был свой собственный замок — Каэр Мэрдин, и другое солнце, не такое красное, как здесь, в небесах Темного Мира, восходило над ним! Голубое небо, синее море Англии, серый камень алтарей друидов в дубовых лесах. Вот мой дом, Ганелон. Он *был* моим домом. Пока мои знания, которые тогда называли магией, не привели меня сюда при помощи женщины. Женщины Темного Мира по имени Вивиан.

— Так ты родился на Земле? — переспросил я.

— Да, когда-то. Я старел здесь все больше и больше и уже начал сожалеть об этом побеге. С годами я приобретал все больше и больше знаний. Но я отдал бы их все, чтобы хоть разок вдохнуть полной грудью прохладный ветерок, что дул с Ирландского моря, когда я был мальчиком. Но я уже не мог вернуться туда. На Земле мое тело превратилось бы в пыль. Поэтому я и погрузился в мечты — мечты о Земле, Ганелон.

Его голубые глаза засветились воспоминаниями.

Голос его стал громче.

— В этих мечтах я возвращался в старые времена. Я вновь стоял на берегах ручьев Уэльса, глядя, как лосось выпрыгивает из вод серого Уска. Я снова видел Арториуса и его отца Утэра. И я вдыхал аромат Британии времен ее молодости. Но все же это были лишь мечты!

Но одних мечтаний недостаточно. Во имя той любви, которую я сохранил в своем сердце, во имя ветра, который обдувал берега древней Ирландии, я помогу тебе сейчас, Ганелон. Я никогда не думал, что жизнь человека будет иметь какое-то значение для меня. Но чтобы эти выродки вели человека Земли на казнь — нет! А сейчас ты — человек Земли, хоть ты и родился в Темном Мире, мире волшебства!

Он наклонился вперед, пристально рассматривая меня.

— Ты прав. Ллур не бог. Он — чудовище, не более. И его можно убить.

— Мечом Ллура?

— Слушай. Выбрось из головы сказки — в них вся сила Ллура и Темного Мира, пронизанного мистическими символами ужаса. Но за этими символами кроется простая истина. Вампир, оборотень, живые деревья — все это биологические уродцы, мутанты, а самой первой мутацией был Ллур. Его рождение разделило древний мир надвое, и каждый из них стал развиваться в своей вероятности. Ллур был ключевым фактором во временной модели энтропии.

Слушай дальше. Когда Ллур родился, он был человеком. Но мозг его был не похож на другие. Он обладал определенными способностями, которые в обычных условиях человеческая раса не в состоянии развить и за миллионы лет. Из-за того, что он получил их слишком рано, они были неуправляемы, искажены и направлены на зло. В грядущем мире науки и логики его ментальные силы пришлось бы ко двору. В темные времена суеверий он обратил их совсем на другое. Обладая колоссальными знаниями и ментальными силами, он постепенно превратился в чудовище.

Когда-то он был человеком. По мере того, как Ллур становился все мудрее и учнее, он все меньше походил на человека. В Каэр Ллуре скрыты механизмы, которые испускают определенную радиацию, необходимую для поддержания существования Ллура. Эта радиация пронизывает и Темный Мир, порождая, в свою очередь, новых мутантов — таких, как Матолч, Эдейрин и Медея.

Убей Ллура — и его машины останутся. Число мутаций сократится до нормального. Тень, нависшая над этой планетой, исчезнет.

— Как я могу убить Его? — спросил я.

— Мечом Ллура. Жизнь его связана с этим Мечом так же, как машины связаны с ним. Я не уверен, что знаю причину, Ганелон, но Ллур перестал быть человеком. Он частично — машина, частично — чистая энергия, а частично — вообще нечто невообразимое. Но он родился во плоти и должен либо поддерживать свой контакт с Темным Миром, либо — умереть. Этот контакт — его Меч.

— Где этот Меч?

— В Каэр Ллуре, — ответил Гаст Райми. — Иди туда. У его алтаря есть хрустальное стекло. Ты помнишь?

— Помню.

— Разбей стекло. За ним ты найдешь Меч Ллура.

Он откинулся назад. Глаза его закрылись, потом открылись вновь.

Я встал перед ним на колени, и он начертил в воздухе над моей головой древний Знак.

— Странно, — прошептал он как бы сам себе. — Странно, что я вновь посылаю на битву человека, как уже делал это столько раз, давным-давно.

Седая голова наклонилась вперед. Белоснежная борода легла на белоснежный плащ.

— Ради того ветерка, что дул в Ирландии, — прошептал старик.

В открытые окна башни ворвался легкий ветерок, мягко заколыхались кольца белоснежных волос и бороды...

Ветры Темного Мира пронеслись по безмолвной комнате, застыли — и умчались прочь!

Теперь я действительно остался один...

Из покоев Гаста Райми я спустился по ступенькам вниз и вышел во двор.

Битва уже почти закончилась. Мало кто из защитников Замка остался в живых. Их окружили, возбужденно крича, воины Лоррина. Спина к спине, в угрюмом молчании, стражники с мертвыми глазами отбивались мечами от нападающих.

Здесь нам не стоило терять время. Я мельком увидел пересеченное шрамами лицо Лоррина и поспешил к нему. Он оскалил зубы в торжествующей усмешке.

— Мы победили, Бонд!

— Но потеряли слишком много времени. Этих собак надо убивать быстро!

Я выхватил меч у ближайшего повстанца. Сила потекла в этот меч, а сквозь его рукоятку — в меня.

Я врзался в гущу битвы. Повстанцы расступились передо мной. Рядом тихо смеялся Лоррин.

Затем я столкнулся лицом к лицу со стражником. Его меч взмыл вверх, нанося удар, но я быстро уклонился в сторону, и лезвие лишь со свистом рассекло воздух. Точно жало змеи, мой меч метнулся к его горлу. Шок от удара металла о кость отозвался в запястье.

Я освободил клинок и увидел все еще ухмылявшегося Лоррина, который разделялся со вторым стражником.

— Убивайте их! — кричал я. — Убивайте!

Я не стал дожидаться ответа. Я врзался в самую гущу битвы, рубил, колол, нападал на солдат Медеи, как будто это были члены Ковена, мои заклятые враги! Я ненавидел каждое лицо с отсутствующим выражением глаз. Красные волны ненависти затопили меня. Мой мозг подернулся горячей дымкой. Я ничего не видел перед собой.

На несколько минут я был опьянен жадой убийства.

Руки Лоррина схватили меня за плечи. Откуда-то издалека донесся его голос:

— Бонд! Бонд!

Туман рассеялся. Я огляделся вокруг. Ни одного стражника не осталось в живых. Окровавленные, изрубленные трупы устилали серые каменные плиты двора. Лесные жители, тяжело дыша, вытирали клинки своих мечей.

— Удалось кому-нибудь ускользнуть, чтобы предупредить Ковен?

Несмотря на свою вечную из-за шрама ироническую гримасу, Лоррин выглядел озабоченным.

— Точно не знаю. В этом Замке тысячи входов и выходов.

— Плохо, — сказал я. — У нас недостаточно людей, чтобы поставить охрану вокруг всего Замка.

Он скривился.

— Предупреждены они или нет, нас ведь все равно намного больше. Мы можем перебить членов Ковена, как убили их стражников.

— Мы едем в Каэр Ллур, — отрезал я, наблюдая за ним.

Я увидел как в холодных серых глазах мелькнула тень страха. Лоррин запустил руку в свою бороду и заворчал:

— Я не понимаю тебя. Зачем?

— Чтобы убить Ллура!

Изумление, смешанное с древним, суеверным ужасом отразилось на его лице. Он окинул меня вопрошающим взглядом и, видимо, увидел то, что хотел.

— Убить... *это*?

Я кивнул.

— Я видел Гаста Райми. Он рассказал мне, как это сделать.

Люди вокруг нас слушали и смотрели. Лоррин заколебался.

— Об этом мы не договаривались, — сказал он. — Клянусь богами! Убить *Ллура*?

Внезапно он сбросил оцепенение и начал выкрикивать приказы. Мечи были убраны в ножны. Люди побежали к своим лошадям. Через несколько минут мы уже покачивались в седлах, выезжая со двора; тень Замка тяжело падала на нас, когда луна, поднимаясь по небу, прошла над самой высокой его башней.

Я привстал на стременах и оглянулся назад. Там, наверху, сидел мертвый Гаст Райми — первый из членов Ковена, кто пал от моей руки. Я убил его так же верно, как если бы пронзил его сердце мечом.

Я вновь опустился в седло и прищипорил своего коня. Он перешел на рысь. Лоррин последовал моему примеру, чтобы не отстать. Позади нас лесные жители растянулись длинной колонной, пока мы скакали по низким холмам к далеким горам. Мы должны были достичь Каэр Ллура не раньше зари. И нам следовало спешить.

Медея, Эдейрин и Матолч! Эти три имени набатом гремели у меня в голове. Предатели! И Медея виновна не меньше, чем остальные. Разве склонила бы она голову перед решением Эдейрин и Матолча, если бы сама не желала принести меня в жертву? Эдейрин и оборотень были обречены. Медее я мог бы оставить жизнь, но лишь как своей рабыне, не более того.

Со смертью Гаста Райми я стал предводителем Ковена! В башне старика сентиментальная слабость чуть было не погубила меня. Слабость Эдварда Бонда, подумал я. Его воспоминания ослабили мою волю и лишили меня сил.

Теперь мне больше не нужны были его воспоминания. С моего пояса свисали Жезл Власти и Хрустальная Маска. Я знал, как добыть

Меч Ллура. Ганелон, а не слабак Эдвард Бонд, станет повелителем Темного Мира!

Я задумался, где сейчас мог находиться Бонд. Когда Медея сквозь Огонь Нужды провела меня в Темный Мир, Эдвард Бонд в тот же самый миг должен был вернуться на Землю. Я усмехнулся, представив себе, как он, должно быть, удивился. Возможно, он пытался и все еще пытается вернуться в Темный Мир. Но без помощи Фрейдис все его попытки были обречены на неудачу. А Фрейдис помогала в настоящее время мне, а не Бонду.

И Бонду не суждено было покинуть Землю! Повторная замена никогда не произойдет, если это хоть как-то зависело от меня. А это *зависело* от меня. Возможно, Фрейдис и была могущественной колдуньей, но смогла бы она выстоять против человека, который покончил бы с Ллуrom? Я так не думал.

Я украдкой бросил недобрый взгляд на Лоррина. Глупец! Да и Арле была из той же породы. Только у Фрейдис хватало ума не доверять мне.

Но сначала должен был погибнуть самый сильный из всех моих врагов — Ллуr. Затем — члены Ковена. А потом уже лесные жители испытают на своей шкуре мое могущество. Тогда они узнают, что я — Ганелон, а не земной Эдвард Бонд!

Я избавился от воспоминаний Бонда, выбросил их из своей памяти. Я стер их окончательно и бесповоротно.

Как Ганелон, я буду сражаться с Ллуrom!

Как Ганелон, я буду править Темным Миром.

Править огнем и мечом!

14. Пламя жизни

Мы увидели Каэр Ллуr задолго до того, как достигли его. Сначала это был темный силуэт на ночном небе, который медленно, постепенно, неуклонно превращался в черную гору на фоне занимавшейся зари.

Наши тени летели впереди нас, и лошади топтали их своими копытами. Холодный свежий ветерок шептал нам о жертвоприношениях в Каэр Секэйре, о судорожно искавших нас членах Ковена, которые своим внутренним взором прочесывали окрестности.

Но Каэр Ллуr высился далеко впереди на границе света и тьмы, охраняя ночь!

Огромным был Каэр и чуждым человеку. Он казался бесформенным, словно некий исполин соорудил себе жилище из черных скал, небрежно свалив их в кучу. И все же я знал, что его странная геометрия подчинялась некоему замыслу.

Словно ноги колосса, высились две колонны 50-футовой высоты, а между ними виднелся никем не охраняемый вход. И только здесь во всей махине замка пробивался некий цвет, отличный от черного.

Радужная завеса подобно вуали переливалась над входом. Сверкающая, полупрозрачная завеса колебалась и дрожала, словно ветер играл складками нежного шелка.

Доходившая до самого верха колонн завеса достигала 50 футов в высоту и 20 — в ширину. А над ней нависала махина Каэр Ллура, которая не могла быть создана руками человека. Замок высился на фоне окрашенного зарей неба как черная гора, и от этого зрелища перехватывало дыхание.

От Каэр Ллура веяло леденящим ужасом, и лесные жители дрожали, как листья под порывами осеннего ветра. Их строй нарушился, но затем вновь восстановился, когда я поднял руку, а Лоррин отдал приказ.

Я окинул взглядом окружавшие нас невысокие холмы.

— Никогда на моей памяти или памяти моих предков люди не подходили так близко к Каэр Ллуру, — сказал Лоррин. — Не считая членов Ковена, конечно. Лесные жители не пойдут за мной дальше, Бонд. Они пойдут только за тобой.

Но как далеко они готовы были зайти? Не успел я задуматься над этим, как один из лесных жителей предупреждающе окликнул нас. Он приподнялся на стременах, указывая на юг.

За холмами в облаке пыли показался стремительно скачущий отряд всадников; их доспехи сверкали в лучах восходящего солнца.

— Значит, все-таки кто-то сумел ускользнуть из Замка, — процедил я сквозь зубы. — И члены Ковена уже предупреждены!

Лоррин ухмыльнулся и пожал плечами.

— Их не так много.

— Достаточно, чтобы задержать нас. Лоррин, останови их! Если члены Ковена скачут вместе со своей охраной, убей их тоже. Не дай им проникнуть в Каэр Ллур до тех пор, пока...

— Пока что?

— Не знаю. Мне нужно время. Сколько — не могу сказать. Битва с Ллуrom и победа над ним — это дело не одной минуты.

— И дело не для одного человека, — пробормотал Лоррин. — Если бы мы помогли тебе, победа была бы у тебя в кармане.

— Я знаю, каким оружием можно одолеть Ллура, — сказал я. — Его в состоянии держать в руках и один человек. Постарайся сдерживать натиск стражников и членов Ковена. Дай мне время!

— Ну, это-то как раз нетрудно, — сказал Лоррин, и глаза его возбужденно сверкнули. — Гляди!

Огибая холм, цепочкой, одна за другой, вдогонку за вооруженными стражниками скакали фигуры в зеленом, прищипывая своих лошадей.

Это были женщины лесного братства, которых мы оставили в долине. Сейчас они все были вооружены — я видел блеск мечей. И мечи были не единственным их оружием. Послышался приглушен-

ный треск, поднялось облачко дыма, и один из стражников, вскинув руки, свалился со своей лошади.

Эдвард Бонд знал, как делать ружья! А лесные жители научились ими пользоваться!

Во главе женщин я разглядел две приметные фигуры. Одна — худенькой подвизной девушки, чьи золотистые волосы, как знамя, развевались позади нее. Арле.

А рядом с ней, на огромном белом скакуне мчалась женщина, чью гигантскую фигуру я не мог спутать ни с кем даже на столь значительном расстоянии. Фрейдис пришпоривала коня, как Валькирия, рвущаяся в битву!

Фрейдис, Арле и женщины леса!

Смех Лоррина не смог скрыть его возбуждения.

— Они попались в ловушку, Бонд! — вскричал он, и еще крепче стиснул повод. — Наши женщины навалятся на них сзади, а мы атакуем их с фланга. Мы сотрем их в порошок! Хвала богам, оборотень скачет вместе со всеми!

— Тогда не медли, — резко бросил я. — Хватит болтовни! Скачи и сокруши их! Не пусти их в Каэр!

С этими словами я пришпорил лошадь и, низко пригнувшись к ее гриве, с быстротой ветра помчался к видневшейся впереди черной горе. Понимал ли Лоррин, насколько опасным было то поручение, которое я дал ему? Матолча, может, ему и удалось бы убить, и даже Медею. Но если вместе со стражниками Ковена скакала Эдейрин... Ей достаточно было даже на секунду скинуть капюшон со своей головы — и ни меч, ни пули не спасли бы лесных жителей!

И тем не менее они давали мне отсрочку. А если при этом ряды лесных жителей и поредеют — тем лучше для меня. Впоследствии я готов был посчитаться с Эдейрин так, как счел бы нужным.

Впереди вздымались черные колонны. За моей спиной раздались крики и послышалась ружейная пальба. Я обернулся, но холм скрыл от меня арену развернувшейся битвы.

Я соскочил с лошади и остановился между колоннами. Густая как молоко защитная завеса сверкала и переливалась передо мною. Надо мной чудовишной громадой нависал Каэр — источник зла, окутавшего весь Темный Мир.

И в нем обитал Ллур — мой враг!

У меня все еще был меч, взятый мною у одного из лесных жителей, но я сомневался, что обычная сталь может пригодиться мне внутри замка. Тем не менее, я убедился, что меч надежно прикреплен к моему поясу, когда сделал шаг вперед.

Я прошел сквозь завесу.

Шагов двадцать я двигался в полной темноте. Затем появился свет.

Такой свет можно увидеть высоко в заснеженных горах: яркий и сверкающий, он ослепляет. Я застыл в ожидании. Наконец, свет начал пульсировать, распавшись на светящиеся частицы, которые

выписывали в воздухе причудливые узоры. Это были не снежинки, нет!

Меня окутало тропическое тепло!

Сверкающие частицы подплыли ко мне. Они опустились на мое лицо и руки. Они проникли сквозь одежду, и моя кожа впитала их. Они не причинили мне вреда. Наоборот, тело мое жадно поглощало этот снегопад энергии — и заряжалось ею.

Жизненные силы хлынули в мои жилы.

На белом фоне я увидел три серых тени — две высоких и одну маленькую и хрупкую, как тень ребенка.

Я узнал их. Я понял, кто их отбрасывает.

Я услышал голос Матолча.

— Убей его. Сейчас.

И ответ Медеи:

— Нет, он не должен умереть. Не должен!

— Должен! — проревел Матолч, и тонкий, бесполой голосок Эдейрин поддержал его.

— Он опасен, Медея. Он должен умереть, а убить его можно только на алтаре Ллура, ибо он посвящен Ллуру.

— Не надо его убивать, — упрямо ответила Медея. — Если нам удастся обезвредить, обезоружить его — пусть живет.

— Как? — спросила Эдейрин, и вместо ответа алая ведьма шагнула ко мне из слепящего белого сияния.

Теперь уже не тень, и не плоская серая фигура — Медея, ведьма Колхиса, стояла передо мной.

Ее темные волосы ниспадали до колен, а взгляд темных глаз жег меня. Она была воплощением зла, и она влекла меня, как Лилит.

Я положил руку на рукоять своего меча.

Вернее, я этого не сделал. Я не мог пошевелиться. Еще быстрее закружились сверкающие частицы, пронзая мое тело, чтобы предать меня.

Я не мог шевельнуться.

Позади Медеи две тени наклонились вперед.

— Власть Ллура сдерживает его, — прошептала Эдейрин. — Но Ганелон силен, Медея. Если он сокрушит эти оковы, мы погибем.

— Но к тому времени он будет обезоружен, — сказала Медея и улыбнулась мне.

Теперь я действительно понял, что за опасность мне грозила. Мой стальной клинок мог легко пронзить нежное горло Медеи, и я от всей души пожалел, что не сделал этого раньше. Потому что я вспомнил, в чем заключалась сила Медеи, та мутация, что отличала ее от остальных. Та самая, из-за которой ее называли вампиром.

Я вспомнил о тех ее жертвах, которых мне приходилось видеть. Стражники с мертвыми глазами, рабы Замка — оболочки людей, живые мертвецы, у которых отняли душу и большую часть жизненных сил.

Руки ее обвилились вокруг моей шеи. Губы ее потянулись к моим губам.

В руке она держала свой черный жезл. Она коснулась им моей головы, и легкая, почти приятная дрожь пробежала по моей коже. Я понял, что жезл — это всего лишь проводник, и приступ безумного смеха потряс мое тело, когда я осознал необычность данного оружия.

Волшебство здесь было ни при чем. Это была наука, высокоразвитая наука, подвластная только тем, кто был этому обучен, или особого рода мутантам. Медея высасывала энергию, но волшебство здесь было ни при чем. Слишком часто я видел, как она использует свой жезл, чтобы не знать этого.

Жезл взламывал замкнутые схемы мозга, высвобождая его энергию. Он закорачивал мозг, как медная проволока закорачивает электрическую цепь.

Он передавал жизненную силу Медее!

Блестящие хлопья закрутились быстрее, укрывая нас и все вокруг своей сверкающей пеленой. Эдейрин и Матолч уже не были серыми теньями. Карлица и высокий, ухмылявшийся оборотень стояли в своих разноцветных плащах и наблюдали за нами.

Лица Эдейрин я видеть не мог, но из-под капюшона тянуло смертельным холодом, как ледяным ветром. Язык Матолча был высунут, он поминутно облизывал губы. Глаза его горели триумфом и восхищением.

Летаргическое оцепенение и немота стали опускаться на меня. Уста Медеи стали горячее, требовательнее — а мои губы заledenели. В отчаянии я попытался пошевелиться, схватиться за рукоять меча.

И не смог.

Сверкающая дымка вдруг поредела. Позади Матолча и Эдейрин я увидел пустое пространство, столь обширное, что взгляд мой потерялся в его уасающей глубине. Лестница вела наверх, к недосигаемой высоте.

Там, в вышине, пылал золотистый огонь.

Но за спинами Матолча и Эдейрин, чуть в стороне, стоял украшенный причудливой резьбой пьедестал, передняя сторона которого была сделана из сплошной хрустальной пластины. Она сияла ровным, холодным голубым светом. Что находилось за ней, я не видел, но я узнал эту хрустальную пластину.

Гаст Райми говорил о ней. За ней должен был находиться Меч Ллура.

Откуда-то издалека до меня донеслось удовлетворенное хмыканье Матолча.

— Ганелон, любовь моя, не препятствуй мне, — прошептала Медея. — Только я могу спасти тебя. Когда пройдет твоё сумасшествие, мы вернемся в Замок.

Да, тогда я уже не представлял бы для них опасности. Матолч даже не стал бы пытаться навредить мне. Вещью без души и разума, игрушкой Медеи вернулся бы я в Замок Ковена.

Я, Ганелон, наследный лорд Ковена, Посвященный Ллуру!

Золотое сияние наверху стало ярче. Ослепительные молнии вырвались оттуда и погасли в фиолетовой мгле.

Мои глаза нашли этот золотистый свет — Окно Ллура.

Мысли мои потянулись к нему.

Душа моя затрепетала его трепетом!

Возможно, Медея была ведьмой и вампиром, или даже колдуньей, но она никогда не была посвящена Ллуру. Темные силы зла не пульсировали в ее крови, как в моей, при каждом ударе сердца. Да, теперь я хорошо понимал: как бы я ни отказывался от своей принадлежности Ллуру, что бы я ни говорил, связь между нами была. Ллур имел надо мной власть, но и я мог пользоваться его силой!

И я воспользовался ею сейчас!

Золотое Окно вспыхнуло ярче. Молнии вновь вырвались из него и погасли. Тяжелый, приглушенный рокот донесся откуда-то издалека, точно пульс Ллура.

Точно сердце Ллура, пробуждавшегося ото сна.

Могучий поток энергии пронизал меня, пробуждая тело и мозг от летаргии. Я впитывал силу Ллура, не задумываясь, чего мне это будет стоить. Я увидел, как страх исказил лицо Матолча, а Эдейрин сделала быстрый жест рукой.

— Медея! — крикнула она.

Но Медея уже ощутила мое пробуждение. Я почувствовал, как тело ее забилося в конвульсиях. С жадностью прильнула она к моим губам, все быстрее высасывая энергию, которая поддерживала мою жизнь.

Но энергия Ллура вливалась в меня! Гулкие раскаты грома прокатывались под огромными сводами наверху. Золотое Окно сияло ослепительным светом. Сверкающие хлопья вокруг нас побледили, сжались и растаяли совсем.

— Убей его! — взывал Матолч. — Он призвал Ллура!

Он прыгнул вперед.

Внезапно откуда-то появилась окровавленная фигура в погнутых доспехах. Я увидел лицо Лоррина, которое перекошилось в изумлении при виде нас всех. Меч, обагренный кровью по самую рукоятку, сверкал в его руке.

Он увидел Медею, обвившую мою шею руками.

Он увидел Эдейрин.

И увидел Матолча!

Из его горла вырвался невнятный, сдавленный крик, и он взмахнул мечом.

Когда я вырвался из объятий Медеи, оттолкнув ее в сторону, я увидел, как Матолч поднимает свой жезл. Я схватился за свой, но в этом уже не было нужды.

Клинок Лоррина со свистом рассек воздух. Рука Матолча, сжимавшая жезл, была отсечена у самой кисти. Кровь хлынула из перерезанных артерий.

Оборотень, взыв, упал на пол. Он менял свой облик. Был ли это гипноз, мутация или волшебство — я не мог сказать. Но создание, рванувшееся к горлу Лоррина, не было человеком.

Лоррин рассмеялся. Он отбросил свой меч в сторону и, напряжившись, встретил нападение оборотня. Он схватил зверя за горло и заднюю лапу. Волк свирепо лязгнул клыками.

Лоррин поднял монстра высоко над головой, его мускулы вздулись от нечеловеческого напряжения. Мгновение Лоррин стоял так, держа своего врага над головой, а волк лязгал челюстями, пытаясь достать его.

Затем он с огромной силой швырнул волка на каменный пол!

Я услышал, как кости захрустели, точно ломающиеся ветки. Я услышал ужасный вопль агонии, который вырвался из окровавленной пасти.

И через мгновение Матолч, в своем истинном облике, с переломанным позвоночником, умирающий, распростерся у наших ног!

15. Обитель силы

Охватившая меня слабость внезапно исчезла. Сила Ллура бурлила во мне. Я обнажил свой меч и, перешагнув через тело Матолча, устремился вперед, оставив Лоррина стоять без движения с остекленевшими глазами. Я подбежал к пьедесталу с голубой стеклянной панелью, схватил меч за лезвие и изо всех сил ударил по стеклу тяжелой рукоятью.

Послышался мелодичный перезвон, подобный тоненькому хихиканью облинов. Водопад осколков обрушился на пол.

И вместе с ними к моим ногам упал меч, хрустальный меч примерно пяти футов в длину: и клинок, и рукоятка его были сделаны из чистого хрусталя.

Он был частью стеклянной панели, поэтому-то внутри алтаря ничего и не было видно. И только когда я разбил стекло, на свет явилось оружие, так хитроумно скрытое в тайнике.

По изящному лезвию стекал голубой свет. В хрустале тускло мерцали голубые огни. Я наклонился и поднял меч. Рукоять его была теплой и почти живой.

Меч Ллура был в моей левой руке, стальной клинок — в правой. Я выпрямился. И вдруг на меня повеяло ледящим холодом. Я узнал этот холод.

Поэтому я не обернулся. Зажав стальной меч под мышкой, я выхватил из-за пояса хрустальную Маску и надел ее. А затем достал Жезл Власти.

И только тогда повернулся.

Сквозь Маску струились блики и тени, искажая то, что я видел. Маска непонятным образом изменяла свойства света, и это было ее предназначением. Она служила фильтром.

Матолч уже не шевелился. Рядом с ним Медея пыталась подняться на ноги, темные волосы ее рассыпались в беспорядке. Лицом ко

мне стоял Лоррин, неподвижный, как камень, и только глаза его жили на неподвижном, побелевшем лице.

Он, не отрываясь, смотрел на Эдейрин — теперь и я мог видеть ее маленькую изящную головку. Эдейрин стояла спиной ко мне, капюшон ее был откинут на плечи.

Лоррин сморщился, жизнь уходила из него, вытекая из его тела как вода.

Наконец, он упал замертво.

Потом Эдейрин медленно повернулась.

Она была крошечная, словно дитя, и лицо ее тоже было детским — маленьким, округлым. Но я не мог различить его черт, потому что даже сквозь хрустальную Маску меня жег ее взгляд Горгоны. Кровь застыла в моих жилах. Волна холода начала медленно накапливаться на меня, вливаясь в мозг. Меня захлестывал холодный ужас.

Глаза Горгоны горели огнем.

Они испускали смертоносную радиацию: ученые Земли назвали бы это явление лучами эктогенезиса, убивавшими все живое; но на Земле такое можно было наблюдать лишь в царстве растений. Только сумасшедшие мутации, породившие Эдейрин, могли вызвать из преисподней эту дьявольскую шутку биологии.

Но я не упал и не умер. Проходя через фильтр, радиация становилась безвредной. Рассеивающие свойства Маски лишали ее силы.

Я поднял Жезл Власти.

Алое пламя рванулось из него. Жадные языки огня потянулись к Эдейрин.

Пламя достигло ее. Алые кнуты хлестали ее тело, оставляя багровые отметины на этом безучастном детском личике.

Она отшатнулась, по-прежнему не сводя с меня глаз.

Вместе с ней, шаг за шагом, отступала Медея. Они двигались к подножью большой лестницы, что вела к Окну Ллура.

Языки огня хлестнули Эдейрин по глазам.

Она повернулась и, спотыкаясь, бросилась вверх по лестнице. Медея задержалась на секунду, в отчаянии вскинув руки. Но на моем лице она не увидела сочувствия.

Она тоже повернулась и устремила след за Эдейрин.

Я бросил на пол бесполезный стальной меч. С Жезлом в левой руке и Мечом Ллура в правой я последовал за ними.

Когда нога моя ступила на первую ступеньку, фиолетовый воздух вокруг меня неожиданно задрожал. Сейчас я уже почти жалел, что призвал Ллура, чтобы сбросить заклинания Медеи. Теперь Ллур проснулся и наблюдал за мной, а значит, он был настороже.

Пульс Ллура бился в огромном замке. Золотые вспышки молний озаряли Окно высоко наверху.

На миг два маленьких черных силуэта проступили на фоне этого сияния. Эдейрин и Медея взбирались все выше и выше.

Я поднимался вслед за ними. И каждый шаг давался мне все труднее и труднее. Казалось, я пробирался сквозь сгущавшийся невидимый поток, шел навстречу сильному ветру или волнам, бившим

из этого Окна. И ветер этот стремился скинуть меня с лестницы и вырвать хрустальный меч из моей руки.

Я поднимался все выше и выше. Теперь Окно уже горело ослепительным желтым пламенем. Молнии сверкали беспрерывно, а гром гремел, не умолкая, эхом отдаваясь от невидимых сводов замка. Я шел наклонившись, точно против ураганного ветра. Я боролся с ним изо всех сил, взбираясь по ступенькам.

Позади меня кто-то был.

Я не оборачивался. Я не осмелился сделать это из страха, что ветер скинет меня. Еле поднимая ноги, я преодолел последние несколько ступенек и оказался на ровной каменной площадке, где стоял десятифутовый куб. Три его грани были сделаны из черного камня. Грань, к которой я стоял лицом, сияла ослепительным золотистым светом.

Где-то далеко внизу виднелся пол замка. Позади меня лестница спускалась в эти невообразимые глубины, а ураганный ветер продолжал дуть из Окна, пытаясь скинуть меня вниз, чтобы я разбился насмерть.

Слева от Окна стояла Эдейрин, справа — Медея. А в самом центре...

Сверкающие золотистые облака извивались и клубились, как грозовые тучи, исторгая слепящие молнии. Гром теперь не умолкал ни на минуту. Звук его то затихал, отдаваясь, то гремел совсем близко, в такт пульсу самого Ллура.

Монстр, детище мутации, человек при рождении — или, по крайней мере, получеловек — Ллур с тех пор стал куда сильнее, чем раньше. Гаст Райми предупреждал меня об этом.

Частично — машина, частично — чистая энергия, частично — нечто невообразимое изливало на меня всю свою мощь из золотистых облаков!

Жезл Власти выпал из моей руки. Я поднял хрустальный меч и с трудом сделал еще шаг вперед. Затем дьявольский прилив захлестнул меня, и я не мог двигаться дальше. Я мог только бороться, используя всю свою силу против этой горной лавины, которая пыталась столкнуть меня с края площадки.

Гром гремел все громче. Все ярче сверкали молнии.

Холодный взгляд Эдейрин леденил мою кровь. Лицо Медеи стало вовсе нечеловеческим. Золотистые облака кипели в Окне, обдавая Эдейрин и Медею своим светом.

Потом они вырвались из Окна и обволокли меня.

Словно сквозь туман видел я теперь сияние, обозначавшее Окно Ллура, и два неясных силуэта: Эдейрин и Медею. Я попытался сделать шаг вперед. Вместо этого меня сносило назад — все ближе и ближе к краю площадки.

Сильные руки обхватили меня за пояс. Прядь седых волос коснулась моих глаз. Титаническая сила Фрейдис стальной стеной встала между мною и пропастью.

Боковым зрением я видел, как она оторвала кусок ткани от своего плаща и завязала себе глаза, чтобы защититься от взгляда Горгоны-Эдейрин. Ослепленная, влекомая каким-то странным инстинктом, Валькирия толкала меня вперед.

Вокруг нас клубились золотистые облака — полуживые на ощупь, пронизанные белыми молниями, дрожавшие от раскатов грома.

Фрейдис молча толкала меня вперед. Я согнулся, как лук, борясь с потоком.

Шаг за шагом я продвигался вперед, а Фрейдис направляла меня. Как щит, стояла она за моей спиной. Я слышал ее тяжелое дыхание, хриплые вздохи, вырывавшиеся из ее горла, когда она сливала свои силы с моими.

Мне казалось, что в грудь мою вонзился раскаленный добела металлический прут. И все же я продолжал идти вперед. Ничего не существовало для меня, кроме золотистого сияния облаков, облаков творения, пронизанных дрожью рушившихся вселенных, миров, обрвавшихся во прах под властью Ллура...

Я стоял прямо перед Окном.

Рука моя поднялась сама собой. Изо всех сил я обрушил Меч Ллура на Окно Ллура.

Меч в моей руке сломался.

Его осколки со звоном упали к моим ногам. Голубые блики заиграли на их гранях.

И их всосало Окно.

Клубы облаков устремились назад. Невероятная, почти непереносимая дрожь сотрясла громадный замок, как соломенную хижину. Золотистые облака исчезли в Окне, а вместе с ними — Эдейрин и Медея!

Я увидел их в последний раз — красную маску ожогов от моего жезла вокруг глаз Эдейрин, и искаженное неопишущим ужасом лицо Медеи. Глаза ее были устремлены на меня с бесконечной, безмолвной мольбой. А затем обе фигуры исчезли!

На мгновение я увидел то, что было за Окном: нечто вне пространства и времени, жадный, колышущийся хаос, пожиравший Медею и Эдейрин; золотое пятно света, которое, как я знал, и было Ллуrom.

Когда-то почти человек, Ллур теперь даже отдаленно не напоминал человека.

Ненасытный, бесконечный Хаос поглотил всех троих.

Громовые раскаты стихли.

Передо мною возвышался алтарь Ллура. Но в нем не было больше Окна. Все четыре его грани представляли собой черный мертвый камень!

16. *Поединок с самим собой*

Мрак и черный камень — вот последнее, что я видел, прежде чем непроглядная тьма сомкнула надо мной свои крылья. Как будто лишь яростное сопротивление Ллура во время нашей схватки заставляло меня держаться на ногах. Когда пал он, и Ганелон пал к подножию его теперь мертвого алтаря.

Как долго я пролежал там, не знаю. Но мало-помалу мой взор опять прояснился, и я понял, что лежу, распростертый у алтаря. Я с трудом сел, все тело мое ныло. Но я, должно быть, немного поспал, поскольку усталость, которую я сейчас испытывал, вряд ли могла сравниться с той черной волной, что свалила меня тогда с ног.

Позади меня, у самой лестницы, лежала Фрейдис. Голова ее свесилась на ведущие вниз ступеньки, словно она устремилась назад, к своим соплеменникам, и упала по дороге от изнеможения. Глаза ее все еще были завязаны, а сильные руки — раскинуты в стороны, словно силы покинули ее после схватки с Ллуrom. Странно, но ее неподвижная фигура вызвала в моей раздвоенной памяти образ другой могущественной женщины в белых одеждах, с завязанными глазами и поднятыми руками — слепой Богини Правосудия, державшей свои вечные весы. Я улыбнулся своим мыслям. В Темном Мире — отныне моем мире — Правосудие, и отнюдь не слепое, теперь олицетворял Ганелон.

Фрейдис пошевелилась. Одна рука ее неуверенно потянулась к повязке на глазах. Я не мешал ее пробуждению. Нам вновь предстояло сражаться друг с другом — Правосудию и мне. Но я не сомневался, кто в итоге одержит верх.

Я встал на колени. Послышался серебристый звон, и с моего плеча посыпались осколки. Маска разбилась, когда я упал. Ее хрустальные осколки смешались с обломками хрустального Меча, который изгнал Ллура из Темного Мира. Я подумал о странных голубых молниях, которые совершили то, что не удалось бы никому и ничему другому в Темном Мире — уничтожили Ллура. И мне показалось, что я понял, в чем было дело.

Он слишком далеко ушел из этого мира, чтобы поддерживать контакт с ним, иначе как на церемониях жертвоприношений. Человек, демон, бог, мутант — кем бы он ни был — у него оставалась только одна связь с Темным Миром, породившим его. Этой связью был Меч Ллура. Благодаря этому талисману, и только с его помощью, он мог возвращаться за жертвами, которых ему скармливали, возвращаться на пышные церемонии Посвящения, сделавшие меня наполовину его воплощением.

О, его следовало хорошенько спрятать, этот мостик, по которому Ллур мог вернуться. И он был надежно скрыт. Не зная того, что

знал Гаст Райми, кто смог бы найти его? Не имея силы могущественного лорда Ганелона, да и силы Фрейдис тоже — кто смог бы подойти достаточно близко к Окну — единственному месту в Темном Мире, где можно было разбить Меч? Да, Ллур охранял свой талисман лучше любого стража. Но и он был уязвим для человека, способного поднять этот Меч. И когда Меч сломался, мост между мирами исчез, и Ллур погрузился в хаос, откуда уже не было возврата.

И Медея, алая ведьма, пьющая жизнь, моя утраченная любовь, она тоже ушла безвозвратно...

На мгновение я закрыл глаза.

— Ну, Ганелон?

Я поднял голову. Фрейдис хмуро усмехалась, сдвинув повязку. Я поднялся на ноги и молча смотрел, как она сделала то же самое. Пьянящее чувство триумфа накатывало горячими волнами. Мир, где я только что пробудился ото сна, целиком принадлежал мне: ни эта женщина, никто другой не смогли бы сбить меня с намеченного пути. Разве не победил я Ллура и не убил последних членов Ковена? И разве не был я сильнее в колдовстве, чем любая женщина и любой мужчина, живущие в Темном Мире? Я рассмеялся, и смех мой гулким эхом отозвался в громадном пространстве замка, перекачиваясь под сводами. То, что некогда было Каэр Ллуrom, вдруг ожило, вдохновенное моим триумфальным кличем. Но Ллура здесь больше не было.

— Пусть это место теперь будет называться Каэр Ганелон! — Я слушал, как звучит мое имя, эхом прокатываясь под огромными сводами, словно сам замок отвечал мне.

— Ганелон! — закричал я. — Каэр Ганелон!

Я рассмеялся, слыша, как все это необъятное пространство повторяет мое имя. Эхо его еще не отзвучало, когда я обратился к Фрейдис:

— Теперь у вас, лесных жителей, есть новый господин! За то, что ты помогла мне, я щедро награжу тебя, старуха, но теперь я — повелитель Темного Мира: Я, Ганелон!

И стены проревели мне в ответ:

— Ганелон-Ганелон!

— Не торопись, член Ковена, — спокойно сказала Фрейдис. — Неужели ты думал, что я доверяла тебе?

Я презрительно улыбнулся:

— А что ты можешь мне сделать теперь? Только одно могло сокрушить меня до сегодняшнего дня — сам Ллур. Но Ллура больше нет, и Ганелон бессмертен! Ты не посмеешь тронуть меня, колдунья!

Она выпрямилась на ступеньках лестницы. Ее нестарееющее лицо находилось чуть ниже моего. В глазах ее читалась такая уверенность, что мне стало не по себе. И все же я сказал правду — теперь ни один человек в Темном Мире не мог причинить мне вреда. Однако улыбка не исчезла с губ Фрейдис.

— Когда-то я послала тебя на Землю через астрал, — сказала она. — В силах ли ты помешать мне проделать это еще раз?

Охватившее меня было чувство тревоги сменилось облегчением.

— Завтра или послезавтра, пожалуй, я смог бы помешать тебе. Сегодня — нет. Но теперь я — Ганелон, и я знаю путь назад. Я предупрежден и, думаю, тебе не удастся так же легко вновь отправить меня на Землю, лишив памяти и снабдив воспоминаниями другого человека. Я помню обо всем и смогу вернуться. Не трать понапрасну свое и мое время, Фрейдис. Впрочем, попробуй, если хочешь, но я предупреждаю тебя, что успею вернуться обратно прежде, чем ты закончишь бормотать свои заклинания.

Ее спокойная улыбка не исчезла. Она скрестила руки, спрятав их в широкие рукава своего платья. Она была очень уверена в себе.

— Ты думаешь, что ты подобен богу, Ганелон, — сказала она. — Ты думаешь, что ни один простой смертный не сможет победить тебя сейчас. Ты забыл лишь обо одном. Было свое уязвимое место у Ллура, и у Эдейрин, и у Медеи, и у Матолча. Есть оно и у тебя. В этом мире нет ни одного человека, который мог бы сразиться с тобой. Но на Земле он есть, лорд Ганелон! Там живет равный тебе, и я вызову его на эту последнюю битву за свободу Темного Мира. Эдвард Бонд — вот кто может убить тебя, Ганелон!

Я почувствовал, как холодный ветерок, похожий на леденящее дыхание Эдейрин, овевал меня, как кровь отхлынула от моего лица. Я забыл! Даже Ллур мог, хотя это трудно было вообразить, умереть от своей собственной руки. И я тоже мог умереть от своей руки — или от руки своего второго «я», которое было Эдвардом Бондом.

— Глупая женщина! — вскричал я. — Разве забыла ты, что Бонд и я никогда не сможем находиться в одном и том же мире? Когда появился я, он вынужден был исчезнуть из Темного Мира, равно как и я должен буду исчезнуть, если ты перенесешь его сюда. Как может человек и его отражение стоять рядом, рука об руку? Как может Бонд тронуть хоть волос на моей голове, старуха?

— Очень просто, — улыбнулась она. — Очень просто. Он не может драться с тобой ни здесь, ни на Земле, ты прав. А как насчет потустороннего мира, Ганелон? Неужели ты забыл об астрале?

Руки ее показались из рукавов. В каждой из них сверкала серебряная трубка. Прежде чем я успел пошевелиться, она скрестила обе трубки перед своим улыбающимся лицом. На пересечении жезлов мгновенно возникли силы невиданной мощности, льющиеся с полюсов мира. Ими можно было пользоваться лишь доли секунды, иначе вся планета разлетелась бы на куски. Я почувствовал, как вокруг меня все плывет.

Я почувствовал, как открываются Врата.

Серая пустота вновь окружала меня. От неожиданности, от шока, от страшной волны гнева, захлестнувшей все мое существо при мысли об обмане Фрейдис, я попятился. Чтобы с властителем Темного Мира играли в какие-то колдовские игры? Этого я вытерпеть не мог! Я отыщу способ выбраться отсюда! Урок, который я преподнесу Фрейдис, будет поучительным для всех!

На сером фоне я увидел перед собой зеркало. Зеркало? Я видел свое лицо — удивленное, непонимающее, глядевшее мне прямо в глаза. Но я был одет не в изорванный голубой плащ приносимого в жертву, в который я облачился целую вечность назад в Замке Ковена. На мне, кажется, был земной костюм, и я был не совсем я. Кажется, это был...

— Эдвард Бонд! — произнес позади меня голос Фрейдис.

Мое отражение посмотрело за мое плечо, и на лице его отразилось невыразимое облегчение.

— Фрейдис! — вскричал двойник моим собственным голосом. — Фрейдис, благодарение богу! Я так старался...

— Подожди, — перебила его Фрейдис. — Послушай. Тебя ждет последнее испытание. Этот человек — Ганелон. Он разрушил все, что ты сделал для лесных жителей. Он уничтожил Ллура и членов Ковена. Никто не сможет устоять перед ним в Темном Мире, если он вновь туда вернется. Только ты можешь остановить его, Эдвард Бонд. Только ты.

Я не стал ждать, пока она скажет еще что-нибудь. Я знал, что мне надо было делать. Прежде, чем он успел что-либо ответить или хотя бы пошевелиться, я ринулся вперед и нанес резкий удар в лицо, которое было так похоже на мое. Это было так странно и непривычно, что в последний момент мускулы мои чуть было не отказались повиноваться мне.

Я увидел, как он отпрянул назад — моя собственная голова тоже инстинктивно откинулась, так что мой первый удар потряс нас обоих.

Он остановился примерно в дюжине шагов, с трудом удержав равновесие, и несколько мгновений глядел на меня со смущением, которое, скорее всего, было написано и на моем лице, потому что я тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

Затем злость исказила эти невыразимо знакомые черты, и я увидел, как кровь проступает в уголке его рта и стекает по подбородку. Я злобно расхохотался. Эта кровь внезапно превратила его в моего врага. Я слишком часто видел кровь своих врагов, повергнутых наземь силой моих ударов, чтобы ошибиться, как бы он ни был похож на меня. Я сам был своим смертельным врагом.

Он пригнулся и двинулся на меня, защищая руками тело от моих ударов. Мне неудержимо захотелось ощутить в своих руках клинок или ружье. Я никогда не любил драться на равных. Ганелон всегда сражался не ради самого сражения, а ради победы. Но эта наша схватка была ужасающе, невероятно равной.

Он нырнул под мою руку, и я вздрогнул от своего собственного удара по моей скуле. Он отпрыгнул в сторону, легко пританцовывая вне пределов моей досягаемости.

Яростный крик вырвался из моего горла. Мне не нужен был этот бокс, эта игра по правилам. Ганелон дрался, чтобы победить! Я взревел во всю мощь своих легких и, ринувшись вперед, смял его в

своих безжалостных объятиях, увлекая его за собой на серую пружинистую субстанцию, что была у нас под ногами. Пальцы мои с наслаждением впились в его горло. Второй рукой я пытался достать до его глаз. Он выдохнул с усилием, и я почувствовал, как его кулак обрушился на мои ребра. Боль в сломанной кости белой вспышкой отдалась в моем мозгу.

Он был настолько мной, а я — им, что сначала я даже не понял, чье ребро сломалось и под чьим ударом. Потом я сделал короткий вдох и чуть не потерял сознание от боли, пронзившей все мое тело. И только тогда я понял, что это было мое ребро.

Это взбесило меня. Не обращая больше внимания на боль, позабыв об осторожности, я остервенело молотил кулаками по всему его телу, чувствуя, как ломаются кости, как кровь стекает по моим рукам. Мы катались, сжимая друг друга в смертоносных объятиях по пружинистой субстанции астрала, и боль, что поднималась во мне с каждым вздохом, была единственным островком реальности среди этого ночного кошмара.

Но потом вдруг я с внезапной уверенностью почувствовал, что становлюсь хозяином положения. Откуда я это узнал? Он откатился в сторону, чтобы нанести мне жестокий удар в лицо, но я заблокировал его прежде, чем он успел ударить. Я *предвидел*. Он вывернулся из-под меня и попытался вновь нанести удар в ребра, но прежде, чем он замахнулся для удара, я уже откатился в сторону. Я *опять предвидел*.

Ведь когда-то я был Эдвардом Бондом до самых кончиков ногтей. Я жил с его памятью в его мире. И я знал Эдварда Бонда как самого себя. Казалось, инстинкт подсказывал мне, что он предпримет дальше. Он не мог обмануть меня, а, следовательно, не мог и надеяться выиграть этот бой, потому что я предугадывал каждое его движение в ту же секунду, как он задумывал его.

И тогда, позабыв даже о сломанном ребре, я рассмеялся. Фрейдис сама себя одурачила! Отправив Ганелона с воспоминаниями Эдварда Бонда на Землю, она дала мне оружие против него, чтобы я мог уничтожить его сейчас. Он был моим, и я мог прикончить его в любую минуту. И Темный Мир был моим, и королевство свободных людей Эдварда Бонда, и его златовласая невеста — все, что могло принадлежать ему, отныне принадлежало мне.

Я с наслаждением расхохотался и, тремя расчетливыми движениями парировав все его удары, поверг Бонда ниц. Всего три удара — и я перекинул его через колено, всей своей тяжестью наваливаясь ему на спину.

Я усмехнулся. Кровь моя капала ему на лицо. Я увидел, как она стекает вниз, встретился с его глазами и внезапно, на какое-то мгновение, мне страстно захотелось проиграть эту битву. В это мгновение я про себя молился неведомому богу, чтобы Эдвард Бонд спасся, а Ганелон погиб...

Я собрал все оставшиеся во мне силы, и потусторонний мир поплыл перед моими налитыми кровью глазами, а боль в сломанном

ребре молнией пронзила мое тело, когда я в последний раз глубоко вздохнул. Этот вздох был последним для Эдварда Бонда.

Я сломал его позвоночник о свое колено.

17. *Наконец-то свободен!*

Две прохладные гладкие руки торопливо скользнули мне на лоб. Я посмотрел вверх. Руки скользнули ниже, закрывая мои глаза. И слабость покровом окутала меня. Я стоял на коленях, не сопротивляясь, чувствуя, как тело человека, который был мной самим, скользнуло вниз с моего колена.

Фрейдис опрокинула меня навзничь. Мы лежали бок о бок, живой и мертвый.

Серебряные трубки колдуньи коснулись моей головы и перекинули мостик между Эдвардом Бондом и Ганелоном. Я вспомнил жезл Медеи, который мог отбирать жизненную силу у мозга. Тупое, сковавшее оцепенение охватило мое тело. Нервы мои пронзила дрожь, я не мог пошевелиться.

Внезапно страшная боль переполнила меня. Моя спина! Я пытался закричать от ярости, но горло мое пересохло. Я ощутил на своем теле раны Эдварда Бонда!

В этот кошмарный момент, когда моя мысль устремилась по бесконечному коридору, еще не познанному земной наукой, я понял, что сделала Фрейдис, чего она сейчас добилась.

Я чувствовал, как воспоминания Эдварда Бонда волнами возвращаются из царства мертвых. Наши тела лежали друг рядом с другом, и столь же близки были наши души.

Две искорки разгорались холодным ярким огнем в наступившей крошечной тьме...

Одна была разумом, жизнью Эдварда Бонда. Другая — моей жизнью!

Два пламени устремились навстречу друг другу!

Смешались друг с другом!

Жизнь, душа и разум Эдварда Бонда смешались с жизнью Ганелона!

Там, где пылали два огня, горел теперь лишь один. Только один!

И образ Ганелона заколебался, померк — и исчез серой тенью в то время, как огонь жизни Эдварда Бонда вспыхнул еще ярче!

Мы были едины. Я стал... Эдвардом Бондом! Ганелона больше не было! Не было больше повелителя Темного Мира, властителя замка!

Колдовство Фрейдис изгнало душу Ганелона и дала в его теле жизнь Эдварду Бонду!

Я увидел, как Ганелон умер!..

Когда я вновь открыл глаза, то обнаружил, что стою на коленях перед алтарем, который некогда принадлежал Ллуру. Надо мной возносились гигантские своды. Астрал исчез. Исчезло тело, лежавшее у моих ног. Фрейдис улыбалась мне своей нестареющей улыбкой.

— Приветствую тебя вновь в Темном Мире, Эдвард Бонд!

...Да, это было правдой, я знал это. Я знал, кто я, хотя и находился в теле другого человека. Голова шла кругом. Я заморгал, потряс головой и поднялся с колен. Боль с такой силой пронзила мой бок, что я вскрикнул и позволил подбежавшей Фрейдис поддержать меня своей могучей рукой. Огромное здание кружилось перед моими глазами. Но Ганелона больше не было. Он растворился в астрале, исчез, как легкая дымка, словно молитва, с которой он обратился к неведомому божеству, была услышана.

Я вновь стал Эдвардом Бондом.

— Знаешь ли ты, почему Ганелон смог победить тебя, Эдвард Бонд? — мягко спросила Фрейдис. — Знаешь ли ты, почему тебе никак не удавалось победить его? Он ошибался, считая, что предугадывает твои мысли, но дело не в этом. Причина в другом. Когда человек сражается сам с собой, сын мой, то он никогда не стремится одержать победу. Только тот, кто хочет покончить с собой, ненавидит себя. В глубине души Ганелона таилось понимание своей собственной порочности и ненависть к самому себе. Потому он и мог избивать свое отражение и предугадывать ответные удары — в глубине своего сознания он ненавидел себя.

Ты же достоин уважения. Ты был не в силах ударить его так сильно, как он — тебя. Ведь в твоей душе нет зла. Ганелон выиграл — и проиграл. В самом конце он даже не сопротивлялся мне. Он уничтожил себя сам, а человек, который делает это, не в силах больше ничего предпринять.

Голос ее упал до шепота. Затем она рассмеялась.

— А теперь иди, Эдвард Бонд. В Темном Мире надо еще многое сделать!

И, опираясь на ее руку, я стал спускаться по длинной лестнице, по которой взбирался Ганелон. Я увидел зеленое сверкание дня снаружи, и людей, которые ждали меня, услышал шелест листвы. Я помнил все, что помнил Ганелон. Но на воспоминания Ганелона теперь уже навеки были наложены воспоминания Эдварда Бонда, и я знал, что только так можно было управлять Темным Миром.

Вдвоем, в одной телесной оболочке, под неусыпным контролем Эдварда Бонда.

Мы вышли через портал, и дневной свет на мгновение ослепил меня после крошечной тьмы. Затем я увидел лесных жителей, взволнованно толпившихся вокруг замка, и бледную девушку в зеленой

одежде, с нимбом сверкающих волос вокруг головы, которая обратила ко мне свое счастливое лицо.

Я позабыл о боли в боку.

Волосы Арле, как туман, окутали нас обоих, когда мои руки обняли ее. Восторженные крики лесных жителей далеко разнеслись в воздухе и заставили огромные своды замка вторить им гулким эхом.

Темный Мир был свободен — и он был наш!

Эх, Медея, Медея, рыжая ведьма Колхиса, как бы мы правили с тобой этим миром!

Источник Миров

© Henry Kuttner. The Well of the Worlds. Ace, New York, 1965.

Из окна отеля Клиффорду Сойеру были видны огни Фортуны, горящие в полярной мгле: мелкая россыпь огней шахтерского поселка, голубые окна больницы, ярко-желтые огоньки домов и офисов. Саму шахту он отсюда увидеть не мог, но зато ощущал ее присутствие. Глухие, почти за гранью человеческого восприятия, размеренные удары не прекращались никогда. И днем, и ночью, вот уже семнадцать лет, с тех пор как в 1953 году открылась шахта, под полярной шапкой работали насосы. Урановая руда требовалась многим, и правительство тоже жаждало получить свою долю.

Он увидел отраженную в стекле девушку, которая нетерпеливо шевельнулась. Он повернулся к ней, думая, что никогда не встречал глаз такой формы и цвета, как у Клей Форд. В ней было что-то экзотическое, и сейчас он пытался вспомнить, что же он прочел о любопытном прошлом этой девушки, когда копался в архивах Королевской Комиссии по атомной энергии в Торонто. Два месяца назад эта красотка получила в наследство половину урановой шахты.

У нее были блестящие волосы цвета жженого сахара, гладкий лоб, круглые глаза глубокого голубого цвета. Сойеру очень нравилось, что передние зубы у нее чуть виднелись из-под губы. В этом было что-то манящее, соблазнительное, что заставляло его вспомнить о Лизе Болконской из «Войны и мира», прелестная маленькая губка которой тоже была коротка и не прикрывала передних зубов. Форма скул Клей Форд и разрез ее глаз завораживали его. Он еще никогда не видел таких лиц, а опыт у него в этой области был не мал.

Сойер улыбнулся ей. У него были очень белые зубы, очень загорелое лицо, а волосы и глаза — чуть светлее его кожи. От него веяло спокойствием человека, находящегося в полном согласии с жизнью и знающего, что он всегда сможет приспособиться к новым условиям, если таковые возникнут.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал он, пытаясь определить тот странный акцент, с которым говорила эта необыкновенная девушка. — Правда, у меня даже нет пистолета. Обычно я работаю с компьютерами, а не с револьверами. Может быть, вы расскажете мне побольше. Председатель Комиссии не послал бы меня сюда, не будучи уверенным, что я сумею разрешить эту проблему по-своему. Вы сказали — привидения?

— Да, привидения, — твердо сказала девушка с тем же еле заметным странным акцентом, который действовал на Сойера, словно старая мелодия, которую никак не можешь вспомнить. — Из-за них мы терпим убытки. На некоторых горизонтах шахтеры просто отказываются работать. Химики докладывают об уменьшении процентного содержания урана в руде.

Она шевельнула пальцами и встревоженно посмотрела на него. — Шахта заколдована. Я не сошла с ума, мистер Сойер, но я уверена, что мой компаньон очень хотел бы, чтобы вы решили именно так. Этот человек хочет закрыть шахту. Я думаю... — она сжала ладони и испытующе посмотрела на Сойера. — Я знаю, что говорю, как сумасшедшая, — сказала она, — но кто-то хочет убить меня.

— Вы можете это доказать?

— Могу.

— Хорошо. Что же касается закрытия шахты, то я не думаю, что Комиссия позволит это. Так что если вы беспокоитесь о...

— У Комиссии не будет выбора, если в руде не будет урана. — Девушка помолчала. — В конце концов правительство финансирует шахты только пока они дают прибыль. А Альпер... — она замолчала, глубоко вздохнула и встретила спокойный взгляд Сойера.

— Я боюсь его, — сказала она. — Он очень странный старик, полусумасшедший. Он что-то нашел в шахте. Вернее, кого-то... — Она замолчала и неуверенно улыбнулась. — Это бессмысленные слова. Но ведь пленка не солжет, да? Ведь пленка, снятая в шахте, может быть свидетельством? Вот почему я и вызвала вас, мистер Сойер. Я хочу прекратить все до того, как мы с Альпером сойдем с ума. На восьмом горизонте есть женщина — или призрак женщины. О, я понимаю, как это звучит! Но я могу показать вам ее.

— Привидение? — поинтересовался Сойер. Он внимательно смотрел на нее, стараясь вдуматься в ее слова. Верить или не верить словам, было еще не время.

— Нет. Они похожи на... — она задумалась и неуверенно сказала: — Они похожи на колосья.

— Колосья, — задумчиво повторил Сойер. — Понимаю. — Он помолчал. — А вам не кажется, что он встречался в шахте с одной из женщин Фортуны?

— О, нет. Я знаю всех женщин Фортуны. Кроме того, это не совсем женщина. Через минуту вы поймете, что я имею в виду. Альпер запретил мне спускаться на восьмой горизонт. И шахтеры тоже там не работают. Но сам он время от времени спускается туда и говорит с этой... этим призраком женщины. А когда он возвращается, он... он пугает меня. Теперь я боюсь ходить одна. Я взяла с собой двух мужчин, когда проверяла камеру на восьмом горизонте. Может, это смешно бояться такого старика, как Альпер. Ведь он даже не может ходить без трости. Но...

— Нет, — осторожно сказал Сойер. — Вы совершенно правы относительно Уильяма Альпера. Он может быть опасен. У нас на него большое досье. Раньше ему бы не позволили появляться возле шахты, пусть даже она принадлежит ему. Альпер все еще находится в списке потенциально опасных людей. Отчасти потому, что он опытный инженер, отчасти из-за его странностей.

— Я знаю, — девушка кивнула. — Он странный человек. Я не думаю, что в своей жизни хоть раз проиграл в чем-нибудь. Он убежден, что он единственный человек в мире, который всегда и во всем прав. Он решил закрыть шахту, и когда я говорю «нет», это

сводит его с ума. Власть — это его навязчивая идея, мистер Сойер. Сейчас его воле подчиняется столько людей, что он считает себя таким же твердым и непреклонным, как закон всемирного тяготения.

— Он стареет, — сказал Сойер, — и это его страшит. Многие люди примираются с возрастом, но я сомневаюсь, что Альпер способен на это.

— Он вовсе не такой старый, — сказала Клей Форд. — Просто он всю жизнь держал в черном теле себя, а сейчас добрался до других. Но пришла пора расплачиваться, и это приводит его в ярость. Я думаю, что он согласен на все, лишь бы вернуть себе молодость. И, похоже, он думает, что таковая возможность ему представилась, мистер Сойер. Женщина... призрак... с которой он встречается в шахте, играет на этой струнке. Она может заставить его сделать все. И я, кажется, ей очень мешаю.

Сойер долго смотрел на девушку.

— Эта женщина в шахте, — сказал он наконец, — заставляет меня задать вам один личный вопрос, мисс Форд. Странная женщина, откуда ни возьмись появившаяся в шахте... Именно это вы имели в виду, когда говорили, что что-то произошло?

— О Боже! — только и смогла вымолвить Клей Форд несчастным голосом.

— Я пытаюсь угадать, что у вас за акцент, — продолжал Сойер с холодной решимостью. — Не можете ли вы сказать мне, мисс Форд, в какой стране вы родились?

Она неожиданно вскочила, оставив в кресле свое меховое пальто с капюшоном, и стала рассказывать по комнате. Затем резко повернулась к нему.

— Вы все великолепно знаете, — сказала она. — Не нужно вальсировать дурака.

Сойер улыбнулся и покачал головой.

— Я знаю, но не верю в это, — сказал он. — Естественно, председатель Комиссии приказал провести полное расследование, когда вы... появились здесь, но...

— Я не знаю, кто я, — сердито сказала девушка. — Я не знаю, откуда. Что я могу сделать, если у меня акцент? Я же не специально говорю так. Как бы вам понравилось, если бы вы однажды утром очнулись с полной амнезией в урановой шахте, о существовании которой вы никогда раньше не слышали, и без всякого понятия, кто вы и как сюда попали? — Она обхватила себя руками и вздрогнула. — Мне это очень не нравится, но с этим я ничего не могу поделать.

— Если бы вы исчезли с урановой шахты, чтобы появиться в... — начал Сойер.

— Я здесь ни при чем!

— ... нам бы сейчас не пришлось бродить в потемках, — невозмутимо продолжал Сойер. — Мы бы не лезли из кожи вон, стараясь подыскать какое-нибудь объяснение тому, что произошло с вами. Но мы по-прежнему ничего не знаем о вас и, боюсь, никогда не узнаем.

Она покачала головой.

— Все, что я помню, это как проснулась в сырой шахте. Я знала только свое имя — Клей. Старый Сэм Форд нашел меня, заботился обо мне и даже удочерил меня, хотя тоже не имел понятия, откуда я. — Голос ее смягчился. — Сэм был очень добрый, мистер Сойер. И такой одинокий. Он ведь один занимался шахтой. Альпер финансировал ее, но никогда не появлялся здесь, пока не умер старый Сэм.

— Мисс Форд, может быть вы связываете ваше собственное появление в шахте с появлением этой странной женщины? — предположил Сойер. — Другая женщина, подобная вам, которая...

— О, она совершенно непохожа на меня! — мгновенно возразила девушка. — Она одна из Извёров, а они — боги!

И, перехватив изумленный взгляд Сойера, она прикрыла рот ладонью, затем ахнула и спросила: — Почему я сказала это? Откуда я узнала? Подождите, подождите, я кажется начала вспоминать. Это слово — Извер. Оно что-нибудь означает на английском*?

— Я никогда не слышал его. Постарайтесь вспомнить.

— Я не могу. — Клей замотала головой. — Оно исчезло. Когда я появилась здесь, я выучила английский. Во сне, с помощью магнитофона. Но этого слова... я знаю, оно не английское. Оно часть моих снов... О, это чепуха. Перейдем к фактам. Я могу кое-что доказать.

Она закатала рукав блузки и, морщась, отклеила от кожи липкую ленту, которая удерживала миниатюрную кассету с пленкой.

— Вы не представляете себе, как это было трудно, — сказала она. — Я спрятала камеру на восьмом горизонте, тщательно замаскировала ее и экранировала от радиации. Но даже это не помогало, когда приходили привидения. Они, похоже, целиком состоят из радиации. Пленка чернела полностью. Но... впрочем, подождите.

— Переверните ту картину. На обратной стороне — экран. — Она прошла через комнату, достала из шкафа маленький проектор. Вы видите, я все приготовила. С тех пор, как я вытащила пленку из камеры, я ни разу не выпустила ее из рук. Я все делала сама. Благодарю Бога, что Альпер ничего не знает. Я не хочу, чтобы он знал, что я обращалась к вам, пока я не представлю достаточно доказательств, чтобы защитить себя.

Она щелкнула выключателем. Белый луч скользнул по стене и заплесал на экране. На белом квадрате появились темные стены. Внезапно Клей спросила почти истерическим голосом: — Мистер Сойер, вы ни разу не спросили меня о привидениях.

— Верно, — ответил Сойер. — Не спросил.

— Потому что вы не верите мне? Но это правда! Они появляются прямо из камней. Я думаю, именно поэтому их обычно не замечают. — Теперь она говорила торопливо, как безумная. — Неужели вы не понимаете? Сколько под землей шахт? Это просто случайность, что они попадают в шахты. И люди видят их, как... как вспышки пламени...

На экране что-то сверкнуло.

Девушка неуверенно рассмеялась.

* Извёр — скорее всего, производная от англ. *issuer* — выпускающий.

— Это не привидение. Просто луч фонаря. Смотрите. Начинается.

Луч двигался по камню, по его влажной и сверкающей поверхности, испещренной следами буров и отбойных молотков. Вот к мерному уханью насосов прибавился новый звук — звук тяжелых шагов человека и звяканье трости о камни. На экране появилась согбенная фигура, еле различимая во мраке. Сойер насторожился. Маленький квадрат экрана вдруг стал для него реальностью. Он услышал знакомый грубый голос Альпера, повелительно звавший кого-то:

— Нёте! — крикнул он. — Нете! — И весь туннель наполнился многократно отраженными звуками его голоса.

— Смотрите! — прошептала девушка. — Слева... видите?

Это было похоже на отблеск от камня. Только на те камни свет не падал и отражаться было нечему. Это было похоже на женщину, очень высокую и очень стройную женщину, с нечеловеческой грацией и гибкостью склонившуюся к Альперу, которого почти не было видно. Вдруг зазвенела, закапала, заструилась по камням вода... Нет, то был смех женщины — серебряный, холодный, нечеловеческий, как и ее движения.

Послышался голос. Но не голос Альпера. Голос был очень мелодичен. Он говорил на английском, но со странным акцентом. Точно таким же, как у Клей, понял Сойер. Он искоса взглянул на девушку, но та не отрывала взгляда от экрана. Губы ее приоткрылись и стали видны прелестные зубки.

Слова были неразличимы. Эхо и смех мешали воспринимать их. Кроме того, сама женщина то появлялась, то исчезала. И голос исчезал вместе с нею.

Но вот заговорил Альпер. Он почти кричал и отчаяние слышалось в его голосе.

— Нете? Ты здесь?

Смех, как музыка, чистый и звонкий.

— Нете, ты опоздала! Ты на три дня опоздала. Ты думаешь, я могу долго обходиться без энергии?

Мягкий сильный голос, подобный музыке, беззаботно ответил:

— Кому ты нужен, старик? Какая разница, сколько ты еще протянешь? Ты убил девушку?

— Я не могу убить ее, — сердито ответил Альпер. Камера следила за ним. — Ты не понимаешь. Если я сделаю это, у меня будут большие неприятности. И кто тогда будет поставлять вам руду? Если девушка умрет, я даже могу потерять шахту. У меня есть одна неплохая идея, и я сейчас работаю над ней. Еще несколько дней...

— Подумаешь, умрет еще один Хом! — перебил музыкальный голос. — Она всего лишь Хом. Ее жизнь ничего не стоит. Как и твоя, старик. Почему я трачу на тебя время?

— Я же говорю, что у меня есть идея! Дай мне неделю! Дай мне, наконец, энергию, и шахта будет моей! Я закрою ее. Я клянусь, что закрою ее насовсем и передам ее вам. Только дай мне энергию, Нете! Я говорю тебе, что я почти...

— Нет, — ответил музыкальный голос. — Хватит. Я устала от тебя, старый Хом. Я сама покончу с девчонкой.

Альпер рванулся вперед и теперь на экране была только его широкая спина. Ноги его шаркали, трость звенела по камням. Отчаяние было в его голосе.

— Мне нужна энергия! — кричал он. Стены отражали его голос и создавалось впечатление, что кричат они сами: — Энергия! Энергия! — хвастаясь тем, что находится в них: — Мне нужна энергия, Нете!

— Хватит, — беззаботно ответил голос. — Пока ты не убьешь девушку, ты ничего не получишь.

— Если бы ты понимала, — горько сказал Альпер. — Если бы когда-нибудь вышла на поверхность, ты поняла бы меня. Кто ты, Нете? *Что* ты такое?

Холодный звенящий смех заполнил туннель.

— Спроси меня об этом через три дня, — сказал призрак. — Богиня, Богиня... О, ступай, старик, и делай, что хочешь, но ты не получишь энергии, пока не убьешь девушку!

— Нет! — закричал Альпер. — Нете, мне нужна энергия! Я не могу без нее ничего сделать! Нете!

Огромный, размытый тьмой силуэт призрака склонился над Альпером с нечеловеческой грацией; смех его был подобен звуку струящейся по камням воды.

— Гуд бай, старик, — сказала женщина. — Ты ничего больше не получишь.

Призрак растаял, и Альпер бросился туда, где только что виднелся силуэт женщины. Его отчаянный крик бесконечным эхом разнесся по туннелю. Луч фонаря прыгал по стенам, отыскивая призрак женщины.

Затем пленка кончилась. Изображение погасло и остался только белый квадрат на стене.

Сойеру понадобилось время, чтобы вернуться к реальности. Еще несколько коротких секунд он оставался в туннеле, слыша мерный стук насоса и звон капель воды. Впечатление было настолько полным, что он не сразу осознал, что находится в комнате отеля и на него смотрит девушка по имени Клей. Смотрит встревоженными голубыми глазами.

— Ну? — спросила она нетерпеливо. — Что вы скажете?

Сойер бросил на нее быстрый взгляд, затем подошел к окну и стал смотреть на огни Фортуны, сияющие в полярной ночи. Он достал сигарету, закурил ее и выпустил голубой дым в стекло.

— Я скажу, что думаю об этом. Совсем не то, что ожидаете вы. Я не думаю, что какое-то таинственное существо с того света уговаривает Альпера продать душу. Хотя пленка действительно интересна. Председатель Комиссии будет заинтригован. Но вполне возможно, мисс Форд, что вас кто-то дурачит.

— Этого не может быть! — горячо заговорила девушка. — Я ни разу не выпустила пленку из рук. Но... хватит об этом. Кто такая Нете? Что вы думаете?

— Я думаю, что кто-то хочет получить контроль над шахтой. Это очевидно. Есть страны, которые хотели бы заполучить больше урановой руды. Это просто хитроумная инсценировка, чтобы сыграть на навязчивой идее старика. Вы помните, что говорил Альпер об энерггии?

Девушка покачала головой.

— Я ничего не понимаю. Но кажется, что я кое-что вспоминаю. Это происходит краткими вспышками, как будто на мгновение открываётся какой-то заслон у меня в мозгу. Но Нете... — Она вздрогнула. — Нете меня пугает.

— Это единственная из пленок, которые вы засняли и на которой что-то получилось? — спросил Сойер. — Я хочу вернуться в Торонто со всеми материалами. Я верю, что вы в опасности. Значит, я должен принять меры, чтобы обеспечить вашу безопасность. Это дело выглядит довольно многообещающим.

— У меня заряжена и установлена еще одна пленка, — сказала девушка. — Может, мне забрать ее?

— Это было бы очень интересно. Но... там, на восьмом горизонте, не опасно для вас?

— Я никогда не хожу одна, — сказала она, кутаясь в меха. Сойер помог ей накинуть пальто.

— Я пойду, — сказала она. — Мне хотелось бы взглянуть на...

Дверь вдруг затряслась под градом ударов, и чей-то грубый голос прокричал:

— Откройте дверь!

II

Сойер бесшумно подошел к проектору, вытащил пленку, смотал ее в кассету и сунул в карман.

— Это Альпер! — выдохнула Клей. Ее безумный взгляд метался по комнате. — Он не должен видеть меня здесь! Он не должен знать!

— Успокойтесь, — сказал Сойер. Он достал кольцо с ключами. — Я не люблю квартир с одним входом. Я выпущу вас отсюда незаметно. Подождите меня. Я не хочу, чтобы вы пошли в шахту одна. Вы понимаете?

— Да, да, — сказала она, набрасывая капюшон. — Быстрее!

Снова раздался стук, от которого задрожали стекла.

— Сойер! — раздался грубый голос. — Вы дома?

— Иду, — спокойно ответил Сойер. Шепотом он добавил: — Теперь уходите и помните, что я сказал.

Он запер за ней дверь, улыбаясь тому, как поспешно она покинула его дом. Затем он лениво повернулся и открыл дверь, когда новый стук уже сотрясал ее.

— Входите, Альпер, — сказал он вежливо и невозмутимо, хотя лицо его выражало напряженное ожидание.

Человек за дверью заполнил собой весь дверной проем. Мгновение он стоял на пороге, опираясь на трость и обыскивая комнату острым взглядом из-под густых бровей. Он похож на тролля, подумал Сойер. Кряжистая фигура старого великана, которого годы придавили так, что теперь он не мог обходиться без трости. Массивное лицо прорезали глубокие морщины и складки. Два холодных маленьких серых глаза с неприязнью смотрели на Сойера из-под мохнатых ресниц и бровей.

— Вы помните меня, мистер Сойер? — сказал голос, подобный приглушенному органу.

Не дожидаясь ответа, он шагнул вперед, так что Сойеру невольно пришлось посторониться. Он двигался с такой мощью, что, казалось, даже воздух сжимается перед ним. Глаза его сверкнули, когда он увидел экран на стене.

— Дайте мне стул, мистер Сойер, — сказал Альпер, опираясь на трость. — Мне нелегко стоять и ходить. Я старый человек, мистер Сойер. Благодарю. — Он тяжело опустился на стул, поставив трость между колен. — Я вижу, вы смотрели очень интересный фильм, — сказал Альпер и посмотрел на Сойера безразличным взглядом.

— О? — только и смог вымолвить Сойер.

— Я тоже смотрел, — сказал Альпер. — Это вас удивляет? Отель был построен еще в то время, когда уран считался материалом в высшей степени секретным. Сэм Форд и я незримо присутствовали на многих тайных совещаниях, которые происходили в этой комнате. Но ни одно из них не было столь важным, как то, что я видел сейчас. — Он перевел дыхание и остановил на Сойере свой тяжелый взгляд.

— Я пришел сюда, мистер Сойер, чтобы сделать вам предложение. Сойер вежливо улыбнулся.

— Боюсь, что вы недооцениваете мои слова, — сказал Альпер. — Позвольте ввести вас в курс дела поподробнее. Я готов предложить вам...

И он говорил о своем предложении целых шестьдесят секунд. Когда он закончил, Сойер снова рассмеялся, как можно вежливее покачал головой и затем снова замолчал, выжидая, что будет дальше. Альпер тяжело вздохнул.

— Молодые люди так глупы, — сказал он. — Вы сейчас можете исповедовать идеализм. Но когда вы достигнете моего возраста, для вас многое станет другим. — Казалось, он над чем-то задумался. Затем он тряхнул головой. — Мне не хотелось бы делать этого, но... — Он полез в карман, достал какой-то предмет и протянул Сойеру. — Вот, возьмите. Как по вашему, что это такое?

Сойер осторожно взял пальцами маленький металлический диск с закругленной нижней частью. Диск был размером с таблетку аспирина. Сойер внимательно осмотрел его.

— Это мое изобретение, — сказал самодовольно Альпер. — Это приемопередатчик, трансивер*. Он излучает и принимает звук, но

* Радиоприемник и радиопередатчик в одном корпусе.

звук не простой. Я не знаю, насколько вы знакомы с системами связи. Основным ограничением в таких системах являются собственные шумы. Например, мозг человека — это тоже система связи. Биение сердца, шум кровотока в артериях и сосудах, звук дыхания... Обычно мы не замечаем этих звуков, но их можно усилить.

Альпер откинулся на спинку кресла и рассмеялся. Сойер заметил неприязнь в этом смехе. Может старика злит его молодость?

— Это и есть такой усилитель, — сказал Альпер.

Диск начал вибрировать в руке Сойера. Тот посмотрел на руку Альпера, спрятанную в кармане.

— Это вы заставляете диск вибрировать? — спросил он. Старик кивнул.

— А почему вы показываете мне все это? — осторожно спросил Сойер

— Я... — начал было Альпер и внезапно усмехнулся, — что ж, я могу сказать правду. Я сделал его для Клей Форд. Мне немного не по себе от того, что вы видели мое унижение на этой пленке. Вы видели, как я просил то, что мне необходимо. Вы видели, что я получил отказ. Отлично. Кроме того, вы слышали, как я сказал, что у меня есть способ поставить Клей на колени. Это не пустая похвальба, мистер Сойер. Мой передатчик сможет сделать это.

Сойер посмотрел на него, заинтригованный и встревоженный.

— Я могу доверять вам, — сардонически сказал Альпер, — больше, чем вы предполагаете. Единственное, чем я при этом рискую, это сделкой с тем... с той, с кем я говорил в шахте.

— Неужели она вас действительно убедила, — сказал Сойер, — что владеет источником молодости?

— Вы идиот! — неожиданно взревел Альпер. — Что вы знаете о молодости? Неужели вы думаете, что всякие мумбо-юмбо могут одурачить меня? Как вы думаете, откуда приходит энергия, которой буквально лучитесь вы все, молодые?! От Солнца! С помощью фотосинтеза энергия превращается в горючее для ваших организмов. Эта энергия может передаваться от одного организма к другому. Вы поверите мне... позже.

Есть вещь, в которую человечество не может поверить. Мефистофель не покупал душу Фауста. Я это знаю. Это Фаусту удалось убедить дьявола, что его душа представляет ценность, это он заставил купить свою душу. И я хочу убедить Нете, что могу быть полезен ей. Я знаю, что этим существам нужна энергия. Но и мне она тоже необходима. Жизнь Клей в моих руках, и я могу устранить ее, так что Нете вовсе не нужно убивать ее. Но я не хочу смерти Клей. Ведь тогда начнется расследование... и это будет ужасно.

И вот я придумал этот приемопередатчик. Для Клей. Но теперь, когда передо мной возникло новое препятствие, я уже готов к этому. — Он рассмеялся. — Ну что ж, начнем, — сказал он.

Альпер был очень неуклюжим человеком. Он был стар и слаб, и то, что он сделал в следующий миг, было совершенно невероятно. Он встал и выпрямился. Потом резко отшвырнул от себя трость — та зазвенела, покотившись по полу. Троль все еще оставался медлительным и неуклюжим, но он уже не был согбенным и старым. Какая-то могучая энергия преобразила его, пройдя через него подобно электрическому току. Он не стал молодым, к нему не вернулась физическая мощь. Что-то другое, менее естественное, менее объяснимое внезапно восстановило его физические силы.

Сойер услышал звон трости, но не понял, что же произошло. Он был молод, силен и с хорошей реакцией, но его реакция не могла сравниться со сверхъестественной реакцией старика. Прыжок Альпера через пространство, разделяющее их, был подобен скачку электрической искры между двумя электродами, к которым подведено высокое напряжение. О, мышцы здесь были совершенно ни при чем. Никакие мышцы не могли бы сделать такое. Огромное тяжелое тело Альпера привели в движение не мышцы и связки, а нечто другое.

Зазвенела трость. В это же мгновение тяжелое тело Альпера обрушилось на Сойера, отбросив его на те несколько футов, что отделяли агента от стены и припечатало к ней. Руки сомкнулись вокруг его горла. Комната поплыла перед глазами Сойера. Он смутно ощутил, как какой-то тупой предмет вонзился в его череп.

И вдруг все прекратилось.

Тупой предмет, буравивший его череп, исчез, и Сойер наконец собрался с силами, чтобы отшвырнуть Альпера. Как только зазвенела трость, мозг Сойера послал приказ телу приготовиться. Неожиданный прыжок Альпера произошел прежде, чем мышцы Сойера приготовились встретить нападение. Теперь эта доля секунды прошла, и Сойер нанес страшный удар в живот Альпера в тот самый момент, когда силы покинули старика.

Все произошло мгновенно. И кончилось тоже мгновенно. И этого оказалось достаточно.

От удара Сойера Альпер обмяк, как мешок с мукой. Он тяжело опустился на пол, оперся на одну руку и посмотрел из-под густых ресниц на Сойера. Странная улыбка озарила его побледневшее лицо.

— Поддай мне трость, — сказал Альпер.

Сойер массировал горло одной рукой, а второй осторожно ощупывал свою голову, самую макушку, куда вгрызался этот тупорылый червь. На Альпера он даже не взглянул. Теперь, когда Сойер отбил его нападение, появилась новая проблема: какое-то странное, немного пощипывающее давление в верхней части черепа...

— Поддай мне трость, Сойер! — снова сказал Альпер. — Иначе я научу тебя прыгать. Ну!

Как только прозвучало «Ну!», череп Сойера словно раскололся на две части.

Молния вонзилась в его черепную коробку, в самую сердцевину мозга. И сквозь сплетение голубых молний Сойер увидел зловеще улыбающееся лицо Альпера. Он сжал ладонями голову, чтобы раско-

лотый череп не развалился на части. И пока молнии сверкали перед его глазами, он мог только терпеть и сжимать руками виски.

Но наконец это кончилось. И тогда Сойер поднял старика на ноги. При воспоминании о только что пережитых муках егохватила дикая ярость.

— Спокойнее! — сказал Альпер. — Спокойнее! Хочешь еще разок? Подай мне трость!

Сойер судорожно вздохнул.

— Нет, — сказал он.

Альпер перевел дыхание.

— Ты нужный человек, — сказал он. — Я могу запросто убить тебя. Я могу превратить твой мозг в такое желе, что ты вечно будешь повиноваться мне. Но тогда ты станешь уже ни на что не годным. Ни мне, ни кому-нибудь другому. Будь благоразумен, Сойер. Почему бы нам не сотрудничать? Или ты предпочитаешь умереть?

— Скорее я убью тебя, — сказал Сойер, все еще сжимая голову руками и глядя на старика с ненавистью. — Убью, как только смогу.

— Ты никогда не сможешь, — сказал Альпер. — Хочешь, я докажу тебе еще раз? Это произойдет мгновенно, как удар молнии. И ты не успеешь притронуться ко мне. Ты ведешь себя глупо, Сойер. Я хочу поговорить с тобой, но сначала подай мне трость. Я считаю до трех, Сойер. И если ты не подашь мне трость, ты знаешь, что тебя ждет. Ты получишь еще один урок, мой мальчик.

— Нет, — Сойер стиснул зубы. И тут же на него обрушился удар грома. Он потерял разум, но сейчас им управляла только тупая решимость животного — не подчиниться, пусть даже он погибнет. Сойер знал, что если сейчас уступит Альперу, то навсегда станет его слугой, и ни молнии, ни дикая боль, ни разрывающийся мозг не могли заставить его отказаться от своего намерения.

— Нет, — сказал он Альперу и приготовился ко всему, что может с ним случиться.

— Раз, — сказал Альпер.

— Нет.

— Два... — сказал Альпер.

Сойер бессмысленно улыбнулся и неожиданно для себя самого бросился на Альпера, стараясь добраться до его горла.

Гром расколол его голову, и комната растаяла в ослепительном блеске молний. Последнее, что Сойер увидел, это летящий на него пол.

Когда зрение снова вернулось к нему, он увидел в нескольких футах от себя Альпера, который тянулся к трости. Он тяжело дышал и смотрел на Сойера из-под мохнатых ресниц блестящими спокойными глазами.

— Хорошо, — сказал Альпер. — Ты совершенный ребенок, Сойер. Я сам поднял трость. Садись. Ты уже пришел в себя. Я немного перестарался. Вставай, бери стул и садись. Нам нужно поговорить. Прежде всего я хочу сжечь пленку. — Он осмотрел комнату. — Вот эта металлическая корзина мне подойдет. Итак, дай мне пленку, Сойер.

— Подойди и возьми сам... — с трудом выговорил Сойер. Альпер улыбнулся.

Легкий дым от сгоревшей пленки растаял в комнате. Сойер, тяжело дыша, откинулся на спинку кресла и смотрел на старика. Любопытно, что после таких адских мучений он чувствовал себя совершенно нормально. Но стоило Сойеру вспомнить о том, что ему пришлось испытать, как мозг его начинал мучительно болеть — Альпер опять может сделать то же самое. О чем это сейчас говорит Альпер?

— Ты должен понять, что с тобой произошло. Если ты откажешься делать то, что я скажу, ты умрешь. Мне бы хотелось сотрудничать с тобой, поскольку парень ты неплохой. Ты лучше, чем я предполагал. Я восхищаюсь тобой. Но если ты откажешься, я убью тебя. Ясно?

— Нет, — сказал Сойер и поднял руку к голове. — Неужели ты хочешь оставить меня с этим?

— Конечно, — ответил Альпер. — Давай, попытайся убрать передатчик. Ты не сможешь сделать этого, не убив себя. Танталовые электроды контактируют с твоим мозгом — через отверстие в твоем черепе, которое с возрастом зарастает. К счастью, ты еще достаточно молод, и у тебя оно еще не заросло. К счастью для меня.

Сойер опустил руку. Он все еще думал, что если бы смог убить Альпера, то избавился бы от мучений или, по крайней мере, умер бы свое собственной смертью. Но он решил подождать и послушать: может быть перед ним откроется лучший путь. Тем более, что Альпер был настроен поговорить.

— Может быть я сам и не смогу удалить передатчик, — сказал Сойер. — Но это смогут сделать врачи.

— Возможно. Но согласись, что это первоклассный прибор.

— Да, — угрюмо ответил Сойер. — Где ты его украл?

Альпер хмыкнул.

— Я и сам неплохой инженер. Правда, должен признаться, что идея не моя. Я просто немного усовершенствовал его. Я увидел возможности, которых не заметил изобретатель. Миниатюрное устройство, которое преобразует звуковые волны в электрические сигналы и наоборот. О, я сразу понял, как его можно усовершенствовать. Я просто предположил, что звук, как и свет, может отражаться, может усиливаться... Да, мой друг, передатчик воспринимает звуки, которых при обычных условиях не слышишь. Принимает, усиливает и излучает прямо в височную кость, в твой слуховой аппарат. И ты слышишь звуки, по сравнению с которыми Иерихонские трубы всего лишь шепот.

Он рассмеялся.

— Ты знаешь, как действует ультразвук? — продолжал он дальше. — Он разбивает стекло вдребезги. Сжигает дерево. Разрывает человеческий мозг на части. Мистер Сойер! Ты еще должен помнить об альфа- и каппа-волнах, которые распространяются в мозгу. Я уверен, что мой передатчик может усиливать и их.

Самое главное, что ты не сможешь избавиться от этого. Теперь это твое, так же как дыхание, ток крови, мысли. И никто, кроме тебя, не будет слышать сигналов. Так что это безумие для тебя, мой мальчик. В конце концов ты согласишься делать то, что я прикажу.

Старик смотрел на Сойера не без симпатии, и рука Сойера невольно сжалась в примитивный кулак.

— Еще одно, — быстро сказал Альпер. — Не сомневаюсь, что тебе очень хочется убить меня. Не надо. Это ничего не решит. Теперь мы связаны с тобой. Если ты удалишь передатчик или убьешь меня, ты умрешь.

Кровожадная улыбка скользнула по его лицу.

— Мой прибор не только передатчик. Он может действовать и как микрофон. А у меня приемник. — Он похлопал по карману. — Он настроен так, что принимает сигналы микрофона. Для тебя, конечно, это не очень удобно, но зато я буду знать все твои разговоры. Так что когда ты пойдешь с Клей Форд в шахту и заберешь пленку, я буду в точности знать, что на ней будет. Правда, я думаю, что на этот раз там ничего не будет.

— Итак, — подытожил Альпер, всем своим видом давая понять, что разговор заканчивается, — ты будешь сообщать мне о том, как дела будут развиваться дальше. А пока ты передашь по радио в Комиссию, что тревога оказалась ложной. Что касается этой девушки — Клей, то для нее самое безопасное — уехать отсюда. Если удастся доказать, что у нее были галлюцинации, то ей понадобится годовой отдых где-нибудь в санатории. И у Нете уже не будет необходимости убивать ее. А Нете убьет без сожаления, если Клей будет продолжать совать свою голову в пасть льва. Убьет бесстрастно, без злобы. Безразличие Нете к проблемам людей иногда просто пугает.

— Кто она? — спросил Сойер.

Альпер помолчал, нахмурился, покачал головой, показывая тем самым, что знает не больше Сойера.

— Хватит вопросов, — сказал он. — Надо действовать. В моих руках кнут, и я воспользуюсь им. Если ты сбежишь от меня и найдешь возможность удалить передатчик, — то, что сделал один человек, другой всегда может сломать, — я смогу убить тебя. Я всегда найду тебя. Сейчас у меня мало энергии. Я слишком много израсходовал на тебя. Мне нужно очень много энергии, и я получу ее. Но для этого нужно закрыть шахту, как этого хочет Нете. Тогда она выполнит свое обещание. Итак...

Его холодный взгляд оценивающе скользнул по Сойеру.

— Ты молод. Ты хочешь жить. Верно? Я повторяю свое предложение. Думаю, что ты снова скажешь «нет». Но ты должен понять, что работаешь за свою жизнь. Что ты скажешь теперь, юноша?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Меня послали сюда делать дело, — спокойно сказал Сойер. — Может быть я проиграл. Я и раньше проигрывал. Все проигрывают когда-нибудь.

— Не все, — с неожиданной гордостью сказал Альпер.

Сойер пожал плечами.

— Хорошо, — сказал он. — Пусть будет так. Мне не стыдно проигрывать, если дело мне не по зубам. Но когда такое случается со мной, я знаю, что есть кто-то, кто выиграл бы на моем месте. Сейчас Комиссия получит от меня ответ, что я провел обычную проверку. Однако дело не обычное. И может быть я уже проиграл. Так что я должен...

— Интересно знать, как ты собираешься сообщить обо всем Председателю и остаться при этом в живых, — ухмыльнулся Альпер. — Если у тебя хватит ума, то ты сможешь получать деньги с обеих сторон. И те, что буду платить я, много больше тех, что ты получаешь от Комиссии.

— Деньги, которые компенсируют вот это, — Сойер показал на свою голову, — должны быть очень большими.

— Я могу удалить передатчик, — сказал Альпер. Он явно ждал реакции Сойера и, не дождавшись, разочарованно продолжил:

— Даже если я удалю передатчик, я все равно буду чувствовать себя в безопасности. Кто поверит моему рассказу? Однако я уверен, что мы с тобой будем сотрудничать.

Сойер задумчиво сказал:

— Как же ты удалишь передатчик? Ты же сказал, что он вращается в кость.

— О, это потребует не одну неделю. А если я отключу энергию, то ты сможешь удалить передатчик, не совершив при этом самоубийства. Да, я могу отключить энергию. Выключатель у меня в кармане. Но на его изготовление я затратил больше времени, чем на изготовление самого передатчика. Так что не надейся, что если тебе удастся завладеть моим контрольным устройством, ты легко сможешь разгадать секрет выключателя. Самому Гудини не удалось бы это. Так что я полагаю, ты будешь во всем подчиняться мне. Тебе придется подчиниться, — Альпер улыбнулся, — или ты умрешь.

Они смотрели друг на друга, словно выжидая, что дальше предпримет противник. И вдруг на улице завывла сирена, от звука которой задребезжали стекла.

Оба повернулись к окну. Сирена выла не переставая, чей-то голос разносился по всему поселку, тысячекратно усиленный громкоговорителями.

— Тревога на восьмом горизонте! — гремел в морозном воздухе полярной ночи голос. — Тревога на восьмом горизонте!

Альпер, фыркнув, повернулся к Сойеру.

— Эта дуручка! — сказал он. — Она спустилась в шахту! Она спустилась, несмотря на все мои предупреждения, и теперь Нете разделается с ней!

III

Как во сне пробирался Сойер сквозь сумятицу улиц Фортуны за сгорбленной, закутанной в меха фигурой Альпера в направлении шахте. Вдали он видел ледяную гладь озера Литл Слэйв, в которой отражались вечные огни Фортуны. Поселок был маленьким населенным островком на макушке земного шара, — словно передатчик на макушке Сойера, — и таким же инородным здесь.

Они шли, спотыкаясь и скользя, по деревянным мостикам. В Фортуне не было улиц. Все дома в поселке были связаны между собой деревянными мостками. Здесь не было земли. Здесь ничего не росло, кроме поселка. Ни одна дорога не вела сюда. Здесь был конец мира, и вечное молчание сомкнулось над ним. Иногда голоса людей нарушали это молчание, но затем над поселком вновь смыкалась тишина.

Скользя, захлебываясь ледяным воздухом, Сойер спешил за Альпером. Вместе с ними со всех сторон к шахте спешили люди. Альпер бесцеремонно распихивал их, не отвечая на встревоженные вопросы. Они прошли мимо дизельной станции, которая снабжала дома электроэнергией питала насосы, качавшие воду из озера Литл Слэйв, поднимала руду из шахты...

Наконец они прошли мимо последних барачков, где жили шахтеры, и приблизились к стволу шахты.

Альпер протолкнулся через толпу возбужденных людей. Сирена уже умолкла, и голос из громкоговорителя перестал разносить по улицам поселка тревожную весть, но здесь шум не прекращался. Люди испуганно переговаривались, предсказывая катастрофу на шахте.

— Снова привидения! — услышал Сойер чьи-то слова. — Они выходят из стен в забоях!

— Мисс Форд спустилась вниз, — сказал кто-то. — Привидения утащили мисс Форд!

Альпер пробрался мимо них. У него была одна цель, только одна — и он стремился к ней. Сойер, войдя вместе с ним в лифт, с любопытством подумал, что их желания сейчас совпадают: ни тот, ни другой не хотели, чтобы Клей Форд погибла.

В шахте всегда было шумно. Буры, отбойные молотки, вагонетки... голоса людей, разносящиеся по туннелям... беспорядочный шум. Все работы сейчас прекратились. Лифт опускался вниз, проходя мимо уровней, и каждый раз Сойер видел встревоженные лица под лампочками, горящими на касках. Буры и отбойные молотки были забыты. Они стояли возле стен, в которых проблескивали прожилки руды. «Богатой руды, — подумал Сойер, — если бы привидения не воровали из нее уран».

— На восьмом горизонте привидения роятся, как пчелы, — крикнул кто-то, когда лифт проплывал мимо очередного горизонта. Альпер в ответ только хмыкнул. Он ухватился за руку Сойера и теперь буквально повис на нем. Когда лифт остановился, он прошептал Сойеру, неровно и взволнованно дыша:

— Не пытайся что-либо сделать, слышишь, Сойер?! Помоги мне. Совсем не осталось энергии.

— Как ты выкрутишься из этого? — спросил Сойер. — Ты совершил ошибку, Альпер. Если что-нибудь случится с мисс Форд, начнется расследование. Тебе будут задавать щекотливые вопросы. Моя смерть тебе не поможет. Она не спасет тебя.

— Предоставь это мне, — прошипел Альпер. — Делай, что тебе сказано. Идем.

Они вышли на восьмом горизонте прямо в толпу бледных возбужденных людей. Голоса здесь звучали глухо, давление воздуха было слишком сильным, и барабанные перепонки реагировали на это. Сойер ощутил совсем неожиданный здесь запах озона.

— Они пошли туда, — сказал один из шахтеров, когда Альпер и Сойер вышли из лифта, добавил: — Вот Джо, мистер Альпер. Он был с ней.

— Что случилось? — резко спросил Сойер.

Шахтеры заволновались. Лучи их фонарей запрыгали по мокрым стенам шахты. Один из шахтеров вышел вперед.

— Я и Эдди спустились вместе с мисс Форд, — сказал он. — Она ждала здесь. Вокруг никого не было. Мы не работаем на восьмом горизонте потому, что... мы не работаем здесь. Мисс Форд послала Эдди за камерой.

Какой-то звук позади заставил всех оглянуться. Туннель уходил во тьму и затем изгибался. Из-за поворота были видны вспышки света, которые то появлялись, то пропадали. Казалось, сам воздух в шахте зазвенел тысячью невидимых колокольчиков. Запах озона усилился.

— Продолжай, — сказал Альпер. — Продолжай, я слушаю. — Шахтеры расступились перед ним. Сойер почувствовал, что рука Альпера еще крепче сжала его локоть, и понял, что его собственные нервы вот-вот лопнут от напряжения.

— Эдди скрылся за тем поворотом, — снова заговорил шахтер. — Простите, мистер Альпер, дальше я не пойду. — Он встал на месте, и было видно, что никакая сила не заставит его продолжить путь туда, во тьму. — Я сейчас закончу. Говорить больше нечего. Эдди вдруг закричал. Затем пришли привидения... Вернее, сначала появились вспышки, а потом закричал Эдди. Мисс Форд сказала, что нам нужно идти и забрать камеру. Мы... она пошла впереди. И тут Эдди испустил ужасный крик и замолк. Мисс Форд была уже у поворота. Я побежал обратно и поднял тревогу. — Голос шахтера был каким-то виноватым.

— Мисс Форд кричала? — спросил Сойер.

— Нет, сэр. Больше не было ни звука.

Альпер хмыкнул и пошел вперед, к повороту, где во тьме вспыхивали и гасли огни. Наступила тишина. Шахта поглотила Клей Форд и шахтера по имени Эдди. Казалось, только огни были живыми в этом подземелье. Шахтеры со страхом смотрели на двух человек, которые шли по туннелю, а затем скрылись за поворотом. И никто не пошел за ними.

— Сойер, — прошипел Альпер, всем телом опираясь на его руку, когда они медленно шли вперед. — Предоставь все мне. Ничего не предпринимай сам. Я тебе запрещаю. Понял? Я все время буду держать руку на блоке управления передатчиком. Одно нажатие, и я убью тебя. Я думаю, что девушка в руках Нете. Мне хочется сохранить ей жизнь, если удастся, но...

Он не договорил. Было и так ясно, что Нете с ее таинственным источником энергии убьет их, если дело дойдет до столкновения.

Они шли по туннелю. Странные огни мерцали в камнях стен. Альпер упрямо шел вперед, Сойер поддерживал его. Густой запах озона висел в воздухе...

Затем они увидели привидений.

Мертвый человек лежал на сыром полу туннеля сразу за следующим поворотом. И над его телом то поднимались в воздух, то опускались крылатые мерцающие огни. Сойеру внезапно показалось, что потолок и стены на нем исчезли. Запах озона щипал ноздри, сильный порывистый ветер гулял по туннелю.

Крылатые огни были как бы расщеплены на два. Они *действительно* похожи на колосья, подумал Сойер. Весь воздух был наполнен ими. Слабый трепетный свет их едва развеивал тьму туннеля. Они были прекрасны. Они были ужасны. Они танцевали, как грифы над трупом. То ныряли к нему, то снова взмывали вверх.

Альпер остановился. Сойер почувствовал, как трясется дряхлое тело старика, когда тот сильнее оперся на его руку. Затем он громко сказал дрожащим голосом:

— Нете! Нете, ты здесь?

В ответ во тьме туннеля заструился знакомый ручеек смеха — и больше ничего. Но едва *услышав* его, Альпер глубоко вздохнул и решительно двинулся вперед, стараясь не поворачиваться спиной к крылатым сполохам.

Сойер тихо спросил:

— Что это? Ты знаешь? *Они* могут убить человека?

— Я не знаю. И не хочу знать. Быстрее. Нете здесь, и я могу снова получить энергию, снова стать молодым. Быстрее!

Сойер колебался. «Это мой шанс? — думал он. — Если старик получит энергию, будет поздно. А сейчас, пока я еще зачем-то нужен ему...»

И, не закончив свою мысль, он резко отпрыгнул от Альпера, освобождаясь от тяжести старческого тела и размахиваясь правой рукой, чтобы нанести удар, который бы в случае успеха освободил бы его от тирании Альпера.

«Последний шанс, — подумал он в этот момент. — Может, он лжет. Может нет. Во всяком случае, я заберу у него контрольное устройство. Может быть...»

Гром и молния разорвались в самой середине его черепа. Туннель закрутился перед ним в бесконечную спираль, сверкающую огнями, из которых не все были привидениями. Тяжелая рука Альпера стиснула его кисть еще до того, как он пришел в себя.

— Идем! Быстрее! Не нужно больше таких выходов. У нас нет времени!

Шатаясь и спотыкаясь, Соьер позволил тащить себя дальше. Крылатые сполохи порхали вокруг них некоторое время, а затем снова вернулись к трупу шахтера и продолжили свой бесконечный и бессмысленный танец над ним. Альпер тащил его дальше, во тьму туннеля.

Постепенно туннель стал расширяться. И снова появился свет. Светящийся круг на стене, как луч прожектора. И в круге света неподвижно стояла Клей, прижавшись спиной к камню и глядя перед собой во тьму.

Соьер всмотрелся, встряхнул головой, всмотрелся снова. Свет исходил из камня. Клей стояла неподвижно. Голова ее была запрокинута, глаза открыты, руки распростерты и прижаты к камню, и Соьер внезапно понял, что она неподвижна вопреки своей воле, что она отчаянно хочет вырваться.

Но не может. Она рвалась из светящегося круга, но не могла сдвинуться ни на дюйм. Только частое дыхание, лихорадочный блеск глаз и сверканье зубов под прелестной верхней губой говорили, что она еще жива. Она кричала, и в голосе ее было отчаяние.

— Ты не сделаешь этого! — кричала она в густую тень. — Ты не имеешь права! Ты не Богиня!

Соьер машинально повернул голову, чтобы проследить направление ее взгляда. Во тьме что-то шевельнулось. Нете! Неестественно высокая фигура, закутанная в тени, отгородившаяся ими, словно темной вуалью. Через тени тускло просвечивало ее лицо. Соьер *пытался* и не мог сфокусировать взгляд на ней, на ее фигуре и на ее лице под вуалью. Но голос ее был ясным, четким, сильным. В нем звучала музыка небесных сфер, недоступных рожденным на Земле.

— Я скоро буду Богиней, — говорила Нете. — Откуда ты меня знаешь, Хом? Ты ведь Хом! Настоящий Хом, а не землянка. Как ты попала сюда, девушка?

— Я не знаю! Я не знаю! — голос Клей дрожал. — Но ты не Богиня! У тебя нет Двойной Маски. О, как бы мне хотелось вспомнить...

Нете внезапно перешла на незнакомый язык, который на слух состоял из любопытных звуко сочетаний, скорее всего дифтонгов. Она говорила очень быстро. Затем послышался всхлип Клей.

— Я не понимаю тебя! Я не помню! Кто ты? Почему...

Альпер двинулся вперед, и Клей заметила его краешком глаза. Она замолчала и попыталась повернуть к нему голову.

— Нете... — сказал Альпер.

Голубые глаза Клей старались рассмотреть его. — Кто это? Альпер, это вы?

— Успокойся, Клей, — сказал старик. — Если ты хочешь остаться живой, успокойся.

— Почему жизнь Хома имеет какую-то ценность? — язвительно спросила Нете. — Между нами все кончено, старый Хом. Я получила девушку.

— Не делай этого, Нете! — в отчаянии воскликнул Альпер. — Если ты убьешь ее, я потеряю шахту. Тогда ты совсем не получишь руды.

— Жизнь этой девчонки имеет для тебя слишком большое значение, — сказала Нете. — На самом же деле она ничего не стоит.

— Ее тело обнаружат! — кричал Альпер. — Меня обвинят в убийстве! Нете, не делай этого!

— Тело! — презрительно сказала Нете. — Тела здесь не будет. Но я должна допросить девчонку прежде, чем она умрет. Она — Хом. Если бы я знала это раньше... но откуда я могла узнать? Все вы, как животные, похожи друг на друга. И девчонка все время говорила на вашем языке, пока ей не пришло время умирать. Ну что же, этим она отсрочила свой приговор, так как я должна узнать, как она прошла через Врата. Но я не собираюсь... впрочем, это неважно. Я знаю место, где смогу без помех допросить ее. И тогда мне, пожалуй, не будет надобности возвращаться в ваш мир. Итак, прощай, старый Хом.

Гибкая длинная фигура склонилась вперед, из-под вуали неожиданно вытянулась рука, очень длинная и невообразимо грациозная. В ладони вспыхнул свет — Нете держала что-то, похожее на золотую полоску длиной в шесть дюймов. Затем она сжала ее пальцами с двух сторон и полоска расщепилась, стала копией тех крылатых огней, что порхали над трупом. Золотой огонь слепил глаза. Держа полоску перед собой, Нете стала приближаться к Клей. И чем ближе она подходила, тем ярче становился круг на стене.

Альпер с трудом перевел дыхание. Казалось, ему не хватает воздуха. Когда полоска вспыхнула пламенем в руке Нете, он содрогнулся во внезапной конвульсии. Собрав остатки сил, Альпер отшвырнул Сойера в сторону и, как загипнотизированный, пошел к Нете. Его тянуло к ней, словно магнитом, он не мог сопротивляться этому притяжению.

— Дай мне это, Нете! — крикнул он сдавленным голосом, протягивая к ней руки. — Нете, дай мне это! Позволь прикоснуться к нему! Нете! Я...

Сойер увидев, что рука старика находится далеко от рокового кармана, и прыгнул, как пружина. Он сам не знал, что хотел сделать, но понимал, что Нете прямой враг, и решил, что если ему удастся завладеть крылатым огнем, который она держала в руке, то возможно, в руках у него будет ключ к пониманию всего происходящего, если, конечно, это возможно понять.

Все произошло с ошеломляющей внезапностью.

Его вытянутые руки обхватили высокую, закутанную в вуаль фигуру на мгновение раньше, чем до нее добрались скрюченные пальцы Альпера. Под вуалью он почувствовал сверхъестественно тонкое, гибкое и очень твердое тело, похожее на стальной канат. Несмотря на удивление, Сойер крепко сжал его. Он надеялся удерживать его одной рукой, в то время как второй рукой потянулся к крылатому пламени. Но удерживать ее было так же трудно, как легендарную змею Мидгард.

Он услышал ее крик — крик дикий, яростный, звенящий, как удар гонга, крик, полный музыки и гнева. Стальной канат ее тела пришел в движение, извиваясь в руках Сойера, как змея. Сойер понял, что ему не удержать этот канат. Но ему уже ничего не оставалось делать. Стиснув зубы, задышавшись, он изо всех сил вцепился в эту извивающуюся статую.

Альпер издал сдавленный звук. Что-то пролетело мимо лица Сойера и, рассыпая искры, упало на пол. Альпер бросился туда, толкнув по пути Сойера. Тот потерял равновесие, и Нете, подобно вихрю, вырвалась из его рук.

Альпер, схвативший пламя, преобразился на глазах. Пламя озарило его сиянием, и годы стекали с него один за другим. Тело его выпрямилось, щеки втянулись, стали твердыми. Глаза засверкали фантастическим торжеством. Он выглядел юношей, сильным и ловким.

— Вот оно! — кричал он. — Вот откуда исходит энергия!

— Отдай это мне! — вскрикнула Нете, бросаясь вперед. — Ты не знаешь, что делаешь! Ты получишь слишком много энергии, старый Хом. Смотри! Врата уже начали открываться! Отдай!

Альпер отпрыгнул от нее, хохоча как безумный. Теперь Сойер видел, что не молодость преобразила его. Лицо старика оставалось прежним, но исчезли морщины, дряблость шеи и щек. Дряхлое тело Альпера тоже оставалось прежним, но энергия, казалось, истекала из него золотыми струями.

Нете старалась схватить обеими руками сверкающую полоску. Альпер, увертываясь от нее, сильно ударил в стену раскрытыми огненными крыльями. Раздался невообразимый музыкальный звук, как будто камень откликнулся на удар, и круг света стал таким ярким, что на него было больно смотреть. Клей казалась лишь слабой тенью на фоне этого сумасшедшего сияния.

— Сожми ее, Альпер! — кричала в отчаянии Нете. — Сейчас мы все провалимся! Альпер! Сожми Огненную Птицу! Держи ее у себя, но сожми!

Теперь вокруг них звенел сам воздух. Круг света превратился в тоннель, круглый, светящийся тоннель, уводящий глубоко в толщу льда.

Какой-то вихрь подхватил их всех и поволок к тоннелю. Стены звенели от диких отчаянных криков Нете. В воздухе разносились гул и свист, крылатые сполохи тысячами летели мимо них. Многие влетали в тоннель, остальные ударялись о стены и медленно угасали...

Альпер, охваченный ужасом, сжал обеими руками крылатое пламя, но было уже поздно. Вихрь подхватил их. Гигантский водоворот тащил их, и ледяные стены тоннеля мелькали вокруг, провожая людей в бесконечный полет...

IV

На мгновение Сойер почувствовал такой холод, что ему показалось: молекулы его тела слились, превратившись в хрупкие кристаллы. Но в следующий миг он уже стоял на твердом полу, глядя вперед, на длинный круглый тоннель с бледно-зелеными, словно вырезанными во льду стенами. Он был не один. Рядом с ним стояла Клей. Ее колени немного дрожали. Позади, в трех шагах, стоял Альпер, одной рукой держась за стену, а другой судорожно сжимая свое сокровище.

Но не это привлекло внимание Сойера. Он смотрел на беспорядочную толпу других людей. Их было много, и они быстро уходили по длинному тоннелю от Сойера и его спутников. Они все были очень высокими, тонкими, гибкими. Некоторые из них шли спиной вперед. Слепые маски их лиц тупо улыбались Сойеру.

Сойер посмотрел на Клей. В ее округлившись глазах застыли изумление и вопрос. Он посмотрел на Альпера и увидел то же изумленное выражение. Сойер нерешительно заговорил.

— Альпер, ты слышишь меня?

Голос его глухо прозвучал в тоннеле. Альпер смог заговорить лишь со второй попытки.

— Да, я слышу тебя. Где...

— Где мы? — опередил его Сойер и глупо ухмыльнулся, а Альпер с трудом собрался с силами, выпрямился, расправил плечи, взглянул на них с высоты своего роста и внезапно торжествующе расхохотался. Двигаясь с пугающей легкостью, он отошел от стены зеленого льда. Не за этой ли стеной находилась шахта Фортуны?

— Я не знаю, где мы, — сказал Альпер. — Но я знаю, как мы попали сюда. Вот. — Он разжал руку, и золотая полоска тускло засветилась в его руке. Толстые пальцы Альпера сжали ее. Плоские золотые крылышки пламени раскрылись, как лепестки цветка. Языки пламени затрепетали, разгораясь все сильнее. Альпер ухмыльнулся и ударил полоской по ледяной стене. Она отозвалась слабым мелодичным звоном.

Больше ничего не произошло.

Альпер растерянно улыбнулся и ударил сильнее. Снова ничего не произошло, хотя сияние вокруг него становилось все ярче.

— Сожми ее, Альпер! Сожми ее!

Они повернулись, и впервые смогли рассмотреть женщину по имени Нете без темного покрывала.

Одна из этих странных безжизненных фигур, удалявшихся от них по коридору, казалась живой. Остальные двигались словно в трансе. Но одна фигура повернула голову и смотрела на них через плечо. Между ними было футов тридцать. И теперь они поняли тайну этих бессмысленных улыбающихся слепых лиц, повернутых к ним.

То были маски. Настоящие лица погруженных в транс людей смотрели вперед, а затылки их украшали слепые улыбающиеся маски. Только Нете старалась повернуться к ним, борясь с неведомой силой, что волокла ее вперед.

Они увидели ее лицо. Странное, нечеловеческое и, тем не менее, живое. Оно было узким, сужающимся к подбородку и расширяющимся к огромным, блестящим, как у змеи, глазам, полускрытым тяжелыми ресницами. Рот ее напоминал узкую алую щель. Уголки рта загибались вверх в полубезумной улыбке — такие улыбки высекали у своих мраморных статуй этруски.

Ее тело, как и тела всех остальных людей, идущих с ней, было не более человеческим, чем тела людей на картинах Эль Греко. Удлиненные линии тела, непропорциональные искажения придавали этим людям таинственную грациозность и отнюдь не создавали впечатления уродства и неправильности.

На Нете тоже была надета маска. И сейчас, когда Нете старалась повернуться к ним, Соьер увидел маску в профиль. Но он не мог понять, были ли у Нете волосы. Ушах ее украшали серьги в виде ажурных шариков, в каждом из которых светился мягкий огонек. При любом движении Нете по ее щекам пробегала россыпь огоньков — свет, проникающий сквозь отверстия в шариках.

Она была одета, как и все другие — в свободно спадающую с плеч мантию бледно-зеленого цвета. Изо всех сил она старалась повернуться к ним.

— Сожми ее! — кричала она. — Быстрее! Вы не сможете вернуться обратно!

Воздух уже начал трепетать вокруг них.

— Сожми ее, Альпер, — сказал Соьер, повернулся и хотел приблизиться к нему, пройти те три шага, которые разделяли их.

Но не смог.

Твердый, непреодолимый воздух сопротивлялся ему. Это было даже не сопротивление, нет — словно миллионы мельчайших игл устремлялись на него из туннеля.

— Я уже пыталась, — сказала Клей. — Вернуться невозможно. Даже стоять на месте трудно. Смотри, мы уже начинаем двигаться.

Сопротивляясь все возрастающему потоку, Соьер пытался задержаться, но тщетно. Впереди них яростно боролся с течением их враг — Нете. Ее странное лицо было полно ярости — а может беспокойства? Поток тащил ее и остальные фигуры вперед. Расстояние между Нете и людьми все время увеличивалось. Она вытянула руку и крикнула:

— Альпер! Иди ко мне! У тебя Огненная Птица и ты можешь двигаться. Отдай ее мне!

Альпер расхохотался, как безумный. Он сжал полоску и свет померк, воздух успокоился. Он с подлинной страстью сжимал Огненную Птицу.

— Ты лишила меня энергии! — крикнул он удаляющейся Нете. — Теперь я буду сам черпать ее из этого источника. Ты, должно быть, спятила, если думаешь, что я верну его тебе.

— Я не могу без нее! — в отчаянии кричала Нета. — Ты сам не знаешь, что делаешь! Неужели жизнь этой маленькой девчонки-Хома может сравниться с моей? Я не могу уйти без Огненной Птицы! — В голосе ее послышалась угроза. — Неужели ты думаешь, что когда мы достигнем конца туннеля, я не смогу убить тебя и забрать Птицу обратно? Торопись, Хом! Торопись! — По мере того, как она удалялась, ее голос становился все более гулким, смешиваясь с многократно отраженным от ледяных стен эхом.

— Отдай! — кричала она уже издалека — маленькая фигурка со сверкающими глазами. — Отдай, и я позволю тебе жить! Но торопись, торопись, пока...

Одна из быстро удаляющихся фигур, среди которых она двигалась, рванулась в сторону и сильно ударила ее плечом. Нета повернула голову, чтобы посмотреть вперед, и гулкое эхо ее дикого, высокого, полного гнева крика разнеслось по туннелю. Но слепые, погруженные в транс фигуры совершенно не обращали внимания ни на нее, ни на ее крики. Они просто увлекали ее с собой в своем движении вперед к концу туннеля.

Там колыхался бледно-зеленый полупрозрачный занавес, похожий на утренний туман. В складки этого тумана входили по одному, по двое эти молчаливые, безразличные фигуры, скрываясь за занавесом в каком-то таинственном мире, в который вел туннель.

— Альпер! — снова послышался сильный, звенящий голос Нете. — Альпер! Теперь поздно! Слушай меня! Слушай внимательно! Меня уже увидели, и Богиня поджидает меня, чтобы схватить. Я буду помогать тебе, если смогу. Но спрячь Огненную Птицу. Никому не показывай ее. Если ты хочешь остаться живым, спрячь ее, пока я не приду к тебе!

Внезапно стена тишины оборвала ее крики. Нета исчезла в складках тумана, в последний раз взглянув на них с мольбой своими большими блестящими глазами.

Альпер нервно сжал в руке Огненную Птицу, потер лицо и с сомнением взглянул на Клей.

— Я... я не понимаю, — сказал он. — Мы спим? Где мы? Клей, мне кажется, она думает, что ты... ты знаешь, что произошло?

Клей сжала руку Сойера. Теперь они двигались медленно, подчиняясь мягкому, но сильному давлению воздуха. Альпер сделал три шага, чтобы догнать их.

— Это не сон, — нерешительно сказала Клей. Ее странный акцент стал сильнее. — Мне кажется, сон был там, на полюсе, в Фортуне. Сейчас же я начинаю пробуждаться, возвращаясь к реальности. Мой мир — в конце этого туннеля. Хомад... там живет мой народ. Где... где правят Изверы. Где...

Она внезапно замолчала, коротко ахнув. Пальцы ее судорожно впились в руку Сойера во внезапном приступе ужаса.

— О, нет! — вскричала она. — О, я не могу идти туда! Я не могу возвращаться! — Она как безумная повернулась и попыталась бежать обратно. Но меховая шуба мешала ей, а обувь скользила по полу. Она сбросила свои сапоги и попыталась бежать босиком навстречу движению воздуха. Но это ей не удавалось: она не могла сдвинуться с места.

— В чем дело? — спросил Сойер. — Скажи, что ты вспомнила, Клей? Чего ты боишься?

— Н-Нете, — сказала Клей. Она с дрожью повернулась к туманному занавесу, за которым исчезали молчаливые фигуры в мантиях. Бесстрастные, улыбающиеся маски смотрели на нее невидящими глазами. — Я вспомнила... Изверы. Когда мой дед был рабом в замке, Нете уже стала избранницей Богини. В следующем ранге жрицы она уже получила бы право носить Двойную Маску. Затем я исчезла и... — девушка коснулась своего лица, своего тела, словно они для нее были столь же странными и незнакомыми, как и ее воспоминания.

— Меня не было целых два года, если, конечно, у нас время такое же, как и на Земле. Я сбежала оттуда и не должна возвращаться обратно. Меня собирались принести в жертву Огненной Птице. Что мне делать?

Она бросила дикий, безумный взгляд на Сойера.

— Подожди, — сказал он. — Объясни поподробнее. Там, в конце туннеля, находится другой мир? Твой мир?

— Да! — отчаянно крикнула она. — Я знаю это! Вы видели Нете! Видели и остальных. Неужели вы думаете, что находитесь в своем мире? Похожи они на людей Земли? Там другой мир, и я знаю это!

Сойер задумчиво смотрел на нее. Затем посмотрел на слепые улыбающиеся маски, на гротескные фигуры, что двигались вперед, топчя свои отражения в зеркальном полу. С трудом повернул голову, чтобы посмотреть на сомкнувшуюся позади них стену туннеля. Ему показалось, что кто-то ударил его в шахте по голове, и сейчас он лежит на сыром полу и ему чудятся всевозможные кошмары.

— Сон это, или явь, — сказал он, — но нам нужно действовать. Альпер, ты можешь двигаться против потока. Проверь, можешь ли ты остановить нас?

Альпер неохотно встал перед ними. Но из этого ничего не вышло. Плотный поток воздуха тащил их так же легко, как будто Альпера не было на пути. Отойдя в сторону, он крепко взял Клей за руку и уперся изо всех сил. Но поток, который тащил Клей, подхватил и его. Ноги Альпера скользили по гладкому полу.

Сойер вздохнул. — Ну что же, ничего не выходит. Клей, что нас ждет по ту сторону занавеса?

— Города, — сказала она нетерпеливо, все еще тщетно стараясь удержаться на скользком полу. — Хомад, мой мир. О, мне еще столько нужно вспомнить. Все передо мной как в тумане. Но я знаю точно — Нете опасна!

— Скажи, что ты помнишь о ней? — спросил Сойер. — И побыстрее. Времени у нас мало.

— Она — Извер, бессмертная, она из расы богов, которые правят Хомадом. Боги не стареют. Ничто не может повредить им. Даже Богиня может править вечно, если только не возникнут волнения, и ее народ не прогонит ее за это.

— Богиня? — переспросил Сойер.

— Не совсем. Просто Извер, как Нете, но ее могущество неизмеримо больше, и она имеет право носить Двойную Маску и Темную Мантию. Нете собирается стать такой через три дня, если она не лжет. Мне очень странно! Вероятно, пока меня не было, произошли большие волнения, иначе Нете не смогла бы сменить Богиню.

— Волнения? — спросил Сойер. — Они отразятся на нас? Расскажи, что ты помнишь.

— Волнения среди богов, — неуверенно пояснила Клей. — Откуда простой Хом может узнать об этом? Но иногда Изверы начинают исчезать, таять, как туман, и никто не понимает, почему. А иногда снизу приходит жуткий народ, и даже Изверы не могут справиться с ними, убить их. Для Хомов же все это означает жертвы. Много жертв, гораздо больше, чем обычно. Когда мы придем туда, Изверы принесут меня в жертву Огненной Птице. Птица съест меня на торжественной церемонии.

— А может и нет, — сказал Сойер. — Скажи, что представляют собой Огненные Птицы? Это то же, что сейчас находится в руках Альпера?

Она покачала головой в смнении. — Вы видели Огненных Птиц. Привидения. Летающие огни, которые вынимают уран из руды. Это для меня совершенно ново. В Хомаде мы ничего не знали об Огненных Птицах — только в глубине Источника Миров, куда бросают жертвы, видны всплески огня, подобные взмахам крыльев. Вот почему Изверы называют их Огненными Птицами, а место это — Источником Огненных Птиц. Им приносят жертвы. Однако в самом Хомаде мы никогда не видели настоящих Огненных Птиц, подобных привидениям в шахте. Да и об уране мы тоже ничего не знали.

Она помолчала. — Как все это странно. У меня в памяти все двоится. И воспоминания о Земле, и воспоминания о Хомаде.

— А это что? — спросил Альпер, показывая золотую полоску.

— Я не знаю. Нете называет это Огненной Птицей. Должно быть, это просто символ, талисман. Ведь он действительно похож на Огненную Птицу, верно? Мне кажется, что она собирает их. Вы видели, что когда она расправляет крылья, воздух начинает сгущаться.

— И она открывает стену, через которую мы пришли, — сказал Альпер. — Я знаю, я видел это сам. Но, сдается мне, открывает только в одном месте.

— Ключ? — неуверенно спросила Клей. — Ключ к двери между мирами? Может именно поэтому Нете так хочет заполучить ее обратно? Но ведь если Нете станет Богиней через три дня, то Извер, которая является Богиней сейчас, постарается убить ее. Она не от-

даст Двойную Маску без борьбы. И поэтому-то Нете необходима Огненная Птица, ибо это источник энергии, а энергия понадобится Нете в этой борьбе.

— Да, это источник энергии, — сказал Альпер низким басом. — И я буду хранить эту вещь. Нете что-то нужно от меня, она...

— О, идиот! — воскликнула Клей. — Нете — Извер, полубогиня. Ты же в моем мире — ничто, человек, один из Хóмов. Неужели ты не понимаешь этого?

Сойер внезапно усмехнулся.

— Ты вступил в сделку с дьяволом, старый Хом по имени Альпер. Вот только в условиях ты прогадал. Слушай меня. Сейчас нам может понадобиться помощь друг друга. Тебе следует освободить меня от своего передатчика. Лучше побереги его для Нете. Может это будет твое единственное оружие против нее. Ведь как только мы выйдем отсюда, ты попадешь прямо к ней в руки. Тебе понадобится наша помощь.

— Нет, — тяжело сказал Альпер. Маленькие глазки светились недоверием. — Я знаю, что свободен и не буду выходить отсюда. Я сохраню у себя тот кнут, которым могу заставлять тебя подчиняться.

Сойер взглянул на туманный занавес, который колыбался в конце туннеля. Тот был совсем близко. Плотный воздух гнал их вперед все быстрее и быстрее.

«Как поток электронов в вакуумной лампе, — подумал Сойер, глядя на занавес. — Если ты электрон, то ты не можешь двинуться обратно. Этот конец туннеля — катод, и мы летим к нему».

Вот уже занавес коснулся их лиц. Здесь поток воздуха стал еще сильнее, и они буквально промчались сквозь хлопья тумана. И вот они стоят, щурясь от яркого света, на небольшой площадке, откуда вниз спускалась лестница. У Сойера задрожали колени. Поток воздуха внезапно прекратился и просто стоять на месте было теперь как-то непривычно.

— Вот, — мягко сказала Клей, стоявшая рядом с ним. Он услышал глубокий вздох девушки. — Это — Хомáд. Я вернулась. Я... дома.

V

Этот мир оказался шумным. Ступени вели на многолюдную площадь, где высокие Изверы, одетые в мантии цвета зеленоватого льда, величественно расхаживали между толпами более низкорослых людей. Один из Изверов играл на странном квадратном барабанае, отбивая непривычную мелодию, и группы богов вокруг раскачивались в такт ударам. Их бесстрастные лица-маски смотрели на толпу невидящими глазами.

Еще одна группа людей с двумя лицами ожесточенно спорили о чем-то прямо у подножия лестницы. Звонящие голоса далеко разно-

сились в воздухе. Один из погруженных в транс пришельцев остановился на ступенях, потряс головой, затем, внезапно издав пронзительный, звенящий крик, бросился вниз по лестнице. Группа спорщиков расступилась перед ним.

Станным был этот мир под холодным небом и ярким солнцем. Гул барабана, металлический лязг, шуршание ледяных мантий, высокие крики, странная мелодия, незнакомый язык — все было непривычно и странно для Сойера.

Среди высоких полузмеиных фигур робко передвигались люди — Хомы. Сойер наконец увидел расу, к которой принадлежала Клей. Те же странной формы скулы, тот же разрез глаз: все это он видел теперь в каждом лице. Они были смуглыми и выглядели приземистыми по сравнению с неестественно высокими богами. Одежду их составляли туники и штаны. Они все время боязливо оглядывались и уступали дорогу, когда мимо проходили не замечающие их Изверы.

Шумная многолюдная площадь была окружена причудливыми зданиями из камня и кирпича, а в промежутки между зданиями, словно испуганные кролики, ныряли узкие улицы, моментально сворачивая и скрываясь из виду за углом. В домах уже начинали зажигаться огни, наступал вечер, и на этот странный мир спускалась темнота. Где-то вдали над крышами домов виднелись шпили огромных башен, сделанных из стекла или льда. В холодном свете, струившемся из-за облаков, они сверкали, как алмазы.

— Замок, — пробормотала Клей. — Видишь? Во время церемонии Открытия Источника можно видеть отблески крыльев Огненных Птиц. Они отражаются башнями и освещают почти половину города.

Просыпающиеся Изверы все еще спускались по лестнице и вливались в толпу на площади. И там же, внизу, в нерешительности стояла Нете, оглядываясь назад. Ее *живое*, зловещее лицо с этрусской улыбкой и огромными змеиными глазами полыхало яростью, а, может быть, страхом. Она смотрела не на них. Она смотрела на занавес, из складок которого выглядывал Альпер. Альпер спрятался, заметив взгляд Нете. Женщина прошипела что-то на своем языке, затем, извернувшись по змеиному, повернулась лицом к площади.

Холодная дрожащая рука Клей нашла руку Сойера.

— Смотри! — испуганно пролепетала она. — Богиня! — Внезапно она втянула голову в плечи и накинула меховой капюшон. — Может, меня не заметят... — в голосе ее зазвучала робкая надежда. — Я попробую спрятаться. О, если бы знал мой дед!

Сойер сжал ее руку с бесполезным сочувствием и посмотрел на площадь, где двигались две колонны Изверов. Шли они быстро, и длинные мантии развевались на ветру.

Наконец первый ряд приблизился к подножию лестницы. Изверы расступились, и вперед вышла Богиня...

На мгновение Сойер полностью утратил чувство реальности. Он не мог поверить в существование этого мира. Он не видел ни земли под ногами, ни неба над головой. Конечно же, он находится в Фортуне, и этот мир, Хомад, не существует, его нет... Когда они путешествовали по длинному ледяному туннелю, он почему-то был уверен,

что в конце концов они выйдут на поверхность и окажутся где-нибудь на ледяных равнинах по соседству с полюсом. Или снова попадут в шахту. Но это не шахта. Над головой — небо. И изредка появляется солнце. Какое солнце? То, что светит на Земле? Где находится этот Хомад? Где...

— Клей! — загрохотал гулкий голос Богини.

И девушка вздрогнула, вздохнула и медленно стянула с головы капюшон.

Длинное гибкое тело Богини было закутано в черную мантию, от чего бледное бесстрастное лицо ее казалось еще блее. На нем выделялись большие, зеленые, как изумруды, глаза, такие яркие, что в них невозможно было смотреть. В первое мгновение Сойеру даже показалось, что Богиня не живая, а вместо лица у нее лишь белая маска, на которой взгляду даже не за что зацепиться. Складки мантии поглощали весь падающий свет. Казалось, что там, где стоит Богиня, в пространстве образовалась дыра.

Но лица у Богини и вправду не было. Ее голову украшали две маски — одна смотрела вперед, другая назад. В отверстия для глаз были вставлены две плоские линзы изумрудно-зеленого цвета. Они полностью отражали падающий на них свет. «Интересно, — подумал Сойер, — каким же должен восприниматься мир сквозь такие линзы?»

Два зеленых луча взгляда Богини остановились на Клей, с любопытством осмотрели ее, а затем обосновались на Сойере. Сойер почувствовал, как саднит кожу в тех местах, где взгляд коснулся его. Когда Богиня отвела глаза, Нете разразилась страстной речью, стараясь привлечь внимание Богини, но тщетно. Взгляд Богини был прикован к туманному занавесу, из-за которого пришли Изверы...

Сойер тоже повернулся туда. Там смутно виднелось лицо Альпера, роковое любопытство которого заставляло его поглядывать, что же происходит здесь. Он встретился взглядом с зелеными лучами Богини, и Сойер увидел, как Альпер напрягся, а затем медленно двинулся вперед.

Как загипнотизированный, — а может, он и был под гипнозом? — Альпер вышел из-за занавеса и медленно, как автомат, стал спускаться по лестнице. Нете со свистом дышала сквозь зубы. Рука Альпера пребывала в кармане, и Огненной Птицы не было видно...

Богиня снова заговорила. Голос ее из-под маски звучал глухо. Ее стражи двинулись вперед. И тогда Нете прыгнула вперед и встала между ними и тремя землянами на ступеньках лестницы. Она что-то повелительно крикнула охранникам. Голос ее был мелодичен, несмотря на ярость, звучащую в нем. Стражи в нерешительности остановились, оглядываясь на Богиню. Сойер подумал, что если Нете действительно собирается через три дня надеть эту жуткую мантию и маску, то стражам следует хорошенько подумать, прежде чем послушаться ее приказа.

И опять заговорила Богиня. Нете, в шелесте ледяной мантии, рванулась к ней. Они долго стояли друг против друга, немного покачиваясь, словно две кобры, готовые к нападению.

— Она угрожает Богине, — прошептала Клей. — Она говорит, что сделает после того, как... О, подождите! Слушайте!

Богиня говорила, и голос ее далеко разносился по площади. Нете, шипя, отшатнулась назад. И Изверы, и Хомы в толпе возбужденно переговаривались.

— В чем дело? — спросил Сойер. — Что она сказала?

— Тихо! — тревожно сказала Клей. — Не мешай слушать. Она... она не собирается отдавать Двойную Маску без боя. Она вызывает Нете на церемонию Открытия Источника. А это значит, что кто-то из них должен умереть. Это ее право. Если она хочет использовать свой единственный шанс, никто не может воспрепятствовать ей. Она...

— Я думал, что Изверы бессмертны, — сказал Сойер.

— Для пришельцев — да. Но есть оружие, уничтожающее их. И Богиня, которая правит, хранит его. Я не знаю, что это. Ни один Хом не знает. Если Богиня решает воспользоваться этим оружием, она рискует сама погибнуть при этом. Но она все равно бросила вызов. Она сказала, что или убьет Нете во время Открытия Источника, или погибнет сама от ее руки. — Клей глубоко вздохнула, затем неуверенно рассмеялась. — Лично меня теперь ждет незабываемое зрелище, — сказала она Сойеру.

— О чем ты говоришь? — спросил Сойер, крепче сжимая ее руку. — Что такое Открытие?

— Церемония, — ответила Клей. — И естественно, когда она происходит, требуется принесение жертвы. А Богиня узнала меня. Так что незабываемое зрелище мне теперь обеспечено.

Нете замерла перед торжественной, величественной фигурой Богини. Затем она произвольно подалась назад. Клей рассмеялась, и Нете услышала ее смех: голова ее чуть повернулась и по маске пробежали золотые блики света из отверстий в сережках. Она снова прошипела что-то Богине, затем резко повернулась к троице, стоящей на ступеньках лестницы, и бросила убийственный взгляд своих змеиных глаз на Клей. У девушки перехватило дыхание, она прижалась к Сойеру. На губах Нете появилась зловещая улыбка. Огромные светящиеся глаза нашли Альпера, застывшего перед Богиней.

— Тобой я займусь потом, — быстро сказала она. — Но предупреждаю, когда тебя начнут спрашивать, ни слова об Огненной Птице. Помни это, или мы все погибнем. Ты слышишь меня, Альпер?

Тот тупо мотнул тяжелой головой.

Нете повернулась и пошла к Богине, а охранники бросились вверх по лестнице к землянам. Станные нечеловеческие лица не смотрели на них, но их холодные, как железо, руки схватили Сойера и потащили его вниз. Альпер вдруг очнулся и начал сопротивляться, хотя это была тщетная попытка. Клей почти лишилась чувств, когда холодные руки схватили ее. Вскоре землян быстро стащили вниз, на площадь.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, когда Изверы повели пленников по извилистым улицам к стеклянным башням Замка. Быстро темнело, и на улицах один за другим стали зажигаться

фонари. Улицы были узкие, и пленникам пришлось идти друг за другом. Теперь Сойер уже не мог переговорить с Клей. Девушка отбросила капюшон назад и рассматривала улицы, дома, стараясь припомнить город.

Сойер шел как во сне. Он слышал обрывки разговоров на неизвестном языке, видел странные дома и странные тени в освещенных окнах домов. Все же это был реальный мир, а не плод его воображения.

Из некоторых окон, освещенных алыми или ярко-зелеными источниками света, доносилась странная музыка, исполняемая на инструментах, которых Сойеру никогда не приходилось слышать на Земле. Знакомый запах дыма почти терялся среди странных ароматов неизвестной кухни. Маленькие мальчишки доставали что-то из плетеных конусообразных корзин и с криками швыряли в толпу. Они явно занимались чем-то обыкновенным, хотя Сойер понятия не имел, чем именно.

Но в основном на улицах было тихо, и попадавшие навстречу Хомы безмолвно исчезали при виде процессии Изверов, которые вели своих пленников. Сойер не раз встречался со спокойными взглядами людей. Было ясно, что они сочувствуют пленникам, но не испытывают никакого желания оказаться на их месте. Однажды из окна вылетел какой-то гнилой фрукт. Он попал прямо в голову Извера, шагавшего перед Сойером. Тот быстро поднял голову, зорким взглядом нашел окно и как ни в чем не бывало пошел дальше. Сойер почувствовал холодок между лопатками.

Когда они дошли до улицы, упиравшейся в стену замка, сильнейшие раскаты грома потрясли весь город, и струи косого дождя, окрашенные в алый цвет лучами заходящего солнца, забарабанили по крышам. Окна и двери всех домов поспешно захлопывались, матери звали своих детей. Пленники дошли до ворот замка по совершенно пустой улице, заливаемой кроваво-красным дождем.

Ворота причудливой формы, унизанные странными украшениями, оказались сделанными из льда или стекла. Обычно бесцветные, сейчас, под лучами заходящего солнца, они приобрели зловещую окраску. Ворота перекрывала медная сеть, свисающая широкими складками.

Отряд остановился. Извер, шедший впереди, вытянул тонкие губы и издал звук, похожий на звук флейты, чистый и мягкий. Потом они застыли под дождем в ожидании.

Как только медный занавес затрепетал и стал открываться, в улице, что проходила левее, послышался шум. Из-за дождя Сойер не мог разглядеть, что там происходит, но вдруг, откуда ни возьмись, появилась целая процессия повозок. Ржанье лошадей, стук колес, крики людей — все перемешалось в сплошном гуле. Отраженное от стен домов эхо тысячекратно усиливало этот шум.

Сойер увидел, что повозки нагружены чем-то, что по запаху напоминало сырую, невыделанную шерсть. Лошади, пятнистые, как леопарды, неслись вскачь по булыжной мостовой. На передней повозке, свесив ноги, сидел толстый старик в тунике и переднике, и погонял и без того несущуюся во весь опор лошадь. Его белые бакенбарды развивались на ветру.

За ним на огромной скорости неслись другие повозки. Ржали лошади, кричали люди, лаяли собаки, открывались окна домов, и из них высовывались любопытные. После первого свистка Извера и трепета медного занавеса вдруг возник настоящий бедлам.

И вот вся эта шумная процессия обрушилась на них. Лошади, фыркая и лягаясь, пробивались через колонну, ожидающую у ворот замка. Собаки путались под ногами и оглушительно лаiali, лошади ржали, и это ржанье походило на человеческие крики. Люди обрушивали на несчастных лошадей град ударов, побуждая их бежать быстрее и ржать громче.

Даже величественные Изверы были вынуждены уступить дорогу этой сумасшедшей кавалькаде. Соьер почувствовал, как на его руке сомкнулись железные пальцы одного из Изверов, и позволил увести себя к стене одного из домов. Теперь уже кричали и Изверы. Высокими пронзительными голосами они выкрикивали ругательства и приказания. Одна из повозок с ужасающим грохотом перевернулась. Тюки мокрой шерсти покатались по земле.

И среди этого бедлама Соьер увидел взгляд Клей. Ее лицо буквально пылало возбуждением и надеждой. Девушка прямо-таки тянулась вперед, насколько ей позволяла рука ее охранника, вглядываясь в лица проезжавших мимо людей. Соьер видел надежду, забрезжившую в лице девушки, вспомнил несчастную Лизу Болконскую с ее короткой верхней губкой, и рванул из рук державшего его Извера.

Извер, старясь удержать его, слегка поскользнулся на мокрых камнях. Тогда Соьер перебросил его через бедро, и оба они покатались по земле прямо под ноги Извера, державшего Клей.

Это был именно тот шанс, которого она ждала. Извернувшись, она выскользнула из своего мехового пальто и одним прыжком подскочила к первой повозке. Старый толстяк крикнул: «Клей!», наклонился и подхватил ее. Она мигом очутилась в повозке, которая с лязгом и грохотом, не снижая скорости, пронеслась мимо. Это дед Клей, подумал Соьер, когда вся процессия с торжествующими криками скрылась вдаль.

Все же его надежды скрыться исчезли, когда железная рука Извера легла ему на плечо. Соьер тихо выругался и поднялся на ноги. Шум повозок и крики людей уже затихли в глубине извилистых улочек города. Два Извера молча направились туда, где исчезли повозки. Несколько собак все еще бегали по улице, заливаясь истошным лаем, но основная масса уже успокоилась. Все происшедшее казалось сном.

Кроме одного, подумал Соьер: пустое распахнутое пальто Клей с капюшоном все еще было в руках изумленного Извера, который несколько мгновений назад держал Клей. Глядя на это пальто, Соьер ощутил внезапную пустоту в душе. Девушка исчезла, словно ее никогда не существовало. Исчезла в этом городе, который был ее городом, и вместе с тем был ей чужд и враждебен.

Все произошло практически мгновенно, и занавес все еще лениво колыхался, раздвигаясь, а шум и грохот уже затихали вдаль. За поблескивающей медной сеткой открылся широкий стеклянный коридор. Охранник толкнул Соьера вперед, под тяжелые складки медной сети.

Сойер успел оглянуться назад и увидел пальто Клей, лежащее на мокрой земле с раскинутыми в стороны, словно в бесконечном отчаянии, рукавами. Затем занавес закрылся, полностью отрезав Сойера от внешнего мира с его звуками, надеждами, тревогами.

Альпер сидел на стеклянной скамье в голой стеклянной камере и смотрел на Сойера. Тот пристроился в противоположном углу на полу, обхватив колени руками. Он смотрел на Альпера.

— Ты дурак, — сказал Альпер.

Сойер не обратил внимания на его слова.

— Ты помог ей убежать, — продолжал Альпер. — С твоей стороны это просто идиотский поступок. Теперь мы оба заплатим за это.

Сойер медленно обвел взглядом совершенно гладкие и чуть зеленые стены камеры. Взгляду не на чем было остановиться, и он поневоле вернулся к Альперу. Где-то здесь была дверь. Они ведь вошли сюда через дверь, но когда она закрылась, абсолютно невозможно стало определить ее местонахождение.

Свет в комнате давал какой-то невидимый светильник под самым потолком.

— Мне тоже все это не нравится, — медленно сказал он. — Совершенно не нравится. Похоже, теперь мы оба в одной лодке.

— Лодка! — воскликнул Альпер. — Это же не Земля. Я не понимаю...

— Может быть, ты понимаешь во всем этом больше, чем я. Если мы хотим что-то предпринять, тебе лучше рассказать мне все, что тебе известно. Например, о Нете. Неужели она тебе ничего не говорила о существовании этого мира?

— Нет, — угрюмо сказал Альпер. — Она явилась ко мне в Фортуне. Ты сам видел как — как тень. Но когда она коснулась меня, я почувствовал, как энергия стала проникать в мое тело... — Он с торжеством посмотрел на Огненную Птицу в руке. — ... и после этого я решил дать ей все, что она захочет.

— Урановую руду?

— Да. Она не хотела, чтобы урановую руду добывали и увозили. Поэтому я так стремился закрыть шахту. Но обо всем *этом* я не имел ни малейшего понятия.

— Я думаю, нам следует сотрудничать, — сказал Сойер. — В нашем положении лучше быть друзьями, чем врагами. Ты понимаешь, что я не могу послать отсюда доклад в Торонто? Может, мы пробудем здесь долго.

Альпер кивнул.

— Прекрасно, — сказал Сойер. — Тогда первое, что следует сделать, это извлечь передатчик из моей головы.

— Нет.

— Почему? Ведь теперь тебе не нужно контролировать меня.

— Это не даст тебе убить меня. — Глаза Альпера светились подозрением. — Я прекрасно знаю, что у вас на уме, молодой человек.

— Идиот, — глубокомысленно заметил Сойер.

Альпер немного подумал.

— Хорошо, — сказал он. — Пожалуй, с этого момента нам лучше всего работать вместе. Но передатчик останется в твоей голове — на всякий случай. Ты говорил, что мы должны что-нибудь предпринять? Что именно?

Сойер опять обхватил руками колени.

— Единственное, что я могу предложить на данный момент, — сказал он, — это ждать.

VI

Они сидели молча минут десять, изредка обмениваясь недружелюбными взглядами. Затем какой-то странный звук привлек их внимание. Он исходил откуда-то сверху. Оба подняли головы. В стеклянной стене появился сверкающий квадрат размером три на три дюйма. Они в изумлении увидели, как поверхность квадрата распадается, стена становится прозрачной, обнажая гексагональную кристаллическую решетку стекла. А затем стекло внезапно превратилось в зеленый пар, который ворвался в камеру, и лица Альпера и Сойера обдало жаром. Пот выступил на лбу Сойера.

Но температура быстро упала. В воздухе медленно расплывалось облачко зеленоватого пара, а квадрат в стене стал отверстием. Видимо, молекулы этого стекла мгновенно испарялись, не переходя в жидкость, — точно так же, как это происходит с кристаллами двуокиси углерода — сухого льда. Вещество, из которого состояла стена, не исчезло, а просто перешло из твердого состояния в газообразное.

Величественная голова Извера со стеклянной короной появилась в отверстии. Он с любопытством смотрел на землян. Должно быть, вот так же люди наблюдают за деятельностью муравьев в муравейнике. Лоб Извера тоже был покрыт капельками пота. Видимо, для испарения стекла потребовалось много энергии, и тепла выделилось порядочно.

Большие, полускрытые ресницами глаза Извера бесстрастно обслеживали Сойера, затем взглянули на Альпера. Видимо, Извер решил, что Альпер именно тот, кто ему нужен. Не входя в камеру, Извер вытянул свою длинную руку и положил на колени Альпера квадратный сверток размером около десяти дюймов. Сверток был черного цвета и слабо мерцал.

Прежде чем кто-либо успел сказать хоть слово, голова Извера исчезла. Несколько мгновений отверстие оставалось открытым. А затем жуткий холод наполнил камеру. Все молекулы зеленоватого пара мгновенно конденсировались и заполнили отверстие в стене.

Воздух стал чистым и прозрачным, а стена такой же монолитной, как и прежде.

Альпер осторожно коснулся свертка на своих коленях. При этом он подозрительно взглянул на Сойера. И тут сверток вдруг шевельнулся, как будто с него спали невидимые ремни, и оказалось, что с колен Альпера свисает мерцающая черная ткань, такая черная, что она поглощала все лучи, падающие на нее. Глаз человека, глядящего на нее, не мог сфокусироваться ни на чем, — настолько глубока была эта чернота. Эта ткань не была запакована ни во что — ни в бумагу, ни в картон. Ее держало в сложенном состоянии ее собственное силовое поле. Приглядевшись, Сойер понял, что это не просто ткань, это было что-то вроде плаща, такого огромного, что трудно было поверить — как это он мог сложиться в такой маленький пакет. Из складок плаща выпал квадратик белой бумаги, который сам развернулся и лег на пол перед Альпером.

Альпер осторожно взял его за самый уголок. Там было что-то написано. Альпер быстро пробежал глазами текст. Его лицо осветилось торжеством. Он рассмеялся радостным лающим смехом, взглянул на Сойера, и рука его тотчас оказалась в кармане.

Гром и молнии. Они возникли в самых глубинах мозга Сойера, они ослепили его страшной болью. Пульсирующий ток крови в его жилах усилился настолько, что, казалось, пришел конец света. Перед глазами все исчезло.

Но на этот раз Сойер был почти готов к этому. Готов настолько, насколько человек может подготовиться к удару молотком по обнаженному мозгу.

Он видел, как двинулась рука Альпера. Он прочел его намерения в глазах старика еще до того, как рука начала движение к карману. И все мышцы и нервы без какого-либо импульса успели подготовиться к тому, что его ждало.

Прежде, чем гром расколол его череп на части, он уже взвился в воздух. Внимание Альпера раздваивалось: с одной стороны оно было привлечено к таинственно мерцающей ткани на коленях, а с другой стороны он старался привести в действие свое оружие против Сойера. И тут на него обрушилось тело Сойера, совершившего прыжок через всю камеру. Сойер почти потерял сознание, но мужчина он был крупный и сильный.

От удара Альпер завалился на бок. Он хотел оттолкнуть Сойера обеими руками, но стоило ему отпустить кнопку управления, как гром в голове агента моментально прекратился.

Сойеру повезло, что он не убил Альпера, хотя, в общем-то, был не прочь сделать это. Удар ребром ладони, нацеленный в шею, пришелся по скуле Альпера. Другая рука тут же нанесла удар в живот, заставивший Альпера согнуться пополам, а следующий удар — коленом в лицо — швырнул старика на пол.

Сойер нагнулся над корчащимся на полу телом, готовясь нанести удар ребром ладони по основанию черепа. Этот удар должен был прикончить Альпера. Но затем осторожность взяла верх: а не взорвется ли у него в голове передатчик, если Альпер умрет?

Сойер нежно врезал Альперу в челюсть — раз, потом еще раз, подождал, желая убедиться, что старик отключился. Затем повернул его на спину и сунул руку в тот роковой карман, который вызывал адский гром в его мозгу. Там он нащупал маленькую коробочку, размером с наручные часы, и вытащил ее. Легкое нажатие пальцами — и в голове его послышалось гудение, как будто кровь забурлила в мозговых артериях.

Он отпустил палец, приложил коробочку к уху и, наклонившись к Альперу, позвал его:

— Альпер! Альпер!

Из коробочки послышался его собственный голос. Значит, Альпер не солгал. Это действительно был не только передатчик, но и микрофон, с помощью которого Альпер мог узнавать о нем все, как бы далеко не находился Сойер.

Сойер решил отойти от Альпера подальше, но едва он сделал шаг, в голове его возникло гудение. Еще шаг — гудение превратилось в раскаты грома. Сойер поспешно вернулся на прежнее место, осторожно сунул коробочку обратно в карман. О том, что он собирался убить Альпера, Сойер даже и думать забыл.

Безнадежная ситуация. С одной стороны, он не мог больше терпеть этот передатчик у себя в голове, но, с другой стороны, не видел способа избавиться от него. Он со злостью посмотрел на распростертое тело своего мучителя, которого не осмеливался убить, боясь испытать страшные муки.

Альпер говорил, что там есть выключатель, но замаскирован он так, что его не смог бы отыскать и сам Гудини. Сойер снова вынул коробочку.

Может, секрет коробочки в простоте маскировки? А может, подумал Сойер, Альпер солгал, и тут нет никакого выключателя. Во всяком случае, стоило попробовать найти секрет выключателя.

Минут через десять, осознав всю тщетность своих попыток, он сунул коробочку в карман Альпера и взял бумагу, которую Альпер выронил из рук.

Она зашуршала под его пальцами. Письмо было написано по-английски, но почерк был таким, будто человек, писавший это письмо, впервые пользовался английскими буквами. Тем не менее, с грамматической точки зрения письмо было безукоризненно.

«Альпер, я спасу тебя, если смогу. Но мне нужна твоя помощь. Я хочу получить Огненную Птицу, которую ты украл, а ты хочешь жить. Мы сможем договориться, если ты будешь делать то, что я скажу. Это черный плащ, который носят слуги Богини, выполняющие ее личные поручения. После наступления темноты ты будешь невидим в нем. Ты сможешь открыть стену, приложив одну из пуговиц плаща к тому месту, которое начнет светиться при приближении пуговицы. Постарайся не сжечь пальцы, потому что пуговица быстро раскаляется. Когда ты накинешь капюшон, то услышишь гудение. Оно приведет тебя ко мне: надо лишь идти так, чтобы оно не прекращалось, а громкость его оставалась

постоянной. Держись в тени, не разговаривай ни с кем, не отвечай на вопросы. Ты имеешь на это право, поскольку на тебе плащ посланца Богини».

Последняя строчка была подчеркнута.

«Я не смогу ничего сделать, если ты не сохранишь все в тайне. Постарайся сделать так, чтобы землянин, пришедший с тобой, умер. Огненная Птица даст тебе энергию, которая позволит тебе убить его. Но используй ее только тогда, когда вы будете вдвоем, и возьми энергии ровно столько, сколько тебе надо, чтобы убить его».

Подпись под этим сугубо деловым посланием была простой: «Нете».

Сойер взглянул на Альпера и с трудом удержался от того, чтобы не убить его. Он взял плащ, который оказался на удивление легким, и настолько черным, что даже на таком близком расстоянии Сойер не смог его как следует рассмотреть.

Он понятия не имел, что на самом деле затевает Нете, но все же это казалось ему более лучшим, чем беспомощность в плену внутри этой стеклянной коробки.

Единственным обстоятельством, которое омрачало радужные перспективы свободы, был Альпер. Ведь как бы далеко ни ушел Сойер, если ему удастся вырваться на свободу, Альпер в любой момент сможет расколоть ему череп своими молниями — стоит старику только захотеть.

Сойер покачал головой, совершенно уверенный, что должен существовать какой-то выход из этого положения, нужно только отыскать его. И он нашел этот выход. Возможно, все дело было в том, что он просто тряхнул головой, приводя мысли в надлежащий порядок. Он рассмеялся, бросил плащ, перевернул Альпера и стал обыскивать его карманы. И вот Огненная Птица в его руках.

Ручкой Альпера он написал на обороте записки Нете:

«Благодарю за плащ и Огненную Птицу. Как мне хотелось бы убить тебя! Я знаю, что моя жизнь в твоих руках. Теперь же я сделаю так, что и твоя жизнь, и жизнь Нете будут зависеть от меня. Для меня это гораздо безопаснее. Включи передатчик в моей голове еще хотя бы раз — и ты никогда больше не увидишь Огненную Птицу! Оставь меня в покое и, если я выполню то, что наметил, я вернусь к тебе. Это единственное, что я могу предложить. Но предупреждаю тебя: если снова включится передатчик, Огненной Птицы тебе не видать! Тебе хватит энергии до нашей следующей встречи. А получишь ли ты еще энергию, будет зависеть от меня и только от меня. Вспомни это, прежде чем притронуться к передатчику!».

Подписываться было необязательно. Сойер завернул контрольное устройство в записку и сунул в карман Альпера. Затем он взял плащ, накинул его на плечи, натянул капюшон на голову и пробежал пальцами по краю плаща, отыскивая пуговицы. Вот они.

Когда Сойер стал приближать пуговицу, к стене, которую открывал Извер, та в одном месте засветилась. Вскоре жар стал нестерпи-

мым, и Сойер отскочил назад. Сначала проступила кристаллическая структуру стекла, а затем стена начала испаряться. Снова появилось облако зеленоватого пара, который сгустился в атмосфере камеры. Еще мгновение — и в стене образовалось отверстие.

Сойер быстро выбрался наружу. Огненная Птица в кармане приятно грела ему бок. Он пожалел, что не воспользовался случаем и не пополнил свою энергию. Нете утверждала, что, будучи закрытой, Птица не излучает энергию. Сойер чувствовал себя усталым, голодным и очень хотелось пить. Но все это было чепухой по сравнению с тем, что ждало его впереди. Перед ним было трудное дело, и он не знал, как к нему подступиться.

Впереди забрезжил свет, и послышался шум дождя.

Дождь длинными косыми струями падал на улицы, сверкая в лучах света, что горел в окнах домов. Он барабанил по капюшону Сойера, стекал холодными ручьями с его плеч, изредка заглушал монотонное гудение, которое указывало путь к Нете. Сойер медленно шел по пустынным улицам, ориентируясь по звуку, который доносился из двух пуговиц, пришитых в капюшоне рядом с его ушами.

Он старался держаться в тени. Он шел по улицам города в ином мире. Само существование Извергов доказывало это. Насколько отличалась Земля от этой планеты, Сойер все еще не мог сказать, но и того, что он уже узнал, было достаточно, чтобы идти осторожно, с опаской.

Изверги, по всей вероятности, добились больших успехов в технике. Они знакомы с электричеством, с проводимостью металлов. А мгновенное испарение материала стены камеры? Это большое достижение. Вероятно, прижатие пуговицы к стене настолько возбуждает молекулы, что они выделяют огромное количество тепла, достаточное для испарения. Правда, обратный эффект — мгновенная конденсация молекул, при которой происходит восстановление материала — не совсем понятен.

Но что из того, что они кое-что знают о химии и физике? Цивилизации могут иметь общие точки соприкосновения, но это не помешает им быть в корне разными и не понимать друг друга. Пускай здесь, как и на Земле, на закате солнца загораются огни в домах, готовится ужин, кричат дети, лают собаки. Но из этого не узнаешь, каковы моральные ценности в этом незнакомом мире.

Во всяком случае, подумал Сойер, где-то под мокрой крышей одного из домов сидит возле огня Клей и рассказывает толстому старику о своих впечатлениях о неизвестном ему мире под названием Земля.

Гудение в ушах внезапно стихло, а затем снова появилось, немного в стороне. Сойер повертел головой, пытаясь сориентироваться. Он повернул под прямым углом к прежнему направлению. Должно быть, Нете тоже не стоит на месте, подумал он.

Куда же он идет? Ему очень хотелось знать местный язык. Если бы он нашел Клей и ее деда, половина проблем оказалась бы решена. Но он понимал, что шансов на это слишком мало. Пока он будет

искать этот мизерный шанс, Нете или кто-нибудь из Изверов схватят его.

Правда, у него есть нечто, довольно важное и ценное для Нете — Огненная Птица. Сойеру казалось, что лучше всего спрятать ее где-нибудь и пойти на randevu с Нете без Птицы. Причем следует держаться подальше от Нете. Сойер с уважением вспомнил силу этого гибкого тела. Нужно попробовать сторговаться с нею повыгоднее. Например, узнать, как с помощью Огненной Птицы открыть Врата обратно на Землю.

Однако сейчас не время заглядывать так далеко вперед. Нете запросто может высунуться из одного из окон, стукнуть его по голове и спокойно забрать Птицу, пока он будет валяться без сознания. И Сойер пошел очень осторожно, зорко вглядываясь в тени и упоая на providение, которое всегда на стороне правды. Впрочем, так бывает далеко не всегда, даже на Земле.

Но главное — Огненная Птица. Сойер боялся и хранить ее при себе, и спрятать ее где-либо.

Хоть бы Нете стояла на месте, раздраженно подумал он, вертя головой, чтобы снова найти нужное направление. Он остановился и стал ждать на мокрой улице под окном, из которого доносился плач ребенка, пока Нете остановится и гудение станет более устойчивым. Откуда-то из-за двери залилась истерическим лаем собака. Она яростно скребла дверь, когда Сойер проходил мимо.

Сойер прошел несколько десятков метров, и затем собака начала лаять снова. Он понял, что за ним кто-то идет. Тогда он вошел в глубокую тень и стал вглядываться во тьму позади себя. Но если у него и был преследователь, то он тоже был невидим в тени, и Сойер видел лишь пустую улицу и слышал только лай собаки и скрежет ее когтей по дверной филенке.

Делать было нечего, он пошел дальше. Во всяком случае, пока он остается в тени, он невидим. Однако время от времени Сойер осторожно оглядывался назад.

Он шел и размышлял о том, что все, что он скажет Нете при встрече, он скажет и Альперу, если тот будет слушать. И что бы ни ответила Нете, ее услышит и Альпер. Так что в этой сделке без участия Альпера им не обойтись. Ну и, само собой, все это может произойти лишь в том случае, если Альпер позволит ему жить. Ведь он будет в ярости, когда придет в себя и обнаружит, что в камере нет Сойера, а у него пропала Огненная Птица. Но это был неизбежный риск. Сойер мог только ждать и надеяться на лучшее.

Уже минут пятнадцать сигналы от Нете приходили довольно устойчивые, и Сойер шел быстро, надеясь приблизиться к ней настолько близко, что сможет увидеть ее и не блуждать бесцельно по улицам, повинаясь сигналам в капюшоне.

Конец путешествия оказался внезапным.

Сигнал был чистым и ясным. Сойер повернул за угол и остановился так резко, что даже поскользнулся на мокрой мостовой. Он прижался к стене в какой-то нише и выглянул из нее, ругая про себя Нете. Перед ним была высокая каменная стена, в которой были

проделаны ворота. Ворота были сильно укреплены и в настоящий момент закрыты. Это была окраина города, и Сойер понял, что этот город опасается нападения.

Стены были высокими, с огромными железными воротами. На стене стражники-Хомы вглядывались вдаль, высматривая невидимую опасность. Другие стражники, тоже Хомы, одетые в окованные железом туники, охраняли ворота. В руках у них были какие-то трубки, видимо, оружие.

Один из Изверов, возвышаясь, словно божество, над низкорослыми Хомами, что-то презрительно говорил Хому-офицеру. Ворота, по всей видимости, тщательно охранялись, и беспокойство Сойера усилилось. Ведь сигнал в его ушах звучал четко и ясно. Он явно шел из тыла за воротами.

Может, Изверы тоже ищут Нете? Может, ему сейчас следует выйти и отдать Огненную Птицу этому полубожеству? Или же он должен подчиниться зову Нете и пробираться к ней? Он долго размышлял над этой альтернативой. Если он сейчас сдастся, то окажется во власти неизвестного. Реакции же Нете он мог до некоторой степени предсказать. Поэтому он осторожно двинулся по улице. Ему нужно было найти брешь в стене или какую-нибудь другую лазейку.

И в конце концов он нашел возможность перелезть через стену и бесшумно спрыгнул на сырую траву. Он огляделся, но увидел только деревья, а в просветах между ними линию горизонта, расплывающуюся в потоках дождя.

Где-то под деревьями вспыхнул тоненький лучик света и исчез.

— Я здесь, — нетерпеливо сказала Нете. — Иди. Иди ко мне. Быстро. Иди ко мне, и все будет «ол райт».

Сойер осторожно пошел на свет. Под ногами скользила мокрая трава. Плащ его был непромокаемым, но дождь хлестал его по лицу, а ветер прижимал полы плаща к мокрым ногам. Он с трудом различал бледное пятно лица под деревьями. Между деревьями он видел яркое свечение, как будто там было огромное озеро, отражавшее от своей глади свет небес.

Когда он прошел футов двадцать, голос Нете скомандовал: «Стой!» — и он остановился. Струи дождя хлестали его по лицу, ветер трепал полы плаща.

Затем послышался смех Нете, мягкий, торжествующий.

— Хорошо, — сказала она. — Иди.

Что-то в ее смехе, в тоне, каким она позвала его, заставило его насторожиться. Он пошел вперед, но медленно, осторожно, обратившись в слух. Нервы его напряглись, предчувствуя какую-то опасность, хотя Сойер по-прежнему не мог распознать ее. Он шел к деревьям и внезапно поймал себя на том, что считает шаги.

Шагая по мокрой траве, Сойер насчитал семь шагов, а восьмой пришелся в пустоту, и он рухнул в ничто. Где-то над ним раздался торжествующий смех и послышались торопливые шаги: это Нете спешила к месту его падения.

VII

Одного-единственного взгляда ему оказалось достаточно, чтобы с ужасающей ясностью рассмотреть то, что находилось под ним. Сойер успел разглядеть все, до мельчайших подробностей.

Яркое свечение за деревьями оказалось вовсе не поверхностью озера или океана. Это была пустота. Высокие деревья окаймляли край твердой земли на равнине этого загадочного мира, где стоял город. Но внизу, далеко-далеко внизу, в бескрайнем просторе, виднелся другой мир. Молочные облака плавали в бледно-серебряном небе. Некоторые из них, видимо, были грозowymi, ибо имели зловеще-черную окраску.

Сойер провалился в какую-то трещину в коре планеты. Нете устроила ему ловушку, подзывая к себе, заставляя бежать. Все было рассчитано точно. Сойер должен был упасть вниз, и спасения ему не было.

Падение длилось вечность. Затем что-то хлестнуло его по лицу, и он ухватился обеими руками за какую-то, как ему показалось, сеть.

Последовал резкий рывок, едва не переломивший ему позвоночник, и падение прекратилось. Далеко внизу под ним покачивался загадочный мир. Сойер почувствовал, как желудок двинулся к горлу и закрыл глаза, изо всех сил вцепившись в спасительную сеть, которая изредка дергалась: это лопались под его тяжестью нити. Он с трудом заставил себя открыть глаза. То, за что он держался, казалось ему таким слабеньким и ненадежным, что даже поднимая ресницы он боялся, что это движение оборвет удерживающие его нити.

Теперь он мог все хорошенько рассмотреть. Слабое сияние наполняло бездну, над которой он висел. Прямо под ним плыл незнакомый мир. То, за что он успел зацепиться, оказалось корнями деревьев. Возле края слой почвы был очень тонкий, и деревья, которые росли на краю, выпустили свои корни в пустоту. Сойер заметил неподалеку более толстые и надежные корни, но ему казалось, что стоит хоть немного пошевелиться — и он сорвется и полетит вниз.

На голову и плечи ему посыпались камешки. Он слегка приподнял голову. Над краем обрыва, с которого он сорвался, появилось торжествующее лицо Нете. Но затем Сойер увидел, что торжество сменялось разочарованием: *он еще жив!*

— О!? — только и сказала она.

Сойер промолчал. Он боялся даже говорить. Он прикидывал состояние, отделявшее его от толстых корней, и думал, что произойдет, если он рискнет попробовать ухватиться за них. Впрочем, что тут думать, он неминуемо сорвется.

— Альпер? — каким-то неуверенным голосом позвала Нете. Сойер молчал. Она позвала снова: — Альпер, это ты?

Сойер вдруг ощутил мягкое тепло Огненной Птицы в кармане и снова начал обдумывать линию своего дальнейшего поведения. Смешно было думать о будущем при таких обстоятельствах, но мозг человека — создание удивительное.

Снова посыпался град мелких камней — Нете сильно перегнулась через край.

— Ты не Альпер. Ты совершил ошибку. Попался в ловушку, приготовленную для другого. — Она рассмеялась. — Может помочь тебе выбраться наверх?

Сойер снова ничего не ответил, зная, что она не будет, не может помогать ему. Если ему и суждено спастись, то только собственными силами. Все мышцы его уже болели, и он знал, что долго ему не выдержать. С тревогой прислушиваясь к треску корней, он стал перемещать свое тело, готовясь совершить прыжок через бездну.

— Если ты принес Огненную Птицу, — заговорила Нете, — я помогу тебе. Она у тебя? О, конечно. Ты не дурак. Дай мне ее, и я вытащу тебя наверх.

Он даже не взглянул на нее. Корни держали его, несмотря на движения. Наконец он напрягся и сделал безумный рывок через пустоту к толстым корням, которые могли спасти его.

Бездна под ним поплыла перед глазами. Корни манили его, и вот обе руки ухватились за шершавую кору. Он обнял толстые корявые корни, закрыл глаза и прижался щекой к колючей поверхности. Все внутри у него дрожало от пережитого.

Сверху послышался вскрик. Посыпались камешки. Затем в пучину свалилось несколько камней покрупнее, а сверху послышались звуки, как будто кто-то карабкался вверх. Нете выругалась на своем языке. Сойер сразу понял, что это ругательство, несмотря на ее чистый мелодичный голос. Он рассмеялся. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше. Положение его, правда, улучшилось ненамного, но теперь он, по крайней мере, обрел твердую опору.

— Ну как ты там? — спросила Нете. — Я еще раз говорю, если ты дашь мне Птицу, я спасу тебя. Ты хочешь спастись? Я хотела погубить Альпера, а не тебя.

В ее голосе чувствовалась паника, но Сойеру сейчас было не до нее, и он на некоторое время перестал слушать Нете. Теперь он держался за корень ногами и смог освободить одну руку. Он осмотрел край обрыва, откуда торчали корни. Его внимание привлекло небольшое отверстие. Он сунул туда руку. Внутри что-то зашуршало. Он вытащил руку, и вслед за рукой высунулась маленькая мордочка с любопытными глазками. Две маленькие лапки крепко держались за края отверстия, и небольшой, похожий на белку зверек с интересом смотрел на Сойера. Похоже, человека эта белочка видела впервые. Она быстро вертела головой, рассматривая Сойера.

Сойер шикнул на нее, и это привело белку в панику. Она быстро развернулась в узком отверстии, задев пушистым хвостом Сойера по лицу, и приготовилась драться за свою жизнь. Сойер протянул руку и вытащил зверька из норы. Белка отчаянно сопротивлялась, но Сойер запихнул ее в другое отверстие, правда меньшее, чем прежняя

нора. После этого отколупнул от обрыва камень и запер им белку. И только после этого осторожно достал из кармана золотую полоску — Огненную Птицу.

Она оказалась теплой и слабо светилась в зеленоватом сумраке бездны.

Сойер осторожно сжал ее и почувствовал, как полоска шевельнулась в его пальцах. И вот уже расправились крылья, и свет, подобный солнечному, заструился откуда-то из ее глубины. Сойер ощутил, как в него потоком вливаются силы.

— Огненная Птица! — закричала Нете. Она, должно быть, увидела сияние и буквально бросилась грудью на край обрыва. — Она у тебя! Я вижу огонь! Отдай ее мне, и я спасу тебя!

Но Сойер, несмотря на всю опасность своего положения, хорошо знал, что делает. Он не рискнул держать Птицу раскрытой более десяти секунд — время, необходимое ему для восстановления сил. Он не знал, какие опасности таит в себе эта невзрачная с виду пластинка. Он хорошо помнил, как Огненная Птица открыла Ворота на Земле, помнил, как порхали вокруг него крылатые сполохи пламени...

Он снова закрыл Птицу, и поток энергии медленно угас. Однако теперь он снова ощущал себя бодрым. Ему уже не хотелось ни есть, ни пить.

Во всяком случае, подумал он, Нете не получит Птицу. Он нашел идеальное место, где можно спрятать ее. Он затолкал золотую пластинку в нору и закопал ее камнями.

Теперь, когда сил у него прибавилось, Сойер решил вскарабкаться по корню вверх. Но это ему не удалось: корень угрожающе затрещал. Все же Сойер удалось немного подняться, и ему даже показалось, что он видит Нете.

Черт побери, не может же он вечно висеть здесь! Но если он свалится, Нете не видать Птицу как своих ушей. Впрочем, место, где он спрятал Птицу, тоже нельзя было считать надежным. Белка, движимая ненасытным любопытством, может подкопаться под камень и тогда станет самой богатой белкой — ведь тогда Огненная Птица будет принадлежать ей! Во всяком случае, Нете она не достанется ни при каких обстоятельствах.

Ну что ж, подумал он, пора торговаться. Он поднял голову.

— Нете, ты слышишь меня?

Ее лицо появилось над ним. Она раздвинула траву, и на лицо Сойера стали падать дождевые капли.

— Если ты вытащишь меня, — сказал он, — мы сможем договориться с тобой.

Она протянула руку.

— Я не верю тебе. Дай сначала Птицу.

Сойер вздохнул. — Хорошо. Только протяни руку пониже, а то мне не достать.

В футе от его лица появилась тонкая длинная рука. Сойер рассмеялся и схватил ее за запястье. Затем он сильно дернул за руку. Предупредительный рывок.

— Ну, давай, тащи меня, а то мы оба рухнем вниз.

Крик дикой ярости раздался прямо у него над головой, заставив Сойера невольно содрогнуться. В то же мгновение рука стала яростно извиваться, стараясь стряхнуть его руку. Держать эту руку было не легче, чем извивающуюся змею. Корень, на котором он висел, стал угрожающе трещать. Сойер стиснул зубы, стараясь не выпустить руку Нете. Он висел на руке, сражаясь за свою жизнь, и кричал:

— Прекрати, Нете! Прекрати! Держи спокойно, а то мы оба рухнем вниз! Тащи меня вверх!

Но она только яростно шипела и старалась вырваться.

— Я не могу вытащить тебя, идиот! — наконец прошипела она.

— Так какого же черта ты торговалась со мной? — сказал Сойер, еще крепче вцепляясь в ее руку. — Ну? Тащи меня наверх, или мы вместе свалимся!

Он услышал, как воздух с шипением вырывается между ее зубами, и улыбнулся, увидев над собой лицо, освещенное дикой яростью, которой горели ее огромные нечеловеческие глаза. При виде этого искаженного злобой лица сердце Сойера сжалось. «Тот, у кого такое лицо, — подумал он, — никогда не согласится уступить. Она скорее погибнет».

— Я соскальзываю, — сказал он спокойно и неторопливо. — Мои руки вспотели и не могут удерживать корень. Решай быстрее, Нете.

Злобные глаза сверкнули, глядя вниз, в бездну под ним. Рука скользила по корню все быстрее и быстрее. Нете сползала с обрыва и злобно шипела. Она уже была на самом краю, и сережки в ее ушах, словно маленькие лампы, освещали ей путь к гибели. Затем Сойер услышал треск — корень сломался.

— Ну, что ж, — сказал он, глядя в лицо Нете. — Жизнь интересна, пока она продолжается.

И вот они оба повисли. Удерживал их только корень, которого не видел Сойер, и за который отчаянно цеплялась Нете. Вдруг на ее лице появилось какое-то странное выражение. Потом Сойер понял, что она смотрит в бездну под ними, и гримаса на ее искаженном злобой лице означает не менее злобное торжество.

Нете рассмеялась — и выпустила корень.

Какие мысли промелькнули у него в голове, когда они начали падать? Этого он не успел осознать. Время для него остановилось.

Он взглянул вверх и увидел отверстие, в которое провалился он сам и куда только что соскользнула Нете. И над краем отверстия среди травы он заметил темное мужское лицо, смотрящее на них. Он видел все это с удивительной ясностью: и лицо, и край отверстия со свисающей травой, что, тая на глазах, быстро удалялись от него. Лицо мужчины, лежащего на краю обрыва, запечатлелось у него в мозгу, как на фотографии. А затем это лицо скользнуло куда-то вбок и исчезло.

Они летели вниз, и их, словно хвост — комету, сопровождал громкий чистый смех Нете.

Они летели вниз, и ветер свистел у них в ушах. И летели они прямо в грозовые облака, что проплывали под ними, готовые, каза-

лось, принять их. Может, именно поэтому так торжествующе смеялась Нете, бросаясь вместе с ним в бездну? Ведь она, прежде чем сделать это, увидела что-то внизу. Но как могут эти облака спасти их?

Но внезапно Сойер с удивлением увидел, что это не облака, не тучи — это... кроны деревьев...

Вокруг них затрещали ветви, листья хлестали их по лицам. Сучья пружинисто согнулись, принимая их тела, а затем выпрямились, подбросив их в воздух. Сойер подумал, что падения им не избежать, но деревья в этом мире оказались более дружелюбно настроенными к нему, чем люди. Дважды они опускались на кроны деревьев. Чем могут помочь им эти плывущие по воздуху джунгли, Сойеру было не понятно. Но приятно было чувствовать под собой опору.

«Хорошее дерево, — подумал он. — Умное, доброе дерево, держи меня».

И тут дерево стукнуло его по голове обломанным сукон. Впервые в своей жизни Сойер с удовольствием лишился чувств.

Ему казалось, что он лежит на твердой булыжной мостовой. Серебристо-серые тени мелькали перед глазами. Вымошенные камнями облака были выше его понимания, и он приподнял голову, чтобы рассмотреть все получше, но тут же чья-то рука придавила его голову к камням, и он больно стукнулся затылком.

— Где же она? — послышалось яростное шипение Нете. Она, должно быть, стаскивала с него плащ, потому что рванула его с такой силой, что Сойер покатился по булыжникам, и звезды засверкали у него перед глазами. — Что ты сделал с Огненной Птицей? Я знаю, она была у тебя! Где она?

Нете наклонилась к нему. Ее сверкающие глаза были в футе от него, яркие фонарики сережек в ее ушах слепили Сойера. Над ним в серебряном полумраке темнела листва деревьев. И сквозь листву он видел в небе темную громаду верхнего мира, до которого было футов пятьдесят. Дождь косыми струями поливал деревья.

— Может, я выронил ее? — сказал Сойер, пытаясь подняться. — Где мы? На облаке?

— Мы на одном из плавающих островов, — нетерпеливо ответила Нете. — Ты выронил ее? — И тут же яростно затрясла Сойера. — Отвечай!

Сойер почувствовал боль в том месте, где его ударил сук. Он посмотрел на дерево. Обломанные ветви и сбитые листья указали ему путь, по которому они прибыли сюда. То, что они остались живы после такого падения, было чудом, хотя и не самым удивительным из того, что с ними уже случилось.

— Значит, темное облако маскирует плавающий остров? А что такое плавающий остров? На чем он держится? — Сойер с размаху врезал кулаком по камням.

— На чем держится солнце? — злобно отозвалась Нете. — Откуда я знаю? Где Огненная Птица? Отвечай мне, пока я тебя не убила!

Сойер понял, что если Нете догадается, что Огненная Птица пропала для нее навсегда, то запросто приведет свою угрозу в исполнение.

— Обращайся со мной поосторожнее, и тогда я скажу тебе, — быстро проговорил Сойер. — Я выронил Птицу, когда мы падали, но я заметил место. Ты никогда не найдешь ее без...

Она быстро огляделась вокруг.

— Куда она упала? — спросила она. — Быстро!

— Я не скажу тебе.

Похожая на змею рука обрушила на него сильный удар, и тотчас, схватив Сойера за руку, Нете принялась выкручивать ее. Сила ее была огромна.

— Отвечай мне, Хом! — шипела Нете сквозь зубы.

Энергия, которую дала Сойеру Огненная Птица, позволила ему сопротивляться. Он извернулся и нанес Нете сильный удар ребром ладони по шее, прямо под сережку.

Плоть ее оказалась холодной и твердой, совершенно нечеловеческой. Удар только привел ее в бешенство. Она зашипела и еще сильнее вывернула ему руку. Мышцы Сойера были готовы лопнуть от напряжения, суставы трещали. Пот ручьями стекал с его лба. Он сжал зубы и, преодолевая боль, прохрипел:

— Ну, давай, ломай руку.

Она с удивлением посмотрела на него.

— Я не Хом, — ровным голосом сказал он. — Ломай. Я не буду говорить. Ты можешь убить меня, если не хочешь договориться по-хорошему. Но...

Она еще сильнее вывернула руку. Сойер застонал от боли и попробовал повернуться вслед за рукой, стараясь спасти ее, пока еще имелась такая возможность. Но Нете непременно сломала бы ему руку в ближайшие несколько секунд, если бы не вмешался кто-то третий.

Откуда-то сверху упал камень, который попал Нете прямо в лоб. Она выпустила Сойера, и тот в изнеможении упал, массируя руку. Несмотря на боль в руке, он думал о том, что камень такой величины, брошенный с такой силой, должен был бы разнести череп Нете вдребезги. Он был почти уверен, хотя все произошло мгновенно, что перед тем, как камень попал в лоб Нете, из ее головы вырвалось сияние, которое смягчило удар. Да, конечно, оно вырвалось из головы. Значит они, Изверы, действительно неуязвимы? Тогда понятно, почему Нете вот так запросто бросилась вниз на этот плавающий остров. По сути, она ничем не рисковала. А вот Сойер неминуемо бы разбился, если бы ветви деревьев не смягчили удар.

Впрочем, думать об этом уже не было времени, поскольку Нете еще не успела упасть на землю, как с деревьев послышался ужасный шум. И на них, как лавина, обрушилась орда каких-то существ.

Разглядеть их толком Сойер не мог. Правда, особого желания у него и не было: от одного взгляда на приземистые фигуры с вросшими в плечи головами его замутило. Ну, *эти* уж точно не были людьми!

Даже Изверы по сравнению с ними казались настоящими землянами.

Но эти существа ходили на двух ногах, могли кидать камни, и у них было даже оружие: в толпе, окружившей его и Нете, Сойер видел сверкание длинных ножей.

Пока Сойер тщетно пытался привести в порядок смятенные мысли, а Нете, пошатываясь, поднималась с земли, источавшие запах мускуса существа, двигаясь с немыслимой быстротой, даром времени не теряли. Сойер почувствовал, как сильные руки схватили его. Он попробовал было вырваться, но тщетно. Его подняли с земли с такой легкостью, как будто он весил не более фунта. Оставалось только благодарить судьбу, что они не сломали ему руки и ноги, и не вывихнули суставы.

Он огляделся вокруг. Какого же они роста? Казалось, что они все время меняют свой рост. И затем он понял почему: головы существ, словно головы черепах, могли втягиваться в плечи и вытягиваться на длинной суставчатой шее. Сойеру показалось, что их могучие руки вовсе лишены костей, поскольку гнулись они во всех направлениях.

Дышали ему прямо в лицо горячим мускусом, они передавали его друг другу, обмениваясь странными звуками, похожими на странную смесь похрюкиваний и свиста. Сойер решил, что эти звуки не имеют ничего общего с членораздельной речью, и разум в их маленьких головках пребывает в зачаточном состоянии. В полутьме их большие, светлые, совершенно пустые глаза светились, как драгоценные камни.

Один из них издал звук, подобный удару в барабан и протянул к обе руки к лицу Сойера. Большие, холодные, пахнущие мускусом, они ощупывали его лицо, уши, крутили его голову. Сойер понял, что еще секунда, и это чудовище свернет ему шею.

Между растопыренными пальцами большой руки этого любознательного монстра он увидел Нете, которая сражалась с врагами, и с гораздо большим успехом, чем он.

Он крикнул ей, хотя ладонь заглушила его голос:

— Нете! Нете!

На миг ему показалось, что яростный взрыв разметал кольцо монстров, окружавших Нете. Ладонь дикаря мешала Сойеру увидеть все подробно, но он разглядел, как Нете, услышав его крик, словно бы обрела новые силы. Она рванулась так, что ее враги разлетелись в стороны. Лицо ее светилось изнутри, глаза горели, как фонари, она двигалась с такой быстротой, что оставляла после себя в воздухе огненные языки.

И тут же раздался ее крик, подобный удару гонга. Ни одно человеческое горло не могло бы издать такой крик, такой резонирующий, такой продолжительный, такой чистый. Сойеру показалось, что в воздухе поплыли отдельные светящиеся круги звуковых волн.

Реакция дикарей оказалась неожиданной. Руки, сжимавшие Сойера, разжались, и он стоял, массируя болевшую шею и с удивлением оглядываясь вокруг. Все черепахи головы повернулись к Нете, каждая пара пустых блестящих глаз смотрела только на нее.

Сойер, воспользовавшись неожиданной свободой, выхватил из ближайших рук длинный нож и вонзил его по самую рукоять в грудь дикаря.

— Не надо! — крикнула Нете с другого конца поляны. — Не теряй времени... слушай! Сбрось плащ. Избавься от него, пока ты не погиб!

Подчинившись приказу, Сойер стал снимать плащ и краем глаза посмотрел на дикаря, которого он пронзил ножом. Тот не отрывал взгляда от Нете. Он даже не взглянул на нож, торчащий у него из груди. Только рука его поднялась и вытащила нож с такой небрежностью, как будто это была заноза, вонзившаяся ему в кожу. На груди дикаря не оказалось никакой раны. Темная плоть мгновенно затянулась, едва нож вышел из груди. На коже не осталось ни следа. Только с лезвия ножа скатились две капли золотой жидкости, которые тут же исчезли.

«Неуязвимы! — подумал Сойер, и страх шевельнулся в нем. — Здесь все неуязвимы, кроме меня».

Но затем думать ему стало некогда, ибо плащ в его руках стал невыносимо горячим.

Сойер отбросил его как раз вовремя, потому что в следующее мгновение упавший на землю плащ вспыхнул ярко-белым пламенем.

Блестящие продолговатые глаза дикарей проследили за его полетом и больше не отрывались от яркого света. Белое пламя не отражалось в них, дикари смотрели на него, как загипнотизированные. Нете и Сойер были забыты. Пламя притягивало дикарей, они тянулись к нему, как мотыльки.

Сойер содрогнулся при мысли о том, какой ужасной смерти могла бы подвергнуть его Нете, если бы захотела, если бы его жизнь не была нужна ей. Как она сделала это, оставалось для него загадкой, но он видел своими глазами, как невообразимо черный плащ превратился в ослепительное белое пламя, которое разгоралось все ярче и ярче, черпая энергию из какого-то неведомого источника. Дикари тянулись к нему, возбужденно толпились вокруг, к ним присоединялись и другие дикари, выбегающие из леса.

Сойер заметил, как Нете пробирается сквозь загипнотизированную толпу к нему. Фонарики ее сережек слабо светились в темноте. Сойер понял, что опасность приближается. Она спасла его потому, что он был ей нужен, но если Нете достигнет его, конец неминуем.

Он резко повернулся и побежал...

VIII

За деревьями на фоне серебряного туманного неба вырисовывалась темная гряда холмов. Сойер с трудом бежал вверх по склону, думая лишь о том, как убежать подальше от Нете. Он не забыл, что находится на острове, который совершенно немислимым образом плавает в пространстве. Он внимательно смотрел под ноги и вскоре между холмами увидел ключья серебристо-серого тумана. Должно быть, там был конец тверди.

Так и есть. Сойер взбежал на вершину и с трудом остановился, ухватившись за ствол дерева. И он, и дерево находились на самом краю бездны. Это был край острова. Ключья тумана плыли прямо у его ног. Корни дерева свисали вниз, совсем как у того дерева, за которое он уцепился наверху. Сойер заметил, что корни слегка отклонены назад, значит, остров двигался.

Держась за дерево, Сойер перегнулся через край. Он увидел — то, что он принял за темные тучи, на самом деле было островами. Их было много. Они медленно плыли между верхним миром и далеким, таинственным миром внизу. Он подумал, что эти острова — как ступени лестницы. Если повезет, то перебираясь с острова на остров, по мере того, как они поднимаются и опускаются в своем неторопливом дрейфе, можно добраться до нижнего мира...

Так вот почему ворота города так тщательно охраняются! Там все время ждут нападения!

Он посмотрел вверх и у него перехватило дыхание. Нижняя поверхность верхнего мира светилась алым пламенем, на фоне которого мелькали ослепительно белые вспышки. «Должно быть, так выглядит конец света», — подумал Сойер. Но потом он понял: это всего лишь зловещие отблески пылающего плаща. Плащ светился так ярко, что отблески достигали верхнего мира.

Сойер оглянулся и успел заметить, что к нему стремительно приближаются две светящиеся точки. Нете настигала его. Сойер ухватился за дерево и стал молить Провидение, чтобы оно вспомнило о нем. Ведь сейчас он находился буквально между адом и дьяволом. Нете отрезала ему путь к отступлению, и перед ним была пучина, бездна.

Нете заметила его силуэт на фоне серебряного неба и торжествующе захохотала. Музыкальный смех разнесся по долине.

— Ну, вот он, твой последний шанс! — крикнула она ему. — Если ты скажешь мне, где Огненная Птица до того, как я схвачу тебя, я оставлю тебе жизнь.

Сойер взглянул вниз.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — Остановись. Если ты хочешь говорить со мной, я услышу и отсюда. Только стой на месте, потому что я скорее спрыгну вниз, чем позволю тебе убить меня.

Нете рассмеялась, правда, не слишком уверенно. Она замедлила шаг, но продолжала идти. Сойер склонился над бездной. Камни из-под его ног полетели вниз.

Нете остановилась.

— Осторожнее, Хом! Ты можешь упасть. Я...

— Я не Хом, — терпеливо сказал Сойер. — Ты не сможешь повелевать мной. Я знаю, куда упала Огненная Птица. Совсем не на этот остров. — Он посмотрел вниз и ему показалось, что на острове под ними движутся люди.

— Скажи мне, и я спасу твою жизнь, — предложила Нете и сделала шаг вперед. Сойер столкнул еще один камень, и Нете сразу остановилась.

— Должен еще раз предупредить, что я действительно брошусь вниз, если ты подойдешь ко мне, — сказал Сойер. — Скажи, почему ты прыгнула на этот остров? Разве ты не знала, что он кишит дикарями?

— Я вовсе не предполагала прыгнуть именно на этот остров. Если бы ты не зацепился за корни, когда упал с обрыва, мы бы спрыгнули на другой остров и...

— Так вот в чем дело, — пробормотал Сойер. — Сбросить Альпера и убить его. Таков был твой план. А затем ты хотела ограбить мертвеца. Но ты не на того напала. Что ты предложишь мне, если я верну тебе Огненную Птицу?

— Смерть, если ты ее не вернешь! — выкрикнула Нете и продвинулась вперед на три шага. — Она у тебя?

Сойер спихнул еще один камень в пучину.

— Представь, что это я. Вместе с Огненной Птицей. — Она неохотно остановилась. — Нет, у меня ее нет, — продолжил он, — да ты и сама это знаешь. Ведь ты обыскала меня. Неужели ты думаешь, что если бы она была у меня, я остался бы здесь? Я открыл бы Врата и вернулся бы туда, откуда пришел.

— Идиот, ты не смог бы открыть Врата! — презрительно бросила Нете.

— Альпер открыл, — напомнил ей Сойер.

— Он смог открыть Врата потому, что я отперла замок, — сказала она. — Если бы замок не был отперт, то Огненная Птица ничего не смогла бы сделать, разве что вызвать настоящих Огненных Птиц.

— А что такое настоящие Огненные Птицы?

Она не успела ответить. Воздух содрогнулся от нового звука, и они оба посмотрели вверх. Оттуда доносились тяжелые глубокие удары большого колокола, от которых остров, казалось, содрогался до самого основания.

— Это колокол тревоги, — сказала Нете, повернувшись в ту сторону, откуда доносился звук. Сейчас на Сойера смотрела только ее бесстрастная маска. — Они заметили, что острова поднимаются.

Не успели еще стихнуть звуки первого колокола, как эстафету подхватил другой, более удаленный, а за ним третий. Сойер представил себе, что сейчас происходит возле городских ворот, и от всей души пожелал защитникам, чтобы их похожее на трубы оружие оказалось более эффективным в бою с дикарями, чем нож, который он вонзил в грудь одного из этих созданий.

— Они действительно неуязвимы? — спросил он у Нете. — Я имею в виду дикарей.

— Селли? Да. Как и мы.

— Но ведь против вас есть оружие.

— Только не у тебя, Хом. — Она рассмеялась и снова повернулась к Сойеру. Глаза ее горели злобой. — Все живое уязвимо. Но только Богиня имеет право воспользоваться оружием, которое может убить Извера. Не бойся: Селли тебе ничего не сделают. Неужели ты думаешь, что эта небольшая шайка сможет устоять против Извера?

Сойер взглянул на острова, которые плыли под ним. Возможно, маленький отряд дикарей ничего не сможет сделать с Нете. Но если дикарей будет много? Он вглядывался во мрак бездны, который сейчас прорезали алые и пурпурные сполохи.

У него под ногами в такт неумолимому барабану тревоги содрогались камни. Сойер вспомнил об Иерихонских трубах, чьи звуки разрушали городские стены... И вдруг — может быть, то было всего лишь совпадение, но в его мозгу вдруг возник давно знакомый звук, и ему снова показалось, что его мозг отделяется от черепной коробки...

«Альпер, — подумал он. — Проснулся. Колокол... Это колокол привел его в чувства. Он поднялся, осмотрел пустую камеру, попытался вспомнить, что с ним произошло. — Сойер представил себе все очень четко. — Вот он вспомнил обо мне. Вот его рука уже в кармане, пальцы нащупали управляющую кнопку...»

Сойер представил себе, как Альпер мечется по камере, бросается на стеклянные стены. Лицо его багровеет от гнева. Но вот он нащупывает в кармане листок бумаги. Сойер подумал: спасет ли его эта записка? Жизнь его была в кармане Альпера. Альпер мог убить его простым нажатием пальца, словно они находились в одной комнате, и в руке Альпера был заряженный пистолет. Если ярость заставит палец Альпера нажать кнопку до того, как он осознает смысл записки...

— Альпер, — громко сказал Сойер. — Ты слышишь меня?

Отдаленный грохот нарастал в его мозгу, но затем он начал стихать. Потом прекратился. Альпер слушал его.

— Что такое Огненная Птица? — спросил Сойер, тщательно выговаривая слова. Он представил себе, как передатчик в его черепе уже приготовился принять убийственные сигналы, но Альпер хотел знать ответ на этот вопрос. Он интересовал Альпера не меньше, чем Сойера. Чтобы еще больше заинтересовать Альпера, Сойер добавил: — Что это такое, Нете?

— Ключ, — нетерпеливо ответила Нете. — Ключ к другим мирам. А кроме того, это линза Источника. Линза? Затвор? Я плохо

знаю ваш язык. Может быть, в нем нет эквивалента для обозначения Огненной Птицы. Да и какое тебе до нее дело? Тебе все равно не удастся воспользоваться ею. Предупреждаю тебя — лучше не пытайся. Ты можешь высвободить силы, которыми не могут управлять даже Изверы. Скажи мне, где Птица, и я обещаю тебе жизнь и безопасность.

— Ха, — сказал Сойер, наклоняясь над пропастью. — Это самое щедрое обещание, которое я получал когда-либо за всю свою жизнь. — Он рассмеялся. Ему стало немного легче. Все-таки пока что и Нете, и Альпер не могут обойтись без него. Нужно воспользоваться этим и выжать из ситуации как можно больше.

Глаза Нете сверкнули:

— Слушай, Хом! Моя жизнь зависит от того, верну ли я себе Огненную Птицу. Богиня ненавидит меня. Через три дня ей придется уступить свое место мне. Я хотела переждать эти три дня в вашем мире. Тогда Двойная Маска автоматически перешла бы ко мне.

Но ты и твой друг Альпер нарушили все мои планы. Из-за вашей глупости я вернулась в Хомад без Огненной Птицы. За это я убью Альпера, как только доберусь до него. Мне сейчас опасно находиться в Хомаде, даже с Огненной Птицей. Но с ней, по крайней мере, я могу скрыться, пройдя через Врата между мирами. А без нее я совсем беспомощна.

За мной следят те, кто охраняет Богиню. Если они схватят меня, мне придется вступить с ней в противоборство на Церемонии. Одна из нас должна будет погибнуть. Будь у меня Огненная Птица, я бы выиграла, а теперь...

— Может, мне лучше заключить союз с Богиней? — доверительно спросил Сойер. — Альпер, ты слышишь меня? — Последние слова предназначались и для Нете.

— Хом! — свирепо выкрикнула Нете. — Животное!

— Назад, — велел Сойер. — Я действительно хочу договориться с тобой. Например, можешь ты отослать меня обратно в тот мир, откуда я пришел? — И поспешно добавил: — С Альпером, конечно. И с Клей, если она пожелает.

— Клей сейчас повсюду ищут. Ее должны принести в жертву на Церемонии. Но тебя я могу отослать обратно. И Альпера тоже. А теперь давай мне Огненную Птицу...

— Не стоит торопиться, — посоветовал ей Сойер. — Что можешь ты сделать для меня такого, чего не может Богиня?

— *Я могу оставить тебе жизнь!* — выкрикнула Нете и сделала еще шаг вперед. — Богиня не знает ничего! *Ничего!* Только я могу отослать тебя обратно!

— Очень интересно... если это правда, — пробормотал Сойер и взглянул в пучину, где плыли острова. Свет уже достигал самых нижних из них, и Сойер видел какое-то движение между деревьями.

— Если ты сможешь доказать мне свои добрые намерения, то я поверю тебе, — сказал Сойер. Он надеялся, что Альпер их слушает и сможет заметить любую фальшь в словах Нете, которую он, Сойер, может пропустить.

Нете бросила на него ненавидящий взгляд и сказала:

— Изверы — боги. Почему я говорю с тобой, животное? Нет, нет, я должна говорить. Я расскажу тебе все. Когда-то очень давно мы тоже были смертными. Конечно, по своему развитию мы были выше вас, людей, но все же были смертными. Так было до тех пор, пока не было сделано величайшее открытие, изменившее нас. Это случилось тысячу лет назад, и в совсем другом мире. Мире, который ты сейчас можешь увидеть внизу. Между Хомадом и нижним миром в гравитационных потоках плавают эти острова.

Наши ученые создали Источник Миров, и мы обрели бессмертие. Мы полностью изменились. Изменились наши тела — как внешне, так и внутренне. Но, тем не менее, мы остались самими собой. В вашем мире есть аналогия тому, что произошло с нами: превращение элементов, изотопов. Именно это делает с нами Источник. Мы сами стали изотопами. Мы стали богами... и все же мы нуждаемся в энергии.

И черпаем мы ее из Источника. Он дает нам бессмертие. Нашим телам ничто не может повредить, мы все можем излечить мгновенно. Нам не нужно есть, пить, спать. Я попробую тебе рассказать, что такое Источник, и тогда даже твой ограниченный разум сможет постичь опасность Огненной Птицы.

Во Вселенной множество миров. Множество состояний материи. Ты об этом знаешь? Ты знаешь, например, что ваше Солнце совсем не такое, как ваша Земля? Так вот, различных состояний материи множество, гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Например, миры, целиком состоящие из газа. Миры, недоступные вашим органам чувств, но, тем не менее, столь же реальные, как и ваша Земля.

Хомад — это мир, где состояние материи отлично от вашего мира. Ваше Солнце и ваши миры невидимы для нас, как и наши миры для вас, ибо существуют элементы, которые легче водорода и тяжелее трансурановых.

Но хотя мы не видим ваши миры, они доступны для нас благодаря Источнику. Как вы получаете энергию от вашего солнца, так и мы получаем ее от других миров с помощью Источника.

— Преобразователи, — пробормотал Сойер. — Живые преобразователи. Эх, взглянуть бы на ваш рентгеновский снимок — сразу бы все встало на свои места! Кто знает — может у вас внутри сплошные электромагнитные катушки?! Впрочем, дело не в этом. Ты еще ничего не сказала об Огненной Птице.

— Птица — это регулятор энергии в Источнике. Это часть Источника. Она должна все время находиться в Источнике, но ее украли... — Нете запнулась, но потом решительно продолжила: — Украли Богиня. И с тех пор начались наши беды. В последние годы мы плавали возле вашего мира, где оказались богатые залежи урана. Они находятся у вас на полюсе, на Северном полюсе. А наш полюс — это Источник. К сожалению, он у нас южный, и это еще более усугубило наши беды.

Ваш уран оказался для нас слишком мощным источником энергии. Вы, люди, даже понятия не имеете, насколько опасен уран, хотя делаете из него бомбы.

Обычно, когда мы приближаемся к такому мощному источнику энергии, Огненная Птица складывает крылья и отключает Источник — на то время, пока опасность не минует. В противном случае Источник поглотит столько энергии, что сгорит сам, и мощь его спалит Извергов.

— Значит, Птица — прерыватель реакции, — сказал Сойер. — Ясно. И что дальше?

— Когда ваш мир проплывал мимо нашего, и Огненная Птица сложила крылья, отключив Источник, Богиня была одна. Она вынула Птицу из Источника. Ведь в этот момент можно без опаски взять ее, а такое случается редко. И едва контрольное устройство, Огненная Птица, было вытащено, два мира притянулись друг к другу северным и южным полюсами. Теперь они никогда не разделятся, пока Птица не займет свое место.

Два мира сомкнулись между собой, но Источник мертв. Изверги получают все меньше и меньше энергии. И не понимают — почему. Только я и Богиня знаем все, но она понятия не имеет, *что такое* Огненная Птица. И понятия не имеет, где теперь Огненная Птица.

Временами, когда наш мир проплывает через пространство, где нет источников энергии, нам неоткуда пополнять ее запасы, и тогда мы должны приносить жертвы Источнику. Благодаря этому мы восполняем энергию до тех пор, пока не окажемся там, где есть энергия. Изверги считают, что именно это и произошло сейчас.

Но это не так. Энергия не будет поступать к нам, пока Огненная Птица не будет снова помещена в Источник. А пока что приходится приносить жертвы, чтобы сохранить жизнь и бессмертие Извергов. Это дает нам энергию, но очень мало. Близится катастрофа. Если Изверг получает энергии меньше, чем тратит, то в нем что-то меняется. Примерно то же происходит и с изотопами.

Сойер вспомнил о превращении урана в нептуний, затем в плутоний, а затем снова в уран, но уже с другой массой и другими свойствами.

— Это происходит потому, что они нестабильны, — пробормотал он. — Нептуний теряет электрон и... Продолжай. Во что же превращаются Изверги?

Нете бросила на него подозрительный взгляд.

— Они... они превращаются в облако пара. А потом, много позже, возвращаются... ты видел их в Ледяном Зале. Именно это я имела в виду, когда говорила о странных переходах из одной формы в другую. Что происходит с Извергами в это время, не знает никто.

Она нетерпеливо шагнула вперед.

— Теперь ты знаешь все. Ты вернешь мне Огненную Птицу или предпочтешь спрыгнуть вниз?

— А кто эти дикари? — спросил Сойер, стараясь, чтобы Альпер узнал обо всем.

— Таково наше наказание за то, что Богиня похитила Огненную Птицу. Все неприятности будут продолжаться до тех пор, пока Птица не вернется на место. Я забрала Птицу у Богини. И когда сама стану Богиней, я верну Птицу в Источник и избавлю свой народ от мучений.

— А почему бы тебе не вернуть Птицу Богине? — предложил Соьер. — Странно, что она совершила подобную глупость. Ведь она же Богиня. А может, вор — это вовсе не она, Нете?

— Нет-нет, это она, — быстро ответила Нете. — Она хотела энергии, много энергии, больше, чем мог дать ей Источник. Почему я должна вернуть ей Птицу и позволить сохранить Маску и Мантию? Когда я буду Богиней, я устраню все беды. А сейчас пусть она страдает за то, что совершила.

Соьер задумчиво посмотрел на нее. Он давно уже понял, кто стащил Птицу из Источника. Он надеялся, что Альпер слышит все. Сможет ли Альпер передать весь этот разговор Богине, которая будет его допрашивать? Если, конечно, старик слышал все это...

— Я все еще не понимаю, что из себя представляют настоящие Огненные Птицы. И есть ли связь между ними и этим маленьким талисманом?

— Этого я тебе не скажу! — рявкнула, внезапно рассвирепев, Нете. — Давай, прыгай вниз, если тебе так хочется. Единственное, что тебе следует о них знать, это то, что они питаются энергией урана в вашей шахте на полюсе. А еще они могут пить энергию из Хомов. И из тебя тоже. Надеюсь, что так и случится.

Она злобно посмотрела на него.

— А что произойдет, — спросил Соьер, — если Богиня узнает, что Птица у тебя?

— Возможно, она и так уже знает. Но она постарается, чтобы никто больше не узнал о том, что Птица исчезла из Источника. Источник был доверен ей. Думаешь, она захочет, чтобы все узнали о том, что она позволила... что она украла Птицу?

Соьер хмыкнул. Он был уверен в том, что талисман украла сама Нете. Должно быть, она прочла это по его лицу, потому что продолжала:

— Что, хочешь пойти к ней и все рассказать? Ну, во-первых, Богиня заставит тебя признаться, где ты прячешь Птицу. Она, в отличие от меня, запросто может это сделать. А во-вторых, она позаботится о том, чтобы ты замолчал навсегда — ведь тогда никто больше не узнает о том, что Богиня не оправдала доверия Извергов. Она носит Двойную Маску и намеревается носить ее и дальше. Но для этого ей надо убить меня во время Церемонии Открытия. А если я умру, то Богине не будет никакого дела до какого-то там Хома вроде тебя. Как ты думаешь, почему я ждала тебя не возле самого Замка?

— Ты чего-то боишься?

— Конечно. Солдат Богини. Я не подчинилась вызову на Церемонию. И я постараюсь прятаться от Богини. Но укрыться от нее можно только открыв Врата, ибо Богиня не сможет последовать за мной.

— Врата? На Землю?

Нете пребывала в нерешительности.

— А может быть, куда-нибудь еще? — ехидно продолжал Сойер, не сводя с нее глаз. — В урановой шахте ты хотела куда-то увести Клей, чтобы допросить ее. Я уверен, что не в Хомад. А потом нас всех засосало в... — Сойер помолчал, а затем добавил: — Скорее всего, ты собираешься туда, куда хотела забрать Клей. Но без Огненной Птицы путешествие тебе не совершить. Ветер в тоннеле тащил нас всех, кроме Альпера, у которого была Огненная Птица.

— Значит, ты теперь понимаешь, — нетерпеливо сказала Нете, — что я в отчаянном положении. Город кишит солдатами, которые хватают Хомов, чтобы принести их в жертву на Церемонии. Источник поглотил уже много жизней. Для Богини не составит особого труда схватить меня, так что я должна получить Птицу. Впрочем, можешь прыгать. — Она сделала несколько шагов вперед. — Думай, животное. Да или нет?

Сойер посмотрел вниз, в темную бездну, пронизанную косыми лучами пылавшего за холмом светила. Он видел движение на поднимающихся островах.

— Подожди, Нете, — сказал он. — Ты кое-что не учла. Я не знаю, понимаешь ли ты это, но твой огонь, похоже, привлек внимание дикарей, которых ты называешь «Селли». Я думаю, что в Хомаде скоро поднимут тревогу. Вставай на камень и посмотри сама. Не приближайся! Я могу спрыгнуть!

Она презрительно зашипела на него и затем вскочила на камень, чтобы увидеть то, о чем он говорил. И буквально задохнулась от злости.

В красноватых сполохах отраженного от нижней поверхности Хомада огня было видно, что поднимающиеся острова буквально кишат дикарями. Они стремились к пламени, прыгали с острова на остров, хватались за торчащие корни, влезали вверх, ни на секунду не отводя своих пустых сверкающих глаз от притягивающего их света, точно пребывая под гипнозом.

И в этот момент земля под ногами Сойера содрогнулась, как припорошенная лошадь. Нете выругалась и свалилась с камня, на который только что взобралась. Сойер инстинктивно ухватился за ствол дерева, и это спасло его от падения. Он ударился головой о ствол, и из глаз посыпались искры.

Затем остров под ним вдруг накренился, и по лицу Сойера вновь захлестали мокрые сучья. Он поднял голову как раз вовремя. Остров поднялся и вплотную приблизился к Хомаду. Корни деревьев Хомада сплелись с верхушками деревьев острова.

А над головой, подобно райским вратам, сквозь тьму и дождь смутно проглядывали железные ворота и каменные стены города. Ворота были распахнуты. Гулкий звон колоколов разносился по всему городу.

Сойер не сводил с него глаз, вцепившись в дерево мертвой хваткой.

IX

Лавина человеческих тел переклестывала через край верхнего мира. Отблески света выхватывали из тьмы стальные трубки и катушки таинственного оружия Хомов, сверкающего подобно штыкам.

Хомы с воплями бежали вперед.

В ответ, точно эхо, слышался глухой вой дикарей. Черепашьи головы втянулись в квадратные плечи, длинные руки извивались, ножи сверкали. Дикари ринулись навстречу людям.

И, перекрывая воинственные кличи Хомов и завывания Селли, трижды ударил гонг. Сильный ясный чистый звук волнами разносился по воздуху. И среди лавины людских тел, мчащейся через городские ворота, появились три богоподобные фигуры.

Трое Изверов с гордо поднятыми головами и расправленными плечами возвышались над людской толпой, размахивая над головами Хомов огромными, похожими на молнии огненными кнутами. Раскаты грома сопровождали удары этих молний. Изверы кричали, и голоса их, сильные, звенящие золотом, были подобны голосам разгневанных ангелов.

«Теперь, пожалуй, Хомы могут справиться с дикарями», — решил Сойер.

При первых же звуках голосов Изверов Нете резко повернулась, яростно шипя. В полном злобы взгляде, которым она одарила Сойера, промелькнула тревога. Она нерешительно шагнула к нему. Тот среагировал немедленно и перегнулся через край, сказав через плечо:

— Ты ничего не добьешься. Я спрыгну, и ты это знаешь.

Она никак не могла выбрать между желанием схватить Сойера и необходимостью бежать от Изверов. Сойер в который раз отметил про себя странные эль-грековские диспропорции ее человекоподобной фигуры.

— Не думай, что ты выиграл, — прошипела она. Глаза ее горели яростью. — Я сказала тебе слишком много, и теперь твоя жизнь висит на волоске. Ты не скроешься от меня! Я... — Не договорив, она свирепо улыбнулась ему и затем одним грациозным змеиным движением скрылась за камнями. Она побежала по направлению к холмам, прочь от места, где разыгрывалась битва.

Сойер пытался разглядеть ее, но она уже исчезла. Или нет? Он сделал несколько осторожных шагов от обрыва, наблюдая за сражением.

Первые ряды Хомов и лавина дикарей уже столкнулись, и это столкновение заставило остров содрогнуться.

Изверы величественно шагали вперед среди этого хаоса. Их кнуты-молнии рисовали в воздухе огненные кольца, которые разрывались со страшным грохотом. Звенящие золотом крики заглушали

глухой вой дикарей и воинственные крики Хомов. А над всем этим хаосом катился тревожный звон колоколов, от которого вибрировал воздух. Полузатухшее пламя плаща озаряло битву снизу, точно пламя ада.

Сойер увидел, как выступивший вперед Извер и Селли сошлись лицом к лицу в кошмаре битвы. Казалось, огненная искра ненависти проскочила между ними. Глаза дикарей сверкали, а лицо Извера зажглося пламенем божественного гнева. Он взмахнул кнутом, раскрутил молнию в воздухе, и огненное кольцо захлестнуло безобразных рептилий.

Селли выли, шатались, падали... но не умирали. Сойер открыл рот от изумления. Он видел, как оглушенные дикари поднимались, трясли головами, и снова шли в бой.

Внезапно Сойер заметил, как между холмами что-то зашевелилось, и вскоре там показалась голова человека. Тот взмахнул рукой, что-то крикнул и тяжело затрусил по направлению к Сойеру. Сойер сразу же бросился к своему дереву, готовый прыгнуть вниз, если это окажутся штучки Нете.

Бегущий Хом приближался к Сойеру, тяжело дыша и махая рукой. Он что-то выкрикивал на ходу, но Сойер не мог понять, что именно, и поэтому не знал, как себя повести.

И вдруг он узнал этого человека. Темное лицо. Сойер вспомнил, как стремительно отдалялось это лицо, когда он сорвался в бездну...

Человек резко остановился, увидев, что Сойер стоит на самом краю обрыва. Он перевел дыхание, кивнул Сойеру и выдохнул:

— Клей! Клей!

Сначала Сойер ничего не понял. Это слово показалось ему пустым звуком. Но затем он внезапно прыгнул вперед, схватил Хома за плечи, бессмысленно повторяя:

— Клей? Клей?

Человек широко улыбнулся, закивал, ухватил Сойера за руку и оттащил подальше от обрыва. Сойер не сопротивлялся, хотя шел, тревожно оглядываясь по сторонам. Мозг его бешено работал, стараясь составить стройную логическую картину из обрывков информации. Он даже попытался заговорить со своим провожатым по-английски.

— Ты шел за мной, когда я выбрался из тюрьмы. Ты видел, как я упал, видел, как поднимается остров, видел дикарей на острове. Значит, это ты поднял тревогу. Теперь ты ведешь меня к Клей?

Маленький человек сказал: «Клей», закивал и потащил Сойера еще быстрее. Они остановились на вершине холма. Под ними разворачивалась битва. Проводник явно хотел пройти здесь, прямо через ряды сражающихся, к воротам города. Но в данный момент это, без сомнения, было невозможно.

Сойер посмотрел на темную громаду Хомада, плывущего у них над головами. Остров прижался к самому дну Хомада. Только две трети острова высывались из-под материка, образуя гигантскую ступеньку перед воротами города.

В верхнем мире все еще шел дождь. Материк, словно зонт, прикрывал часть острова, но кое-где потоки дождя падали на его поверхность. Присмотревшись, Сойер заметил знакомое отверстие.

— Идем, — сказал он и потащил своего проводника за руку. Но тот неожиданно начал сопротивляться, показывая куда-то вдаль.

Сойер взгляделся. Там, среди деревьев, он увидел Нете. Лицо ее пылало возбуждением и яростью. Сережки бросали на него причудливые отблески. Она старалась сделать так, чтобы Изверы ее не видели, но глаза ее вспыхивали, когда она смотрела на холм, за которым прятался Сойер.

— Она знает, что мы здесь, — сказал Сойер, хотя человек не мог понять его. — Нам нужно поскорее убраться отсюда. Идем! — И тут же застыл на месте. Он только сейчас заметил, какие странные у Нете глаза. Сойер стоял, не в силах оправиться от изумления, и новая странная идея начала формироваться в его мозгу.

Совершенно случайно один из дикарей повернул голову к Сойеру, и тот увидел его глаза. Такие же глаза, как у Нете. Большие, удлинённые, сверкающие, как бриллианты, и такие же немного раскосые. Единственное отличие заключалось в том, что в глазах Нете светился разум, а взгляд дикарей был совершенно пуст.

Провожатый Сойера снова потянул его за собой. Сойер неохотно повиновался, все еще раздумывая над возникшей у него в мозгу странной идеей, которая, казалось, не имеет к самому Сойеру ни малейшего отношения. Но уйти ему снова не удалось. Его внимание привлекло то, что происходило внизу.

Извер шел вперед, как карающий ангел, и гнал перед собой дикарей своим огненным кнутом. Длинный нож, пущенный рукой дикаря, полетел в него. Извер усмехнулся с презрением, достойным бога. Нож ударился о закутанную в плащ цвета зеленого льда грудь и отскочил, как от стальной стены. Вспышка пламени озарила Извера. Нож упал на землю.

Извер же, казалось, застыл. Затем, через несколько секунд, показавшимися Сойеру вечностью, лицо Извера внезапно превратилось в бесстрастную маску, глаза остекленели. А потом вокруг него вспыхнуло пламя, озарившее поле битвы.

В следующее мгновение его не стало.

И Селли, и Хома отпрянули назад, словно их обожгло божественным пламенем. Они недоумевающе смотрели друг на друга, тупо качая головами, а затем ряды вновь сомкнулись, и битва разгорелась с новой силой.

Когда Извер расходует энергии больше, чем у него есть, он... *испаряется*... Так сказала Нете.

Тряся головой, все еще не в силах оправиться от увиденного, Сойер повернулся. Ему нужно еще кое-что сделать, прежде чем он вернется в город. Причем сделать это так, чтобы даже его провожатый ничего не знал.

— Идем, — сказал он, уводя Хома от поля боя. — Мы поднимемся через дыру, в которую я провалился.

Дождь хлестал через знакомое отверстие в сплетении корней, которое находилось на высоте десяти футов. Корни деревьев провисали до самой поверхности острова.

— Сначала ты, — сказал Сойер, знаками показав провожатому, что тому следует делать. Хом ухватился за корни и в мгновение ока скрылся из виду.

Сойер последовал за ним несколько медленнее, внимательно осматривая стены колодца. Как ни странно, но ему удалось отыскать знакомую нору, камень в ней. Сойер глубоко вздохнул, вытащил камень, сунул руку в нору, и вот он уже держит эту чудесную и ужасную, пульсирующую теплом золотую полоску — Огненную Птицу.

Сойер сунул ее в карман и быстро вскарабкался наверх. Подждавший его улыбающийся Хом помог ему выбраться на твердую почву.

Пока они пробирались по городу, Хом дважды замирал, затем затаскивал Сойера в подворотню, где они пережидали, пока пройдет отряд солдат или патруль. Город кишел солдатами, но провожатый Сойера, казалось, чувствовал приближение опасности, так что добрались они без особых приключений.

Внезапно впереди показались слабые огоньки. Сережки Нете!

«Так вот что, — подумал Сойер. — Она спряталась, когда солдаты Богини начали атаку на остров. А теперь? Она хочет выследить меня? — Он нащупал в кармане теплую полоску и задумался. — Она не видела меня, когда я забирал Птицу. А сейчас она не может схватить меня. Она просто будет следить за мной и выжидать удобного момента».

Провожатый похлопал Сойера по плечу, повозился немного с дверью, возле которой они прятались. Дверь открылась, и они ступили в крошечную тьму, спустились по корявым ступенькам и вылезли в низкое окно. Они оказались на узкой темной улице и пошли быстрым шагом.

На ходу Сойер подумал о том, что ему следовало бы ублажить Альпера, в руках которого находилась его жизнь и который мог в любой момент нанести ему сокрушающий удар. И он начал шепотом уговаривать Альпера, своего невидимого врага, пока они быстро шли по улицам незнакомого города неизвестно куда.

Наконец, они свернули направо, в узкую глухую улочку, где противно пахло навозом и сырой шерстью. Провожатый Сойера отстучал пальцами какой-то сигнал по двери, откуда ни возьмись появились два Хома, заглянули им в лица, пошептались и исчезли. Дверь открылась. Сойер и его провожатый проскользнули внутрь.

На балке под низким потолком покачивался фонарь, источая запах горящего масла. По углам прыгали причудливые тени. Головы пятнистых лошадей сонно склонились к кормушкам. Под самым фонарем в круге света на полу сидели куры. А вдоль стен стояли лавки, на которых сидели люди. Все головы мгновенно повернулись, когда они вошли. Глаза сверкнули и сузились.

Это были Хомы. Они сидели вдоль стен, вытянув ноги. Глаза их поблескивали в свете фонаря. Они были готовы встретить любую напасть, откуда бы она ни исходила.

А в дальнем конце этого сарая на тюке сена сидел старый толстяк-Хом, держа на коленях полосатого кота. Возле него на разостланном голубом плаще пристроилась Клей, подложив руку под щеку. Лицо ее было вымазано в саже, и из-под верхней губы трогательно выглядывали белые зубки.

Старик ласково поглаживал ее по голове. Но вот ее бездонные голубые глаза приоткрылись, сияясь стряхнуть остатки сна. Затем она вскочила на ноги и крикнула:

— Соьер! — И бросилась к нему, улыбаясь и протягивая руки.

Он радостно обнял ее. Так приятно было снова увидеть знакомое лицо, говорить и слышать английские слова. Но она заговорила на своем языке, оживленно, чуть задыхаясь.

— Подожди, — сказал он, и Клей засмеялась, покачала головой, смутилась, и перешла на английский язык, хотя от чрезвычайного возбуждения иногда путала слова.

— С тобой ничего не случилось? — спрашивала она. — А я сплю! Это я тебя вовлекла в такие неприятности, когда пришла просить помощи. Мне очень жаль... Я...

— Говори по-английски, — перебил ее Соьер. — Я не понимаю вашего языка. Сейчас мы все в опасности и должны помогать друг другу. — Он коснулся свежей царапины на лице девушки. — Что это?

— Пришли стражники, — просто ответила Клей. — Мы, конечно, ждали их. Они сожгли дом дедушки, но мы успели убежать. Они все еще ищут меня. И, наверное, уже схватили бы, если бы не нападение на город. Ты имеешь к этому отношение? Скажи, что происходило с тобой?

Голос сзади заставил Клей повернуться. Старик улыбался, но в глазах его застыли холод и тревога. Он поглаживал кота, но слова его заставили Клей сделаться серьезной. Она подвела Соьера к старику.

— Его зовут Зáтри, — сказала она. — Это мой дед. Он чудесный человек. Он говорит, что сейчас нельзя терять времени. Я рассказала ему об Огненной Птице и о том, что говорила Нете тогда, на ступенях до появления стражников и Богини. Мы ничего не знаем об Огненной Птице, но дед уверен, что это нечто очень важное. Он хотел бы услышать, что с тобой происходило, но сейчас нет времени. Селли уже проникают в город и возможно нам придется сражаться на улицах. Дед надеется, что у тебя есть информация, которая может нам помочь.

— Что именно интересует его? — спросил Соьер.

Клей перевела вопрос и глаза старика блеснули. Он наклонился вперед, выговаривая фразы на своем языке.

Когда он закончил, Клей начала переводить:

— Тысячи лет назад Изверы поработили наш народ. Нас лишили всех свобод, даже свободы учиться и думать. Для Изверов мы просто животные. Дед думает, что сейчас у нас появился шанс покончить с этим.

Он хочет, чтобы ты знал — он не стал бы рисковать жизнью своих людей даже ради спасения своей внучки, если бы не надеялся, что у меня есть информация, которая может помочь сбросить власть Изверов. Но я ничего не знаю. Он надеется, что у тебя есть какие-либо сведения.

— Подожди, — перебил ее Сойер. — Скажи ему, что если он против Изверов, то я с ним. Я связался со всем этим только для того, чтобы предотвратить пропажу урана с Фортуны. Теперь я знаю обо всем этом гораздо больше. Я хочу вернуться на Землю и закончить свою работу. Кроме того, мне хотелось бы остаться живым. — Он улыбнулся Клей. — Но сейчас я не собираюсь ввязываться в борьбу с Изверами. Без них нам не удастся победить Селли, а Селли уничтожат всех. У Хомов есть защита против дикарей?

Она с тревогой посмотрела на него и покачала головой.

— Насколько я знаю, даже Изверы не могут убить их. Дикари трепещут перед Изверами, но стоит им рассвирепеть — и их страха как ни бывало. И сейчас как раз такой случай, хотя я понятия не имею, что послужило этому причиной.

— Я хотел бы знать немного больше об этих дикарях, — сказал Сойер. — Уверен, что вам каким-то образом удалось найти с ними общий язык, иначе вы все давно были бы мертвы.

— Но это началось совсем недавно, — возразила Клей. — Они появились вслед за Изверами. Мы, Хомы, ничего не знали о них. Но мой дед долго работал в Замке, и хорошо знал, где можно подслушать разговоры Изверов. Мы даже знаем, почему Изверы боятся дикарей.

«Селли» на нашем языке означает... «младший брат», но это «брат», в котором живет чувство соперничества и ненависти. Изверы говорят, что Богиня совершила страшный грех, позволив Источнику умереть. Теперь кара постигнет всю расу. Изверы пришли сюда из нижнего мира. Этот мир объявлен «табу». Никто не смеет ходить туда. Но вскоре после того, как умер Источник, там начали вспыхивать огни, и Селли стали проникать на плавающие острова и нападать на нас. Они неуязвимы, как и Изверы. Говорят, что внизу развивается новая раса богов, которая вытеснит Изверов, когда станет достаточно сильной. Поэтому Изверы ненавидят и боятся Селли.

— Но они совершенно не похожи на Изверов, — вмешался Сойер. — Как...

— Это непонятно самим Изверам, — перебила его Клей. — И, тем не менее, во многом они похожи. Вспомни. Огненные Птицы появились на Земле, когда здесь начались вторжения Селли. Здесь, в Хомаде, никто не видел Огненных Птиц. Они появляются только на Земле.

— На другом конце Источника, — заметил Сойер. — Это очень интересно. Здесь есть какая-то связь. Три формы жизни должны соответствовать трем сторонам проблемы. Но...

Его прервали крики Изверов.

На мгновение в сарае воцарилась мертвая тишина, прерываемая только фырканием лошадей и отдаленными звуками битвы. Когда Сойер появился здесь, криков Селли не было слышно. Значит, они

уже прорвались в город. Если у Изверов есть оружие против них, угрюмо подумал Сойер, пора пускать его в действие.

Тишина длилась с полминуты, а затем ее снова разорвали крики Изверов и среди них тот единственный, который Сойер узнал бы из тысячи. Лишь одно горло могло издавать такой крик.

— Нете! — воскликнул он и ринулся к двери.

Затри, двигаясь быстрее, чем можно было ожидать от него, был уже рядом, когда Сойер открыл дверь. Старик что-то выкрикнул, и один из Хомов погасил лампу. В конце улицы была видна какая-то возня.

Нете была в опасности. Сойер увидел вдали ее знакомую фигуру, фонарики ее сережек бешено метались, бросая отблески на лицо. Она боролась с двумя Изверами, которые тащили ее по улице к Замку. Она извивалась в их руках, яростно выкрикивая проклятия. Но они, казалось, не слышали. Маски на их затылках безразлично смотрели на пустынную улицу и на нескольких человек, которые наблюдали за этим, прячась в тени.

— Она, должно быть, следила за нами, — сказал Сойер. — Интересно, что предпримет Богиня?

— Заставит ее появиться на Церемонии, — послышался у него за спиной голос Клей. — И это будет конец для одной из них. Но как бы то ни было, Изверы будут править, как и прежде, если мы не найдем способа избавиться от них. Идем. Нам нужно обдумать план действий.

— Хорошо. Но скажи мне одну вещь. Какого черта они носят эти двойные маски?

Откуда-то с улицы донесся спокойный голос:

— Интересный вопрос, мой мальчик. Посмотри, что я принес тебе.

Сойер сразу узнал этот голос. Эти глубокие, органнне тона могли принадлежать только одному человеку. Он повернулся и сказал:

— Альпер!

Грузная фигура появилась из-за угла и направилась к ним. Альпер двигался легко и без усилий. Видимо, энергия, которую он почерпнул от Огненной Птицы, еще не истощилась. Однако он уже немного ссутулился.

В обеих руках он нес сверкающие улыбающиеся маски Изверов со слепыми провалами глазниц.

Х

Затри снова опустился на свой трон, в качестве которого ему служил тюк соломы. Настороженные Хомы сидели вдоль стен, по их лицам пробегали отблески света лампы. Альпер стоял под лампой, слегка опустив голову, расставив толстые ноги и внимательно оглядывая всех присутствующих. Шум битвы в ночи стал еще громче. Глухой вой Селли, Младших братьев, разносился по тесным улицам

Города. Он смешивался с боевым кличем Хомов и звенящими голосами Изверов. Альпер повернулся в ту сторону, откуда доносились звуки боя.

— Они хотят ускорить Церемонию Открытия, — сказал он Сойеру. — Я говорил с Богиней. С этими... — и он потряс двумя смеющимися масками, — говорить очень просто. Пока ты и Нете беседовали на острове, я рассказывал всю историю Богине. К счастью, твоего поведения она не смогла понять. И я ничего не сказал об Огненной Птице. Она не знает. — Он помолчал, сунул одну маску подмышку и освободившуюся руку сунул в карман. Голос его стал угрюмым.

— Где она, Сойер? — спросил он. — Что ты сделал с Огненной Птицей?

Сойер на мгновение задумался: не говорил ли он об этом вслух. Ведь тогда все было бы известно Альперу.

— Ничего я с ней не сделал, — ответил он. — Она там, где я ее оставил.

Легкий знакомый гул прокатился внутри его черепа. Снова передатчик. Сойер почувствовал, как гнев захлестывает его. Он двинулся к Альперу, даже не пытаясь скрыть написанную у него на лице ярость.

— Прекрати! — прошипел он. — Ты знаешь, что этим ты со мной ничего не сделаешь. Еще немного, и я сделаю так, что тебе придется убить меня!

Гул прекратился.

— Хорошо, хорошо, — торопливо проговорил Альпер. — Я просто напоминаю тебе. Я знаю, что ты не лжешь. Ведь Нете тебя обыскивала. Я слышал весь ваш разговор, и у меня появились кое-какие интересные мысли. И сюда меня привели сигналы передатчика. Это оказалось просто. Нападение дикарей пришлось как нельзя кстати для нас обоих. И ты, и я свободны, да и Клей тоже освободилась из плена. Теперь мы можем действовать, если этот старик поможет нам.

Он повернулся к Затри и начал говорить, потом пожал плечами и протянул одну из масок старику. Тот осторожно взял ее, испытующе глядя на Альпера. Альпер надел на себя смеющуюся маску и заговорил слегка приглушенным голосом.

— Я знаю, как спасти твою внучку, ну и себя, конечно. Мне нужна твоя помощь...

Затри поднял руку, помолчал, затем тоже надел маску. Странно было видеть эти две смеющиеся маски Изверов, глядящие друг на друга. В овальных прорезях одной из них виднелись голубые глаза Затри, а в другой — маленькие холодные глаза Альпера.

Альпер снова повторил свое предложение по-английски. Затри, немного помолчав, словно не в силах оправиться от ощущения того, что понимает чужой язык благодаря маске, заговорил на своем языке. Хомы стали переглядываться между собой с изумлением.

— Что случилось? — спросил Сойер у Клей.

Девушка ответила ему удивленным взглядом.

— Это маски для общения, — сказала она. — Я думаю, что Нете выучила ваш язык с их помощью. Изверы тоже используют их для

общения друг с другом. Они ведь живут очень долго, тысячи лет, и каждый достигает в своей области — в науке, или в искусстве, таких вершин, что другие не могут понимать его без специальной подготовки. Поэтому они создали маски, чтобы все могли понимать друг друга, о чем бы они ни говорили. Интересно, как Альперу удалось достать маски.

— И мне тоже, — задумчиво сказал Сойер. — Я не очень доверяю Альперу. Слушай... что говорит твой дед?

— Он хочет знать, что задумал Альпер. Он говорит, что мог бы провести нас в Замок. Но только не сейчас. Церемония Открытия, должно быть, уже началась, и на улицах небезопасно.

— Я посвящу вас в свой план, — сказал Альпер. Голос его из-под маски звучал глухо. В улыбке его маски таилась коварная злоба. Может, выражение маски выдавало его истинные чувства? — Сойер знает, где находится Огненная Птица. Я должен получить ее. После этого я заставлю Нете открыть Врата на Землю...

— Как ты заставишь ее? — спросил Сойер. Смеющаяся маска повернулась к нему. Из-за нее послышался нетерпеливый голос Альпера.

— Ты дашь мне Птицу, а я освобожу тебя от передатчика. Разве это не справедливо? Я пойду к Нете и монтирую передатчик ей. После этого она будет делать все, что я скажу.

Сойер сомневался в этом, но не сказал ничего, поскольку Затри потребовал объяснений. Альпер быстро изложил все. Затри что-то сказал Клей, и та подвела к нему Сойера, чтобы старик осмотрел голову англичанина. Но когда Сойер попытался заговорить, Альпер нетерпеливо перебил его.

— Не теряйте времени. Ты согласен или нет? Я заберу Птицу с собой на Землю и тогда у меня не будет необходимости закрывать шахту. Клей может идти с нами, если захочет. Все, что нам нужно, это забрать Птицу и смонтировать передатчик Нете. Она откроет для нас Врата, и мы все четверо уйдем отсюда с Огненной Птицей. Однако все это необходимо проделать до Церемонии.

Затри что-то сказал. Клей не перевела, но Альпер пожал плечами и сказал: — Ты не можешь. Ты должен довериться мне. Я... подожди!

Он стянул с себя маску и подал ее Сойеру.

— Надень ее. Тебе он верит. Убеди его, Сойер. Скажи ему, чтобы он провел нас к Нете.

Сойер с любопытством посмотрел на маску.

— Я уже ношу кое-что, что ты мне дал. Я получил от тебя передатчик, — сказал он. — Больше я не хочу ничего принимать от тебя. Может, если я надену ее, то превращусь в барана.

Альпер фыркнул.

— Чепуха. Я же надевал ее, разве нет? Это средство общения. Она воспринимает твои слова и делает их понятными собеседнику. Изверы между собой общаются при помощи телепатии, но с Хомами им приходится говорить. Маски передают последовательность представлений. Человеческий мозг работает, как телеграф, он излучает каппа-волны, которые, усиливаясь маской, воздействуют на мозг

другого существа. Излучение альфа-волн мозгом служит несущей частотой для информации, передаваемой каппа-волнами. Впрочем, это всего-навсего мое предположение. Ты же знаешь, что речь — не единственный способ общения. Есть еще запах и многое другое. А как передается информация в самом теле человека?

Сойер ухмыльнулся и надел маску на лицо. Она была холодная, гладкая и очень хорошо подошла к ему по размеру. Сойер открыл глаза, посмотрел через овальные отверстия...

И все перед ним мгновенно изменилось. Теперь он увидел все в четких чистых красках. Даже в детстве он не воспринимал мир таким красочным. А запахи!

От запаха сена я буквально впадаю в экстаз, а запах горящего масла кажется мне слаще ладана. О, какое невероятное спокойствие, какая уверенность в себе! Излучение мозга? Да, наверное. Импульсы мозга обычно очень слабы и не воспринимаются органами чувств. Но ведь маска — это и приемник, и передатчик.

Не удивительно, что Изверы, носящие такие маски, чувствуют себя богами!

Он увидел голубые глаза Затри, смотрящие на него сквозь прорези маски.

— Ты понимаешь меня? — спросил старик.

Затри говорил на языке Хомов. То, что слышал, вернее ощущал Сойер, было не словами, а мгновенно меняющимися картинками в его мозгу. Не только картинками, но и игрой света и тени, звуков, запахов... И весь этот комплекс ощущений каким-то таинственным образом воздействовал на различные области его мозга и обретал смысл, облекаясь в оболочку известных Сойеру понятий. Затри еще не закончил своей фразы, а в мозгу Сойера уже сформировался смысл его вопроса.

— Клей рассказала мне об этом Альпере. Сам-то ты доверяешь ему?

— Конечно нет, — ответил Сойер, — но весь вопрос в том, есть ли у него выбор? — Он кивнул в направлении улицы, где слышался вой дикарей. — Сейчас здесь небезопасно. Если сюда не ворвутся Изверы, чтобы арестовать нас, то сюда придут дикари и убьют всех. Есть у вас какое-нибудь оружие против них? Взрывчатка, к примеру? — Сойер внимательно посмотрел на Затри, чтобы оценить, понял ли старик вопрос, смогла ли маска правильно передать смысл его слов.

— Кое-что есть, — сказал Затри. — Само собой, Изверы об этом не догадываются. Но насколько взрывчатка будет эффективна против дикарей, я не знаю. Неужели Изверы могут допустить, чтобы у нас имелось оружие против Селли? Ведь это же будет оружие и против них самих. Они же одинаково неуязвимы. Но есть одно оружие, которое Изверы могут применить. И я думаю, что это скоро случится. Но это оружие небезопасно и для них самих — ничего удивительного в том, что они никак не могут решиться. Они...

Послышался стук в дверь. Затем просунулась голова Хома, который что-то сказал и снова исчез. Затри перевел взгляд на Сойера.

— Башни Замка начали светиться, — сказал он, — значит, Церемония началась. И значит Нете уже вошла в Зал Миров и никогда больше не вернется оттуда самой собой. Богиня либо убьет ее, либо погибнет сама. Если победит Нете, она наденет Мантию и Маску и станет Богиней. Так что план твоего друга потерял смысл. Только человек, приносимый в жертву, может войти в Зал Миров.

Он с беспокойством взглянул на Клей. Сойер тоже посмотрел на нее и был поражен той красотой, которая преобразила ее лицо. Тогда Сойер посмотрел на Альпера и с облегчением увидел, что маска не прибавила привлекательности лицу старика. Он передал Альперу слова Затри, и тот нетерпеливо фыркнул.

— Нете нужна Огненная Птица, — сказал он. — Мы должны подобраться к ней так, чтобы она заметила нас и узнала, что мы принесли Птицу. Как только это произойдет, я клянусь, что она бросит всю Церемонию и прибежит к нам. Без Птицы ей не победить Богиню. Только дайте мне приблизиться к Нете с Огненной Птицей. Она сделает все, что я ей скажу. Она откроет нам Врата, и мы вернемся на Землю.

Клей переводила все это Затри, который внимательно смотрел на Альпера. Наконец он нерешительно произнес:

— Врата, о которых ты говоришь, очень опасны. Я не...

— Клей же прошла сквозь них? — сердито спросил Альпер, когда ему перевели слова Затри.

Затри заговорил, обращаясь к Союеру:

— Я послал Клей через Врата вслед за Нете. Хотя это было чрезвычайно опасно, у нас не было другого выхода. Я спрятал Клей поблизости от того места, куда Нете часто приходила, чтобы заниматься магией.

— И что дальше? — спросил Сойер.

— Я много раз тайком подсматривал за Нете, но так ничего и не понял. Я видел, как у нее между пальцами появляется огненная пружина пальцами, а потом она рисует в воздухе спираль. Тогда я ничего не знал об Огненной Птице. Но я видел, как она проходит через спираль и покидает этот мир. Иногда она долго не возвращалась. Я решил, что смогу спасти Клей. Пусть она тоже покинет мир, в котором ей нет спасения.

— Я тоже кое-что помню, — заговорила Клей. — Я помню, как дедушка подтолкнул меня за Нете, помню как быстро она шла, помню как я упала где-то в темноте. А потом Нете снова нарисовала огненную спираль — теперь я знаю, то была Огненная Птица, — и... — девушка затрясла головой, — ...я проснулась в урановой шахте, но единственное, что я помнила — это свое имя.

Она говорила по-английски, и Альпер быстро сказал:

— Я подозреваю, что темнота, где ты упала — это Нижний Мир. Богиня мне многое порассказала. Она очень хотела знать как можно больше о Нете, и я, пользуясь этим, вытягивал из нее информацию. Думаю, что Врата представляют собой замкнутый круг, который...

— Что касается Богини... — перебил его Сойер, — ...если она в таком отчаянии, может, нам удастся договориться с ней?

— Нет. Я это знаю точно. Вспомни, что мы для Изверов всего лишь не представляющие интереса животные. Они бессмертны, но ключ к их бессмертию — Огненная Птица. Ты не знаешь, что это может быть, Соьер?

Он глубоко вздохнул.

— Источник Миров — это настоящее чудо. Я понятия не имею, как он работает, но, судается мне, это связующее звено между Хомадом и Землей. Он соединил эти два мира между собой. Но кроме того, это канал, по которому Изверы получают для себя энергию из мира, находящегося в другом измерении, другом континууме. Эдакая труба из чего-то, что, возможно, даже не является материей. И это *нечто* нестабильно, оно постоянно изменяется. Здесь, в Хомаде, где находится один конец трубы, она сделана из материи Хомада, а на Земле — из земной материи. Противоположный конец трубы может преобразовываться в любую другую материю. Так осуществляется контакт Хомада с другими мирами, с другим типом материи. Эта труба может мгновенно преобразоваться для контакта с любым из возможных миров. По-видимому, она состоит из какой-то магнитной суспензии, частицы которой могут изменяться в зависимости от природы магнитного поля другого мира.

Огненная Птица? Это идеальный преобразователь энергии и ее проводник. Она передает энергию тому, кто прикасается к ней. А откуда берется энергия? Отовсюду. Из самого пространства, из урановой шахты. Стоит кому-нибудь прикоснуться к ней, как Птица насыщает его энергией от любого ближайшего источника. Именно так с ее помощью и открываются Врата между мирами. Возможно, Птица изменяет частоту колебаний мозга и всех тканей при переходе из одного мира в другой, так что Врата — всего лишь метаморфоза, которая происходит в нас самих при изменении нашей внутренней энергии.

Может быть именно поэтому только Изверы могут открыть Врата. Теперь мы знаем, что они не совсем материальны. Нете говорила, что они представляют из себя нечто вроде изотопов, известных в нашем мире. Субстанция, из которой состоит их тело, может быть преобразована так, что Изверы будут получать энергию непосредственно из Источника, заряжаясь подобно аккумуляторам.

Альпер улыбнулся.

— На Земле электричество в дома подается через предохранители. Огненная Птица тоже действует, как предохранитель. Вот почему она отключила поступление энергии с Земли на Хомад. Ведь если бы этого не произошло, чудовищное количество энергии с земной урановой шахты хлынуло бы сюда через Источник, который вошел в контакт с Землей. Физическая связь Хомада с Землей существует, но энергия не поступает. Судается мне, именно поэтому Огненные Птицы не могут попасть в Хомад, будучи не в силах пройти через закрытую для энергии трубу.

Но я понятия не имею, что произойдет, если опустить в Источник раскрытую Огненную Птицу. Пока труба закрыта, все мы в безопасности... я, правда, не знаю, от чего. Но Изверы страдают от недостат-

ка энергии. Они спасаются только тем, что приносят жертвы Источнику. Но этого мало.

Изверы исчезают, когда потратят слишком много энергии. Куда? Где-то, каким-то образом, они восполняют энергию и возвращаются через ледяной тоннель. Но что будет дальше? Я знаю, что и Богиня, и Нете чего-то боятся. Вот почему нам надо убедить Затри, чтобы он помог нам и чтобы мы могли убраться отсюда поскорее. Скажи ему, Сойер!

Клей быстро перевела слова Альпера. Теперь Затри внимательно смотрел на Альпера сквозь прорези маски.

— Спроси, зачем ему все это нужно? — сказал он.

— Чтобы получить Огненную Птицу, черт возьми! — нетерпеливо ответил Альпер. — Я хочу с ней вернуться на Землю.

— И что даст тебе Огненная Птица?

— Бессмертие, — после паузы ответил Альпер. Он покачал головой. — Что мне еще нужно? Молодость, сила, бессмертие. Разве этого мало?

Затри спокойно заговорил:

— А почему я должен способствовать тому, чтобы на твоей Земле появились бессмертные, появилась раса, подобная нашим Изверам? Ваш народ такой же, как и наш. Мы люди, а не боги! Нет, бессмертных среди людей быть не должно. Я и сам старик. Скажи Альперу: я уверен в том, что стареть людям нужно. И встречать смерть человек тоже должен, относясь к ней как к отдыху после трудного жизненного пути. Ни один человек не должен стремиться к вечной юности! О, нет! Я не хочу, чтобы этот землянин получил Огненную Птицу и стал бессмертным! Я не поведу его в Замок!

Сойер внезапно рассмеялся с облегчением и радостью:

— Молодец, Затри! — сказал он. — Я тоже не верю ему. И пусть убивает меня своим передатчиком, если ему так хочется... — он резко повернулся к Альперу и презрительно посмотрел на него сквозь овальные отверстия маски. — Но я не хочу тебе больше помогать! Если тебе нужна Огненная Птица, то от меня ты ее не получишь...

Альпер нетерпеливо отмахнулся.

— Ну, хватит, — сказал он. — Я ожидал нечто подобное. Теперь за это дело возьмусь я сам. И помните: вы сами захотели этого!

Пока они стояли в замешательстве и смотрели на Альпера, тот громко и пронзительно крикнул. В ответ с улицы зазвенели голоса Изверов. Прежде, чем кто-либо успел опомниться, дверь с треском распахнулась, затем слетела с петель, сорванная сильными руками Изверов. В дверях стояли две закутанные в мантии богоподобные фигуры. За ними виднелась третья, с презрением оглядывая грязный сарай.

Одним рывком Альпер стянул маску с лица Сойера. Мир для Сойера снова стал прежним: с блеклыми красками, с обычными запахами и звуками. Совсем как в кино, подумал Сойер, как будто цветной широкоэкранный фильм стал черно-белым. Отобрать маску

у Альпера он не успел — тот уже натянул ее на лицо и проговорил что-то, приглушенно, но разборчиво.

Изверы, хотя их маски помещались на затылках, прекрасно поняли его.

— Вы можете арестовать девушку, — спокойно сказал Альпер. — Богиня хочет принести ее в жертву. Этот человек и старик пойдут с нами. Остальных можете уничтожить. — Он повернулся к Союеру. В холодных глазах его прыгали торжествующие искорки.

— Ну, вот, — сказал он. — Это твой последний шанс, мой мальчик. Мне нужна Огненная Птица!

XI

Голос Альпера еще не успел стихнуть, а в мозгу Союера промелькнули тысячи разнообразных идей освобождения, по большей части — невыполнимых. От дикого воя Селли дрожали стены. Крики людей и звуки битвы были уже совсем рядом.

— Скорее! — сказал Альпер, сунув руку в карман. — У меня на руках все козыри, Союер, не будь дураком. Я могу убить тебя. Я могу лишить тебя чувств. Изверы могут разорвать тебя на части. Дай мне Огненную Птицу, и ты получишь все, что хочешь. Если ты откажешься...

Один из Изверов издал рокочущий звук и двинулся вперед, как мраморный ангел-мститель, вытянув свою неестественно длинную руку. Он сказал что-то на своем языке, что-то очень презрительное. Он обошел Союера, схватил за руку Клей и потащил ее вдоль сарая к стоящим у двери богам. Они расступились, чтобы дать им пройти, и Извер вместе с Клей исчезли в темноте.

Дикий бессмысленный прыжок Союера вслед им был остановлен сильной рукой одного из богов, схватившей агента за плечо. Извер так тряхнул Союера, что у того лязгнули зубы.

— Подожди! — закричал Альпер. — Извер, подожди! Дай мне поговорить с ним. Помни, Богиня обещала его мне!

Извер вздохнул, но отпустил Союера.

— Союер, будь благоразумен, — нетерпеливо сказал Альпер. — Слушай, я договорился с...

Он замолчал, бросил быстрый взгляд на Извера и поспешно скинул маску. — Я не хочу, чтобы они слышали нас, ибо обещал Богине вернуть ей Огненную Птицу. Она хочет получить ее обратно и скрыть факт кражи. Я думаю, что украла Огненную Птицу не Богиня, а Нете. Но самое главное то, что Птица исчезла, и Богиня готова обещать все, лишь бы вернуть ее. Если я не принесу Птицу, она убьет меня. А моя жизнь — это твоя жизнь. Умру я — умрешь ты, помни! Что скажешь, Союер?

Сойер слушал шум боя — тот теперь шел уже так близко, что Альперу приходилось повышать голос, чтобы Сойер смог его расслышать. Он знал, что действовать нужно быстро. Ведь следующим шагом Альпера будет приказ обыскать его, а Птица в данный момент была уже у него в кармане. Нельзя было сейчас терять времени. Он бросил взгляд на Затри, у которого на лице все еще была маска.

— Хорошо, — сказал он. — Ты победил. — Он слегка шевельнулся, чтобы ощутить телом тепло Огненной Птицы. — У меня нет Птицы, но я знаю, где она. Мне нужен свет.

— Не показывай ее, — быстро сказал Альпер. — Изверы не должны видеть...

Сойер кивнул, и Альпер, вздохнув, снова натянул маску на лицо. Сделав три шага вперед, Сойер оказался рядом с лампой. Люди не сводили с него глаз, лица их были полны ожидания. Голубые глаза Затри блестели сквозь прорези маски. Никто не знал, что будет дальше, но все Хомы были готовы действовать.

Сойер внезапно расхохотался. Одним резким движением он швырнул лампу прямо в кучу соломы. Хомы, сидящие там, попрыгали в разные стороны, причем Сойер краем глаза заметил, как один из них раскидал горящее сено по сторонам. Хом понятия не имел, что задумал Сойер, ему было ясно одно — землянину понадобился пожар.

Бросив лампу в сено, Сойер тут же бросился на Альпера. Рука его стиснула кисть Альпера и вывернула ее назад.

— Затри! — крикнул Сойер.

Но кричать не было необходимости. Пламя еще не успело охватить сено, как старый Хом уже был на ногах, отдавая приказы своим людям. Хомы замешкались лишь на мгновение, и Изверы, издавая гневные вопли, двинулись к сцепившимся землянам. Но дорогу им внезапно преградила темная стена Хомов, бесстрашно бросившихся на возвышающихся, словно башни, богов.

От неожиданного нападения Изверы дрогнули. Но вот они встали крепче, широко расставив ноги, и начали отражать атаку. Каждый удар сопровождался треском ломающихся костей. Хомы не могли справиться с Изверами, но отчаяние придавало им силы и заставляло забыть о смерти.

Сойеру потребовались все силы, чтобы сдержать огромное тело Альпера. И некоторое время он думал, что это ему не удастся. Но вот Альпер прекратил сопротивление.

Сойер решил, что это уловка, и уплотнил захват. Но затем он все понял: Альпер хотел сохранить немного сил, ведь у него их было не так много. Сойер заломил Альперу руку и, задыхаясь, огляделся вокруг.

Дым постепенно заволакивал сарай. Огонь с треском пожирал сухое сено, и этот треск с каждой секундой усиливался, переходя в оглушительный вой. В сарае стало очень жарко и светло. И Хомы, и Изверы поневоле отодвинулись подальше от огня, к дверям.

Перепуганные лошади ржали и старались вырваться на свободу. Многим уже удалось порвать поводья и перескочить через низенький

барьер. Наконец, вся эта вопящая масса людей и лошадей, лягаясь и размахивая кулаками, вывалилась из сарая на улицу. Сойер и Альпер волей-неволей последовали за ними.

С дальнего конца улицы нарастал вой дикарей. Сойер устроил пожар специально, чтобы привлечь их внимание. Он знал, что Хомы, сколько бы их ни было, не смогут долго противостоять двум Изверам. Но он надеялся, что дикари задержат их.

Он сжал зубы и без предупреждения ударил Альпера в висок. Тот охнул и лишился чувств.

— Затри! — крикнул Сойер, осматриваясь вокруг. Старик, как бульдог, вцепился в холодную руку Извера и повис на ней. Над ним склонилось надменное лицо. Пот стекал по нему, но это улыбающееся лицо оставалось по-прежнему бесстрастным. Извер стряхнул со второй руки несколько Хомов и поднял свой громадный кулак над головой старика. Сойер крикнул что-то вроде «берегись!», но кулак уже опускался вниз, и Затри вот-вот должен был распрощаться с жизнью.

И вдруг, совершенно неожиданно, Извер исчез.

Ослепительный свет и обжигающее тепло — вот все, что осталось от него. Облачко молекул рассеялось в воздухе. Энергия Извера иссякла, и он исчез, испарился и отправился в путешествие по таинственному кругу, куда отправляются все Изверы, как только их настигнет беззвучный зов.

Затри покачулся и чудом удержался на ногах, когда рука Извера, на которой он висел, куда-то исчезла. Старый Хом покачал головой, по-прежнему украшенной маской.

Сойер наклонился, стянул маску с лица Альпера и надел ее. Снова мир мгновенно преобразился перед его глазами, наполнился сочными красками, ароматами, волшебными звуками. Маска сидела очень плотно. Сойеру стало ясно, почему даже во время драки Затри не потерял свою маску.

Внезапно Альпер пришел в себя. Он взглянул на Сойера, и рука его потянулась к карману.

Сойер наклонился, схватил его руку и рывком поставил старика на ноги.

— Сюда, — задыхаясь, сказал Затри неожиданно спокойным голосом, и они бросились вдоль улицы, волоча за собой Альпера.

Вскоре они приблизились к какой-то двери. Затри что-то крикнул через плечо своим людям, а Сойер оглянулся назад и увидел, что последний Извер, словно Лаокоон, борется с десятком извивающихся Селли, чьи глаза сверкали золотом в свете пожара.

Видимо, именно для такого момента Альпер берег свои силы. Он внезапно рванулся и высвободился из рук Сойера и Затри. Затем он бросился к стене и, торжествующе смеясь, сунул руку в карман.

Сойер уже собирался прыгнуть за ним, но, ощутив в голове сильный гул, остановился. Альпер, держа руку на кнопке, собирался диктовать условия. Он мотнул головой в сторону Затри и сказал, с трудом переводя дыхание:

— Вели ему... вести нас... в Замок. Сейчас.

— На чьей ты стороне, Альпер? — едва шевеля губами спросил Соьер. — Когда ты лгал? Когда договаривался со мной, или когда говорил о разговоре с Богиней?

— Я на своей стороне, на стороне Альпера, идиот! — хрипло ответил старик, все еще торжествуя свою победу. — Я не лгал. Мы договорились с Богиней — моя жизнь за Огненную Птицу. Но я ей не верю. Я говорил тебе, что мы для Извергов — всего лишь животные. Может она и не убьет меня, но наверняка не отпустит на Землю и, тем более, не отдаст мне Огненную Птицу. А мне нужна Птица — или ничего. Поэтому мой план относительно Нете остается в силе. Если старик поведет нас. Он поведет?

Альпер многозначительно пошевелил рукой в кармане. — Тебе лучше уговорить его, мой мальчик!

Для Затри весь этот монолог был лишен смысла, но общую картину происходящего он понял. В неверном свете пожара его движения были подобны молнии. Рука его метнула кольцо серебряной веревки...

Она обвила шею Альпера и стала натягиваться, все туже и туже, глубоко врезавшись в жирную шею. Альпер был не в силах шелохнуться. И все же он заговорил:

— Скажи, чтобы он прекратил, Соьер! Это же и твоя жизнь!

— Не нужно слов, — спокойно сказал Затри. — Я догадываюсь, что он сказал. Мне жаль, юноша, но сейчас я должен подумать о Клей. Передай ему, чтобы он не двигался, пока я не прикажу. Одно мое движение — и он труп. Я стар, но сил у меня хватит.

— Соьер, ты хочешь умереть? — в отчаянии вопил Альпер. — Переведи ему...

— Он сказал, что ты можешь убить меня, — бесстрастным тоном ответил Соьер, — ...но сам ты умрешь первым. Его гораздо больше волнует судьба Клей, Альпер. Я...

— Вели ему вытащить руку из кармана, — заговорил Затри. — Скажи, что если он не послушается, то умрет. Он боится смерти. И пусть он знает, что меня ничто не остановит — ни его жизнь, ни твоя, ни моя собственная.

Соьер перевел. Медленно, неохотно Альпер вынул руку из кармана. И тут у Соьера вспыхнула надежда, и он сказал: — Прикажи, чтобы он извлек у меня из черепа передатчик!

Альпер взорвался.

— Нет! Я не сделаю этого! Даже если вы убьете меня сейчас!

— Он не станет, — кивнул Затри. — Я знаю. Мы оба старики, и мы понимаем друг друга. — Он усмехнулся. — Я поведу вас в Замок. Ты знаешь, почему я передумал, почему я решил дать Альперу возможность получить Огненную Птицу и бессмертие?

— Почему?

— Нужно нечто большее, чем просто Огненная Птица, чтобы человек стал богом, — ответил Затри. — Я слишком стар и не могу всего этого объяснить тебе. Альпер может обрести бессмертие, но ему никогда не стать неуязвимым. — Он рассмеялся. — Растолкуй ему это!

— С этого момента мы должны говорить только шепотом, — послышался из-под маски приглушенный голос Затри.

Сойер посмотрел назад, во тьму извивающегося туннеля. С тех пор, как они покинули шумные улицы, им пришлось долго идти под землей. Затри, держа веревку, захлестывающую шею Альпера, внимательно разглядывал стены. Квадратные каменные блоки, сложенные тысячи лет назад, были скреплены между собой светящимся раствором. Чистый мягкий свет струился от стен, и Сойеру казалось, что они идут по бесконечному коридору из светящихся квадратов.

Но вот Затри вздохнул с облегчением: один из квадратов перед ним стал темнеть, как будто кто-то повернул выключатель и прервал поток энергии. Затри нажал на угол, и каменный блок бесшумно скользнул в сторону. Перед ними открылся темный проход.

— Если нам повезет, — сказал Затри, повернувшись к Сойеру, — то охранников здесь не будет. Церемония началась, и все Изверы, кроме тех, что сражаются на улицах, сейчас в Зале Миров. Мы сейчас прямо под ним. Здесь где-то рядом камеры с жертвами. Изверы не боятся, что они сбегут. — Затри тихо рассмеялся каким-то сардоническим смехом. Сойер не понял, почему. — Единственный путь, открытый для бегства, Изверов не беспокоит. Идем и будь осторожен!

Сойер пошел за двумя стариками.

Ему показалось, что он внезапно оказался у Ниагарского водопада. Он остановился, оглушенный, и, подняв голову, смотрел, как вздымаются золотые струи, тая в туманной бесконечности.

А потом они оказались перед длинной лестницей, ведущей вверх. Лестница зигзагами обигала золотой водопад, словно золотая молния среди золотых облаков. Сойер вскоре понял, что и золотые струи и золотые облака — это всего лишь золотые занавеси, спускающиеся прямо из золотого неба над их головами.

— Нам нужно подниматься, — прошептал Затри. — Только тихо! Если кто-нибудь появится, прячьтесь за занавеси. И молитесь!

Они быстро шли вверх, стараясь ступать бесшумно. На третьем этаже Затри начал приподнимать занавеси и заглядывать за них. На пятом этаже он нашел ее...

Занавес скрывал маленькую шестиугольную камеру, похожую на ячейку в пчелиных сотах. На стенах ее непрерывно переливались разные цвета, смешиваясь в причудливых сочетаниях, а затем снова распадались, повинаясь какому-то таинственному ритму. Сойер понял, что не в силах отвести взгляд от этой игры цвета: она буквально зачаровывала его.

— Не смотрите, — предупредил их Затри. — Это гипноз. Скажи Альперу. Он нам нужен.

Сойер не поворачиваясь предупредил Альпера. Сам он смотрел на сонную Клей, которая сидела в углу шестигранника, уронив руки на колени, откинув голову назад и глядя остановившимся глазами на бесконечный калейдоскоп цветов на стенах.

Сойер тоже посмотрел на стену и тотчас перед его взором появилась громадная комната, которой, казалось, нет конца. Сойер с трудом отвел свой взгляд. Он по-прежнему не верил своим глазам.

Затри постучал по стеклянной стене шестигранника. Клей еле заметно шевельнулась и снова застыла, запрокинув голову и не отводя взгляда от радужного многоцветья. Затри постучал снова. Клей очень медленно повернулась.

— Хорошо, — прошептал Затри. — Мы еще не опоздали. Ее можно спасти. Юноша... — Он повернулся, пристально глядя на Сойера. — Я хочу тебя кое о чем попросить, — мягко сказал он. — Слушай внимательно. У меня тоже есть свой план. Но риску в нем много. Я хочу, чтобы ты знал об этом. И, главное, знал, что риска избежать нельзя. Другого пути нет: либо свобода, либо жизнь в рабстве у Извергов.

Он помолчал, не сводя глаз с Сойера, а затем сказал:

— Я хочу спросить тебя: Огненная Птица сейчас с тобой?

Сойер колебался, стараясь понять, что кроется за таким вопросом, за таким пристальным взглядом. Но придумать ничего так и не смог. После долгих колебаний он сказал:

— Да. У меня.

Затри глубоко вздохнул.

— Я рад. Значит, мы можем уцелеть, несмотря ни на что.

Альпер смотрел, как они беседуют, стараясь уловить смысл разговора. Во взгляде его появилось подозрение.

— Что он говорит? — обратился он к Сойеру. — Переведи!

— Успокойся! — Затри дернул веревку, затем погрозил Альперу. — Еще одно, прежде чем мы начнем действовать, — сказал он Сойеру. — Ты видишь Клей, она под гипнозом и совершенно беспомощна. Есть только один способ освободить ее. — Он усмехнулся. — Изверги нас хорошо знают. Зачем охранять камеры, если освободить пленника можно, лишь заняв его место?!

С этими словами он резко шагнул вперед и толкнул Сойера с такой силой, что тот пошатнулся и навалился плечом на стену. И с удивлением почувствовал, как стена поддается под его тяжестью.

XII

На миг он полностью потерял ориентацию. Стены камеры, казалось, двигались относительно друг друга, подчиняясь какой-то сложной закономерности, словно великолепно отлаженная и хорошо спроектированная машина. Падая на пол камеры, Сойер увидел, как Клей движущиеся стены вытолкнули наружу Клей. Ловушка! Вскочив на ноги, он в отчаянии бросился к стене, тщетно пытаясь вырваться, и увидел лицо Затри в маске, прижавшееся к стеклу с противоположной стороны, услышал его голос, мягкий и чистый.

— Прости меня, юноша, — сказал он. — Я пришел сюда, чтобы самому занять это место. Но лучше, если там окажешься ты, ибо для тебя не обязательно все кончится смертью, у тебя есть шанс. А для любого другого... — он обреченно махнул рукой.

Клей упала на колени возле Затри. Дед осторожно и нежно поднял ее. Сойер смотрел на них сквозь переменчивые узоры на стекле. Они уже начали убаюкивать его, так что он даже не мог сфокусировать свой взгляд на них. Сон понемногу затуманивал его мозг. Сойер постучал по стеклу.

— Быстрее! — крикнул он. — Я засыпаю. Если тебе есть что сказать, говори. Или это просто убийство?

— Закрой глаза, — сказал Затри. — Не смотри на стены, пока я говорю. Нет, это не убийство, ведь если ты умрешь, умрем и мы. Но у тебя есть шанс спастись и спасти всех нас. А может быть, и весь наш народ. Будь у меня хоть малейший шанс, я пошел бы в камеру сам. Но только у тебя есть амулет... передатчик. Только ты один сможешь сопротивляться гипнозу, когда Церемония достигнет своей кульминации. Только ты! — Он взглянул на Альпера, который смотрел на все это, ничего не понимая. Затри слегка дернул веревку.

— Как твоя жизнь — в его руках, так и его жизнь — в моих. И я не пожелаю ничьей жизни, даже своей собственной, чтобы добиться своего. Если бы Альпер согласился избавить тебя от передатчика и вмонтировать его в меня, я бы поменялся с тобой местами. Но он не сделает этого. Итак, тебе придется отправиться на Церемонию в качестве жертвы, но отнюдь не беззащитной! У тебя есть передатчик. У тебя есть Огненная Птица! У тебя есть такой шанс, какого не может быть ни у кого.

Моя цель — сбросить иго Извергов и освободить мой народ. Я знаю, что тебе наше дело чуждо, но я не могу щадить ни тебя, ни себя. Я должен сделать все, что смогу, чтобы достичь своей цели. Теперь слушай меня внимательно, потому что времени у нас мало. Ведь в любой момент ты можешь попасть на Церемонию.

Сойер, с закрытыми глазами внимательно слушавший старика, услышал тревожный шепот Клей. Он открыл глаза и сквозь переливающуюся всеми цветами радуги стену увидел, как девушка подняла голову и изумленно осматривалась вокруг себя. Затри мягко встряхнул ее.

— Ты попадешь на Церемонию, — продолжал он, — но не беспомощный, не загипнотизированный, не слепо повинующийся им. Каждый раз, когда ты почувствуешь, что начинаешь терять волю, ты можешь попросить Альпера слегка, еле-еле тронуть кнопку управления передатчиком. Я все объясню ему. Так что малейшего звука в твоём мозгу будет достаточно, чтобы разрушить гипноз.

Что происходит на Церемонии, никто не знает, известно лишь, что жертву, прежде чем скормить ее Огненным Птицам, необходимо загипнотизировать. Но еще до того, как подойдет твоя очередь, вмешаются мои Хомы. Может быть, они спасут тебя. У нас есть взрывчатка. Я надеюсь взорвать стену Замка, чтобы туда ворвались Селли. Таков мой план. Если он сработает, ты спасен.

Перед окончанием Церемонии башни Замка начнут светиться, и все дикари соберутся возле его стен. Может, нам удастся взорвать стену самого Зала Миров и натравить Селли на Изверов, и тогда начнется драка. — Глаза старика заблестели в отверстиях маски. — Тогда у Изверов не останется выбора — им придется применить свое последнее оружие. Я надеюсь, что Селли возьмут верх над Изверами. Но если этого не произойдет, у нас останется последняя возможность. И все будет зависеть от тебя... — Он замолчал в нерешительности.

— Ты слышишь меня? — спросил он. — Открой глаза на секунду. Я хочу убедиться, что ты еще в своем уме. Да, да. Тогда слушай. Если ты поймешь, что побеждают Изверы, тогда сам выбирай момент. Когда ты решишь, что пора, прорывайся к Источнику. Ты должен бросить туда Огненную Птицу — бросить ее раскрытой!

Сойер в первый раз решил что-то сказать.

— Но... Альпер говорил...

— Альпер прав. Это большая опасность. Но бессмертие Изверов зависит от Источника. Мы не можем убить их. Но... сдается мне, мы можем уничтожить сам Источник. Конечно, это может погубить весь город. Это может взорвать весь Верхний Мир, Хомад. Но... — Затри хмыкнул. — Если победят Изверы, мы все погибнем. Лучше погибнуть в бою, чем как беспомощная жертва. Лучше погибнуть, уничтожив целую расу богов, чем умереть одному. Лучше погибнуть, зная, что ценой своей жизни ты дашь людям свободу, и они никогда не забудут того, что ты для них сделал.

Затри замолчал, с трудом дыша через отверстия маски. Наконец он сказал:

— У нас мало времени. Скажи Альперу, что он должен делать. Лучше будет, если ты умолчишь о последнем плане, я имею в виду Огненную Птицу. Если он поймет, что Птица для него потеряна, он откажется помогать нам. — Он кашлянул.

— Взгляни на меня, юноша, — сказал он. — Только на секунду открой глаза. Я не прошу у тебя прощения, но я должен сказать, что сделал лишь то, что должен был сделать. Если умрешь ты, умрем все мы. Если ты победишь, победим и мы. Мне бы очень хотелось все сделать самому. Ты веришь мне?

Сойер встретился с ним взглядом сквозь радужные переливы стекла.

— Я тебе верю. Я не говорю сейчас о прощении. Если мне удастся выбраться живым, тогда мы поговорим о том, что ты сделал. Но я тебе верю. — Он повернулся к Альперу. — Альпер, я... — Он посмотрел на Альпера. — Альпер! Затри, разбуди его!

Альпер безвольно прислонился к стеклянной стене, глядя расширенными глазами на игру света в стекле. Он уже пребывал под гипнозом. Затри сильно встряхнул его, чтобы разбудить. Клей сонно смотрела на них. Сойер звал Альпера, по-прежнему опасаясь крикнуть громко: — Альпер, Альпер! Ты слышишь меня? Альпер, проснись!

— Я не сплю, — внезапно сказал Альпер, вырываясь из рук Затри. — Со мной все в порядке. Но... Сойер! Ты видишь? Ты понимаешь, куда попал?

Сойер не открывал глаз. Он слишком хорошо помнил ощущение бесконечности, таившейся в этих сполохах разноцветного пламени, чтобы позволить себе снова взглянуть на них. Да и времени не было.

— Слушай меня, — сказал он. — Если ты хочешь получить Огненную Птицу, ты сделаешь то, что я скажу. Альпер, ты слышишь меня?

— Да, да, — рассеянно сказал Альпер. — Что ты хочешь сказать?

Сойер быстро пересказал ему весь разговор с Затри, умолчав об Огненной Птице. Но Альпер, казалось, не слушал его, бормоча что-то себе под нос.

— Сердце атома... — бубнил он. — Танец атома... Электроны... семь оболочек с электронами. И огненные круги в камере, где крутятся электроны! Сойер, ты понимаешь, что это? Я и раньше предполагал это, а сейчас полностью убедился, что...

Сойер смотрел на Альпера сквозь радужные сполохи на стекле, не совсем понимая, что происходит с ним самим. Что случилось? Что-то с его глазами? Стекло стены внезапно начали вибрировать. Фигура Альпера стала расплываться. И голос его стал вибрировать. Как будто и звуковые волны, и световые волны модулировались вибрацией стен.

— Это циклотрон! — вопил Альпер. — Космотрон, синхротрон — все, что хочешь! Что-то внутри него создает силы, которые разгоняют электроны в камере. Планетарный циклотрон! Где-то здесь находится аппаратура, фокусирующая пучок высокоэнергетических лучей. Ты видишь эти зеленые лучи? Сойер, ты видишь?

И голос, и лицо Альпера расплывались все сильнее и сильнее. Тревожные глаза Затри в отверстиях маски Извера, и поднимающаяся фигурка Клей — все это плыло у него перед глазами. Вибрация была такой сильной, что все молекулы в его теле, казалось, движутся в такт этой сумасшедшей пляске. Калейдоскоп цветов на стекле вдруг обрушился на него, проникая в глубины его мозга. Тогда, из последних сил цепляясь за ускользающую реальность, Сойер стал молить Альпера о помощи...

И вот в его мозгу послышался шепот. Шепот становился все громче. Вот уже ток крови в жилах стал казаться ему отдаленным рычанием льва...

Сойер, с трудом сохраняя сознание, крикнул в обступивший его золотой туман, готовый в любую секунду затопить его: — Хватит,

Альпер! Хватит! — И рычание льва стало затихать, превратилось в еле слышный шепот, который проникал в его плоть, заполнял артерии и вены, сохранял его разум живым и светлым.

Вокруг него больше не было стеклянных стен. Он находился внутри цветного шара, он стал его центром. Стены шара вращались вокруг него, и их вращение завораживало Сойера, погружало его в сладостное забвение. И только шепот в его мозгу не давал подчиниться этому вращению, помогал оставаться в сознании.

Он вспомнил, что говорил Альпер до того, как вращение стен скрыло его от взора Сойера. Атомы. Танец атомов. Циклотрон. Стекланные стены — это электронные оболочки. А он сам — ядро, вокруг которого крутятся эти электроны. Их вращение завораживало его...

Где-то высоко в золотом небе сидели на своих золотых тронах Изверы. Они были так высоко, что казались ему не крупнее кукол. Они плыли в необъятном пространстве, пока не замкнули круг, в центре которого находился он. Но размеры круга были настолько велики, что сознание Сойера отказывалось воспринять его. Тщетно пытался он вернуться в реальность, изгнать из своего мозга это леденящее кровь видение. Ему оставалось только смотреть.

Вокруг него на золотых тронах сидели похожие на статуи ангелы. Они смотрели на него, и их троны, казалось, висели в воздухе, не поддерживаемые ничем, плывя сквозь золотой туман. И все же возле их ног изредка поблескивало что-то. Может, невидимый помост, на котором стоят их троны? Помост из стекла?

Ангелы были не везде. Многие троны были пусты. Где же остальные? Сражаются на улицах? Нет. Сейчас здесь занята треть всех тронов. Может, остальные — это те, кто испарился, израсходовав всю свою энергию, отправившись в таинственное путешествие, откуда, снова восполнив запасы энергии, они вновь возвращались.

В центре круга находился шар, такой яркий, что Сойер даже не мог смотреть на него. По бокам шара виднелись две высокие фигуры, стоящие лицом друг к другу. Между ними вспыхивали зеленые молнии. Но Сойеру не удалось толком рассмотреть их — теперь он сам кружился по широкой орбите. Где-то далеко внизу виднелись головы, увенчанные стеклянными коронами. На головах было по две маски, одна слепая, бесстрастно смотрящая назад пустыми глазами, а другая — живая, улыбающаяся, смотрящая вперед. Сойер подумал, что одна из масок смотрит в прошлое, другая — в будущее.

Орбита, по которой он двигался, снова изменилась — теперь он спускался все ниже и ниже. Вот он уже находится ниже уровня тронов, на которых сидят ангелы, и опускается все ниже, вглубь, туда, где кружится золотой туман небосвода нижнего мира. Посмотрев вверх, он увидел подножия золотых тронов. Нет, троны вовсе не висели в воздухе — они стояли на твердых площадках. Сойер видел ноги Изверов, бесчисленное количество пар ног, уходящих в бесконечность, в ничто.

Теперь он пролетал где-то сбоку от них. Это была самая удаленная точка орбиты. Он увидел, что троны стоят на золотой туманности, вокруг ослепительно сияющего в ее центре шара. Сойер не мог смотреть на этот шар, глаза его не выдерживали такого света.

Из светящегося шара, скрещиваясь, переклещиваясь между собой, сворачиваясь в невообразимые спирали, вырывались языки пламени.

Он был не один в своем полете через золотое пространство, наполненное яркими снопами света. Другие светящиеся точки мчались по своим орбитам вокруг созвездия богов. Это были маленькие колено-преклоненные человеческие фигуры, заключенные в шестиугольные

камеры. Они были неподвижны в своем стремительном движении по орбитам вокруг ослепительного солнца. Соьер не мог сосчитать их — так их было много. Но он вспомнил, что говорил Альпер, и, прикрыв глаза ладонью, сосчитал орбиты. Семь. Семь орбит, и по ним бесчисленные электроны вращаются вокруг ослепительного ядра, на которое невозможно смотреть.

А ядро становилось все ярче. Когда Соьер снова взглянул на него сквозь ресницы, то увидел, как одна из коленопреклоненных фигур, затянута неведомой силой, нырнула в самый центр шара. На мгновение темный силуэт мелькнул на ослепительно ярком фоне и затем исчез в самом центре, между двумя Изверами, которые стояли, глядя друг на друга сквозь шар. Сильная вспышка обожгла глаза Соьера.

И вновь между Изверами запрыгали зеленые молнии.

Соьер тщетно пытался привести свои мысли в относительный порядок. Слишком многое произошло, слишком многое он увидел. И все, что он видел, оказывалось выше его понимания. Непрерывное кружение по орбите завораживало его, но слабое гудение в мозгу помогало ему держать сознание ясным.

— Чуть посильнее, Альпер, — сказал он, и голос его зарокотал в ушах, многократно отраженный стенами камеры. Он подумал о диске в руке Альпера, из которого слышится его голос. — Немного. Вот так хорошо.

Шум в ушах стал сильнее, но размышлять стало легче. Он начал думать, что же происходит с ним, начал подыскивать аналогии, силясь найти подходящее объяснение.

Я — ось, вокруг которой вращается камера. Я был протоном, когда растолкал все электроны стены и оказался в камере. Но теперь я сам электрон и вращаюсь вокруг огненного шара-ядра. Кто знает, из чего состоят электроны? Никто. — И тут в его мозгу возникла картина — маленькие электроны на своих орбитах и каждый из них — это шестиугольная камера со скорчившимся в ней неподвижным человеком. Он громадным усилием воли отогнал от себя это видение.

Что это за огненный шар, вокруг которого вертятся электроны? Ядро этого атома имеет семь энергетических оболочек. Атом урана? Вокруг его тяжелого ядра крутятся электроны по семи орбитам. Именно уран высасывали Огненные Птицы с полюса Земли. Так может быть это...

Источник! — подумал он. — Источник Миров! — И он напряг свои глаза, стараясь рассмотреть огненный шар, тщетно стараясь проникнуть взглядом сквозь ослепительный свет и увидеть дальний конец Источника, где тот соединяется с Землей.

Но не мог. Однако теперь он более отчетливо видел две фигуры, которые стояли друг против друга, разделенные огненным шаром. Фигура в белой мантии и что-то колеблющееся, темное, увенчанное белой маской.

Богиня и Нете. Нете и Богиня.

Значит, это и есть Церемония Открытия, после которой одна из них уйдет отсюда живой и торжествующей, а ее соперница останется

здесь, возле Источника. *Интересно*, — подумал он, — *кто может заставить умереть Извера? Как может смерть справиться с бессмертным богом?*

Электроны мчались по орбитам. Пламя ярко вспыхивало между соперницами, когда жертвы, одна за другой, устремлялись в центр ослепительно сияющего шара.

И электроны с внешних оболочек заменяют те электроны, которые с внутренней оболочки ныряют в бешеное пламя. Как только один из электронов падает, сразу происходит перераспределение на всех семи оболочках. Одну камеру за другой, они вырывают нас из Стены Жертв и швыряют в огонь, когда им это нужно. Мы...

Внезапный толчок заставил его забыть обо всем. Его перебросило ближе к огню... Внутренние орбиты требовали новых электронов, и одним из них оказался Сойер.

Сейчас, — подумал он, — *я нахожусь на шестой оболочке, затем окажусь на пятой.*

И так, шаг за шагом, он будет падать все ниже, все ближе к огню, пока не рухнет в него вслед за остальными...

Рухнет, чтобы дать энергию двум Богиням, которые хлестали друг друга кнутами зеленых молний. Что это за оружие? Как они черпают энергию из пылающего Источника?

И, словно бы в ответ на его вопрос, пламя между Богинями стало меньше, и Сойер смог рассмотреть все более ясно и четко. Один из электронов, который должен был упасть, чуть замешкался над Источником. Может, несчастная жертва от толчка пришла в себя, в то время как ей следовало падать в полном забвении.

Зеленое пламя захирело, погасло. И Сойер за краткий миг смог разглядеть то, что хотел, не боясь быть ослепленным. Правда, он побоялся заглянуть в самую глубину Источника. Но он хорошо видел двух Извергов, которые остановились передохнуть перед тем, как продолжить битву.

В огромных, злобных, полуприкрытых ресницами глазах Нете, подобных глазам змеи, горело то же адское пламя, что бушевало в Источнике. По ее лицу стекали светящиеся капли пота, на широкой мантии виднелись почерневшие пятна — следы от ударов молний. Она все время покачивалась из стороны в сторону, словно рассерженная кобра, не в силах остановиться даже на мгновение — иначе злоба и страсть к убийству, горящие в ней, убьют ее саму.

А напротив нее, источая такую же смертельную злобу, покачивалась Богиня. Она была одета в темную мантию и там, где мантии коснулась зеленая молния, светились зеленые пятна.

Было что-то странное в их головах, к тому же Сойер никак не мог рассмотреть, что за оружие держат они на уровне груди обеими руками.

А потом он наконец понял, что это. Они сняли маски. Ярость, которую источали их лица, заставляла их маски извергать злобу на соперницу. Держа обеими руками маски, которые смотрели друг на

друга пустыми глазницами, обе Богини покачивались из стороны в сторону в напряженном ожидании.

Но вот, наконец, замешкавшаяся жертва нырнула в Источник, и ожидание кончилось.

XIII

Пламя из Источника взметнулось вверх. Белые огненные языки пронизали пространство, искривили орбиты, по которым неслись электроны, и те закружились по неопишуемым спиральям, словно подхваченные невидимым ураганом. Они неслись все быстрее и быстрее. Что там говорил Альпер? Циклотрон? *Какие-то силы разгоняют электроны.*

Что ж, это было похоже на правду. Очень похоже. Все происходящее напомнило ему циклотрон. Стоило жертве упасть в Источник, как оттуда выплескивалась энергия. Но энергия не изливалась во все стороны, чтобы Изверы могли воспринять ее своими таинственными приемниками и преобразователями. Она попадала в какое-то мощное силовое поле и разгоняла электроны по спиральям, заставляя их двигаться все быстрее и быстрее. Сойер понятия не имел, что это за силовое поле, ось которого проходит через полюс Земли.

Теперь он понимал, зачем нужно это ускорение. В циклотроне заряженные частицы разгоняются до громадных скоростей, а затем через фокусирующую систему наружу вырывается поток частиц с высокой энергией. В этом планетарном циклотроне не было искусственной фокусирующей системы, но в нем, без сомнения, рождались высокоэнергетические частицы. Отражающие панели, о которые ударялись частицы, уже начали светиться.

И теперь глаза масок обеих Богинь извергали зеленое пламя. Два луча из каждой маски скрещивались как два лезвия. Взгляд Медузы Горгоны был ничто по сравнению с этими смертоносными взглядами. Лучи имели бледно-зеленый цвет, но были такими яркими, что глаз человека не мог смотреть на них.

Но еще более ужасно было видеть бесстрастные улыбки масок. Контраст между этими улыбками и смертоносным свечением глаз заставлял кровь застывать в жилах. Волны энергии бурлили в Источнике Миров, пожирая все новые и новые жертвы.

И с каждой новой жертвой Сойер оказывался все ближе и ближе к Источнику. Но он забыл о грозящей ему опасности, забыл о том, что вращается по непрерывно сужающейся орбите вокруг ядра, которое постепенно засасывает его.

Все внимание его сейчас поглощала дуэль двух Богинь, сражавшихся возле Источника, где вместо воды бурлило бешеное пламя,

над которым скрещивались бледно-зеленые лучи, более смертоносные, чем любой меч, когда-либо выкованный человеком.

Соперницы были достойны друг друга. Они наносили удары друг другу и отражали их, защищая свои ставшие вдруг уязвимыми тела. Да, уязвимыми, ибо тела Извергов были уязвимы *только для этого оружия*.

Сойер понял это, когда увидел, как Нете внезапно сорвала с себя маску, высоко подняла ее и направила зеленые лучи глаз маски в левое плечо Богини.

Рана была ужасна. Богиня покачнулась, на мгновение опустив маску, и смертоносные лучи из ее глаз ударили в пустоту. Черная мантия не выдержала удара зеленой молнии, и из-под нее потекли струйки золотистой крови...

Золотистая кровь, — подумал Сойер. — *Золотистая кровь!* Увидев ее ангелы, наблюдающие за поединком, ахнули. Нете издала дикий, звенящий торжествующий крик.

Но вот Сойер снова ощутил сотрясение, от которого у него закружилась голова. Его рывком перебросило на другую орбиту, и теперь ядро было совсем рядом. Но Сойер не обратил на это внимания. Он был раздосадован тем, что из-за этой чертовой встряски на мгновение потерял из виду сражение Богинь.

Но Нете просчиталась. Она слишком понадеялась на смертельный удар и теперь ее маска оказалась поднятой слишком высоко, чтобы успеть парировать ответный удар. Золотая кровь все еще текла по беспомощно повисшей руке Богини. Но другой рукой она схватила маску и очертила ею спираль в воздухе. Скорость и направление движения руки совпадали со скоростью и направлением бешено вращающейся энергии в Источнике. Возможно, этим она хотела воспользоваться энергией самого Источника.

Ее маска снова смотрела на Нете: лицо в лицо, глаза в глаза. Взгляды обеих Горгон извергали смертоносную энергию. Пламя полыхало между Нете и Богиней. Потом внезапно раздался жуткий крик — кричала Нете. Когда языки пламени немного опали, зрители разом вздохнули. Один глаз маски Нете стал слепым. Луч Богини сжег его.

Теперь, когда ее силы уменьшились наполовину, Нете с удвоенной яростью стала нападать на Богиню. Ее единственный луч метался, сплетая огненную сеть вокруг шатающейся фигуры в черной мантии, которая изо всех сил старалась парировать удары. Богиня, движения единственной руки которой были быстры, как молния, сплетала защитную сеть вокруг себя. И Источник иссякал все быстрее...

Электроны с внутренней орбиты сыпались в Источник, как снег. Он вспыхивал, снова угасал, снова вспыхивал, когда очередная жертва давала ему новую порцию энергии, энергии, в которой нуждались обе сражающиеся Богини.

Снова сотрясение! Сойер перескочил на другую орбиту, на этот раз внутреннюю. Следующий скачок швырнет его прямо в огонь!

Огонь? Сойер посмотрел вниз, прямо в Источник. Там сиял свет, невыносимый свет...

Источник жег глаза и мозг смотрящего в него.

Но он вовсе не был ярким.

Боль в глазах внезапно исчезла, и Сойер увидел все с неожиданной ясностью. Источник представлял собой некую сверкающую плоскость, похожую на зеркало, окруженное широким кольцом. В этом зеркале отражалось золотое сияние неба. И там что-то кружилось, бурлило, вращалось... Может, то был свет расплавленного земного ядра? Или сполохи северного сияния над ледяными торосами на полюсе Земли? Может, просто фонтан света? Сойер почувствовал, что не в силах подобрать подходящее слово. Но его мозг, его глаза не могли забыть кипящего зеркала Источника. Это движение проникало в мозг, завораживало, влекло Сойера к себе...

Он начал падать, падать...

Он жаждал этого падения. Он хотел видеть все, что происходило внизу, в Источнике. Ближе, как можно ближе...

Странно, — подумал он, — как во сне: я так близко и все же не могу толком рассмотреть эти пузырьки.

Что это? Пузырящийся жидкий металл? Холодный и блестящий, как ртуть? Нет, это не жидкий металл, ибо Сойер видел очертания отдельных пятен, которые кружились сами по себе. Они, казалось, совершали какой-то танец, который влетался в ткань видений Сойера, увлекая его вниз, на сверкающую равнину, где нет ничего, кроме этого завораживающего движения...

— Альпер! — внезапно крикнул он, и звук его голоса, отразившийся от стен шестигранной ячейки, едва не оглушил его.

И Альпер откликнулся. Кровь гулками колоколами загудела в жилах Сойера. Звук собственного дыхания показался ему свистом громадных турбин.

Сойер с трудом оторвался от жуткого очарования Источника. Теперь он знал, что такое Источник. Ни один человеческий глаз не видел подобного зрелища, ни один самый изощренный ум не мог вообразить себе это.

То был сложный танец ядра в атоме. Один за другим, притягиваемые протонами, в ядро ныряли электроны. *Его очередь близка...*

Но вот вращение его приостановилось. Сойер не хотел быть жертвой. Он собрался с силами, чтобы сопротивляться падению в устрашающую красоту Источника. Удары грома раскалывали череп Сойера, и он закрыл глаза, стараясь собрать все свое отвращение к смерти, чтобы это помогло ему выстоять против колдовских чар Источника.

Больше он не падал.

Источник снова казался Сойеру зеркалом, на поверхности которого не отражалось ничего. Теперь он был похож на огромный рот, распахнутый в ожидании жертвы. Но жертва не падала, и поверхность зеркала подернулась дымкой, как будто на нее дохнуло холодом.

Внизу зеленые молнии двух соперниц скрещивались друг с другом. Удары наносились с такой скоростью, что глаза Сойера не могли уследить за ними. Но вот они начали замедляться, молнии стали заметно бледнее. Мягче и слабее шипели разряды.

Богиня отступила назад и посмотрела наверх. Нете, тяжело дыша, опустила одноглазую маску и тоже подняла голову. Она узнала Сойера и рассмеялась звенящим безжалостным хохотом.

Наступил момент, когда Сойеру нужно было достать Огненную Птицу из кармана. Что произойдет после этого, Сойер не знал, но выбора у него не было. В любой момент он мог рухнуть в сверкающую поверхность Источника. А потом ему уже никогда не придется принимать решений.

Рука его нащупала Огненную Птицу, и тут он обнаружил, что не может двинуться.

Какая-то сила, которой он не мог сопротивляться, сковала его, сделала беспомощным. Он возобновил свое вращение по орбите вокруг Источника. Разум его был ясен, но он не мог двинуть ни одним мускулом, не мог даже шевельнуть пальцем.

— Альпер! — позвал он в отчаянии. — Прибавь немного. Только не перестарайся!

Глухие раскаты грома в мозгу стали нарастать, словно на Сойера надвигался тяжеловесный железнодорожный состав. Вот грохот сделался непереносимым...

— Хватит! — крикнул Сойер. — Оставь так!

Где-то внизу под ним, совсем рядом, прогремел взрыв. Все ангелы, до сих пор не отрывая глаз следившие за дуэлью, одновременно повернули головы в направлении взрыва, прогремевшего в Замке.

Да, в самом Замке.

Потом послышался второй взрыв, а вслед за ним — грохот рушащихся стен, звон стекла. Эти звуки раздавались совсем рядом. Изверы вскочили на ноги, встревоженно переглядываясь. Что могло превратить священную Церемонию? И в последний раз Сойер увидел сонм богов, стоящих в пустоте, и маленькие электроны, кружащиеся по своим орбитам вокруг золотого солнца.

Но вот золотой свод небес прорезала трещина, плюнув осколками стекла. Лавина обрушилась на стеклянный пол. Монолитные стены дрогнули, и через трещины в огромный стеклянный Зал хлынула толпа дикарей. Они неслись по стеклянному полу к ожидающим ангелам.

Изверы словно застыли, не в силах оправиться от невероятности происшедшего. Тысячелетиями они были уверены в покорности всего мира и теперь не могли верить в то, что стены их Замка могут быть разрушены. Но их святая святых подверглась нападению, и змееподобные дикари уже хозяйничали в Зале, потрясая длинными сверкающими ножами и издавая жуткий утробный вой. Церемония превратилась в кошмар.

Изверы по-прежнему не шевелились.

Но вот прозвучал приказ Богини, и Изверы ожили. Она крикнула, и хор золотых звенящих голосов ответил ей. Невыносимое отвращение исказило лица богов, когда они в шелесте ледяных мантий двинулись на орду Селли.

Отвращение к себе подобным, — подумал Сойер, вспомнив золотистую кровь, стекающую из раны Богини и каплю золотистой жидкости, повисшую на кончике ножа, которым он ударил в грудь дикаря.

Неуязвимая раса вступила в бой с другой неуязвимой расой. Сойер видел маски на затылках Изверов, которые безразлично смотрели на него, на Источник, на двух соперниц. Они смотрели так, как будто все это уже было в прошлом и теперь не представляло для них никакого интереса. Но вот послышался новый приказ Богини, и из рядов Изверов послышались крики торжества. Взметнулись вверх руки, словно выражая неописуемую радость.

Теперь над их головами покачивались маски, те самые маски, что столь безразлично смотрели в прошлое. Однако безразличие уже покинуло их. Они смотрели в будущее. Маски все еще улыбались бледными змеевидными губами, но улыбки их были жуткими, а глаза исторгали двойные зеленые лучи, подобные огненным мечам.

Сойер увидел, как мечи ударили переднего Селли, уже протянувшего свои извивающиеся руки, чтобы схватить первого Извера. Двойной луч пронзил толстую, закрытую чешуей грудь у самого основания шеи. Сойер видел, как луч прошел сквозь это тело, словно луч света сквозь тьму.

Огромное змееподобное существо покачнулось. Мгновение сверкающие глаза излучали тот же зеленый свирепый свет, что и глаза маски. Затем дикарь дико взвыл и рухнул вперед, подмяв под себя Извера. Золотистая кровь хлестала из его ран.

Тот тщетно пытался оттолкнуть от себя дикаря. Селли пока что еще был жив. Он обхватил своими извивающимися руками Извера и тянулся к маске, глаза которой сейчас смотрели в потолок. Два смертельных врага катались в жестокой схватке по стеклянному полу. Кровь Селли уже образовала лужу возле их ног, которая все увеличивалась. Сойер с удивлением заметил, что лужа разлилась до края стеклянной поверхности, и теперь жидкость капала в пустоту...

Прозрачный помост, на котором стояли троны, оказался плавающим в пустоте кругом, поддерживаемым стеклянными колоннами, между которыми вокруг Источника вращались электроны.

Селли и Извер, обхватившие друг друга, упали вниз. Вместе с ними упала и маска, пронизывающая пустоту зелеными лучами своих глаз.

Это падение пробудило Сойера. Он вспомнил об опасности, которая грозит ему. Он начал яростно бороться с поразившим его параличом, прекрасно понимая, что все эти маски Изверов тратят много энергии и Источник вскоре потребует новых жертв, чтобы пополнить свою убывающую мощь.

Сойер заставил себя думать только о громовых ударах в своем мозгу и изо всех сил постарался шевельнуть рукой. И это ему удалось. Рука еле заметно шевельнулась.

Его снова сильно встряхнуло. Он поднял глаза и перед ним снова открылось поле битвы между двумя расами, столь похожими и непохожими друг на друга. Они были как бы одной расой, отдельные представители которой казались всего-навсего различными формами одного и того же существа.

Но размышлять над этой проблемой Сойеру было некогда. Пламя в Источнике начало угасать, наступило истощение энергии. Вокруг Сойера летели шестигранные камеры с жертвами. Они дождем сыпались в Источник. И с каждым падением из Источника выплескивался язык пламени. Сойер стиснул зубы и крикнул:

— Альпер, еще! — и приготовился мужественно встретить спасительные, мучительные удары грома.

Он понял, что акт самоуничтожения жертв был добровольным. Ядро притягивало к себе электроны, но и сами электроны притягивались к ядру. И если сопротивляться этому призывному тяготению, то можно спастись... Вероятно, начальный гипноз был неотъемлемой частью всех Церемоний. И пока Сойер может сопротивляться, пока его разум ясен, его камера будет висеть над поверхностью Источника... Но колдовской танец теней в Источнике был настолько завораживающим, что долго противиться ему было невозможно...

Сойер изо всех сил стал подтаскивать руку к карману, где находилась Огненная Птица. Удастся ли ему это? Он не мог сказать с полной уверенностью. Сойер взглянул вниз, на поле битвы. Змееподобные Селли гнулись как колосья под ударами зеленых серпов Изверов. На стеклянном полу стояли лужи блестящей золотистой крови. С края платформы по двое и по трое падали вниз Селли и Изверы. Они падали, крича, обхватив друг друга мощными конечностями. Селли стаскивали вниз воинственных ангелов, убивавших их.

И Сойер внезапно понял, почему это место называется Зал Миров. Кольцо тронов, окружавших Источник, символизировало разделение мира на Хомад и Нижний Мир.

Сойер продолжал бороться. И вот пальцы его руки нащупали карман. Он не был уверен, что Огненная Птица спасет его. Но терять ему было нечего. Стоит ему прекратить борьбу, и его ждет гибель в Источнике, притяжение которого неумолимо нарастало. Он не должен был смотреть в Источник, не должен был думать о нем. Однако Сойер всем своим существом, всеми костями, нервами, мозгом чувствовал, как его тянет туда. Как будто все атомы его тела рвались туда, вниз.

Вокруг него в Источник сыпались жертвы, не дающие погаснуть зеленым молниям Изверов. Но вот Сойер увидел внизу Нете, которая не обращала внимания на битву. Резко взмахнув маской, она нанесла удар по Богине, которая, забыв о поединке, следила за битвой Изверов и Селли.

Удар был направлен по здоровой руке Богини, которой она могла держать свое оружие. Другая рука беспомощно висела, и кровь сте-

кала по пальцам и капала на стеклянный пол. Единственный глаз маски Нете выплюнул смертоносный луч. Богиня повернулась, чтобы отразить его, но медленно, слишком медленно...

Ячейку Сойера снова встряхнуло, и он повис над пузырящейся поверхностью Источника. Раскаты грома в его голове были невыносимыми. Сойер едва терпел их. Еще немного — и он потеряет сознание. Сойер уже не мог просить Альпера усилить действие передатчика. Он чувствовал, как все атомы его тела откликаются на предательский зов Источника, нервы его принимают то, что отвергал его мозг, как тянутся к Источнику его плоть и кровь, отвергая волю и разум. Смерть и жизнь одновременно присутствовали в его сознании, в его существе...

Пока он еще жив, он должен действовать. Он заставил руку подчиниться своей воле. Закрыл глаза и, с трудом преодолевая громовые раскаты в мозгу, коснулся пальцами Огненной Птицы.

Под его пальцами затрепетали, раскрываясь, сверкающие золотые крылья...

XIV

И энергия хлынула в него сверкающим золотым потоком. Огненная Птица, казалось, рвалась из его рук, стремясь к Источнику, который был совсем близко — туда, где было ее место. Вернись Птица в Источник, единственный путь на Землю окажется навсегда закрыт. Но если он не будет пускать Птицу туда, то долго ли он сможет сопротивляться колдовскому притяжению Источника?

Но выбирать ему не пришлось. Как только в его руках расправились золотые крылья Птицы, Нете словно забыла о том, что еще не нанесла последний смертельный удар по своей сопернице. Ведь сейчас Богиня была полностью незащищена, беспомощна перед ней. Нете вздрогнула, и луч из единственного глаза ее маски ударил по лицу Богини, которое было защищено маской. Высокий крик донесся из-под маски, Богиня пошатнулась и начала падать...

Но не упала, а лишь наклонилась вперед, к Огненной Птице. Спотыкаясь, она пошла вокруг Источника к Сойеру и к той драгоценности, которую он держал.

Нете тоже не сводила глаз с распростертых золотых крыльев. Должно быть, она просто забыла о Богине. Она видела Птицу в руках Сойера. Желанное было совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки...

Но что это? Стены его ячейки внезапно исчезли, и он упал вниз с высоты шести футов на стеклянный пол. Была тому виной Огненная Птица, а может, Нете?

Нете хотела схватить Огненную Птицу. Как он мог теперь сопротивляться ей? Еще не придя в себя после падения, он заковывал прочь, подальше от Нете и от Источника.

Оглянувшись через плечо, Сойер увидел Богиню, глаза которой сверкали через отверстия маски, слышал, как она выкрикнула имя Нете и в последнем усилии подняла свое грозное оружие.

Нете резко повернулась, чтобы встретить эту отчаянную атаку. Она подняла свою маску, стремясь прикрыться ею, как щитом. Лицом к лицу, глаза в глаза две маски смотрели друг на друга. Сверкающие линзы маски Богини посылали мощные пучки энергии в единственный глаз маски Нете.

И маска Нете погасла.

Нете взглянула на нее в недоумении, все еще держа в руках ставший вдруг бесполезным щит, затем внезапно расхохоталась, резким, пронзительным смехом, отбросила маску и как змея рванулась к Сойеру.

Удар швырнул Сойера на стеклянный пол. Он почувствовал, как Огненную Птицу вырвали из его рук, и затем слышал дикий крик торжества. Это кричала Нете, наконец-то получившая в руки талисман, который должен был принести ей победу.

Ее голоса звенел в воздухе, возвещая победу. Но затем тембр его резко изменился. Два луча из глаз маски Богини вспыхнули над головой Сойера, и крик победы превратился в вопль жуткой нечеловеческой боли...

Сойер, лежа на полу, видел это длинное извивающееся от боли тело, видел сверкающую Огненную Птицу, видел, как два зеленых луча — два зеленых лезвия — пронзили это тело... И больше ничто уже не могло возродить его к жизни — даже Огненная Птица, понапрасну излучающая сейчас свою энергию...

Смерть Селли была медленной, но Изверы умирали еще медленнее. Сойеру казалось, что Нете стоит над ним уже целую вечность. Он видел на ее лице нечеловеческую ярость, затем нечеловеческое отчаяние, и затем решимость.

Она была уже мертва и знала это, но внезапным змеиным движением рванулась к Богине. Если уж она сама проиграла, то пусть не выиграет битву никто из них. Если ей суждено погибнуть, она уничтожит всю расу! Обычным путем, путем дуэли, ей не удалось доказать то, что она достойна быть Богиней. Что ж, есть еще один способ доказать это...

Сойер видел блеск ее струящейся мантии, видел сверкающую Огненную Птицу с распростертыми крыльями. Зеленые мечи из глаз маски еще пронизывали Нете, но она утратила страх перед смертью — она была уже мертва, но рвалась вперед, не обращая внимания на смертоносные лучи. Вперед, к высокой темной фигуре той, что убила ее.

Сойер видел, как они сплелись в яростном объятии возле бурлящего пламени Источника. Он слышал их звенящие яростью голоса, затем обе они покачнулись и упали...

Источник принял их обеих.

И вместе с ними — Огненную Птицу с раскрытыми крыльями, конец расы богов.

Шатаясь, полуоглушенный, ослепленный сиянием Источника, Соьер видел, как они падали вниз, изменяясь на лету.

Падая, они излучали свет, который окутывал их подобно пару. Казалось, их тела распадаются на молекулы, и эти молекулы образуют облака пара. И вскоре тела исчезли. Но молекулы в облаках пара начали вновь формироваться во что-то...

Вскоре Соьер увидел длинные змеевидные конечности, извивающиеся тела, приплюснутые странные головы, большие, пустые, сверкающие как драгоценные камни глаза... Селли!

Он знал, что так будет. Он был уверен в этом. Он уже понял, что Селли и Изверы это не две расы, происшедшие от одного предка, это одна раса. Изверы и были Селли. Соьер вспомнил старые земные легенды о раздвоении личности, о вселении дьявола в человека, вспомнил Джекила и Хайда — разные формы одного и того же...

Интересно, какой же мостик смогли перекинуть Изверы от жизни простых смертных к атомной энергии, когда они впервые смогли превратиться в бессмертные изотопы?

Теперь об этом уже никто не узнает. Не вызывало сомнения лишь то, что Изверы подвергали себя смертельной опасности. Ведь они не могли контролировать стабильность изотопов во времена энергетических кризисов. Пока Источник действовал, они были в безопасности, но стоило Источнику прекратить поставлять им энергию, они не смогли поддерживать стабильность своего существования в форме Изверов. Энергия иссякала, и они опускались на более низкий энергетический уровень... то есть превращались в Селли...

Но это еще не конец. Полный цикл видоизменения на этом не завершился.

Падающие, изменяющиеся тела исчезали в Источнике, другой конец которого, как предполагал Соьер, находился на Земле. Некоторое время стояла тишина, и только на поверхности Источника возникали и исчезали тени, туманные пятна, продолжающие свой бесконечный таинственный танец.

Где-то вдали, словно в другом мире, продолжалась битва между Изверами и Селли. Раса убивала саму себя, подчиняясь странной неуправляемой ненависти подобных к подобным. Сцепившись в смертельной схватке, они один за другим падали в ничто, и крики их были подобны крикам ангелов, падавших с небес во времена войны с серафимами.

Затем в глубине Источника, где исчезла Богиня, Соьеру почудился трепет крыльев и вслед за этим появились вспышки света. Свет становился все ярче... Соьер прижался к стеклянному полу, вцепился в него, желая оказаться как можно дальше отсюда, исчезнуть. О, он знал трепет этих крыльев. Он уже видел его на шахте в Фортуне. И теперь эти Птицы поднимались сюда. Не было силы, которая могла бы управлять этими адскими созданиями. Ведь Нете исчезла и вместе с ней исчез могущественный талисман.

Источник был открыт и теперь стал неуправляем. Из него бил фонтан энергии. Струи его состояли из множества Огненных Птиц, издававших высокие звенящие звуки. Как будто вся мощная энергия, концентрирующаяся в Источнике, хлынула в Хомад.

Струи фонтана вздымались к небу и затем обрушивались вниз. Огненные Птицы падали прямо на сражающихся, как огненные копыя. Их словно притягивало вниз, туда, где в смертельной схватке сплелись Изверы и Селли.

Да, теперь эта раса предстала в третьей, совершенно новой форме. Изотоп Извера распадался не на два, а на три элемента. Цикл завершился. Третьим элементом были Огненные Птицы, которые должны были уничтожить первые две формы.

Они обрушивались на сражающихся, подобно молниям, и повсюду вспыхивали взрывы. Разуму человека было трудно постичь происходящее. Сойер, вжавшись в стеклянный пол, понял, что еще немного, и он сойдет с ума. Никто не смог бы выдержать это и остаться в здравом рассудке.

Вокруг грохотали взрывы и сумасшедший фонтан энергии бил из Источника. Уцелевшие Изверы продолжали свой цикл изменения. Когда иссякала их энергия, они превращались в молекулярный пар, который неведомыми путями поступал в Нижний Мир, где из него конденсировались Селли.

Но и это был не конец. Энергия иссякала и ее следовало как-то уравновесить. Селли в свою очередь тоже изменялись. Снова отворялась дверь, но уже в другое измерение, на Землю, на полюс, с которым Хомад был крепко-накрепко связан. На шахте в Фортуне появлялись тысячи Огненных Птиц, которые были последней, третьей стадией превращения Изверов. Огненные Птицы поглощали атомную энергию земного урана до тех пор, пока не насыщались и не превращались вновь в Изверов, возвращавшихся в Хомад через ледяной туннель. Обо всем этом знала только Нете. Она из всех сил старалась оставить все, как есть, до тех пор, пока не станет Богиней. Тогда она вернула бы Огненную Птицу в Источник.

После кражи Огненной Птицы Источник перестал поставлять энергию, в которой нуждались Изверы. И по мере того, как таяла, не получая подпитки, их энергия, они переходили в нестабильную форму, из которой могли продолжать цикл трансмутации.

Этот цикл был совершенно безопасен, если, конечно, три формы одной материи не встречались между собой. При встрече же происходило их взаимное уничтожение, аннигиляция.

Находясь в Источнике, Огненная Птица регулировала поток изотопов, перемещая их по кругу и не давая возможности встречаться. Но когда ее не стало, началась цепная реакция. Сойер вспомнил превращение урана-238 в нестабильный плутоний, который вновь превращающийся в уран, но уже в уран-235, который может взрываться, если его масса превышает критическую.

Из Источника все еще бил фонтан Огненных Птиц, добавляя в уравнение последний недостающий фактор. Планетарный циклотрон содрогнулся от всплеска титанической энергии и...

Сформировался новый изотоп. Совершенно новый, состоящий из Селли, Извера и Огненной Птицы одновременно. И масса их превышала критическую.

Сквозь стеклянный пол Сойер на мгновение увидел три слившиеся воедино фигуры — три... и в то же время одну. Змеевидного дикаря, высокого статного полубога и крылатое пламя над ними. Всего лишь мгновение созерцал он эту золотую скульптуру.

То Сатана перед падением в ад, — подумал Сойер. Он буквально вдавил лицо в стеклянный пол, чтобы рассмотреть все. Сверкающая фигура — полузмея, полуангел... и огненные крылья, от нестерпимого блеска которых болели глаза.

Мгновение они неподвижно висели в пространстве — и затем взрыв — бешеный взрыв, подобный тому, что впервые прогремел в Аламагорде. Грибовидное облако висело над Хомадом...

Эхо гигантского взрыва прокатилось над Хомадом. Боги покинули Хомад, и путь, по которому текла к ним энергия, закрылся навсегда.

Посреди стеклянного пола дымился мертвый Источник Миров. Сойер видел, как он вспыхнул последний раз и эта вспышка была последней каплей, переполнившей его разум. Сознание покинуло его.

Гром в его голове вернул его к жизни. Сойер лежал на стеклянном полу, под которым клубилась золотистая бездна. Потом долго тряс головой, глядя на маску.

Он не мог вспомнить, что же произошло.

Ему показалось, что прошли века с тех пор, как сквозь пролом в стеклянной стене хлынула орда дикарей. Потом... фигуры в масках, которые приближались к нему...

Но вот из-за разрушенной стены послышался шепот, затем голоса, крики торжества. Он услышал вдали звон колоколов. Но это были не колокола тревоги, это был радостный звон...

Но здесь, в святилище исчезнувших богов, еще не наступило время радости. Вокруг лежал спасенный и счастливый мир, но к Сойеру медленно приближался человек в маске — и с ним приближалась смерть.

Альпер шел неуверенно, ноги его подгибались, последняя энергия Огненной Птицы уже иссякала в его дряхлом теле.

Он остановился в десяти от Сойера и обхватил себя руками. Сойеру было странно видеть маску Извера, глаза которой не излучали смертоносные лучи. Вместо них в глазницах моргали маленькие

серые глазки Альпера. Вероятно, он поднял эту маску, когда шел сюда...

— Она пропала, — всхлипнул старик. — Ты позволил Огненной Птице исчезнуть!

— Земля тоже исчезла, — услышал Сойер свой голос. Он с трудом вдохнул в себя воздух. — Пути назад нет. Тебе не поможет моя смерть. Мы можем жить... в Хомаде...

— Альпер! — послышался чей-то голос. — Альпер, подожди! — Через развалины стены карабкалась грузная фигура Затри — тоже в маске. Гулкое эхо его голоса запрыгало под стеклянными сводами. Что произошло до этого, Сойер не имел понятия. Но теперь это уже не имело значения. Осталась одна, последняя битва. И в ней никто не мог помочь Сойеру, кроме него самого. Он поднялся на ноги.

— Жить здесь? — горько спросил Альпер. — Без Огненной Птицы? Много ли я протяну? У тебя еще есть время. Ты можешь найти здесь дело и жить. Ты женишься. У тебя будет семья. А что я? Как я смогу править...

— Ты не сможешь, — спокойно ответил Сойер. — Ничего у тебя не выйдет. Ты много чего умеешь, но правление — не твоя стихия.

— Альпер! — кричал Затри. — Подожди!

— Ждать? — фыркнул Альпер. — Чего ждать? Чтобы вы опять надули меня? О, нет! — Он прыгнул к Сойеру, сжав кулаки. — Ты выбросил Огненную Птицу! Без нее я умру! Я умру! — Из-под маски послышался злобный смех. — Но ты умрешь первым!

Правая рука его скользнула в карман, где находился передатчик.

Зная, что опоздал, Сойер все же прыгнул.

Вихрь молний полыхнул внутри его головы, раскаты грома затопили сознание. Теперь его череп превратился в циклотрон, который раскручивал свою спираль все быстрее и быстрее, пока он, полуослепший, полуоглушенный, летел к улыбающейся маске...

Руки его сжали череп, и тут он ощутил на себе маску. Он совсем забыл о ней. Он даже не удивился тому, что понимал слова Затри. Затри...

Словно сквозь туман он видел, как Затри делает что-то странное. Он тоже сжал виски обеими руками, а затем сорвал с себя маску и швырнул ее на стеклянный пол. Он не сводил глаз с Сойера и Альпера, а лицо его было искажено болью.

Все это произошло буквально в долю секунды, пока Сойер летел к Альперу, который делал все, чтобы расколоть его череп пополам. И когда Сойер увидел лицо Затри без маски, он все понял. Он расхохотался и еще находясь в воздухе сорвал с себя маску...

Затем он обрушился на Альпера и сбил его с ног. Старик все еще нажимал кнопку управления. Но сейчас Сойер сам хотел этого. Он знал, почему Затри сорвал маску, и знал, что происходит в мозгу самого Альпера.

Альпер поднял руку, сиюсь сорвать свою маску, ибо тоже все онял.

Маски, помимо всего прочего, являлись еще и передатчиками, и мощными усилителями. Зрение и слух человека, надевшего маску, усиливались в тысячи раз. И те ультразвуковые колебания, которые сейчас звучали в мозгу Сойера, тысячекратно усиленные, звучали в мозгу Альпера — пока на нем была маска.

Сойер навалился на старика всем телом, прижал его к полу, чтобы от не мог сорвать маску, нащупал рукой кнопку управления и ажал ее сильнее...

Альпер закричал.

Он пытался сопротивляться, но где там! Гром гремел в их головах. Он оглушал Сойера, но в голове Альпера он был еще более жутким, почти смертельным. Старик страдал гораздо сильнее Сойера.

Теперь Альпер думал только о том, как прекратить гром в голове Сойера, чтобы самому избавиться от мучений. Но Сойер не давал ему делать этого. Уже почти теряя сознание, он крепко прижимал пальцы старика к кнопке, надеясь лишь на то, что Альпер постарается уйти и нажать потайной выключатель прежде, чем этот гром убьет их обоих.

Если Альпер умрет раньше, чем сделает это, Сойер тоже обречен. Пока передатчик связывает их, смерть Альпера означает смерть Сойера.

Старик отчаянно шарил пальцами по коробке. Сойер боялся дать ему свободу действий... но...

И внезапно все кончилось.

В голове у него воцарилась звенящая тишина. Сойер приподнялся на локтях и услышал, как что-то звякнуло об стеклянный пол. Рядом с ним валялся тонкий блестящий металлический диск.

Передатчик.

Не осмеливаясь поверить этому, он прижал руку к голове... Ничего. Он свободен.

Сойер отпустил Альпера. Старик медленно перекатился на бок, вытянулся и затих. Тяжелая голова в улыбающейся маске Извера запрокинулась и смотрела прямо вверх. Серые глаза в прорезах маски уставились на Сойера, но не видели ничего. Возраст всегда был трагедией Альпера — но теперь он уже никогда не станет старше того, чем был до этого мгновения.

Сойер долго смотрел на мертвеца, затем поднял голову.

Затри шел к нему по стеклянному полу. За его спиной, у развалин стены, стояла Клей, не сводя с Сойера встревоженных глаз. Она неуверенно подняла руку, когда встретилась взглядом с Сойером, и он улыбнулся ей. Он не мог еще двигаться, он слишком истал.

Но теперь все было позади. Он осмотрелся вокруг. Разрушенный Источник был теперь всего лишь грудой расплавленного металла. И

где-то под ним, в другом измерении, навсегда исчезла для Сойера Земля, его собственный мир.

Что ж, иного выхода у него не было. Сойер сделал все, что мог. Он сделал свое дело.

Где-то невообразимо далеко, в другом измерении, кто-нибудь в Торонтском офисе напишет на его досье: «*Закррито*». Сойер покачал головой, отгоняя это видение. Теперь у него есть только Хомад. На Хомаде тоже можно хорошо жить — а ему больше ничего не остается.

Сойер повернулся к Клей, ожидавшей его, и с трудом поднялся на ноги.

Человек должен делать свое дело в любом мире. Сойер знал, что Землю он не забудет. Он подумал, что каждый раз, когда сильно напьется, будет говорить о ней. Если на Хомаде есть вино, подумал он, то он обязательно напьется и начнет бубнить окружающим о Земле, о ее зеленых полях, о морях... Во всяком случае, к нему снова вернется Земля, он сможет долго говорить о ней, говорить более ласково, чем тогда, когда жил на ней...

Но он молод. И впереди — долгая жизнь. Все будет хорошо, если он постарается.

Улыбающаяся маска Альпера смотрела, как он неуверенно шел над клубящимся золотым туманом бездны к Затри... и к Клей.

Возврат
к чуждому

Пианола

Джерри Фостер пожаловался бармену, что его никто не любит. Бармен, поднаторевший в своем ремесле, сказал, что Джерри ошибается, и предложил ему пропустить еще рюмочку.

— Отчего бы и нет? — ответил несчастный мистер Фостер, перебирая скучное содержимое своего бумажника. — «Себе возьму я дочь вина в супруги. И пусть вдали грохочет барабан». Это Омар.

— Конечно, — сказал удивленный бармен. — Но ты особо-то не увлекайся, если не хочешь вылететь через ту дверь, через которую вошел. Здесь тебе не Пятая Восточная, приятель.

— Можешь называть меня «приятелем», — сказал Фостер, вновь оседлавая любимого конька. — Но на самом-то деле это всего лишь слова. Я — ничейный паренек. Меня никто не любит.

— А как насчет той малютки, что была здесь с тобой прошлым вечером?

Фостер пригубил напиток. Он был довольно привлекательным молодым человеком с густыми белокурыми волосами и голубыми глазами с несколько затуманенным взором.

— Бетти? — пробормотал он. — Так уж случилось, что когда я недавно зашел с Бетти в «Том-том», там объявилась эта рыженькая. И я послал Бетти подальше. А рыженькая меня отшила. Теперь я одинок, и все меня ненавидят.

— Возможно, тебе не следовало посылать Бетти подальше? — предположил бармен.

— Я такой ветреный, — ответил Фостер.

В его глазах заблестели слезы.

— И ничего не могу с этим поделать. Женщины — моя напасть. Налей-ка мне еще и скажи, как тебя зовут?

— Остин.

— Остин. Так вот, Остин, я, кажется, угодил в переплет. Ты знаешь, кто выиграл вчера пятый заезд в Санта-Аните?

— Поросычья Рысца, разве нет?

— Да, — сказал Фостер. — Но я-то повесил свои денежки на морду Белой Молнии. Вот почему я здесь. Сюда ведь скоро должен прийти Сэмми, не так ли?

— Верно.

— Мне повезло, — сказал Фостер. — Я раздобыл деньги, чтобы с ним расплатиться. Когда Сэмми не платишь, он становится крепким орешком.

— Это меня не касается, — сказал бармен. — Извини.

Он отошел и занялся парочкой поклонников водки.

— Значит, ты тоже меня ненавидишь, — сказал Фостер и, залпом осушив свой стаканчик, побрел прочь от стойки бара.

Он удивился, заметив Бетти, которая сидела в кабинке одна и наблюдала за ним. Однако его вовсе не удивило то, что ее светлые волосы, кожа цвета розового порфира и глаза с поволокой потеряли для него всякую привлекательность. Она наводила на него скуку. К тому же она явно собиралась вновь начать надоедать ему.

Фостер проигнорировал девушку и направился дальше, туда, где у дальней стены переливалось всеми цветами радуги массивное продолговатое сооружение. Производители данного сооружения настаивали на названии «автоматический фонограф», но большинство людей звало его «пианолой».

Эта пианола была великолепна. Она буквально лучилась огоньками и красками, а главное — не пялилась на Фостера и не трепала языком.

Фостер примостился рядом с пианолой и погладил ее по гладкому боку.

— Ты — моя девушка, — объявил он. — Ты прекрасна. Я безумно тебя люблю. Слышишь, безумно.

Его спину обжигал взгляд Бетти. Осушив свой бокал, он вновь принялся ласково оглаживать пианолу, произнося красочные речи в ее честь. Потом он оглянулся. Бетти собиралась встать.

Фостер поспешно нащупал в кармане монетку и хотел сунуть ее в щель автомата. Но тут в бар вошел коренастый темноволосый мужчина в очках в роговой оправе. Он кивнул Фостеру и быстро направился к кабинке, в которой сидело жирное создание в твидовом костюме. Состоялся короткий диалог, во время которого деньги сменили хозяина, и коренастый мужчина сделал пометку в маленькой книжечке, извлеченной им из кармана.

Фостер достал бумажник. У него уже случались неприятности с Сэмми, и новых он не хотел. Букмекер настаивал на наличных. Фостер пересчитал деньги, моргнул, пересчитал их вновь и у него засосало под ложечкой. Он либо обсчитался, либо потерял часть денег. Их явно не хватало.

Такое Сэмми не понравится.

С трудом шевеля затуманенными мозгами, Фостер стал размышлять, как бы ему потянуть время. Сэмми его уже видел. Пути к отступлению были отрезаны.

К тому же в баре вдруг стало слишком тихо. Ему же нужен был шум, который скрыл бы его движения. Он посмотрел на свою монетку, торчавшую из прорези автомата, и поспешно протолкнул ее внутрь.

Из отверстия для возврата монет вдруг потоком хлынули деньги.

Почти мгновенно Фостер подставил под него шляпу. Четвертные, десятицентовики и пятаки струились бесконечным потоком. Пиано-

ла заиграла песню. Игла заскользила по черному диску пластинки. То была полная светлой печали мелодия «Мой любимый». Она перекрыла звон лившихся в шляпу Фостера монет.

Через некоторое время денежный поток иссяк. Фостер застыл на месте, вознося благодарность своим богам. Тут он увидел, что к нему направляется Сэмми. Букмекер посмотрел на шляпу Фостера и заморгал.

— Привет, Джерри. Что происходит?

— Я сорвал банк, — сказал Фостер.

— Но не на пианоле же!

— Да нет, в Ониксе, — сказал Фостер, упомянув один частный клуб, находившийся в нескольких кварталах отсюда. — Не успел еще обменять на крупные, не поможешь ли мне?

— Я тебе не кассир, — сказал Сэмми. — Я свое беру в зелененьких.

Пианола закончила исполнять «Мой любимый» и принялась за «Навеки». Фостер положил на фонограф позвякивающую шляпу и пересчитал банкноты. Их было недостаточно, но он доложил до нужной суммы выуженными из шляпы четвертными.

— Благодарю, — сказал Сэмми. — Жаль, что твоя кляча подкачала.

«И истинная любовь навеки», — пламенно выводила пианола.

— Тут уж ничем не поможешь, — сказал Фостер. — Может быть, в следующий раз я попаду в точку.

— На кого-нибудь поставишь в Оуклаун?

«Чтобы мечты стали явью, с тобой должен быть верный друг...»

Фостер привалился к автомату. Последние два слова словно громом поразили его. Именно они, выскочив ниоткуда, засели в его мозгу, словно заноза. Он перестал слышать что-либо, кроме них. Они все повторялись и повторялись.

— ...верный друг, — сказал он в прострации. — Верный...

— Темная лошадка? — переспросил Сэмми. — О'кей, Верный Друг участвует в Оуклауне в третьем. Обычную?

Комната вдруг начала вращаться. Фостеру удалось утвердительно кивнуть. Через некоторое время он заметил, что Сэмми ушел. Фостер увидел свой стакан, стоявший на пианоле, и тремя большими глотками осушил его. Потом он наклонился и уставился на загадочно мерцавший автоматический фонограф.

— Невозможно, — прошептал он. — Я просто пьян. Но все же мне недостаточно. Необходим еще глоточек.

Из отверстия для возврата монет выкатился четвертак, и Фостер машинально поймал его.

— Нет, — выдохнул он. — Ох-хо-хо!

Он набил карманы монетами, извлеченными из шляпы, вцепился в стакан как утопающий в соломинку и направился к бару. На полпути кто-то тронул его за рукав.

— Джерри, — сказала Бетти, — прошу тебя...

Он проигнорировал ее. Подойдя к стойке, он потребовал еще порцию.

— Послушай, Остин, — сказал он, — эта ваша пианола, она как, в порядке?

Не поднимая головы, Остин выжал сок из лимона.

— Пока жалоб не было.

— Но...

Остин пододвинул к нему вновь наполненный стакан.

— Прошу прощения, — сказал он и отошел к другому концу стойки.

Фостер украдкой бросил взгляд на пианолу. Та стояла у стены, загадочно мигая.

— Не знаю, что и думать, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

Заиграла пластинка. Пианола низким контрольтю запела: *«Оставьте нас наедине с нашей любовью...»*

По правде говоря, дела Джерри Фостера в эти дни шли из рук вон плохо. Он был консерватором по натуре, поэтому родиться в эпоху великих перемен явилось для него огромной ошибкой. Он нуждался в твердой почве под ногами, а середина двадцатого века с тревожными газетными заголовками и новыми жизненными стандартами, обусловленными коренными технологическими и социальными изменениями, таковой почвы не обещала.

Чтобы выжить в эпоху культурной революции, нужно было обладать умением приспосабливаться. В монотонных двадцатых Фостер чувствовал бы себя как рыба в воде, но здесь, в этом мире, он явно был не в своей тарелке. Человек подобного склада прежде всего нуждается в гарантированной безопасности, а безопасность эта все время от него ускользала.

В результате Джерри Фостер оказался без работы, весь в долгах, и пить стал куда больше, чем следовало бы. Единственным преимуществом текущей ситуации было то, что алкоголь притупил подозрительность Фостера при встрече последнего со страстной пианолой.

На следующее утро он забыл обо всем и не вспоминал о случившемся еще два дня, пока его не разыскал Сэмми и не передал ему девятьсот долларов — результат того, что Верный Друг первым разорвал ленточку в Оуклауне. Выстрел наугад оказался на удивление удачным.

Фостер немедленно отправился выпить и незаметно для себя оказался в знакомом ему баре в центре города. Однако Остин в этот вечер не работал, и Бетти тоже не было, так что Фостер, нагрузившись по самую макушку, поставил локти на полированное красное дерево и огляделся. В глубине зала стояла пианола. Фостер заморгал, пытаясь что-то вспомнить.

Пианола заиграла: «Я буду помнить апрель». Сквозь затуманенный алкоголем мозг Фостера пробился лучик света. Его начала бить дрожь. Из его рта вырвались слова:

— Помнить апрель... помнить апрель...

— Эй! — воскликнул толстый небритый, неопрятный толстяк, сидевший рядом с ним. — Я тебя слышал! Я буду... Что ты там сказал?

— Помнить апрель, — пробормотал Фостер почти машинально. Толстяк отпил из своего стакана.

— Сейчас не апрель, сейчас март!

Фостер неуверенно огляделся в поисках календаря.

— Сейчас третье апреля, — объявил он наконец. — А в чем дело?

— Тогда мне пора возвращаться, — с отчаянием в голосе сказал толстяк и потер обвислые щеки. — Уже апрель! Сколько же я уже не просыхаю? Может, ты знаешь? Ты же обязан знать. Апрель! Тогда еще стаканчик.

Он подозвал бармена.

Однако ему помешал внезапно ворвавшийся в бар мужчина с топориком. Уставившийся на него затуманенным взглядом Фостер почти было решил перебраться подобра-поздорову в какое-нибудь более спокойное заведение. Вновь прибывший был тощим белокурым молодым человеком с безумными глазами. Он весь трясся, как в лихорадке. Прежде чем его успели остановить, он пролетел через весь зал и занес топор над пианолой.

— Я больше не в силах этого выносить! — истерически закричал он. — Ты злобная маленькая... Я разделаюсь с тобой раньше, чем ты разделаешься со мной!

Выкрикнув эти слова и не обращая внимания на приближавшегося к нему бармена, белокурый юноша изо всех сил рубанул пианолу топориком. Полыхнул голубой разряд, раздался треск, и блондин молча осел на пол.

Фостер остался на прежнем месте. На стойке рядом с ним стояла бутылка, и он завладел ею. Он наблюдал за происходящим словно сквозь туманную пелену. Вызвали скорую помощь. Врач сказал, что блондин испытал сильный шок, но пока что жив. У пианолы была разбита панель, но в целом она не слишком пострадала. Откуда-то появился Остин и достал себе из-под стойки стаканчик.

— Каждый убивает то, что любит, — сказал он, обращаясь к Фостеру. — Ты тот парень, что когда-то цитировал тут Омара, не так ли?

— Что? — переспросил Фостер.

Остин кивком указал на неподвижную фигуру, которую клали на носилки.

— Вот что забавно. Этот парень частенько навещался сюда только для того, чтобы заставить пианолу поиграть. Он был в нее просто влюблен. Мог часами сидеть и слушать ее. Конечно, говоря, что он был в нее влюблен, я не имею в виду это буквально, улавливаешь?

— Конечно, — отозвался Фостер.

— И вдруг, пару дней назад, он вышел из себя, просто совсем помешался. Я вошел и обнаружил его на коленях перед пианолой, вымаливавшим у нее за что-то прощение. Не понимаю. Думаю, что некоторым просто нельзя пить! А ты как думаешь?

— Так же, — ответил Фостер, наблюдая за тем, как санитары из скорой помощи выносили пострадавшего из зала.

— Просто легкое поражение током, — сказал один из санитаров. — Все будет в порядке.

В пианоле что-то щелкнуло, и заиграла новая пластинка. Должно быть, что-то произошло с регуляторами, потому что звук был просто оглушающим.

— Хло-о-я! — вопила пианола. — *Хло-о-яаяя!*

Оглушенный, борясь с ощущением, что он переживает галлюцинацию, Фостер вдруг оказался возле пианола. Он приник к ней, борясь с накатывавшей волной звука. Он потряс пианолу, и рев слегка приутих.

— Хло-я-я! — мягко и нежно пела пианола.

Кругом все суетились, но Фостер не обращал на них никакого внимания. Он весь был во власти снизошедшего на него озарения. Сквозь стеклянную панель он заглянул во внутреннюю часть фонографа. Пластинка как раз замедляла вращение, и когда игла поднялась, Фостер смог прочитать ее название на круглой наклейке.

Оно гласило: «Весна в горах».

Пластинка торопливо поднялась и скользнула на свое место в обойме. Другой черный диск закружился под иглой. Это были «Сумерки в Турции».

Но вместо нее пианола с большим воодушевлением исполняла «Мы всегда будем любить друг друга».

Через некоторое время шум суеты улегся, и Остин подошел к фонографу. Оглядев его, он сделал пометку, что надо заменить разбитую панель. Фостер совсем забыл о небритом, неопрятном толстяке, когда вдруг услышал за спиной его противный голос:

— Невозможно, чтобы сейчас был апрель.

— Что?

— Ты лжешь. На дворе еще март.

— Иди проветришься, — сказал Фостер.

Он был потрясен до глубины души, хотя сам не понимал, из-за чего. Он подозревал, что истинная причина его нервозности лежит за пределами реальности.

— Ты лжешь, я тебе говорю, — фыркнул толстяк, тяжело дыша в лицо Фостеру. — Сейчас март! Или ты согласишься, что сейчас март, или...

Но с Фостера было довольно. Он оттолкнул толстяка и сделал было пару шагов в сторону, когда по его телу пробежала дрожь, и в его мозгу вновь возник крохотный островок, способный мыслить здраво и хладнокровно.

Пианола заиграла «Всегда соглашайся».

— Сейчас март! — вопил толстяк. — Ведь март же!

— Да, — устало подтвердил Фостер. — Сейчас март.

В эту ночь название песни крутилось у него в голове. Он отправился с толстяком домой. Он пил с толстяком и во всем с ним

соглашался. Утром он с удивлением обнаружил, что толстяк нанял его для студии «Саммит» в качестве сочинителя песен по той простой причине, что Фостер не сказал «нет», когда его спросили, умеет ли он писать песни.

— Отлично, — сказал толстяк. — Теперь мне лучше пойти домой. А, так я же уже дома, не так ли? Мне завтра еще идти на студию. Мы запускаем второго апреля грандиозный мюзикл и... Сейчас ведь апрель, правда?

— Конечно.

— Давай-ка немного поспим. Нет, не в ту дверь. Там бассейн. Давай-ка я покажу тебе спальню для гостей. Ты ведь хочешь спать, правда?

— Да, — ответил Фостер, хотя спать ему совсем не хотелось.

Тем не менее он заснул, и на следующее утро оказался с толстяком в студии «Саммит», где подписал контракт. Никто не спросил у него документы, подтверждавшие его квалификацию. Толстяк — а его звали Талиаферро — сказал, что он подходит, и этого оказалось достаточно. Ему предоставили кабинет с фортепьяно и секретаршей, и большую часть дня он проводил за столом, размышляя над тем, какого дьявола все так обернулось. Однако постепенно он кое-что выяснил.

Талиаферро был крупной шишкой — очень крупной. У него была одна слабость — он не выносил, когда ему перечили. Его окружали люди, говорившие ему только «да». Те, кто работал на Талиаферро, должны были всегда соглашаться с ним.

Фостер прочитал подписанный им контракт. Романтическая любовная песня для нового фильма. Дуэт. Все считали само собой разумеющимся, что Фостер отличает одну ноту от другой. Он и впрямь отличал, потому что в юности играл на фортепиано, но контрапункт и ключи были для него тайной за семью печатями.

В эту ночь он снова отправился в маленький бар в центре города.

У него было смутное предчувствие, что пианола сможет ему помочь. Не то, чтобы он верил в подобное, но при любом раскладе там можно было пропустить несколько стаканчиков и поразмышлять, как ему выпутаться из этой истории. Однако пианола раз за разом играла одну и ту же песню.

Странно было то, что кроме него этой песни никто не слышал. Фостер узнал об этом чисто случайно. Остин пребывал в уверенности, что автомат исполняет свой обычный набор популярных на тот момент песен.

Узнав об этом, Фостер прислушался к песне внимательнее. Это был жалобный и удивительно нежный дуэт. В нем были обертоны, от которых по спине Фостера пробежала дрожь.

— Кто написал эту вещь? — спросил он Остина.

— Разве это не Хоуги Кармайл?

Но они говорили о разных вещах. Внезапно пианола заиграла «Это моя работа», а затем снова вернулась к дуэту.

— Нет, — сказал Остин, — думаю, это не Хоуги. Вещь старая, «Дарданелла».

Фостер увидел в глубине зала пианино. Он подошел к нему и достал блокнот. Вначале он записал стихи, потом попытался записать мелодию, но это было выше его возможностей, даже при помощи фортепиано. Самое большее, чего он мог достичь, походило на стенограмму. У Фостера был чистый и верный голос, и он подумал, что если ему удастся найти кого-то, кто записал бы за ним ноты, он, пожалуй, сумел бы без ошибок воспроизвести мелодию.

Закончив, он внимательно изучил пианолу. Разбитая панель была заменена. Он дружески похлопал ее и ушел, погруженный в свои мысли.

Его секретаршу звали Лоис Кеннеди. На следующий день она вошла в кабинет как раз в тот момент, когда Фостер тыкал пальцем в клавиши, тщетно пытаясь записать мелодию.

— Позвольте вам помочь, мистер Фостер, — сказала она, окинув понимающим взглядом пачку исписанных страниц.

— Я... нет, спасибо, — ответил Фостер.

— У вас не ладится с записью? — улыбаясь спросила она. — Так бывает со многими композиторами. Они пишут на слух, но не могут отличить соль диез от ля бемоль*.

— Не могут, вот как, — пробормотал Фостер.

Девушка внимательно посмотрела на него.

— Давайте сделаем так: вы мне наиграете, а я запишу.

Фостер взял несколько аккордов.

— Тьфу! — сказал он наконец и схватил листок со стихами. Их, по крайней мере, можно было читать. Он принялся их напевать.

— Прекрасно, — сказала Лоис. — Вы просто пойте, а я запишу мелодию.

У Фостера был чистый голос, и он обнаружил, что на удивление хорошо помнит исполненный пианолой дуэт. Он спел песню, и Лоис принялась наигрывать ее на пианино, а Фостер стал поправлять ее. По крайней мере, он мог сказать, что верно, а что неверно. Лоис же, с детства жившая в мире музыки, без особого труда перенесла песню на бумагу.

Песня привела ее в восторг.

— Просто прекрасно, — сказала она. — Это нечто поистине новое. Мистер Фостер, вы просто молодец и не таскаете идеи у Моцарта. Я прямо сейчас отнесу ее боссу. Обычно с этим не стоит торопиться, но поскольку это ваш первый опыт здесь, попытаем счастья.

Талиаферро песня понравилась. Он сделал несколько бессмысленных замечаний, которые Фостер с помощью Лоис перевел на нотную бумагу, и выдал дополнительный список вещей, требовавшихся для грандиозного мюзикла. Потом он пригласил других песенников послушать опус Фостера.

— Я хочу, чтобы вы услышали образчик хорошей работы, — сказал им Талиаферро. — Эта моя новая находка покажет вам, что к чему. Я думаю, что мы нуждаемся в притоке свежей крови, —

* Это одно и то же.

закончил он мрачно и обвел пристальным взглядом посрамленных песенников.

Но у самого Фостера внутри все дрожало, ибо он знал, что эта песня вполне могла оказаться плагиатом. Он так и ждал, что кто-нибудь из слушателей вскочит и воскликнет:

— Эта ваша находка свистнула песню у Берлина!..

Или у Гершвина, Портера или Хаммерстайна, — все было возможно.

Но никто его не уличил, песня действительно была новой. Она установила за Фостером репутацию человека, опасного вдвойне: он написал и музыку, и стихи.

Успех был полный.

Каждую ночь он проделывал одно и то же — в одиночку посещал бар в центре города. По мере необходимости пианола помогала ему в написании песен. Казалось, она в точности знала, что ему нужно. В ответ пианола просила очень мало и служила ему с неподдельной преданностью, даря ему то «Сигарету», то «Под двумя флагами». Иногда она играла любовные песни, звучавшие в ушах и в сердце Фостера. Это были серенады в его честь. Иногда Фостеру казалось, что он сходит с ума.

Шли недели. Всю предварительные наброски песен Фостер делал в маленьком баре, а позже доводил их до ума с помощью секретарши. Он начал замечать, что она потрясающе хорошенькая девушка с прелестными глазами и губками. Лоис, казалось, была настроена к нему дружелюбно, но пока что Фостер воздерживался от каких-либо определенных действий. Он все еще чувствовал себя неуверенно.

Однако он цвел, как роза. Его банковский счет быстро рос, он стал гораздо лучше выглядеть, намного меньше пил и каждый вечер посещал бар в центре города. Однажды он обратился к Остину с вопросом:

— Откуда взялась эта пианола?

— Не знаю, — ответил Остин, — когда я сюда пришел, она уже здесь стояла.

— А кто заряжает ее новыми пластинками?

— Компания, полагаю.

— А ты когда-нибудь видел, как это делается?

Остин задумался.

— Не могу такого припомнить. Наверное, служащие приходят в часы работы другого бармена. Впрочем, репертуар меняется каждый день. Хорошее обслуживание.

Фостер сделал пометку в блокноте: спросить у другого бармена. Но сделать этого не успел, ибо на следующий день он поцеловал Лоис Кеннеди.

Это было ошибкой, и не просто ошибкой, а началом катастрофы. Следующее, что он помнил, это как вечером они с Лоис медленно ехали вдоль Сансет-стрит, говоря о жизни и о музыке.

— Я хочу, чтобы мы куда-нибудь пошли, — сказал Фостер, — я хочу, чтобы мы поехали куда-нибудь вместе.

— Ах, милый! — воскликнула Лоис.

Фостер остановил машину и поцеловал девушку.

— В честь этого нужно выпить еще, — сказал он. — Есть тут поблизости какой-нибудь бар?

На землю опустилась ночь. Фостер сам не сознавал, в каком жутком напряжении он все время находился. Теперь он, наконец, выпустил пар. Было так чудесно держать Лоис в объятиях, целовать ее, ощущать прикосновение ее волос к своей щеке. Все виделось ему в розовом цвете.

Сквозь розовую дымку внезапно пробилось лицо Остина.

— Как обычно? — спросил Остин.

Фостер моргнул. Он сидел в кабине, а рядом с ним сидела Лоис. Его рука была обвита вокруг ее талии, и он вроде бы только что целовал девушку.

— Остин, — сказал он, — сколько времени мы здесь?

— Около часа. Неужели вы не помните, мистер Фостер?

— Дорогой, — пробормотала Лоис, теснее прижимаясь к нему.

Фостер попытался собраться с мыслями. Это оказалось нелегким делом.

— Лоис, — сказал наконец он, — разве я не должен написать очередную песню?

— С этим можно подождать.

— Нет. Пламенную песню. Талиаферро хочет получить ее к пятнице.

— У тебя есть еще четыре дня.

— Но я здесь и могу получить песню, — сказал Фостер со свойственной пьяным настойчивостью.

Он встал.

— Поцелуй меня, — пробормотала Лоис, цепляясь за него.

Он повиновался, хотя у него было чувство, что ему следует заняться более важными вещами. Потом он огляделся, отыскал взглядом пианолу и направился к ней.

— Привет, — сказал он и потрепал ее по гладким сверкающим бокам. — Я вернулся. Пьяный, правда, но это ничего. Давай сотвори песенку.

Пианола молчала. Фостер почувствовал, как Лоис коснулась его руки.

— Вернемся. Нам не нужна музыка.

— Подожди минутку, милая.

Фостер устался на пианолу. Потом он рассмеялся.

— Знаю, — сказал он.

Фостер вытащил пригоршню мелочи, сунул монетку в отверстие и потянул за рычаг.

Все осталось по-прежнему.

— Что же это с ней произошло? — пробормотал Фостер. — Мне нужна к пятнице песня.

Он решил, что не знает многого из того, что ему необходимо было знать. Немота пианолы озадачила его.

Внезапно в его памяти всплыло событие, происшедшее несколько недель тому назад. Блондин напал на пианолу с топором, но отделал-

ся лишь легким шоком. Этот блондин, смутно припомнил он, проводил тут долгие часы *en tete-a-tete* с автоматом.

— Что за кретин! — пробормотал Фостер.

Лоис поинтересовалась, в чем дело.

— Мне следовало кое-что проверить раньше, — ответил он ей. — Возможно, я смогу узнать... О, ничего страшного, Лоис. Так, пустяк.

Потом он отправился расспрашивать Остина. Тот сообщил ему имя блондина, и через час Фостер уже сидел у его койки в больнице. Лицо молодого человека под утратившими блеск белокурыми волосами выглядело измученным до крайности. Нахальство, щедрая мзда и уверения, что он близкий родственник, позволили Фостеру добраться до палаты. Теперь он сидел здесь и смотрел на больного, чувствуя, как вопросы застревают у него в горле, прежде чем он успевает их задать.

Когда он, наконец, упомянул о пианоле, дело пошло легче. Ему осталось лишь сидеть и слушать.

— Меня вынесли из бара на носилках, — сказал блондин. — Потом машину занесло, и она врезалась прямо в меня. Я не почувствовал боли. Я и сейчас ничего не чувствую. Шофер... Она сказала, что слышала, будто кто-то выкрикнул ее имя — Хлоя. Это так ее удивило, что она потеряла контроль над управлением и врезалась в меня... Вы знаете, кто кричал «Хлоя», не так ли?

Фостер откинулся на спинку стула. Где-то в глубине его мозга тлело смутное воспоминание.

Пианола заиграла «Хлоя», и звук, должно быть, был включен на полную мощность, потому что какое-то время песня просто гремела.

— Я парализован, — сказал блондин. — Я умираю. Ну и пусть. Она мстительная и очень ловкая!

— Она?

— Шпионка. Возможно, все эти технические приспособления лишь замаскированы под вещи, которые мы воспринимаем как должное. Не знаю. Настоящая пианола заменена этим. Оно живое. Нет, не оно! Она! Да, да, это она!

— Кто поставил ее туда? — переспросил блондин, отвечая на безмолвный вопрос Фостера. — Кто «они»? Люди из другого мира? Из другого времени? Марсиане? Держу пари, им нужна информация о нас, но сами они появляться не осмеливаются. Они пользуются приборами, которые мы едва замечаем, чтобы те шпионили за нами. Только эта пианола несколько вышла из-под контроля. Она умнее, чем другие.

Он с беспокойством приподнял голову с подушки. Его глаза отыскали маленький приемничек, стоявший у изголовья кровати.

— Даже этот! — прошептал он. — Действительно ли это обычное радио? Или это один из их замаскированных приборов, шпионящих за нами?

Голова его упала на подушку.

— Некоторое время назад я начал кое о чем догадываться, — слабым голосом продолжал молодой человек. — Она вкладывала мне в голову различные идеи и не раз вытаскивала меня из тюрьмы.

Теперь она этого не сделает. Она на меня в обиде. О, она наделена женскими качествами, в этом сомнений нет. С тех пор, как я ей не угодил, я пропал. Она слишком хитра для пианолы. Механический мозг?.. Или же... не знаю. Теперь я никогда уже не узнаю. Очень скоро я умру, и так для меня будет лучше.

Потом вошла сестра.

От страха Джерри Фостера бил озноб. К тому же он был пьян. Когда он шел назад, Мейн-стрит была залита огнями и грохотом, но к тому времени, когда он решил, что ему делать, наступила ночь, и леденящая душу тишина разгуливала по улицам бок о бок с темнотой. Свет уличных фонарей был неважным подспорьем.

— Будь я трезв, я бы в это ни за что не поверил, — прошептал он, вслушиваясь в гулкий шум собственных шагов. — Но сейчас я верю... Мне нужно договориться с этой... пианолой!

Какая-то часть его сознания привела его в переулочек, велела выдать стекло, воспользовавшись пальто, чтобы звон вышел не таким громким, и та же усиленно работающая трезвая часть мозга провела его через темную кухню и вращающиеся двери.

Потом он очутился в баре. Кабинки были пусты. Слабый свет уличных фонарей пробивался сквозь опущенные жалюзи. У стены высился темный и молчаливый силуэт пианолы.

Молчаливый и безучастный. Даже когда Фостер опустил в него монетку, все осталось по-прежнему. Штепсель был в розетке, кнопка включения была нажата, но все это не играло никакой роли.

— Видишь ли, — сказал Фостер. — Я был пьян. Это было просто какое-то безумие. Этого не может быть. Ты ведь не живая... *Или живая?* Это ты уложила в больницу парня, которого я навещал? Послушай!

Было темно и холодно. У зеркальной стены, за стойкой, сверкали бутылки. Фостер подошел и открыл одну из них. Он глотнул виски прямо из горлышка.

Через некоторое время ему перестало казаться таким уж чудовищным, что он стоит и спорит с пианолой.

— Значит, ты женщина, — сказал он. — Завтра я принесу тебе цветы. Я, кажется, начинаю понимать! Конечно, я понимаю! Я не могу писать песни один. Не могу! Помоги мне! Я никогда больше не посмотрю на другую девушку!

Он снова отхлебнул из бутылки.

— У тебя просто дурное настроение, — сказал он. — Ладно, перестань. Ты же любишь меня. Ты же знаешь, что это так. Это просто безумие!

Бутылка неким таинственным образом закончилась, и он пошел за стойку за другой. Потом с непоколебимой уверенностью, которая заставила его затаить дыхание, он вдруг почувствовал, что в комнате есть кто-то еще.

Фостер застыл в глубокой тени. Он следил взглядом за вновь вошедшими, и это было его единственным движением. Их было двое, и они не были людьми.

Двигаясь каким-то неопишуемым образом, они оказались возле пианолы. Один из них вытащил из-за панели пианолы маленький сверкающий цилиндр.

Фостер стоял, обливаясь потом. Он мог слушать их мысли.

— Очередные данные за последние двадцать четыре часа по земному времени. Заложи новое записывающий цилиндр и поменяй пластинки.

Фостер следил за тем, как они меняют пластинки. Остин сказал, что диски заменяются ежедневно, а блондин, умирающий в больнице, говорил совсем другое. Это не могло быть явью. Создания, на которых он смотрел, не могли существовать. Они расплывались перед его глазами.

— Здесь человек, — подумал один из них. — Он нас видит. Лучше устранить его.

Расплывавшиеся нечеловеческие фигуры направились к нему. Фостер, сиюсь закричать, нырнул под стойку и кинулся к пианоле. Обняв ее безучастный корпус, он взмолился:

— Останови их! Не дай им убить меня!

Теперь он не видел этих существ, но знал, что они у него за спиной. Ужас обострил все его чувства. Название одной из песен бросилось ему в глаза. Он нажал на клавишу возле слов: «Люби меня вечно».

Что-то коснулось плеча Фостера, стиснуло его и потащило человека назад.

В пианолу вспыхнул свет. Закрутилась пластинка. Игла опустилась на ее черную поверхность.

Пианола заиграла: «Рада я твоей смерти, мошенник».

Назовем его демоном

Глава 1. «Неправильный» дядюшка

Прошло много времени, прежде чем она вернулась в Лос-Анджелес и проехала мимо дома бабушки Китон. Собственно, он мало изменился, но то, что в 1920 году представлялось ее детскому взору элегантным особняком, сейчас выглядело большим нелепым строением, покрытым чешуйками серой краски.

По прошествии двадцати пяти лет чувство опасности исчезло, но осталось настойчивое и непонятное ощущение тревоги, как в те времена, когда Джейн Ларкин, девятилетняя, худая и большеглазая девочка, со столь модной тогда челкой, впервые попала в этот дом.

Оглядываясь назад, в те времена, она могла припомнить одновременно и слишком много, и слишком мало. Когда в тот июньский день 1920 года Джейн вошла в гостиную с зеленой стеклянной люстрой, ей пришлось обойти всех членов семьи и поцеловать каждого: бабушку Китон, чопорную тетю Бесси и четырех дядей. Она ни секунды не колебалась, когда пошла к последнему дяде, такому отличному от остальных.

Остальные дети внимательно наблюдали за ней. Они знали. И они поняли, что она тоже знает. Но сразу они ничего не сказали. Джейн обнаружила, что и она тоже не может упомянуть о неприятности, пока они сами не заведут с ней разговор.

Этого требовали неписанные правила приличия, строго соблюдаемые всеми детьми в отношениях между собой. Но тревогу ощущали все в этом доме. Взрослые лишь смутно чувствовали, что что-то не так. Дети же, как поняла Джейн, *знали*.

Позже они собрались на заднем дворе, под большой финиковой пальмой. Джейн машинально теребила свое новое ожерелье и ждала. Она видела, как другие обменивались взглядами, говорившими: «Думаете, она и в самом деле заметила?» Наконец Беатрис, старшая, предложила сыграть в прятки.

— Мы должны сказать ей, Би, — не выдержал маленький Чарльз.

Беатрис пристально посмотрела на Чарльза.

— Сказать ей? О чем? Ты с ума сошел, Чарльз.

Чарльз настаивал, хотя и не очень уверенно.

— Ты знаешь о чем.

— Держите при себе свои тайны, — сказала Джейн. — Я и без того знаю, в чем дело. Он — не мой дядя.

— Видите?! — вскричала Эмили. — Она тоже заметила. Я же говорила вам, что она заметила.

— Смех, да и только, — сказала Джейн.

Она прекрасно знала, что тот человек в гостинной — не ее дядя и никогда им не был, и что он усиленно притворялся, — достаточно умело для того, чтобы убедить взрослых, — будто он всегда им был. Ясным, лишенным предвзятости взором недостижного зрелости существа Джейн могла видеть то, что было недоступно ни одному взрослому. Он был каким-то... пустым.

— Он только что приехал, — сказала Эмили, — около трех недель назад.

— Трех дней, — поправил ее Чарльз, пытаясь помочь. Однако его представления о ходе времени не зависели от календаря. Он измерял время, сообразуясь со значительностью событий, и понятие «день» не служило для него стандартом. Когда он был болен или когда шел дождь, время для него тянулось медленно, когда же он совершал веселые прогулки в Океанском Парке или играл на заднем дворе, время бежало гораздо быстрее.

— Это было три недели назад, — сказала Беатрис.

— Откуда он приехал? — спросила Джейн.

Снова обмен взглядами.

— Не знаю, — осторожно ответила Беатрис.

— Он пришел из большого дупла, — сказал Чарльз. — Оно такое круглое и сверкает, как рождественская елка.

— Не ври, — сказала Эмили. — Разве ты видел это собственными глазами, Чарльз?

— Не совсем. Но что-то вроде этого.

— И они не заметили?

Джейн имела в виду взрослых.

— Нет, — ответила Беатрис.

Все дети посмотрели в сторону дома, думая о непостижимости взрослых.

— Они ведут себя так, как будто он всегда был здесь. Даже бабуля. Тетя Бесси сказала, что он пришел раньше, чем я, только я-то знаю, что это неправда.

— Три недели, — подтвердил, поразмыслив, Чарльз.

— Из-за него все они чувствуют себя больными, — сказала Эмили. — Тетя Бесси все время пьет аспирин.

Джейн размышляла. В свете последних фактов ситуация показалась ей еще более тревожной. Дядя трех недель от роду? Возможно, взрослые всего лишь притворялись, как они порою делали, руководствуясь своими непонятными взрослыми соображениями. Но почему-то такое предположение не показалось ей убедительным. Вооб-

ше-то, дети не расположены к тому, чтобы подолгу размышлять над подобного рода вещами.

Чарльз теперь, когда лед растаял и Джейн не была уже чужой, дрожал от нетерпения.

— Скажи ей, Би! Настоящую тайну... ты знаешь какую. Можно мне показать ей Дорогу из Желтого Кирпича? Пожалуйста, Би! А?

Снова установилось молчание. Чарльз слишком много выболтал. Джейн, конечно, знала Дорогу из Желтого Кирпича, она вела из Страны Жевунов прямо к Изумрудному Городу.

После продолжительного молчания Эмили кивнула.

— Да, мы должны ей сказать, — подтвердила она. — Только она может напугаться. Там так темно.

— Ты сама испугалась, — сказал Бобби. — В первый раз ты заплакала.

— И вовсе нет. Все равно... только тогда она поверит.

— О нет, — сказал Чарльз. — В последний раз я протянул руку и коснулся короны.

— Это не корона, — сказала Эмили. — Это он, Руггедо.

Джейн подумала о дяде, который не был настоящим дядей, и вообще был ненастоящим.

— Это он — Руггедо? — спросила она.

Дети поняли.

— О нет, — сказал Чарльз. — Руггедо живет в погребе. Мы даем ему мясо. Красное и мокрое. Оно ему *нравится*. Он жрёт!

Беатрис посмотрела на Джейн и кивнула в сторону маленькой сторожки с хитроумным замком. Потом она умело перевела разговор на другую тему. Началась игра в ковбоев и индейцев, и Бобби, вопя во все горло, припустил вокруг дома.

В хижине приятно пахло акацией, аромат которой сочился сквозь щели. Беатрис и Джейн, тесно прижавшись друг к другу в душном полумраке, слушали затихающие вдали индейские кличи. Беатрис выглядела на удивление взрослой.

— Я рада, что ты приехала, Джейн, — сказала она. — Малыши ничего не понимают, а это просто ужасно.

— Кто он?

Беатрис содрогнулась.

— Не знаю. Думаю, он живет в погребе.

Она колебалась.

— Но до него вполне можно добраться и через чердак. Я была бы вне себя от страха, если бы малыши не были такими... Они как будто вообще не придают этому значения.

— Но, Би, кто он?

Беатрис повернула голову и посмотрела на Джейн. Было ясно, что она не может или не хочет быть откровенной до конца. Существовал какой-то барьер, но поскольку это было важно, она попыталась.

— Я думаю, Руггедо и «неправильный» дядя — это одно и то же. Я просто уверена в этом. Чарльз и Бобби так говорят, а они разбираются в подобных вещах лучше, чем я. Они младше. Трудно объяснить, но в общем, это нечто вроде Скудлеров. Помнишь?

Скудлеры. Раса неприятных существ, живущих в пещере, на пути к стране Оз. Они могли отделять свои головы от туловища и кидаться ими в прохожих. Через мгновение стала ясна правомочность подобного сравнения.

Голова Скудлера могла находиться в одном месте, а туловище в другом. Но при этом обе части тела принадлежали одному и тому же Скудлеру.

Конечно, дядя-фантом имел и голову, и тело. Но Джейн могла, хоть и смутно, постигнуть вероятную двойственность его натуры — одна часть «дяди» передвигалась по дому, являясь источником давящей на разум злобы, а другая, безымянная, гнездилась в погребке и ждала красного мяса.

— Чарльз знает об этом больше остальных, — сказала Беатрис. — Это он обнаружил, что мы должны кормить Р-руггедо. Мы перепробовали самую различную пищу, но оказалось, что необходимо именно сырое мясо. А если мы прекратим его кормить... обязательно произойдет что-то ужасное. Мы, дети, это понимаем.

Замечательно было то, что Джейн не спрашивала, почему. Дети принимали подобное проявление своего рода телепатии за должное.

— Они не знают, — сказала Беатрис. — Мы не можем им сказать.

— Не можем, — согласилась Джейн и две девочки посмотрели друг на друга, беспомощные перед лицом извечной проблемы недостигших зрелости существ: мир взрослых слишком сложен, чтобы пытаться его понять, из-за чего детям приходится быть осторожными.

Взрослые всегда правы. Они — иная, чуждая раса.

К счастью для детей, они встретились с Врагом лицом к лицу единой, сплоченной группой. Случись это с одним ребенком, он мог впасть в панику. Но Чарльзу, которому принадлежала честь открытия, было только шесть лет. Он был еще достаточно мал, и нервный срыв ему не грозил. Шестилетние постоянно находятся в состоянии психического возбуждения. Это для них нормально.

— И они все не в своей тарелке с тех пор, как он появился, — сказала Беатрис.

Джейн это уже заметила. Волк может одеть овечью шкуру и затеряться среди отары, но овцы все равно будут нервничать, даже не осознавая причин этой нервозности.

Дело тут было в настроении. Даже он поддался этому настроению: чувству тревоги, ожидания, ощущению того, что что-то не в порядке, хотя и не ясно что — но для *него* это была всего лишь маскировка. Джейн могла бы сказать, что он не хотел привлекать внимания отличием от избранного им эталона... связанного с человекообразной оболочкой.

Джейн приняла правила игры. Дядя был... пустым. Того, кто сидел в погребе, звали Руггедо, и его следовало регулярно кормить сырым мясом, чтобы не случилось Нечто...

Ряженный, взявшийся неизвестно откуда, он обладал немалой силой, но и она была не безграничной. Очевидные доказательства его власти принимались безоговорочно.

Дети — реалисты. Им не казалось невероятным, что среди них появился странный и голодный нечеловек — ведь он был.

Он пришел откуда-то. Из глубин времени, пространства или из какого-то непостижимого для разума человека места. Он никогда не обладал человеческими чувствами — дети нутром чуют подобные вещи. Он очень умело притворялся, будто он человек, и разумы взрослых создали искусственное воспоминание о его прежнем существовании. Взрослые думали, будто помнят его. Взрослые распознают мираж, ребенок обманывается. Но мираж интеллектуальный обманет взрослого, а не ребенка.

Власть Руггедо не распространялась на их разумы, ибо, с точки зрения взрослого, они не были ни достаточно зрелыми, ни достаточно нормальными. Беатрис, самая старшая, боялась. У нее начало развиваться воображение.

Маленький Чарли испытывал состояние, близкое к восторгу. Бобби, самый младший, начал уже уставать от этой игры...

Возможно, Беатрис могла позже отчасти припомнить, как выглядел Руггедо, но остальные не помнили ничего. Ибо они шли к нему по очень странной дороге и, возможно, каким-то образом менялись на тот период, что были с ним. Он принимал или отвергал еду, и это было все. Наверху тело Скудлера маскировалось под человеческое, в то время как голова его лежала в маленьком, ужасном гнезде, сделанном из свернутого пространства, так что он был невидим и недоступим для любого, кто не знал, как отыскать Дорогу из Желтого Кирпича.

Кем же он был? Не прибегая к стандартным сравнениям — а в этом мире их нет — сущность его определить нельзя. Дети думали о нем, как о Руггедо. Но он не был толстым, полукомичным, вечно странствующим Королем Гномов.

Он никогда им не был.

Назовем его демоном.

Как имя-символ оно включает в себя слишком много и слишком мало. Но оно подойдет. По своим физическим качествам он был чудовищем, чуждым сверхсуществом. Но отталкиваясь от его поступков и желаний — назовем его демоном.

Глава 2. Сырое красное мясо

Однажды, несколькими днями позже, Беатрис спросила у Джейн:

— Сколько у тебя с собой денег?

— Четыре доллара тридцать пять центов, — ответила Джейн, изучив содержимое своего кошелька. — Папа дал мне пять долларов на вокзале. Я купила жареной кукурузы... ну и еще разное.

— Послушай, до чего же я рада, что ты приехала.

Беатрис глубоко вздохнула. Само собой разумелось, что столь свойственные детям принципы социализма будут применены и данным тесным кружком. Маленький капитал Джейн был нужен не одному из его членов, а всем, вместе взятым.

— Нам страшно нужны деньги, — сказала Беатрис. — Бабушка поймала нас, когда мы брали мясо из ледника, и больше мы этого делать не можем. Но на твои деньги мы можем купить уйму мяса.

Ни один из них не подумал о том, что будет, когда и этот капитал истощится. Четыре доллара-тридцать пять центов казались по тем временам крупной суммой. И потом, им совсем не нужно было покупать дорогое мясо — достаточно, если оно будет сырым и красным.

Все вместе они шли по затененным акациями улицам. Кое-где акации уступали место пальмам и перцовым деревьям. Они купили два фунта мяса и еще двадцать центов промотали на содовую.

Когда они вернулись домой, то застали там обычное воскресное сонное царство. Дяди Симон и Джеймс ушли за сигарами, дядя Лью и Берт листали газеты, тетя Бесси вязала крючком. Бабушка Китон изучала «Журнал для молодежи» на предмет наличия пикантных мест. Девочки остановились за расшитыми портьерами и заглянули в комнату.

— Входите, малышки, — сказал Лью звучным басом.

— Картинки видели? Матт и Джеф хороши. И Спарк Плаг...

— Для меня достаточно хорош мистер Гибсон, — вставила бабушка Китон. — Он настоящий художник. Его люди похожи на людей.

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился дядя Джеймс — толстый, улыбающийся, явно довольный жизнью после нескольких кружек пива. За ним, подобно олицетворению честности, вышагивал дядя Симон.

— Во всяком случае, хоть тихо, — сказал он.

Он бросил кислый взгляд в сторону Джейн и Беатрис.

— Иногда дети устраивают такой шум и гам, что я не слышу даже собственных мыслей.

— Бабуля, — спросила Джейн, — а где малыши?

— Думаю, на кухне, дорогая. Им для чего-то понадобилась вода.

— Спасибо.

Две девочки пересекли комнату, в которой ощущались первые признаки неосознанного сматения. Овцы чувствовали присутствие волка, но камуфляж овечьей шкуры пока что срабатывал. Они не догадывались...

Младшие были в кухне, увлеченно обрабатывая водой и кистями раздел комиксов. Одна газетная страница была покрыта специальным составом, и влага выявляла на свет различные краски, пастельные — но удивительно чистые, подобные тем, что можно увидеть в японских цветах, растущих в воде, или на китайских бумажных коробочках с крошечными сюрпризами внутри.

Беатрис показала им свой пакет от мясника.

— Два фунта, — сказала она. — У Дженни были деньги, а Мертон сегодня как раз открыт. Вот я и подумала, что нам лучше...

Эмили с увлечением продолжала рисовать. Чарльз вскочил.

— Пойдем сейчас, да?

Джейн встревожилась.

— Не знаю, стоит ли мне идти. Я...

— Я тоже не хочу, — сказал Бобби.

Это было уже предательством. Чарльз сказал, что Бобби боится.

— Вовсе нет. Просто мне уже не интересно. Я хочу играть во что-нибудь другое.

— Эмили, — мягко проговорила Беатрис, — в этот раз тебе не стоит идти.

— Нет, я пойду.

Эмили подняла взгляд от рисунков.

— Я не боюсь.

— Я хочу посмотреть на огоньки, — сказал Чарльз.

Беатрис повернулась к нему.

— Ты говоришь неправду, Чарльз! Никаких огней нет.

— Есть. По крайней мере, иногда.

— Нет.

— Есть. Просто ты глупая и не можешь их увидеть. Пойдем, покормим его.

Само собой разумелось, что сейчас командовала Беатрис. Она была старше, и она, как почувствовала Джейн, боялась больше всех, даже больше Эмили.

Они пошли наверх. Беатрис несла пакет с мясом. Она уже разрезала бечевку. Очутившись в верхнем коридоре, они сгрудились у двери.

— Вот он, путь, Джейн, — с оттенком гордости сообщил Чарльз.

— Мы должны подняться на чердак. В потолке ванной есть спускающаяся лестница. Нужно взобраться на ванну и дотянуться до нее.

— Но мое платье?! — с сомнением в голосе сказала Джейн.

— Ты не испачкаешься. Идем.

Чарльз хотел лезть первым, но он был слишком мал ростом. Беатрис вскарабкалась на край ванны и потянула за кольцо в потолке. Люк заскрипел, и сверху медленно, с некоей величавостью, спустилась лестница и встала в ванну. Наверху было темно. Слабый свет едва пробивался сквозь чердачные окна.

— Идем, Джейн, — странно-шелестящим шепотом сказала Беатрис, и они, как отважные акробаты, принялись карабкаться наверх.

На чердаке было тепло, тихо и пыльно. В лучах света танцевали пылинки. Повсюду стояли набитые хламом картонные коробки и сундуки.

Беатрис зашагала по одной из балок. Джейн последовала за ней.

Беатрис не оглядывалась и ничего не говорила. Один раз она провела рукой, как будто что-то искала. Чарльз, шедший за ней следом, ухватился за протянутую руку. Потом Беатрис достигла планки, положенной через другое стропило. Миновав ее, она остановилась и вместе с Чарльзом вернулась назад.

— Ты все делала не так, — разочарованно сказал Чарльз. — Ты думала совсем не о том.

Лицо Беатрис казалось странно-белым в слабо-золотистом свете. Джейн встретила взглядом с кузиной.

— Би...

— Все правильно, нужно думать о чем-нибудь другом, — быстро проговорила Беатрис. — Идем.

Она ступила на планку. Чарльз шел за ней по пятам. Беатрис монотонно бормотала какую-то считалочку:

«Раз-два, вот халва.
Три-четыре, заплатили.
Пять-шесть, можно есть...»

Беатрис исчезла.

«Семь-восемь, пить просим...»

Чарльз исчез.

Бобби, всем своим видом выражая неудовольствие, последовал за ними.

Эмили слабо пискнула.

— О, Эмили! — вскрикнула Джейн.

Ее младшая кузина прошептала:

— Я не хочу туда идти, Джейн.

— Тебе и не нужно.

— Нет, нужно, — настаивала Эмили. — Я не буду бояться, если ты пойдешь следом за мной. Мне всегда кажется, будто кто-то крадется за мной и вот-вот схватит. Но, если ты обещаешь идти следом, я не буду бояться.

— Обещаю, — сказала Джейн.

Повеселевшая Эмили пошла по мостику. На этот раз Джейн наблюдала особенно внимательно. И все же она не заметила момента исчезновения. Просто Эмили внезапно... пропала. Джейн шагнула вперед, но донесшийся снизу окрик, заставил ее остановиться:

— Джейн!

Голос принадлежал тете Бесси.

— Джейн!

На этот раз зов был более громким и решительным.

— Джейн, ты где? Иди-ка сюда, ко мне!

Джейн стояла не шевелясь и смотрела на планку-мостик. Он был пуст. Эмили и другие дети исчезли без следа. Чердак внезапно превратился в место, полное неясной угрозы. Но все равно нужно было идти, потому что она обещала...

— Джейн!

Джейн покорно спустилась и последовала на зов тети Бесси. При виде ее женщина недовольно поджала тонкие губы.

— Где, скажи на милость, ты была, Джейн? Я уже устала тебя звать!

— Мы играли, — ответила Джейн. — Я тебе нужна, тетя Бесси?

— Ясное дело, нужна, — сказала тетя Бесси. — Я вяжу воротник. Это же для твоего платья. Иди сюда, мне нужно примерить. Как ты выросла, девочка!

После этого началась бесконечная возня с булавками, повороты туда- сюда, а Джейн не переставая думала о малышке Эмили, отчаянно боящейся чего-то на чердаке. Джейн начала испытывать ненависть к тете Бесси, но мысль о протесте или побеге даже не мелькнула у нее в голове. Взрослые обладают абсолютной властью над детьми. Для укрепления родственных связей в этот момент не было ничего важнее возни с воротничком. По крайней мере, с точки зрения взрослых, правящих этим миром.

А Эмили, одна, испуганная, шла по мостику, который вел...

Дяди играли в покер. Тетя Гертруда, водевильная актриса, неожиданно приехавшая на несколько дней, болтала с бабушкой Китон и тетей Бесси в гостиной. Тетя Гертруда была маленькой и в высшей степени очаровательной. Она была полна нежной хрупкости, а ее вкус к жизни наполнял Джейн восхищением. Но сейчас она казалась подавленной.

— В этом доме у меня все время бегают мурашки по коже.

Она сделала вид, будто хочет хлопнуть Джейн по носу сложенным веером.

— Привет, милашка. Ты почему не с другими детьми?

— Ну, я устала, — ответила Джейн.

Она не переставала думать об Эмили.

Прошел почти час с тех пор, как...

— Я в таком возрасте никогда не уставала, — сказала тетя Гертруда. — Ну-ка, посмотри на меня. Три дня, и еще этот ужасный человек... Ма, я тебе говорила...

Она перешла на шепот.

Джейн следила за тем, как худые пальцы тети Бесси с неизменной скоростью цепляли крючком за шелк.

— Это не дом, а просто морг, — сказала внезапно тетя Гертруда. — Да что с вами со всеми случилось? Кто умер?

— Все дело в воздухе, — отозвалась тетя Бесси. — Слишком жарко круглый год.

— Если бы ты хоть раз поиграла зимой в Рочестере, ты бы радовалась теплему климату. Но все равно, дело не в этом. Я чувствую себя так, будто стою на сцене после поднятия занавеса.

— Это все твои фантазии, — сказала ей мать.

— Духи, — вставила тетя Гертруда и опять умолкла.

Бабушка Китон пристально взглянула на Джейн.

— Подойди-ка ко мне, малышка, — сказала она.

Джейн окунулась в надежное тепло мягких, уютных колен, державших на себе столько детей, и попыталась забыть обо всем, оставить все заботы бабушке Китон. Но ничего не вышло. Что-то не так было в доме, и давящие волны исходили от источника тревоги, находившегося совсем рядом.

«Неправильный» дядя. Голод и алчность, требующие пищи. Близость кровавого мяса дразнила его, лежащего в укрытии в своем страшном гнезде, где-то там, в другом мире, в том удивительном месте, куда отправились дети.

Он притаился там, жажда еды, и одновременно он был здесь — пустой, алчный, безжалостный водоворот голода.

Джейн закрыла глаза и теснее прижалась к плечу бабушки Китон.

Тетя Гертруда болтала странно-напряженным голосом, словно она ощущала близкое присутствие чего-то чуждого и в глубине души у нее гнездилился страх.

— Через пару дней у меня премьера в Санта-Барбаре, Ма, — говорила она. — Я... Да что же такое с этим домом в конце концов? Я сегодня нервная, как кошка... Так я хочу, чтобы вы все приехали на первое представление. Это музыкальная комедия. Я иду в гору.

— Я видела «Принца Пильсена» раньше, — сказала бабушка Китон.

— Но не со мной же. Я уже забронировала комнаты в отеле. Ребятишки тоже поедут. Хочешь посмотреть, как играет твоя тетя, Джейн?

Джейн кивнула из-за бабушкиного плеча.

— Тетя, — внезапно сказала Джейн, — ты всех дядей видишь?

— Конечно.

— Всех-всех? Дядю Джеймса, дядю Берта, дядю Симона и дядю Лью?

— Всю компанию. А в чем дело?

— Это я просто так спросила.

Значит, тетя Гертруда тоже не заметила «неправильности» одного из дядей. Выходит, и она не слишком наблюдательна, подумала Джейн.

— А вот ребятешек я не вижу. Если они не поторопятся, то не получат подарков, которые я им привезла. Ни за что не догадаешься, что у меня для тебя есть, Дженни.

Но даже эти многообещающие слова едва достигли ушей Джейн. Ибо внезапно висевшее в воздухе напряжение разрядилось. Неверный дядя, мгновение назад бывший водоворотом голода, стал теперь водоворотом экстаза. Где-то, каким-то образом, Руггедо был накормлен. Где-то, каким-то образом, другая половина двойного дяди пожирала кровавую пищу...

Джейн не была больше на коленях у бабушки Китон. Комната превратилась в кружащуюся темноту с крохотными, подмигивающими огоньками — Чарльзу они напомнили рождественскую елку — и в центре этого вращения находился источник ужаса. Через «неправильного» дядю, находившегося в исчезнувшей комнате, словно через трубу из невероятного гнезда, где жила другая его половина, в дом вливалось полное экстаза чувство насыщения.

В это мгновение Джейн каким-то образом очутилась совсем рядом с другими детьми, обступившими, должно быть, вращающийся фокус тьмы. Она почти ощущала их присутствие, почти касалась их рукой.

Потом темнота содрогнулась, и крошечные огоньки слились в единое свечение, и в сознании Джейн закружились немыслимые воспоминания. Она была совсем рядом с *ним*. Он был не опасен, будучи накормленным досыта. Он не контролировал свои мысли, они лились, бесформенные, как у животного, наполняя темноту. Мысли о красной еде, об иных временах и местах, где такую же красную еду протягивали ему другие руки.

Невероятно. Воспоминания не касались Земли, они не относились к нашему времени и пространству. Он много путешествовал, этот Руггедо, и под многими личинами. Он вспоминал теперь, в потоке бесформенного расщепления, как разрывал покрытые мехом бока, вспоминал поток горячей красной жидкости, струившейся сквозь эти шкурки.

Ничего подобного Джейн не могла раньше даже вообразить.

Он вспоминал огромный двор, мощный чем-то ослепительно сверкавшим на солнце, и что-то яркое в цепях, в центре двора, и кольцо наблюдающих глаз, когда он вышел и направился к жертве.

Когда он вырывал свою долю из гладких боков, цепь клалаца в такт его жевавшему рту...

Джейн попыталась закрыть глаза и не смотреть. Но видела она не глазами. Она испытывала чувство стыда и легкого отвращения, ибо тоже присутствовала на этом пиршестве, вместе с Руггедо, ощущая сладкий вкус красного вещества, и луч экстаза пронзил ее тело так же, как и его.

— Вот и ребятешки идут, — донесся откуда-то издалека голос тети Гертруды.

Вначале до Джейн не дошел смысл ее слов, но потом она поняла, и вдруг вновь ощутила мягкость колен бабушки Китон, снова очутилась в знакомой комнате.

— Не стадо ли слонов мчится по лестнице? — сказала тетя Гертруда.

Они вернулись. Теперь и Джейн слышала их.

Собственно, они создавали гораздо меньше шума, чем обычно. На полпути они замедлили бег, и до слуха Джейн донесся гул голосов.

Дети вошли. Беатрис была немного бледной, Эмили — розовой, с припухшими глазами, Чарльз что-то взволнованно бормотал, но у Бобби, самого младшего, вид был угрюмый и скучный. При виде тети Гертруды их оживление усилилось, хотя Беатрис обменялась с Джейн быстрыми значительными взглядами.

Шум, возгласы, приветствия. Вернулись дяди. Все принялись обсуждать предстоящую поездку в Санта-Барбару, но напряженное это веселье быстро угасло. На смену ему пришло тяжелое молчание.

Хотя ни один из взрослых не подавал виду, их всех томило какое-то нехорошее предчувствие.

Но только дети — и даже тетя Гертруда не понимала их — сознавали полную *пустоту* «неправильного» дяди — ленивого, вялого, полуразумного существа. Внешне он имел вполне человеческий облик, как будто никогда и не проецировал волны животного голода под этой крышей, никогда не позволял своим мыслям крутиться в сознании детей, никогда не вспоминал о кровавых празднествах, происходивших в другие времена и в других местах.

Утолив свой голод, он стал излучать дремотные волны, и все взрослые зевали, недоумевая, что это на них нашло. Но он по-прежнему оставался пустым, ненастоящим. Чувство нереальности происходящего не покидало даже те маленькие, пытливые сознания, которые видели его таким, какой он есть.

Глава 3. Насытившийся едок

Позже, когда пришла пора ложиться спать, лишь Чарльз хотел говорить о дяде. У Джейн было такое чувство, будто Беатрис как-то повзрослела с начала дня. Бобби читал «Книгу Джунглей» или притворялся, что читает, с огромным удовольствием рассматривая картинки с изображением тигра Шер Хана. Эмили отвернулась к стене и делала вид, что спит.

— Меня позвала тетя Бесси, — сказала Джейн, чувствуя молчаливый упрек. — Она хотела примерить на мне тот новый воротничок. Я ускользнула бы от нее, как только смогла.

— А-а.

Извинения были приняты, но Беатрис по-прежнему играла в молчанку. Джейн подошла к кровати Эмили и обняла малышку.

— Ты сердишься на меня, Эмили?
— Нет.
— Сердишься, я знаю. Я ничего не могла поделывать, дорогая.
— Все в порядке, — сказала Эмили. — Неважно.
— Все сверкает и сияет, — сонным голосом сказал Чарльз, — как рождественская елка.

Беатрис круто повернулась к нему.

— *Заткнись*, Чарльз! — крикнула она.

Тетя Бесси просунула голову в комнату.

— В чем дело, дети? — спросила она.

— Ничего, тетя, — ответила Беатрис. — Просто мы играем.

Сытый, на время удовлетворенный, лежал он в своем странном гнезде. Дом затих. Обитатели его заснули. Даже «неправильный» дядя спал, ибо Руггедо был искусным подражателем.

«Неправильный» дядя не был фантомом, нематериальным порождением разума Руггедо. Как амeba тянет к еде псевдоподии, так и Руггедо увеличился и создал «неправильного» дядю. Но на этом сходство заканчивалось. Ибо «неправильный» дядя не был эластичным отростком, который можно было бы отдернуть в любой момент. Скорее он — оно — было материальной конечностью, как рука у человека. Мозг с помощью нервной системы посылает сигнал, рука протягивается, пальцы хватают... и вот она, еда.

Но «конечность» Руггедо имела больше пространства для маневра, чем человеческая рука. Жертва может насторожиться, увидев протянутую к ней руку, а «неправильный» дядя выглядел и действовал совсем как человек, лишь глаза выдавали его.

Но существуют законы, подчиняться которым вынужден был даже Руггедо. Непокоримые законы природы связывают его до известных пределов. Его жизнь, как и жизнь, к примеру, обыкновенной бабочки, подчинена определенным циклам: гусеница должна много есть, прежде чем свить кокон и превратиться в куколку, а затем — в прекрасную летунью. Изменение не может произойти до назначенного срока. И Руггедо не мог измениться раньше, чем закончится цикл. Потом произойдет очередная метаморфоза, как это уже бывало в немислимых глубинах его прошлого — миллионы удивительных мутаций.

Но в настоящее время он был связан законами текущего цикла. «Отросток» не мог быть отдернут. И «неправильный» дядя был частью этого существа, а оно, в свою очередь, было частью «неправильного» дяди.

Тело Скудлера и голова Скудлера.

По погруженному во тьму дому гуляли все непрекращающиеся, не затихающие волны насыщения, медленно, почти незаметно ускоряющиеся, переходя к той нервной алчной пульсации, что всегда завершает процесс пищеварения.

Тетя Бесси повернулась на другой бок и начала посапывать. В другой комнате «неправильный» дядя, не просыпаясь, тоже повернулся на спину и тоже засопел.

Способность к мимикрии была развита на славу...

Стоило стрелкам часов перевалить за полдень, как пульс дома сменил ритм и настроение.

— Если мы собираемся в Санта-Барбару, — сказала бабушка Китон, — то я хочу отвести детей сегодня к дантисту. Нужно привести в порядок их зубы, а с доктором Гувером трудно договориться и насчет одного ребенка, не говоря уже о четырех. Джейн, твоя мама писала мне, что ты была у дантиста месяц тому назад, так что тебе идти не нужно.

После этих слов детей обуяла тревога, но ни один из них не возразил ни словом. Лишь когда бабушка Китон повела детей к воротам, Беатрис слегка замялась. Джейн стояла у дверей, провожая их взглядом. Беатрис, не оглядываясь, протянула руку и на миг крепко сжала пальцы Джейн. И только.

Но ответственность была возложена. Слов не требовалось. Беатрис ясно дала понять, что Джейн должна позаботиться обо всем. Бремя ответственности легло на ее плечи.

Джейн не осмелилась откладывать дело в долгий ящик. Она слишком явственно ощущала постепенное нарастание охватившей всех взрослых депрессии.

Руггедо вновь проголодался.

Она смотрела вслед своим двоюродным братьям и сестрам, пока они не исчезли за перцовыми деревьями. Через некоторое время отдаленный рокот троллейбуса возвестил о том, что надеяться на их скорое возвращение нечего. Тогда Джейн пошла к мяснику, купила два фунта мяса, выпила содовой и снова вернулась домой.

Она почувствовала, как у нее участился пульс.

Взяв на кухне кувшин, Джейн положила в него мясо и проскользнула в ванную. С такой ношей без помощи остальных вскарабкаться на чердак было нелегко, но ей все же удалось это сделать. В теплом безмолвии, царившем под крышей, она слегка помедлила, почти надеясь на то, что тетя Бесси снова позовет ее. Но никакого окрика не последовало.

Простота предстоящих ей действий притупляла страх. Кроме того, ей едва исполнилось девять. И на чердаке было не так уж темно.

Балансируя, она прошла по балке до планки-мостика. Ступив на него, Джейн ощутила вибрацию под ногами.

«Раз-два, вот халва,
Три-четыре, заплатили,
Пять-шесть, можно есть,
Семь-восемь...»

Лишь третья попытка увенчалась успехом. Не так-то просто освободить мозг от всех дум и тягот. Она пересекла мостик, свернула и...

Там было сумрачно, почти темно... на Джейн дохнуло холодом и сыростью подземелья. Ни капельки ни удивившись, она поняла, что находится, скорее всего, где-то под домом, а быть может, и очень

далеко от него. Но Джейн приняла такую возможность наравне с остальными чудесами. Ничто ее не удивляло.

Странно, но она как будто знала путь. Она находилась в некоем замкнутом на себя пространстве, и в то же самое время блуждала по пустынным, с нависающими сводами, бесконечным, сумрачным, тропитанным холодом и влагой помещением. О таких местах даже думать неприятно, не то что блуждать по ним, имея при себе только кувшин с мясом.

Оно нашло мясо приемлемым.

Позже Джейн так и не смогла вспомнить, что же это было за *оно*. Она не знала, как предложить еду, но оно ее приняло, где-то в самом сердце этого парадоксального, замкнутого на себя пространства, где оно лежало, грезя о других мирах и запахах.

Она лишь почувствовала, как тьма вновь закружилась вокруг нее, подмигивая маленькими огоньками, когда оно пожирало мясо. Воспоминания перебегали из его разума в ее разум, как будто они стали единым целым. На этот раз образы были отчетливее и понятнее. Джейн видела огромное крылатое существо в блестящей клетке, она прыгнула вместе с Руггедо, ощутила биение крыльев, почувствовала взметнувшуюся в теле волну голода, живо вкусила тепло, сладость, солоноватость упруго бывшей струи.

Это было сплетение однородных картин и образов. Все новые и новые жертвы бились, схваченные им, роняли перья, извивались. Когда он ел, все жертвы сливались в его воспоминаниях в одну огромную жертву.

Самое яркое воспоминание всплыло в самом конце. Джейн увидела сад, наполненный гигантскими цветами, чьи бутоны качались высоко над ее головой. Согбенные фигуры в плащах с капюшонами безмолвно сновали среди стеблей, а в чашечке гигантского цветка лежала беспомощная жертва со светлыми волосами, и цепи на ней ярко сверкали. Джейн показалось, будто она — одна из этих молчаливых фигур, а оно — Руггедо — в другой личине идет рядом с ней к месту жертвоприношения.

Это было его первое воспоминание о человеческой жертве. Джейн хотелось узнать об этом побольше. Соображения морали были для нее пустым звуком. Еда есть еда. Но эту картину сменила другая, и Джейн так и не увидела финала. В сущности, этого и не требовалось. Все подобные воспоминания заканчивались одинаково. Возможно, ей даже повезло, что Руггедо не заострил внимание именно на этом эпизоде своих кровавых пиршеств.

«Семнадцать-восемнадцать, пора собираться.

Деятнадцать-двадцать...»

Она осторожно ступала по балкам, неся пустой кувшин. На чердаке пахло пылью. Это помогло ей отогнать прочь кровавую долину, клубившуюся в ее воспоминаниях.

Когда дети вернулись, Беатрис лишь спросила:

— Сделала?

Джейн кивнула. Табу по-прежнему оставалось в силе. Вопрос этот обсуждался ими лишь в случае крайней необходимости. А томительная, вялая духота дома, психическая расслабленность «неправильного» дяди ясно показывали, что опасность вновь на время отступила.

— Почитай мне о Маугли, бабушка, — сказал Бобби.

Бабушка Китон села, надела очки и взяла Киплинга. Остальные дети, довольные, устроились рядом с ней. Бабушка читала о гибели Шер Хана, о том, как животные заманили тигра в глубокое, узкое ущелье, о сотрясающем землю паническом бегстве огромного стада, превратившем убийцу в кровавую кашу.

— Ну вот, — сказала бабушка Китон, захлопнув книгу. — Вот вам и конец Шер Хана. Теперь он мертв.

— Нет, — сонным голосом возразил Бобби.

— Конечно же, мертв. Стадо убило его.

— Только в конце, бабушка. Если ты начнешь сначала, Шер Хан опять будет жив.

Конечно же, Бобби был слишком мал для того, чтобы понять, что такое смерть. Ведь убивают же тебя иногда во время игры в ковбоев и индейцев, и в этом нет ничего печального. Смерть — просто один из абстрактных терминов, необходимых для выражения своих мыслей.

Дядя Лью курил трубку и, морща коричневую кожу под глазами, смотрел на дядю Берта, который, прикусив губу, долго колебался, прежде чем сделать ход. Но дядя Лью все равно выиграл партию в шахматы. Дядя Джеймс подмигнул тете Гертруде и сказал, что ему хочется пройтись и не составит ли она ему компанию. Тетя согласилась.

После их ухода тетя Бесси подняла голову и презрительно фыркнула.

— Когда они вернутся, посмотрим, как от них будет пахнуть. И почему ты смотришь на это сквозь пальцы?

Бабушка Китон лишь усмехнулась и потрепала Бобби по волосам. Он уснул у нее на коленях, сжав руки в кулачки. Щеки его слегка зарумянились.

У окна горбилась тощая фигура дяди Симона.

Он смотрел в окно и молчал.

— Если мы собираемся завтра утром в Санта-Барбару, дети, — сказала тетя Бесси, — нужно сегодня пораньше лечь спать.

Так они и сделали.

Глава 4. Конец игры

К утру у Бобби поднялась температура, и бабушка Китон отказалась рисковать его жизнью ради поездки в Санта-Барбару. Это ввергло Бобби в состояние уныния, но послужило решением проблемы, многие часы не дававшей детям покоя. Потом раздался телефонный звонок, и отец Джейн сообщил, что сегодня приедет за ней и что у нее появился маленький братик. Джейн, не имевшая на сей счет иллюзий, была довольна и надеялась, что теперь ее мама перестанет болеть.

Перед завтраком они собрались в комнате Бобби.

— Ты знаешь, что надо делать, Бобби? — сказала Беатрис. — Обещаешь, что сделаешь?

— Угу. Обещаю.

— Ты сможешь сделать это сегодня, Дженни, до того, как приедет твой папа? Тебе лучше купить побольше мяса и оставить его Бобби.

— Я не могу купить мясо без денег, — сказал Бобби.

Как-то неохотно Беатрис пересчитала то, что осталось от маленького капитала Джейн, и вручила ему. Бобби спрятал деньги под подушку и поправил красную фланелевую повязку, обматывающую его шею.

— Кусается, — сказал он. — Все равно я не болен.

— Это все от тех зеленых груш, что ты вчера лопал, — язвительно сказала Эмили. — Думаешь, никто тебя не видел?

Вбежал Чарльз, который был внизу. Он шумно дышал.

— Эй, знаете, что случилось? — проговорил он. — Он ушиб ногу. Теперь он не может ехать в Санта-Барбару. Держу пари, он нарочно это сделал.

— Черт возьми! — сказала Джейн. — Как это случилось?

— Он сказал, что подвернул ее на лестнице. Держу пари, что он врет. Просто он не хочет ехать.

— Возможно, он *не может* отъехать так далеко от дома, — предположила Беатрис.

Она руководствовалась своей интуицией. Больше они об этом не говорили. Но в общем-то Беатрис, Эмили и Чарльз были довольны, что он не поедет с ними в Санта-Барбару.

Чтобы разместить всех, понадобилось два такси. Бабушка Китон, «неправильный» дядя и Джейн стояли на крыльце и махали отъезжающим. Автомобили исчезли в облаке пыли. Джейн решительно взяла у Бобби часть денег и пошла к мяснику. Вернулась она тяжело нагруженная.

«Неправильный» дядя приковывался, опираясь на палку, на террасу и сел на солнце. Бабушка Китон приготовила для Бобби омерзительное, но полезное питье, а Джейн решила не делать того, что ей предстояло сделать, до ленча. Бобби читал «Книгу Джунглей», спотыкаясь на трудных словах. На некоторое время в доме воцарились мир и покой.

Джейн долго не могла забыть этот день. Ее ноздри щекотали аппетитный запах пекущегося хлеба с кухни, густой аромат цветов и слегка отдающий пылью запах нагретых солнцем ковров и мебели. Бабушка Китон поднялась к себе в спальню намазать кольд-кремом руки и лицо. Джейн примостилась на пороге и наблюдала за ней.

Это была уютная комнатка, милая на свой, особый лад. Занавески были так туго накрахмалены, что сверкали особой белизной, а стол был уставлен всякими завораживающими взор предметами — подушечками для булавок, сделанных в форме куколок, крохотными китайскими красными башмачками, еще более крошечной серой китайской мышкой, брошью-камеей с портретом бабушки в детстве.

Медленно, но настойчиво биение пульса учащалось даже здесь, в этой, казалось, надежно защищенной от всякого влияния извне спальне.

Сразу после ленча зазвонил звонок. Это отец Джейн приехал за ней из Сан-Франциско. Он торопился на поезд, такси оставалось у дома, и времени для долгих разговоров не было. Но все же Джейн улучила минутку и побежала наверх попрощаться с Бобби и сказать ему, где спрятано мясо.

— Хорошо, Дженни, — сказал Бобби, — до свидания.

Она знала, что ей не следовало перепоручать это дело Бобби. Угрызения совести мучили ее всю дорогу к станции.

Как сквозь дымку до нее доносились голоса взрослых, обсуждавших задержку поезда. Говорили, что он прибудет очень поздно.

Отец сказал, что в город приехал цирк...

Цирк был хорош. Она почти забыла о Бобби и о том, что может произойти, если он не выполнит своего обещания. Голубел ранний вечер, когда они вместе с другими людьми выходили из-под тента. И вдруг сквозь просвет в толпе Джейн увидела маленькую знакомую фигурку, и внутри у нее все оборвалось. Она *знала*.

Мистер Ларкин заметил Бобби почти одновременно с дочерью. Он громко окликнул его и через мгновение дети смотрели друг на друга. Пухлое лицо Бобби было угрюмым.

— Твоя бабушка знает о том, что ты здесь? — спросил мистер Ларкин.

— Думаю, что нет, — ответил Бобби.

— Тебя следовало бы отшлепать, молодой человек. А ну-ка, идем. Нужно немедленно ей позвонить. Она, без сомнения, ужасно беспокоится.

В аптеке, пока он звонил, Джейн смотрела на своего двоюродного брата. Она страдала от гнета первого тяжелого бремени на своей совести, сознавая свою ответственность за происшедшее.

— Бобби, — спросила она шепотом, — ты сделал?

— Ты оставила меня одного, — мрачно ответил Бобби.

Наступило молчание.

Мистер Ларкин вернулся.

— Никто не отвечает. Я вызвал такси. Мы как раз успеем завезти Бобби домой до отхода поезда.

Почти всю дорогу они молчали. Что бы ни случилось в доме, Джейн не думала об этом. Такова была защитная реакция мозга. Как бы там ни было, теперь уже слишком поздно что-либо предпринимать...

Когда такси подъехало к дому, во всех его окнах горел свет. На крыльце стояли люди. На груди одного из них тускло мерцал значок полицейского офицера.

— Подождите здесь, ребяташки, — сказал мистер Ларкин. В его голосе звучала тревога. — Не выходите из машины.

Шофер такси пожал плечами и развернул газету. Мистер Ларкин торопливо направился к крыльцу. Джейн очень тихо сказала Бобби:

— Ты не сделал.

Это даже не было обвинением.

— А мне все равно, — прошептал в ответ Бобби. — Я устал от этой игры. Я хотел играть во что-нибудь другое.

Он хихикнул.

— А вообще, я победил, — объявил он.

— Как? Что случилось?

— Полиция приехала, а я знал, что они приедут. *Он* об этом даже не подумал. Вот я и победил.

— Но как?

— Ну, это совсем как в «Книге Джунглей». Помнишь, как убивают тигров? Привязывают к стволу ребенка, а когда появляется тигр, бух! Только все дети уехали в Санта-Барбару, и ты тоже уехала. И тогда я заменил ребенка бабушкой. Я думал, что она не стала бы возражать. Она же много с нами играет. И потом, ведь все равно, кроме нее никого не было.

— Но, Бобби, «ребенок» вовсе не означает такого ребенка, как мы. Имеется в виду козленок*, и поэтому...

— А-а! — прошептал Бобби. — Ну да, конечно. Но я подумал, что бабушка подойдет. Она слишком толстая, чтобы быстро бегать.

Он мрачно усмехнулся.

— *Он* — дурак, — сказал он. — Ему бы следовало знать, что когда для тигра привязывают детеныша, рядом в кустах сидит охотник. А *он* ничего не знает. Когда я сказал ему, что запер бабушку в ее комнате, а больше в доме никого нет, я думал, что он догадается.

У Бобби был довольный вид.

— Я хитрый. Я ему через окно сказал. Я решил, что он может подумать, что я и есть детеныш. Но он не сразу быстро пошел вверх. Он даже забыл, что ему нужно хромать. Думаю, он уже здорово проголодался.

Бобби посмотрел в сторону крыльца, на котором царило оживление.

— Наверное, полицейские уже схватили его, — бросил он безразличным тоном. — Это же проще простого. Я победил.

Джейн не успевала за ходом его мысли.

— Бабушка умерла? — очень тихо спросила она.

* Английское слово «kid» имеет два значения: «ребенок» и «козленок».

Бобби посмотрел на нее. Это слово имело для него совсем другой смысл. Оно было всего лишь частью игры. А потом, для него тигр никогда не успевал добраться до детеныша.

Мистер Ларкин возвращался к такси. Он шел очень медленно и ступал не очень уверенно.

Джейн пока что не видела выражение его лица...

Дело, конечно, замаяли. Дети, знавшие гораздо больше, чем опекавшие их взрослые, тщательно ограждались от подробностей случившегося. Столь же тщательно дети пытались раньше защитить взрослых. Но кроме двух старших девочек, остальных это не слишком заботило. Игра была окончена, бабушка уехала в долгое путешествие, из которого ей не суждено было вернуться.

С другой стороны, «неправильному» дяде тоже пришлось уехать, как было им сказано, в большую больницу, где о нем станут всю жизнь заботиться.

Это тоже не слишком их озадачило, ибо было за пределами границ их понимания. Их представления о смерти были крайне несовершенными, но все остальное вообще являлось для них полной тайной. Сейчас, когда их интерес угас, они редко вспоминали о прошлом. Лишь Бобби иногда слушал «Книгу Джунглей» с необычным вниманием, ожидая, не уведут ли на этот раз тигра вместо того, чтобы убить его на месте. Конечно, этого ни разу не произошло. Очевидно, в реальной жизни тигры были другими...

Долгое время после этого в ночных кошмарах Джейн видела то, что она всеми силами старалась забыть. Девочка видела бабушкину спальню такой, какой она видела ее в последний раз: залитую солнечным светом, с накрахмаленными занавесками, с красным китайским башмачком и куколкой-булавницей. Бабушка втирала колыбельный крем в морщинистые руки и выглядела все более нервной по мере того, как алчные волны голода наполняли дом, исходя от ужасного гнезда где-то внизу.

Должно быть, оно жутко проголодалось.

«Неправильный» дядя притворился, будто у него болит лодыжка. Должно быть, он крутился и ворочался на кушетке, эта пустышка, равнодушная ко всему, кроме потребности в пище, в кровавой еде, без которой он не мог жить. Хищное существо внизу во тьме пульсировало от голода, алча еды...

Бобби поступил умно, передав свое сообщение-приманку через окно.

Запертая в комнате наверху бабушка, вероятно, уже обнаружила к этому времени, что не может выйти. Ее толстые, морщинистые пальцы, скользкие от колыбельного крема, должно быть, тщетно пытались повернуть ручку.

Джейн много раз слышала во сне звук шагов. Эти шаги, которые она на самом деле не слышала никогда, были для нее более реальны, чем те, которые ей приходилось слышать наяву. Она с уверенностью знала, какими они должны быть: топ-топ, топ-топ, две ступени за шаг, и бабушка прислушивается с тревогой, зная, что дядя с его

больной ногой не может так ходить. Тогда-то она и вскочила с колотящимся сердцем, думая о ворах.

Все это длилось недолго: одного лишь биения сердца, должно быть, хватило на то, чтобы шаги протопали через коридор. К тому времени весь дом, должно быть, дрожал и пульсировал от триумфального голодного рева. Шаги, наверное, попадали в ритм этому биению. С ужасающей нацеленностью они приближались по коридору. А потом в замке повернулся ключ...

А затем...

А потом Джейн, как правило, просыпалась...

«Маленькие мальчики не несут ответственности за свои поступки», — много раз говорила себе Джейн тогда и позже. После этого она долго не видела Бобби, а когда увидела, он уже успел обо всем забыть, слишком много было новых впечатлений. Он получил на Рождество игрушки и пошел в школу. Когда он услышал о том, что «неправильный» дядя умер в психиатрической лечебнице, то с трудом понял, о ком идет речь, ибо для младших детей «неправильный» дядя никогда не был членом семьи. Он был только частью игры, в которую они играли и победили.

Мало-помалу непонятная депрессия, некогда угнетавшая домохозяев, сошла на нет и вскоре окончательно пропала. После смерти бабушки она на какое-то время сделалась более сильной и отчаянной, но взрослые решили, что все дело в вызванном несчастьем шоке. Когда депрессия исчезла, это только подтвердило их предположение.

Странно, но холодная, ограниченная логика Бобби, оказалась верной. Ругтедо поступил бы нечестно, если бы ввел в игру нового «неправильного» дядю, а Бобби верил, что *он* будет соблюдать правила. Он и соблюдал их, ибо они были законом, нарушить который он не мог.

Ругтедо и «неправильный» дядя составляли вместе единое целое в рамках текущего цикла. Связь этих двух частей была неразрывна до конца цикла. Так что в конце концов Ругтедо остался беспомощным.

В сумасшедшем доме «неправильный» дядя медленно умирал с голоду. Он не желал притрагиваться к тому, что ему предлагали. Голова и тело Скудлера умерли одновременно, и дом бабушки Китон снова стал тихой заводью. Никто не знал, вспоминал ли Бобби когда-нибудь о случившемся. Его действия направлялись железной логикой, отталкивающейся от его пока что небольшого опыта: если ты совершил что-либо плохое, придет полицейский и заберет тебя. Бобби устал от этой игры. Лишь тонкое чутье удерживало его от того, чтобы просто бросить ее и начать играть во что-то другое.

Бобби хотел победить, и он победил.

Ни один взрослый не сделал бы того, что сделал Бобби, — но ребенок принципиально иное существо. По стандартам взрослых ребенка нельзя назвать здравомыслящим из-за путей, которыми движутся его мысли, а также из-за его поступков и желаний...

Назовем его демоном.

Жил-был гном

Не следовало бы Тиму Крокетту лезть в шахту на Дорнсеф Маунтин. То, что сходит с рук в Калифорнии, может выйти боком в угольных шахтах Пенсильвании. Особенно, когда в дело вступают гномы.

По правде говоря, Тим Крокетт знать ничего не знал о гномах. Он просто занимался исследованием условий жизни представителей низших классов, время от времени пописывая статьи, усыпанные весьма неудачными терминами собственного изобретения. Тим Крокетт принадлежал к той южно-калифорнийской группе социологов, члены которой пришли к заключению, что пролетариату без них не обойтись. Они заблуждались. Это им нужен был пролетариат — по меньшей мере, на восемь часов в день.

Крокетт, подобно своим коллегам, считал рабочего помесью гориллы и Человека с мотыгой. Доблестный ученый произносил пламенные речи о угнетенном меньшинстве, писал зажигательные статьи для выпускаемой их группой газетенки «Земля» и всячески увиливал от работы в качестве клерка в юридической конторе своего отца. Он говорил, что на него возложена миссия. К несчастью, к сему почтенному мужу не питали ни малейших симпатий ни рабочие, ни предприниматели.

Чтобы раскусить Крокетта, диплома психолога не требовалось. Этот высокий, худой, неплохо разбирающийся в галстуках молодой человек с пристальным взглядом крохотных паучьих глазок, достоин был лишь одного — хорошего пинка под зад.

Но уж, конечно, не от гномов!

На деньги отца Крокетт рыскал по стране, исследуя жизнь пролетариев, к великой досаде тех рабочих, к которым он лез с расспросами. Как-то раз, одержимый исследовательским зудом, он отправился в Айякские шахты, — или, по меньшей мере, в одну из них, — переодевшись в шахтерскую робу и тщательно натерев лицо угольной пылью. Спускаясь на лифте, он почувствовал себя не в своей тарелке среди людей с чисто выбритыми лицами. Лица шахтеров чернели лишь в конце рабочего дня.

Дорнсеф Маунтин — настоящие медовые соты и без шахт «Айякс Компани». Гномы знают, как блокировать свои туннели, когда люди подходят к ним слишком близко. Очутившись под землей, Крокетт почувствовал себя совершенно сбитым с толку. Он долго брел куда-то вместе с остальными, затем те принялись за работу. Наполненные

вагонетки, громыхая, покатались по рельсам. Крокетт поколебался, потом обратился к рослому субъекту, на чьем лице, казалось, навечно застыла маска великой печали.

— Послушай, — сказал он, — я хотел бы поговорить с тобой!

— Инглишкий? — вопросительно отозвался тот. — Вишки. Жин. Вино. Ад.

Продемонстрировав свой несколько неполный набор английских слов, здоровяк разразился хриплым смехом и вернулся к работе, не обращая больше внимания на сбитого с толку Крокетта. Тот отправился на поиски другой жертвы. Но этот отрезок шахты оказался пустынным. Еще одна нагруженная вагонетка, прогромыхала мимо, и Крокетт решил посмотреть, откуда она выехала. Он нашел это место после того, как преобильно стукнулся головой и несколько раз шлепнулся, поскользнувшись на скользкой пыли.

Рельсы уходили в дыру в стене. Стоило Крокетту ткнуться туда, как его тут же кто-то окликнул хриплым голосом. Незнакомец приглашал Крокетта подойти поближе.

— Чтобы я мог свернуть твою цыплячью шейку, — пообещал он, извергнув вдобавок поток непечатных выражений.

— А ну-ка, убирайся отсюда!

Крокетт бросил взгляд в сторону кричавшего и увидел маячившую невдалеке гориллообразную фигуру. Он мгновенно пришел к выводу, что владельцы Айякских шахт пронюхали о его миссии и подослали к нему громилу, который придушит его или, по крайней мере, избыет до потери пульса. Страх наполнил силой ноги Крокетта. Он бросился бежать, лихорадочно ища какой-нибудь боковой туннель, в который можно было нырнуть. Несшийся ему вдогонку рык эхом отдавался от стен. Внезапно Крокетт ухватил смысл последней фразы:

— ...пока не взорвался динамит!

В тот же миг динамит взорвался.

Однако Крокетт этого не понял. Он лишь как-то вдруг обнаружил, что летит. После этого доблестный исследователь вообще перестал что-либо соображать, а когда эта способность вернулась к нему, он обнаружил, что на него пристально смотрит чья-то голова.

Вид этой головы не принес ему особого утешения — вряд ли вы решились бы взять себе в друзья ее владельца. Голова была странная, если не сказать — отталкивающая. Крокетт был настолько увлечен ее видом, что даже не сообразил, что обрел способность видеть в кромешной тьме.

Как долго он находился без сознания? Интуитивно Крокетт понимал, что не час и не два. Взрыв...

...Похоронил его под грудой обломков? Крокетт вряд ли почувствовал бы себя намного лучше, знай он, что находится в выработанной шахте, теперь бесполезной и давно уже заброшенной. Шахтеры, которые взрывом открыли проход к новой шахте, понимали, что проход к старой будет завален, но их это не беспокоило.

Другое дело — Тима Крокетта.

Он мигнул и, когда снова открыл глаза, обнаружил, что голова исчезла. Это позволило ему вздохнуть с облегчением. Крокетт тут же решил, что неприятное видение было галлюцинацией. Он даже не мог толком вспомнить, как, собственно, выглядела та голова. Осталось лишь смутное воспоминание об ее очертаниях, смахивающих на карманные часы в форме луковицы, больших, блестящих глаз и неправдоподобно широкой щели рта.

Крокетт, застонав, сел. Откуда исходило это странное, серебристое сияние? Оно напоминало дневной свет в туманный день, не имело определенного источника и не давало тени. «Радий», — подумал ничего не смыслящий в минералогии Крокетт.

Он находился в шахте, уходившей в полумрак впереди до тех пор, пока футов через пятьдесят она не сделала резкий поворот, а за ним... за ним проход был забит обломками рухнувшего свода. Крокетту мгновенно стало трудно дышать. Он кинулся к завалу и принялся лихорадочно разбрасывать обломки, задышав и издавая хриплые, нечленораздельные звуки.

Тут взгляд его скользнул по собственным рукам. Движения Крокетта мало-помалу начали замедляться, пока он, наконец, не застыл, как истукан, будучи не в силах оторвать глаз от тех удивительных широких и шишковатых предметов, что росли из его кистей. А не мог ли он в период своего беспамятства натянуть рукавицы? Но стоило этой мысли мелькнуть в его голове, как Крокетт тут же осознал, что никакими рукавицами не объяснить то, что случилось с его руками. Они едва сгибались в запястьях.

Быть может, они вывалины в грязи? Нет! Дело совсем не в том. Его руки... изменены. Они превратились в два массивных шишковатых коричневых отростка, похожих на узловатые корни дуба. Их покрывала густая черная шерсть. Ногти явно нуждались в маникюре — причем, в качестве инструмента лучше всего подошло бы зубило.

Крокетт оглядел себя и из груди у него вырвался слабый цыплячий писк. Он не верил собственным глазам. У него были короткие кривые ноги, толстые и сильные, с крохотными, едва ли двухфутowymi, ступнями. Все еще не веря, Крокетт изучил свое тело. Оно тоже изменилось — и явно не в лучшую сторону.

Рост его уменьшился до четырех с небольшим футов, грудь выпирала колесом, а шеи не было и в помине. Одет он был в красные сандалии, голубые шорты и красную тунику, оставляющую голыми его худые, но сильные руки. Его голова...

Она имела форму луковицы. А рот... Ой! Крокетт инстинктивно поднес к нему руку, но тут же отдернул ее, огляделся и рухнул на землю. Невозможно. Это все галлюцинация! Он умирает от кислородной недостаточности, и перед смертью его посещают галлюцинации.

Крокетт закрыл глаза, убежденный, что его легкие судорожно сокращаются, добывая себе воздух.

— Я умираю, — прохрипел он. — Я не могу дышать.

Чей-то голос презрительно произнес:

— Надеюсь, ты не воображаешь, будто дышишь *воздухом*.

— Я не... — начал Крокетт.

Он не закончил предложения. Его глаза снова округлились. Значит, теперь и слух изменил ему.

— До чего же вшивый образчик гнома, — сказал голос. — Но, согласно закону Нида, выбирать не приходится. Все равно добывать твердые металлы тебе не позволят, уж я-то об этом позабочусь. А антрацит тебе по плечу. Но что ты уставился? Ты куда уродливее, чем я.

Крокетт, собиравшийся облизать пересохшие губы, с ужасом обнаружил, что кончик его влажного языка достает по меньшей мере до середины лба. Он быстро убрал язык, громко причмокнув при этом, с трудом принял сидячее положение и застыл как истукан, тупо пялясь в пространство.

Снова появилась голова. На этот раз вместе с телом.

— Я Гру Магру, — продолжала болтать голова. — Тебе, конечно, дадут гномье имя, если только твое собственное не окажется удобным. Как оно звучит?

— Крокетт, — выдавил из себя человек.

— А?

— Крокетт.

— Да перестань ты квакать как лягушка и... Ага, теперь понял. Крокетт. Прекрасно. А теперь вставай и следуй за мной, а не то я дам тебе хорошего пинка.

Но Крокетт встал не сразу. Он не мог оторвать глаз от Гру Магру. Тот явно был гномом. Короткий, приземистый и плотный, он напоминал маленький бочонок, увенчанный огромной луковицей. Волосы росли лишь на макушке, что придавало им сходство с зелеными побегами лука. Лицо было широким, с огромной щелью рта, пуговицей носа и двумя очень большими глазами.

— *Вставай!* — рявкнул Гру Магру.

На сей раз Крокетт повиновался, но это усилие полностью вымотало его. Если он сделает хотя бы шаг, подумал Крокетт, он просто сойдет с ума. Возможно, это будет лучший выход из положения. Гномы...

Гру Магру привычно размахнулся большой косолапой ногой, и Крокетт, описав дугу, врезался в массивный валун.

— *Вставай!* — рявкнул гном уже с большей угрозой в голосе. — Иначе я снова тебе нападдам. Мне и так в печенках сидит это патрулирование, когда я в любой момент могу набрести на человека без... *Вставай! Или...*

Крокетт встал. Гру Магру взял его за руку и увлек в глубину туннеля.

— Ну вот, теперь ты гном, — сказал он. — Таков закон Нида. Иногда я спрашиваю себя, стоит ли овчинка выделки. Думаю, стоит, потому что у гномов отсутствует способность к воспроизводству, а численность населения следует поддерживать.

— Я хочу умереть, — с яростью бросил Крокетт.

Гру Магру рассмеялся.

— Гномы *не могут* умереть. Хочешь-не хочешь, но ты будешь жить, пока не наступит День. Судный День, я имею в виду.

— Вы нелогичны, — сказал Крокетт, как будто, опровергнув одно утверждение, он автоматически выкарабкался изо всей этой передраги. — Или же вы состоите из плоти и крови и можете умереть в любой момент, или же у вас их нет, и тогда вы нереальные.

— У нас есть и плоть, и кровь, это верно, — сказал Гру Магру. — Но мы бессмертны. В этом различие. Не могу сказать, чтобы я имел что-нибудь против некоторых смертных, — поторопился объяснить он. — Летучие мыши и совы — с ними все в порядке. Но человек!

Он содрогнулся.

— Ни один гном не может вынести вида человека.

Крокетт ухватился за соломинку.

— Я — человек.

— Был, ты хочешь сказать, — возразил Гру. — Да и то, по-моему, не слишком хорошим образчиком. Но теперь ты гном. Таков закон Нида.

— Ты все время твердишь о законе Нида, — пожаловался Крокетт.

— Конечно, ты не понимаешь, — с покровительственным видом заметил Гру Магру. — Дело вот в чем. Еще в древние времена было оговорено, что десятую часть всех людей, потерявшихся под землей, превращают в гномов. Так постановил первый Император Гномов Подгран Третий. Он знал, что гномы частенько похищают человеческих детей и считал, что это нечестно. Он обсудил проблему со старейшинами, и они решили, что когда шахтеры и тому подобные теряются под землей, десятая часть их превращается в гномов и присоединяется к нам. Так получилось и с тобой. Понятно?

— Нет, — слабым голосом ответил Крокетт. — Послушай. Ты сказал, что Подгран был первым Императором Гномов. Почему же его тогда называли Подграном Третьим?

— Нет времени для вопросов, — отрезал Гру Магру. — Поторопись.

Теперь он почти бежал, таща за собой упавшего духом Крокетта. Новоиспеченный гном не научился еще управлять своими весьма необычными конечностями. Сандалии его были на удивление широки, а руки очень мешали. Но через некоторое время он научился держать их согнутыми и прижатыми к бокам. Стены, освещенные странным серебристым светом, проплывали мимо них.

— Что это за свет? — удалось выдавить из себя Крокетту. — Откуда он исходит?

— Свет? — переспросил Гру Магру. — Это не свет.

— Но ведь не темно...

— Конечно же здесь темно, — фыркнул гном. — Как бы могли мы видеть, если бы здесь не было темно?

В ответ на это можно лишь завопить во всю глотку, подумал Крокетт. Он едва успевал переводить дыхание, так быстро они дви-

гались. Теперь они петляли по бесконечным тоннелям какого-то лабиринта, и Крокетт понимал, что ему никогда не удастся найти обратный путь. Он жалел, что ушел из пещеры. Но что он мог поделать?

— Торопись! — подгонял его Гру Магру.

— Почему? — задыхаясь, прошептал Крокетт.

— Битва продолжается! — крикнул в ответ гном.

Завернув за угол, они едва не врезались в самую гущу схватки. Туннель кишмя кишел гномами, и все они яростно лупили друг друга. Красные и голубые шорты и накидки быстро сновали туда-сюда. Луковичные головы то выныривали из толпы, то исчезали в ней. Запрещенных приемов здесь явно не существовало.

— Видишь! — ликующе крикнул Гру. — Битва! Я учуял ее за шесть туннелей! Как прекрасно!

Он пригнулся, потому что маленький гном весьма злобного вида поднял над его головой камень и что-то угрожающе завопил. Камень улетел в темноту, и Гру, бросив своего пленника, немедленно устремился к маленькому гному, повалил его на пол пещеры и принялся колотить головой о пол. Оба орали во все горло. Впрочем, их голоса терялись в общем реве, от которого дрожали стены.

— О, Господи, — слабым голосом сказал Крокетт.

Он стоял как столб, наблюдая за схваткой, и это было его ошибкой. Огромный гном выскочил из-за груды камней, схватил Крокетта за ноги и отшвырнул его прочь. Через туннель прокатился какой-то жуткий клубок и ударился о стену с гулким «Бу-ум!» В воздухе замелькали руки и ноги.

Вставая, Крокетт обнаружил, что подмывает под себя злобного вида гнома с огненно-рыжими волосами и четырьмя большими бриллиантовыми пуговицами на тунике. Отталкивающего вида существо лежало неподвижно, распластавшись на полу. Крокетт решил оглядеть свои раны и не нашел ни одной. По крайней мере, тело его было скроено на славу.

— Вы спасли меня! — послышался незнакомый голос.

Он принадлежал... гному-женщине. Крокетт решил, что если в природе и существует нечто более уродливое, чем гномы, то это представительница женского пола данной разновидности существ. Существо стояло, пригнувшись, за его спиной, сжимая в одной руке огромных размеров камень.

Крокетт отпрянул.

— Я не причиню вам вреда, — закричало существо.

Оно старалось перекрыть гул, наполнявший коридор.

— Вы меня спасли. Мугзá пытался оторвать мне уши... Ой! Он встает!

Действительно, рыжеволосый гном пришел в себя. Первым его побуждением было поднять ногу и, не поднимаясь, отправить с ее помощью Крокетта на другой конец туннеля. Гном-женщина немед-

ленно села Мугзе на грудь и принялась колотить его головой о пол, пока он вновь не потерял сознание.

— Вы не ушиблись?! Боже! Я — Бр'окли Бун... Ой, посмотрите! Сейчас он лишится головы!

Крокетт оглянулся и увидел, что его проводник Гру Магру изо всех сил тянет за уши незнакомого гнома, пытаясь, очевидно, открутить ему голову.

— Да в чем же дело? — взмолился Крокетт. — Брокли Бун! Брокли Бун!

Она неохотно обернулась.

— Что?

— Драка! С чего она началась?

— Я ее начала, — объяснила она. — Подрались, и все!

— И все?

— Потом подключились и остальные, — сказала Брокли Бун. — Как тебя зовут?

— Крокетт.

— Ты ведь новенький? Да, о, я знаю, ты же был человеком!

Внезапно ее выпуклые глаза зажглись ярким светом.

— Крокетт, может быть, ты кое-что мне объяснишь? Что такое поцелуй?

— Поцелуй? — оторопело повторил Крокетт.

— Да. Однажды я сидела внутри холма и слышала, как два человека, судя по их голосам, мужского и женского пола, говорили. Я, конечно, не осмелилась на них посмотреть, но мужчина просил у женщины поцелуй.

— О, — довольно тупо произнес Крокетт. — Он просил поцелуй, вот как.

— А потом послышался чмокающий звук, и женщина сказала, что это восхитительно. С тех самых пор меня гложет любопытство, потому что если какой-нибудь гном попросит у меня поцелуй, я даже не буду знать, что это такое.

— Гномы не целуются, — несколько невпопад ответил Крокетт.

— Гномы копают, — ответила Брокли Бун. — И еще едят. Я люблю есть. Поцелуй не похож на суп из грязи?

— Нет, не совсем.

Кое-как Крокетту удалось объяснить механику этого прикосновения.

Гномица молчала, размышляя. Наконец, с видом гнома, предлагающего суп из грязи голодному, она сказала:

— Я дам тебе поцелуй.

Перед глазами Крокетта промелькнуло кошмарное видение того, как его голова исчезает в бездонном провале ее рта.

Он отпрянул.

— Нет, — сказал он, — лучше не надо.

— Ну тогда давай драться, — безо всякого перехода предложила Брокли Бун и со всего маха дала Крокетту в ухо узловатым кулаком.

— Ой, нет.

Она с сожалением опустила руку и отошла.

Крокетт, потирая ушибленное ухо, увидел, что тут и там гномы встают с пола и торопливо расходятся по своим делам. Казалось, они уже забыли о недавних разногласиях. В туннеле снова царила тишина, нарушаемая лишь топотом гномьих ног по камню. Счастливо улыбаясь, к ним подошел Гру Магру.

— Привет, Брокли Бун, — приветствовал он гномицу. — Хорошая драка. Кто это?

Он посмотрел на распростертое тело Мугзы, рыжеволосого гнома.

— Мугза, — ответила Брокли Бун. — Он все еще без сознания. Давай-ка, пнем его.

Они принялись за это дело с огромным энтузиазмом. Наблюдал за ними, Крокетт твердо решил, что никогда не позволит оглушить себя. Судя по всему, это небезопасно. Наконец, Гру Магру устал и снова взял Крокетта под руку:

— Пошли, — сказал он.

Они двинулись вдоль туннеля, оставив Брокли Бун самозабвенно скакать на животе бесчувственного Мугзы.

— Вы, кажется, не гнушаетесь бить людей, когда те без сознания, — заметил Крокетт.

— А так гораздо забавнее, — радостно сказал Гру. — Можно бить именно туда, куда хочется. Идем. Тебя нужно посвятить. Новый день, новый гном. Нужно поддерживать численность населения, — сказал он и принялся напевать какую-то песенку.

— Послушай, — сказал Крокетт. — Мне в голову пришла одна мысль. Ты говоришь, что люди превращаются в гномов для поддержания численности населения. Но если гномы не умирают, разве это не означает, что теперь гномов больше, чем раньше? Ведь население постоянно растет, не так ли?

— Тихо, — приказал Гру Магру. — Я пою.

Это была песня, начисто лишенная мелодии. Крокетт, чьи мысли непредсказуемо перескакивали с одного на другое, вдруг подумал о том, есть ли у гномов национальный гимн. Может быть, «Уложи меня»? Звучит неплохо.

— Мы идем на аудиенцию к Императору, — сказал, наконец, Гру. — Он всегда знакомится с новыми гномами. Тебе лучше произвести на него хорошее впечатление, или я тебя суну в лаву под приисками.

Крокетт оглядел запачканную одежду.

— Не лучше ли мне привести себя в порядок? Из-за этой драки я весь перепачкался.

— Драка тут ни при чем, — оскорбленным тоном ответил Гру. — Да что с тобой происходит?.. Ты на все смотришь не под тем углом.

— Моя одежда... она грязная.

— Об этом не беспокойся, — отозвался его спутник. — Прекрасная грязная одежда, не так ли? Сюда!

Он наклонился, набирая пригоршню песка, и натер им лицо и волосы Крокетта.

— Вот так-то лучше!

— Я... Тыфу! Спасибо... Тыфу! — сказал новоявленный гном. — Надеюсь, я сплю, потому что я не...

Он не закончил. Крокетту было что-то не по себе.

Они прошли через лабиринт, находившийся глубоко под Дорнсеф Маунтин, и очутились в большой каменной пещере, с каменным же тронем в ее конце. На троне сидел маленький гном и рассматривал свои ногти.

— Чтобы твой день никогда не кончался! — сказал Гру. — Где Император?

— Ванну принимает, — ответил тот. — Надеюсь, он утонул. Грязь, грязь и грязь — утром, днем и вечером. Вначале слишком горячо, а, затем слишком прохладно, потом слишком плотно. Я себе пальцы до костей рассадил, намешивая грязевые ванны. А вместо благодарности — одни пинки.

Голос маленького гнома жалобно дрожал.

— Существует такое понятие, как быть *чересчур* грязным. Три грязевые ванны в день, это уже слишком. А обо мне он даже не думает! О, нет! Я — грязевая кукла — вот кто я такой. Так он меня сегодня назвал. Говорит, ком в грязи попался. Ну а почему бы и нет?! Проклятая глина, которую мы собираем, даже червя вывернет наизнанку. Вы найдете Его Величество там, — закончил маленький гном, ткнув ногой в направлении полукруглой арки в стене.

Крокетта затащили в соседнюю комнату, где, погруженный в ванну, полную жирной коричневой грязи, сидел толстый гном. Лишь глаза сверкали сквозь покрывавшую его плотную корку грязи. Он брал грязь пригоршнями и бросал ее на голову так, чтобы она стекала каплями. Когда это ему удавалось, он кричал от удовольствия.

— Грязь, — довольно заметил толстяк, обращаясь к Гру Магру.

Голос его был подобен львиному рыку.

— Ничто не может с ней сравниться. Отличная, жирная грязь. Ах!

Гру бухнул головой об пол, а его широкая, сильная рука обвилась вокруг шеи Крокетта, увлекая его за собой.

— Встаньте, — сказал Император. — Кто это? Что здесь делает этот гном?

— Он новенький, — объяснил Гру. — Я нашел его наверху. Закон Нида. Вы же знаете.

— Да, конечно. Давай-ка, я на него посмотрю. Уф! Я — Подгран Второй, Император Гномов. Что ты можешь на это сказать?

Крокетт не мог придумать ничего лучше, как спросить:

— Как вы можете быть Подграном Вторым? Я слышал, что первый Император был Подграном Третьим.

— Болтун, — сказал Подгран II и исчез под поверхностью грязи так же внезапно, как и появился оттуда.

— Позаботься о нем, Гру, — сказал он, когда вынырнул. — Вначале легкая работа, добыча антрацита. И смотри, не смей ничего есть, пока работаешь, — предупредил он оторопевшего Крокетта. — После того, как пробудешь здесь сто лет, тебе будет разрешено принимать одну грязевую ванну в день. Нет ничего лучше хорошей ванны, — добавил он и натер лицо грязью.

Внезапно он замер. Затем грозно прорычал:

— Друк! Дру-ук!

Поспешно приковылял маленький гном, которого Крокетт видел сидящим на троне.

— Ваше Величество, разве грязь недостаточно теплая?

— Ты — ползающий кусок глины! — зарокотал Подгран Второй.

— Ты слюнявый отпрыск шести тысяч различных зловоний! Ты — мышеглазый, бесполезный, вислоухий, извивающийся прыщ на добром имени гномов! Ты — геологическая ошибка! Ты...

Друк воспользовался временным перерывом в обвинительной речи своего хозяина.

— Это лучшая грязь, Ваше Величество. Я сам ее отбирал. Ах, Ваше Величество, что случилось?

— В ней червяк! — проревело Его Величество и заколотило по грязи кулаками. Поднялся такой фонтан брызг, что Подгран II исчез в нем с головой. У Крокетта заложило уши. Он позволил Гру Магру увлечь его прочь.

— Хотел бы я встретиться со стариком на узкой дорожке, — заметил Гру, когда они очутились в безопасной глубине туннеля, — но он, конечно, прибегнул бы к помощи колдовства. Таков уж он есть. Самый лучший Император из тех, кто когда-либо был у нас. Ни капельки честности во всем его пропитанном грязью теле.

— М-да, — тупо сказал Крокетт. — А что дальше?

— Ты же слышал, что сказал Подгран, не так ли? Будешь добывать антрацит. И если ты съешь хоть малюсенький кусочек, я вобью зубы тебе в глотку!

Размышляя над особенностями скверных характеров гномов, Крокетт послушно дал отвести себя в галерею, где несколько дюжин гномов как женского, так и мужского пола остервенело тыкали во что-то кирками и мотыгами.

— Вот мы и пришли, — сказал Гру. — Будешь добывать антрацит. Двадцать часов работаешь — шесть спишь.

— А потом что?

— Потом снова начнешь копать, — объяснил Гру. — Через каждые десять часов — короткая передышка. Между ними ты не должен прерывать работу, разве что для борьбы. Как ты определишь, где находится уголь? Тебе нужно только подумать об этом.

— То есть?

— А как, по-твоему, я нашел тебя? — нетерпеливо спросил Гру. — Гномы обладают... определенными способностями. Бытует поверье, будто эльфы могут находить источники воды с помощью раз-

двоенной палки. Ну вот, а мы завязаны на металлы. Думай об антраците, — закончил он.

Крокетт повиновался. Спустя мгновение он обнаружил, что бесознательно повернулся к стене ближайшего туннеля.

— Видишь, как действует? — ухмыльнулся Гру. — полагаю, это плод естественной эволюции. Очень функционально. Нам необходимо знать, где сосредоточены подземные запасы, вот нас и наградили особым чутьем. Подумай о золоте или любом другом даре Земли, и ты его почувствуешь. Это так же сильно в гномах, как отвращение к дневному свету.

— Да-а... — сказал Крокетт. — А это-то зачем?

— Добро и вред. Нам нужна руда и мы ее чувствуем. Дневной свет причиняет нам вред, поэтому, если тебе покажется, что ты слишком приблизился к поверхности, подумай о свете, и он оттолкнет тебя. Попробуй!

Крокетт повиновался. Что-то словно надавило на его голову.

— Прямо над нами, — кивнул Гру. — Но далеко. Я однажды видел дневной свет. И человека тоже.

Он посмотрел на остальных.

— Я забыл объяснить. Гномы не выносят самого вида человека. Они... Видишь ли, есть предел уродливости, который может выдерживать гном. Теперь, когда ты один из нас, ты будешь испытывать те же чувства. Держись подальше от дневного света и никогда не смотри на людей. Здоровье следует беречь.

В голове Крокетта начал созревать план. Так, значит, он может найти выход из этой путаницы туннелей, просто руководствуясь своими чувствами. Они выведут его к дневному свету. А после этого... что ж, по крайней мере, он окажется на поверхности.

Гру Магру поставил Крокетта между двумя пыхтящими гномами и сунул ему в руку кирку.

— Вот здесь. Приступай к работе.

— Спасибо за... — начал было Крокетт.

Но тут Гру внезапно пнул его и зашагал прочь, что-то довольно напевая себе под нос. Появился другой гном. Увидев, что Крокетт стоит без движения, он велел ему браться за дело, подтвердив свое распоряжение тычком в и без того распухшее ухо.

Крокетту волей-неволей пришлось взять кирку и начать отколушивать антрацит со стены.

— Крокетт! — позвал громкий голос. — Это ты? Я так и думала, что тебя пошлют сюда.

Это была Брокли Бун, гномица, с которой Крокетт уже встречался. Она тоже работала вместе с остальными, но теперь опустила свою кирку и улыбалась знакомому.

— Ты здесь долго не пробудешь, — утешила она его. — Лет десять или около того, пока не попадешь в беду, а уж потом тебя поставят на действительно тяжелую работу.

У Крокетта уже болели руки.

— Тяжелая работа? Да у меня через минуту руки отвалятся.

Он облокотился на кирку.

— Это что, твоя обычная работа?

— Да, но я здесь редко бываю. Обычно меня наказывают. Я вечно вляпываюсь в какую-нибудь историю. Такая уж я есть. К тому же, я ем антрацит.

Она сопровождала свои слова действием, и громкий треск заставил Крокетта содрогнуться. Тут же подошел надсмотрщик. Брокли Бун судорожно сглотнула.

— В чем дело? Почему вы не работаете? — рявкнул он.

— Мы как раз собирались бороться, — объяснила Брокли Бун.

— О... только вдвоем? Или мне тоже можно присоединиться?

— Участвуют все, кто хочет, — ответила абсолютно неженственно ведущая себя гномица и тут же огрела киркой по голове ничего не подозревавшего Крокетта. Он угас, как задутая свеча.

Очнувшись через некоторое время, он ощутил жесткие толчки под ребра и решил, что это Брокли Бун, должно быть, пинает его, пока он лежит без сознания. Ну и порядочки! Крокетт сел. Он обнаружил, что находится в том же самом туннеле, а вокруг него множество гномов занято складыванием антрацита в аккуратные кучи.

К нему подошел надсмотрщик:

— Очнулся, да? Принимайся за работу!

Еще окончательно не пришедший в себя Крокетт повиновался.

— Ты пропустил самое интересное. Я получила в ухо... Видишь?

Она продемонстрировала. Крокетт торопливо взялся за кирку. Казалось, его рука ему не принадлежала.

Копать... копать... Ползли часы. Крокетт никогда в жизни так усердно не трудился. Но он отметил, что никто из гномов не жаловался. Двадцать часов тяжелого труда с одним лишь коротким перерывом, который он продремал. И снова копать... копать... копать...

Не прерывая работы, Брокли Бун сказала:

— Я думаю, из тебя получится хороший гном, Крокетт. Ты уже почти что втянулся. Никогда бы не подумала, что ты когда-то был человеком.

— Правда?

— Точно. Ты кем был, шахтером?

— Я был...

Внезапно Крокетт замолчал. Странный свет зажегся в его глазах.

— Я был рабочим активистом, — закончил он.

— Что это такое?

— Ты слышала когда-нибудь о профсоюзе? — спросил Крокетт.

Он пристально посмотрел на нее.

Брокли Бун покачала головой.

— Нет, никогда о нем не слышала. Что такое «профсоюз»? Это что, руда?

Крокетт объяснил. Ни один рабочий активист никогда бы не принял такого объяснения. Оно было, скажем так, несколько упрощенное.

У Брокли Бун был озадаченный вид.

— Я не больно-то поняла, что ты имеешь в виду, но думаю, что это здорово.

— И еще одно, — сказал Крокетт. — Неужели ты никогда не устаешь от двадцатичасового рабочего дня?

— Конечно. Кто же тут не устанет?

— Тогда зачем столько работать?

— Да мы все так работаем, — терпеливо объяснила гномица. — Мы не можем остановиться.

— А что, если ты остановишься?

— Меня накажут. Побьют сталактитами, или как-нибудь еще.

— А что будет, если все остановятся? — настаивал Крокетт. — Каждый распроклятый гном. Что, если они все устроят сидячую забастовку?

— Ты ненормальный, — сказала Брокли Бун. — Такого никогда не было. Это *человеческое*.

— Поцелуев под землей тоже никогда не было, — возразил Крокетт. — Нет, он мне не нужен! И драться я тоже не хочу. Господи, да дай мне самому всем этим заняться! Большая часть гномов гнет спину на привилегированные классы.

— Нет, мы просто работаем.

— Но почему?

— Всегда так было. И Император хочет, чтобы мы это делали.

— А Император сам когда-нибудь работал? — требовательно спросил Крокетт с торжествующим видом. — Нет! Он только ванны грязевые принимает. — Брокли Бун слушала его со все увеличивающимся интересом. — Почему бы каждому гному не обрести подобную привилегию? Почему...

Он говорил все громче и громче, не переставая работать. Брокли Бун заглотила приманку вместе с крючком.

Через час она уже согласно кивала.

— Я расскажу об этом остальным сегодня же вечером. В Ревущей Пещере, сразу после работы.

— Подожди-ка, — сказал Крокетт. — Сколько мы сможем собрать гномов?

— Ну, не очень много. Где-то тридцать.

— Вначале нужно все организовать. Необходимо разработать четкий план.

Брокли Бун тут же утратила всякий интерес к делу.

— Давай драться.

— Нет! Ты слушаешь? Нам нужен... совет. Кто здесь самый главный возмутитель спокойствия?

— Мугза, я думаю. Тот рыжеволосый гном, которого ты сбил, когда он меня ударил.

Крокетт слегка нахмурился. Злитесь ли еще на него Мугза? Он решил, что, вероятнее всего, нет. Вряд ли Мугза имеет более скверный характер, чем все остальные гномы. Он может попытаться придушить Крокетта на виду у всех, но точно так же поступит и с любым

другим гномом. Кроме того, по словам Брокли Бун, Мугза — своего рода герцог среди гномов и его поддержка отнюдь не помешала бы.

— И Гру Магру, — предложила Брокли Бун. — Он любит все новое, особенно если это новое доставляет различные неприятности.

— Угу.

Сам Крокетт этих двоих гномов ни за что не выбрал бы, но, по крайней мере, других кандидатур у него на примете не было.

— Если бы мы могли заполучить кого-нибудь, приближенного к Императору... А как насчет Друка, того парня, что готовит для Подгрانا грязевые ванны?

— А почему бы и нет? Я это устрою.

Брокли Бун потеряла интерес к разговору и начала с жадностью уплетать антрацит. Поскольку надсмотрщик наблюдал за ней, разразилась жестокая ссора, из которой Крокетт вышел с подбитым глазом. Чертыхаясь под нос, он вернулся к копанью.

Больше подходящего случая перекинуться с Брокли Бун еще парой слов Крокетту не удалось. Он надеялся, что она все устроит. Этой ночью должно было состояться тайное собрание заговорщиков.

Крокетту страшно хотелось спать, но нельзя было упускать такую возможность.

У него не было никакого желания и впредь заниматься такой тяжелой работой, как добыча антрацита. Все его тело дико болело. Кроме того, если бы ему удалось организовать забастовку гномов, он, возможно, смог бы оказать давление на Подгрانا Второго. Гру Магру сказал, что Император — колдун. Не мог бы он превратить Крокетта обратно в человека?..

— Он никогда ничего подобного не делал, — сказала Брокли Бун.

Крокетт обнаружил, что высказал свои тайные мысли вслух.

— Но он смог бы, если бы захотел?

Брокли Бун только пожала плечами, но перед Крокеттом засверкали крохотный огонек надежды. Снова стать человеком!

Копать... копать... копать...

С монотонной, мертвящей размеренностью копать...

Крокетт находился в ступоре. Если ему не удастся подвинуть гномов на забастовку, его ожидает бесконечный, изнуряющий труд. Он едва помнил, как оторвался от работы, как Брокли Бун вела его под руки по туннелям к крошечному закутку, который был отныне его домом. Гномица оставила его там, он повалился на каменный выступ и заснул.

Внезапно удар по ребрам заставил его проснуться. Мигая, Крокетт сел и инстинктивно увернулся от удара Гру Магру, направленного ему в голову. К нему двигались четыре гостя — Гру Магру, Брокли Бун, Друк и рыжеволосый Мугза.

— Как жаль, что я так быстро проснулся, — с горечью произнес Крокетт. — Если бы я этого не сделал, вы могли бы пнуть меня еще разок.

— Еще будет время, — ответил Гру. — Ну, так в чем дело? Я хотел лечь спать, но Брокли Бун сказала, что нужно идти драться. На *большую* драку, да?

— Вначале — поесть, — решительно отрезала Брокли Бун. — Я приготовлю для всех грязевой суп.

Она отошла в угол и занялась там приготовлениями. Остальные гномы присели на корточки, а Крокетт встал на краю выступа.

Он все еще находился в состоянии полудремы.

Однако, ему удалось объяснить свою мысль касательно профсою- за относительно сносно. Принята она была с интересом, в основном по той причине, что впереди маячила перспектива крупной схватки.

— Ты предлагаешь, чтобы все Дорнсефские гномы скопом кину- лись на Императора? — спросил Гру.

— Нет! Мирное сопротивление. Мы просто откажемся работать. Все вместе.

— Я не могу, — сказал Друк. — Подгран, этот старый болотный слизняк, все время принимает грязевые ванны. Хочу я или не хочу, он заставит меня отправиться за грязью.

— Кто должен тебя отвести? — спросил Крокетт.

— Охрана, наверное.

— Но она тоже будет бастовать. *Никто* не станет повиноваться Подграну, пока он не сдастся.

— Тогда он меня заколдует, — сказал Друк.

— Всех нас он заколдовать не сможет, — сказал Крокетт.

— Но *меня* он заколдовать может, — еще более твердо сказал Друк. — Кроме того, он может произнести заклинание против *каж- дого* Дорнсефского гнома, превратив нас в сталактиты или во что-ни- будь еще.

— Ну и что же тогда будет? Не может же он остаться совсем без гномов. Половина добычи лучше, чем ничего. Мы побьем его элемен- тарной логикой. Разве не лучше иметь несколько меньшие результа- ты работы, чем вообще их не иметь?

— Для него — нет, — сказал Гру. — Он предпочтет нас заколдо- вать. Он очень плохой, — убежденно добавил он.

Но Крокетт не мог до конца поверить в подобное утверждение. Оно было слишком чуждо его психологии, человеческой психологии, конечно. Он повернулся к Мугзе, кидавшему на него яростные взгля- ды.

— А ты что об этом думаешь?

— Я хочу сражаться, — враждебным тоном бросил тот. — Я хочу кого-нибудь пнуть.

— А не предпочел бы ты этому три грязевые ванны в день?

Мугза проворчал:

— Еще бы! Но Император мне не позволит.

— Почему?

— Потому что я этого хочу.

— Вас ничем не проймешь, — в отчаянии сказал Крокетт. — В жизни есть кое-что получше, чем копание.

— Конечно. Драка! Подгран разрешает нам драться, когда мы только захотим.

Внезапно на Крокетта снизошло вдохновение.

— Но ведь в этом-то все и дело! Он собирается ввести новый закон, запрещающий драться всем, кроме него.

Ход оказался очень эффективным. Все гномы вскочили.

— Прекратить *БОРЬБУ*?

Это был Гру, разъяренный и неверящий.

— Но почему? Мы же всегда дрались?

— Теперь вам придется забыть об этом, — настаивал на своем Крокетт.

— Нет!

— Конечно, да! Почему же нет? Каждый гном, которому будет подарена жизнь, освободится от склонности к спорам.

— Пойдем и побьем Подгран, — предложил Мугза, принимая от Брокли Бун горшок с горячим супом.

— Нет, это не выход из положения... Нет, спасибо, Брокли Бун, — совсем не выход. Забастовка, вот что нам нужно. Мы мирными средствами вынудим Подграна дать нам то, что мы хотим.

Крокетт повернулся к Друку.

— Что будет делать Подгран, если мы все сядем и откажемся работать?

Маленький гном подумал.

— Он будет ругаться. Мне врежет.

— Угу. А потом?

— Потом пойдет и станет заколдовывать каждого встречного, туннель за туннелем.

— Угу.

Крокетт кивнул.

— Понятно. Солидарность — вот, что нам нужно. Если Подгран обнаружит несколько гномов, он сможет их заколдовать, но если мы все будем держаться вместе — дело сделано. Когда о забастовке будет объявлено, нам нужно будет собраться всем вместе в самой большой пещере.

— Это Пещера Совета, — сказал Гру. — Она находится за тронным залом Подграна.

— Отлично, там мы и соберемся. Сколько гномов к нам присоединятся?

— Все, — пробурчал Мугза и швырнул горшок из-под супа в голову Друка.

— Император не смеет прекращать борьбу.

— А какое оружие использует Подгран, а, Друк?

— Он может воспользоваться яйцами Кокатрис, — с сомнением в голосе ответил тот.

— Что это такое?

— Это не настоящие яйца, — объяснил Друк. — Это магические камни. Зеленые, я думаю, служат для превращения гномов в дожде-

вых червей. Однажды Подгран разбил одно и заклинание распространилось примерно на двадцать футов вокруг. А красные... подождите-ка. По-моему, они превращают гномов в людей, хотя это и трудновато. Нет... да. Голубые...

— В людей?!

У Крокетта расширились глаза.

— А где спрятаны эти яйца?

— Давай драться, — предложил Мугза и кинулся на Друка, который дико взвизгнул и принялся отбиваться горшком. Горшок разбился. Брокли Бун добавила шума, пиная и того и другого. Потом вмешался Гру Магру. Через несколько минут комната гудела от возбужденных воплей. Крокетт волей-неволей тоже оказался втянутым в драку...

Из всех извращенных, невероятных форм жизни, которые существовали когда-нибудь, гномы были чуть ли не самой странной. Невозможно было понять их философию. Способ их мышления слишком отличался от человеческого. Самосохранение и выживание расы — два основных человеческих инстинкта — были неведомы гномам. Они никогда не умирали и не рождались. Они только работали и дрались. Маленькие чудовища с ужасными характерами, как с раздражением думал о них Крокетт. И все же они существовали века. Возможно, с самого начала. Их общество возникло в результате гораздо более длительной, чем человеческая, эволюции. Вполне возможно, что гномов их образ жизни вполне устраивал, и тогда Крокетт, можно сказать, носил воду решетом.

И что же? Он не собирался проводить вечность за добычей антрацита, несмотря на тот факт, что он испытывал странное чувство удовольствия, когда работал. Возможно, для гномов копанье и является забавным процессом. Конечно. Это ведь смысл их существования. Со временем и Крокетту предстояло распрощаться с человеческими чувствами и окончательно превратиться в гнома. Что случилось с теми, кто пережил такое же превращение, как он? Все гномы казались Крокетту похожими. Но, может быть, Гру Магру был когда-то человеком, или Друк, или Брокли Бун?

Во всяком случае, сейчас они были гномами. Они мыслили и действовали как гномы. Со временем он превратился бы в точное их подобие. Он уже почувствовал в себе странную тягу к металлам и отвращение к дневному свету. Но копать ему *не нравилось*.

Крокетт попытался припомнить то небольшое, что знал о гномах — добывают уголь и металлы, живут под землей. Существует какая-то легенда о Пиктах, карликах, которые ушли под землю, когда столетия назад в Англию вторгся неприятель. По-видимому, это обстоятельство было как-то связано с тем ужасом, что испытывали гномы при виде людей. Но сами гномы явно не были потомками Пиктов. Скорее всего, они были двумя различными расами и роднила их только одинаковая среда обитания.

Что ж, с этой стороны помощи ждать неоткуда. А как насчет Императора? Он явно не отличался высоким интеллектом, но все же был колдуном. Вся загвоздка в этих яйцах Кокатрис. Если бы ему удалось завладеть теми из них, что превращая в человека...

Но в данный момент об этом нечего было и думать. Лучше подождать, пока не будет объявлено о забастовке. Забастовка...

Крокетт уснул.

Брокли Бун разбудила его болезненными ударами. Однако, она, казалось, всерьез привязалась к нему. Возможно, тут дело было в ее интересе к поцелуям. Время от времени она предлагала Крокетту поцелуйчик, и он неизменно отказывался. Вместо этого она стала пичкать его завтраком. Крокетт мрачно думал о том, что, по крайней мере, он вводит в свой организм достаточное количество железа, хотя заржавленные обломки мало походили на кукурузные хлопья. На десерт Брокли Бун предложила особую смесь угольной пыли.

Вне всякого сомнения, его пищеварительная система так же изменилась. Крокетт хотел бы получить рентгеновский снимок своих внутренних органов. Впрочем, он решил, что это доставило бы ему слишком много неприятных минут. Уж лучше пребывать в неведении. Но не думать об этом он не мог. Может быть, у него в желудке зубчатая передача или маленький жернов? Что произойдет, если он проглотит немного наждаку? Может быть, он сможет подобным образом вывести из строя Императора?

В этом месте он потерял нить мысли. Проглотив остаток еды, Крокетт последовал за Брокли Бун по пробитому в антраците туннелю.

— Что там насчет забастовки? Как дело движется?

— Прекрасно, Крокетт.

Она улыбнулась, и Крокетт содрогнулся при виде этой улыбки.

— Сегодня все гномы соберутся в Ревущей Пещере сразу после работы.

Для дальнейших разговоров времени не было. Появился надсмотрщик, и гномы схватились за кирки. Копать... копать... копать... Один и тот же ритм. Крокетт потел и работал. Ничего, недолго осталось. Его разум задавал нужный ритм, а мускулы автоматически сокращались в нужном темпе. Копать, копать. Иногда подраться. Иногда — отдых. И снова копать.

Через пять столетий кончился день. Пора было спать.

Но имелось и нечто более важное: профсоюзное собрание в Ревущей Пещере. Брокли Бун отвела туда Крокетта. Это была большая пещера, полная блестящих, зеленых сталактитов. В нее битком набились гномы. Повсюду гномы. Куда ни глянь — головы-луковицы. Драки кипели в дюжине мест.

Гру Магру, Мугза и Друк заняли места возле Крокетта. Потом тут же на полу примостилась и Брокли Бун.

— Ну вот, — шепнула она, — им всем об этом известно. Скажи им все, что ты хочешь.

Крокетт оглядел ряды круглых голов, красные и голубые пятна одежды, залитые сверхъестественным серебристым сиянием.

— Товарищи гномы! — слабым голосом начал он.

«Товарищи гномы!» — слова эти, усиленные стенами пещеры, громом прокатились по ней. Это громовое эхо придало Крокетту смелости. Он продолжил:

— Почему мы должны работать по двадцать часов в день? Почему мы не смеем есть антрацит, который сами же и выкапываем, в то время как Подгран сидит в своей ванне и потешается над нами? Товарищи гномы, Император один, а вас много! Он не может заставить вас работать! Я думаю, вам понравится есть суп из грязи три раза в день. Император не может сражаться с вами со всеми. Если вы все, как один, откажетесь работать, ему придется отступить! Придется!

— Скажи им про готовящийся запрет на драки, — подсказал Гру Магру.

Крокетт так и сделал. Это подействовало. Драки были слишком дороги сердцу каждого гнома. Крокетт продолжал говорить:

— Знайте же, что Подгран станет притворяться, будто ничего не случилось! Он будет делать вид, будто не запрещал борьбы. И это бесспорное доказательство того, что он нас боится! Кнут у нас в руках! Мы нанесем удар, и Император ничего не сможет сделать! Когда он лишится грязи для своих ванн, ему ничего не останется, кроме как капитулировать!

— Он нас всех заколдует, — печально пробормотал Друк.

— Не посмеет! Что ему это даст? Он только и знает, на какую сторону намазывать грязь. Подгран поступает с гномами нечестно! Это наше последнее слово!

Все, конечно, закончилось дракой. Но Крокетт был доволен. Завтра гномы не станут работать. Вместо этого они встретятся в Пещере Совета, войдут в комнату Подграна и сядут.

Эту ночь он спал хорошо.

Утром Крокетт вместе с Брокли Бун отправился в Пещеру Совета. Она была настолько большой, что смогла вместить в себя тысячи гномов. В серебристом свете их красные и голубые одежды казались на удивление сказочными, хотя, как подумал Крокетт, может, так и должно было быть.

Вошел Друк.

— Сегодня я не приготовил Подграну грязевой ванны, — хриплым голосом произнес он. — Ну и разозлился же он. Послушайте!

Действительно, сквозь проход в одной из стен пещеры до них доносились отдаленные, странные, скрипящие звуки.

Подошли Мугза и Гру Магру.

— Он будет совсем один, — сказал последний. — Ну и подеремся же мы!

— Давайте начнем драться прямо сейчас, — предложил Мугза. — Мне хочется наподдать кому-нибудь как следует.

— Там вон один гном спит, — сказал Крокетт, — если ты сможешь до него добраться, то отвесишь хорошую затрещину.

Мугза, слегка пригнувшись, отправился на поиски, но в это время в пещеру вошел Подгран Второй, император Дорнсефских гномов. Крокетт первый раз видел его без обволакивающей корки грязи и теперь уставился на него, забыв обо всем. Подгран был *крайне* уродлив. Он соединял в себе самые отвратительные черты каждого ранее виденного Крокеттом гнома. Результат просто не поддавался описанию.

— Ага, — сказал Подгран.

Он остановился, покачиваясь на коротких, кривых ногах.

— У меня гости. Друк! Где, ради девяти кипящих адов, моя ванна?

Но Друк уже исчез из поля зрения.

Император кивнул.

— Понятно. Что же, я не стану выходить из себя. *Я не стану выходить из себя!* Я НЕ...

Он замолчал, потому что с крыши сорвался сталактит и с грохотом упал вниз. В наступившее мгновение тишины Крокетт шагнул вперед и несколько робелепно поклонился.

— М-мы бастуем, — объявил он. — Это сидячая забастовка. Мы не будем работать до тех пор, пока...

— А-а-а! — заорал разъяренный Император. — Вы не будете работать, вот как? Ах ты, пучеглазый, плоскоязычный отпрыск ноздреватой летучей мыши! Пятно проказы на ее теле! Паразит, живущий в земляном черве! А-а-а!

— Дратся! — завопил нетерпеливый Мугза и ринулся на Подгран, но был отброшен назад умело нанесенным ударом.

Крокетт почувствовал сухость в горле.

Он повысил голос, пытаясь придать ему твердость:

— Ваше Величество, если вы уделите минуту...

— Ты гриб-паразит на теле дегенеративной летучей мыши, — во весь голос заорал Император. — Я вас всех заколдую! Я превращу вас в наяд! Забастовка, вот как?! Хотите помешать мне принимать грязевые ванны! Клянусь Кроносом, Нидом, Намиром и Локки, вы об этом пожалеете! А-а! — закончил он, дрожа от ярости.

— Быстро, — прошептал Крокетт Гру и Брокли Бун. — Встаньте так, чтобы он не мог добраться до яиц Кокатрис!

— Они не в тронной, — с унылым видом объяснил Гру Магру. — Подгран вытаскивает их прямо их воздуха.

— Ох! — простонал ошеломленный Крокетт.

В стратегически важный момент Брокли Бун сполна проявила самые худшие свои инстинкты. С громким воплем восторга она сбила Крокетта с ног, пару раз пнула его и рванулась к Императору.

Она успела нанести ему один увесистый удар, прежде чем Император со всего маху вдавил свой узловатый кулак в ее макушку, так что голова гномицы, казалось, буквально утонула в туловище. Пурпурный от ярости, Император протянул руку — и на его ладони засверкало желтое яйцо.

Яйцо Кокатрис.

Ревя, как разъяренный слон, Подгран швырнул его. В толпе гномов мгновенно очистился круг футов двадцать в диаметре. Взамен исчезнувших гномов в воздух поднялась дюжина летучих мышей. Они хлопали крыльями, еще больше увеличивая суматоху.

Суматоха перешла в хаос. С криками ярости и восторга гномы бросились на своего правителя.

— Бей! — выкрикивали сотни голосов, эхом отдаваясь от свода.

Подгран выхватил из ниоткуда еще один кристалл — на этот раз зеленый. Тридцать семь гномов мгновенно превратились в земляных червей и были растоптаны. В образовавшуюся брешь Император кинул еще одно яйцо Кокатрис и еще одна группа атакующих исчезла, превратившись в мышей-полевок.

Крокетт увидел, что один из кристаллов летит прямо к нему и кинулся бежать со всех ног. Он спрятался за сталагмитом и оттуда стал наблюдать за происходящим. Зрелище было не для слабонервных.

Яйца Кокатрис взрывались нескончаемым потоком. Там, где это случалось, образовывался круг футов в двадцать диаметром. Те, кто оказывались на его границе, изменялись лишь частично. Например, Крокетт видел одного гнома с головой моли, другой стал червем от середины туловища и ниже. Еще один... Уф! Даже богато развитое воображение людей, вероятно, не смогло бы породить подобных чудищ.

Жуткий грохот, наполнявший пещеру, нарушил покой сталагмитов, и они посыпались вниз. Все новые полчища гномов устремлялись в атаку, дабы тут же подвергнуться изменениям. Мыши, моли, летучие мыши и другие существа наполняли Пещеру Совета. Крокетт закрыл лицо руками и молился.

Он убрал руки как раз тогда, когда Подгран выхватил из воздуха красный кристалл.

Император помедлил и осторожно положил его рядом с собой. На свет появилось пурпурное яйцо, оно с треском ударилось о пол, и тридцать гномов превратились в жаб.

Очевидно, только Подгран имел иммунитет против своего волшебства. Ряды нападающих быстро редели, ибо источник яиц Кокатрис был, казалось, неисчерпаем. Сколько пройдет времени, прежде чем очередь дойдет и до Крокетта? Он не мог прятаться в своем тайнике вечно.

Крокетт остановил взгляд на красном кристалле, который Подгран с такой заботливостью отложил в сторону. Что-то такое вертелось в его памяти... что-то о яйце Кокатрис, которое может превращать гнома в человека. Ну конечно! Подгран не пользуется этим яйцом, потому что сам вид человека ненавистен гному. Если бы Крокетт только смог добраться до красного кристалла...

Крокетт начал красться вдоль стены, пока не оказался неподалеку от того места, где стоял Подгран. На Императора налетела еще одна волна гномов, мгновенно превращенная в сов, и тут Крокетт добрался до красного кристалла. Тот показался ему жутко холодным.

Крокетт уже собирался бросить его у своих ног, но вовремя одумался. Он находился в сердце Дорнсеф Маунтин, в лабиринте пещер. Ни одно человеческое существо не смогло бы выбраться отсюда, но гном мог, опираясь на свою ненависть к дневному свету.

У самого лица Крокетта пролетела летучая мышь. Он был почти уверен, что она пискнула: «Ну и драка!» пародией на голос Брокли Бун. Однако, полной уверенности у него не было. Прежде чем бежать, он обвел пещеру взглядом.

В ней царил полная неразбериха. Летучие мыши, моли, черви, утки и дюжины других существ летали, бегали, кусались, визжали, фыркали, рычали, бились и крякали повсюду. И повсюду метались гномы, — теперь их было немного — не больше тысячи — продолжая превращаться во что попало, отмечая тем самым места, в которых появлялся Император. Пока Крокетт наблюдал за этой сценой, несколько ящерич пробежали у его ног в поисках укрытия.

— *Бастовать вздумали?! —* ревел Подгран. — *Я вам покажу!*

Крокетт повернулся и побежал. Тронный зал был пуст, и он нырнул в первый же туннель. Там он сконцентрировался на дневном свете. Его левое ухо ощутило давление. Крокетт кинулся в этом направлении и бежал до тех пор, пока не увидел слева бокового прохода. Нырнув в него, он побежал еще быстрее. Шум битвы все более отдалялся.

Крокетт крепко сжимал в руках яйцо Кокатрис. Что же было не так? Подграну следовало остановиться и начать переговоры. Только... только он этого не сделал. Мерзкий, злобный и глупый гном. Он, наверно, не остановится, пока не уничтожит все свое королевство. Эта мысль заставила Крокетта прибавить ходу.

Давление света продолжало вести его вперед. Иногда он ошибался туннелем, но всегда, стоило ему лишь подумать о дневном свете, он *чувствовал*, в каком направлении ему бежать. Его короткие кривые ноги оказались на удивление быстрыми.

Потом он услышал, что за ним кто-то бежит.

Крокетт не стал оборачиваться. Поток ругательств, достигший его ушей, не позволял усомниться в личности преследователя. Подгран очистил Пещеру Совета от гномов и теперь намеревался разорвать на части Крокетта. И это было не самым фатальным из его многочисленных обещаний.

Крокетт мчался вперед. Он летел по туннелю, как пуля. Реакция на свет вела его. Он страшно боялся, что не успеет добежать. Топот за его спиной становился все громче. Если бы Крокетт не был твердо уверен в обратном, он решил бы, что его настигает целая армия гномов.

Быстрее! Быстрее! Но теперь Подгран был уже виден. Его рев сотрясал стены. Крокетт подпрыгнул, свернул за угол и увидел поток ослепительного света вдали. Это был дневной свет, каким он выглядит для глаз гнома.

Он не успеет вовремя добраться до выхода. Подгран уже наступает ему на пятки. Еще несколько секунд, и эти корявые, ужасные руки вцепятся в горло Крокетту.

И тут Крокетт вспомнил о яйце Кокатрис. Если он превратится в человека прямо сейчас, Подгран не сможет до него дотронуться. А он почти у входа в туннель.

Крокетт остановился, развернулся и поднял яйцо. Раскусив его намерения, Император немедленно распростер обе руки и выхватил из воздуха полдюжины кристаллов. Он швырнул их прямо в Крокетта — в воздухе словно повисла радуга. Но Крокетт уже успел швырнуть оземь красный кристалл. Раздался треск.

Драгоценность словно взорвалась, вокруг Крокетта замелькали красные искры.

И тут обрушился потолок.

Немного погодя Крокетт с трудом выбрался из обломков. Протерев глаза, он увидел, что путь во внешний мир по-прежнему открыт, и — благодарение Богу — дневной свет снова выглядит как обычно, а не слепящей белой дымкой.

Крокетт посмотрел в сторону туннеля и замер. Из груды обломков, кряхтя, выбирался Подгран. Его ругательства, однако, не стали менее яростными.

Крокетт повернулся и побежал, спотыкаясь о камни и падая. На бегу он успел увидеть, что Подгран смотрит на него.

Некоторое время гном стоял, как громом пораженный. Потом издал вопль, повернулся и ринулся в темноту.

Вскоре звук его быстрых шагов стих вдали.

Крокетт с трудом перевел дыхание.

Гномы боятся людей... вот оно! И теперь...

Крокетт почувствовал даже большее облегчение, чем думал. В глубине души он сомневался, сработает ли заклинание, поскольку Подгран швырнул в него шесть или семь яиц Кокатрис. Но он успел разбить красный кристалл раньше. Даже странный серебристый свет, сопутствующий гномам, исчез. Глубины пещеры были совершенно темными... и молчаливыми.

Крокетт направился к выходу. Выбравшись наружу, он растянулся под теплым предзакатным солнцем. Он находился недалеко от подножья Дорнсеф Маунтин среди зарослей ежевики. Сотней футов дальше фермер вспахивал плугом поле.

Крокетт поковылял к нему. При его приближении человек обернулся.

Некоторое время он стоял, как примерзший, потом заорал и бросился бежать. Его крики уже замерли вдали, когда Крокетт, вспомнив о яйцах Кокатрис, заставил себя оглядеть собственное тело.

И тут закричал уже он.

Но звук этот не был похож на те, что издавало человеческое горло.

И все же он был вполне естествен... при данных обстоятельствах.

Большая Ночь

Глава 1. Последний из гиперкораблей

Неуклюже, подобно медлительному космическому монстру, она миновала плоскость эклиптики. Ее реактивные двигатели были испещрены рубцами и пятнами, среднюю часть опоясывала оплавленная лента — память о соприкосновении с неласковой атмосферой Венеры, каждый из древних сварочных швов на ее массивном теле грозил разойтись при новом напряжении.

Капитанпил горькую в своей каюте, его плаксивый во хмелю голос был слышен далеко за пределами его каюты — он честил в хвост и гриву Межпланетную Торговую Палату.

Команда являла собой пеструю мешанину выходцев из дюжины миров. Половина ее была нанята безо всякого контракта. Логгер Хилтон, помощник капитана, пытался разобраться в ветхих картах, а «Ла Кукарача», чьи двигатели стонали, наводя на мысли о самоубийстве, мчалась в космосе навстречу Большой Ночи.

В контрольной рубке загорелась сигнальная лампочка. Хилтон схватил за руку какого-то матроса.

— Ремонтную бригаду! — закричал он. — Пусть выберутся на ее шкуру и проверят двигатель А-6. Шевелись!

Он снова обратился к картам, покусывая губу и поглядывая на пилота, крошечного негуманоида с Луны, обладавшего многочисленными паукообразными конечностями и хрупким с виду тельцем. Тс'сс — так или близко к этому звучало его имя — носил неуклюжую звукопреобразующую маску, которая делала его инфразвуковую речь различимой для человеческих ушей, но в отличие от Хилтона обходился без скафандра. Ни один селенит не нуждался в защите от вакуума. За миллионы лет, проведенных на Луне, они привыкли к отсутствию воздуха. Атмосфера корабля тоже не волновала Тс'сса. Он просто не утруждал себя дыханием, вот и все.

— Черт побери, нельзя ли полегче!? — рявкнул Хилтон. — Хочешь наше корыто на части разорвать?

Фасетчатые глаза селенита блеснули в прорезях маски.

— Нет, сэр. Я двигаюсь так медленно, как только можно на реактивном топливе. Как только я буду знать формулу перехода, нам станет немного легче.

— Давай вперед — без реактивных двигателей!
— Нам необходимо ускорение, чтобы совершить переход, сэр.
— Неважно, — сказал Хилтон. — Я все рассчитал. Должно быть, на этой карте кто-то разводил плодовую мушку. Вот данные.

Он продиктовал несколько уравнений, мгновенно усвоенных фотографической памятью Тс'сса.

Издали донеслось унылое завывание.

— Думаю, это капитан, — сказал Хилтон. — Я сейчас вернусь. Как только сможешь, ложись в гипер, иначе нас сомнет в гармошку.

— Да, сэр. Э... мистер Хилтон.

— Что?

— Вам бы не помешало проверить, есть ли в комнате капитана огнетушитель.

— Зачем? — спросил Хилтон.

Несколько из многочисленных конечностей селенита изобразили процесс выпивки. Хилтон сморщился, встал и направился вниз по трапу. Бросив взгляд на видеоэкраны, он отметил, что корабль уже миновал Юпитер, и у него слегка отлегло от сердца. Гравитационное поле гигантской планеты было противопоказано страдавшей артритом «Ла Кукараче», но беда пока прошла стороной. Пока! Он сухо усмехнулся, открыл дверь капитанской каюты и вошел.

Капитан Сэм Денверс стоял на своей койке, обращаясь с речью к воображаемому заседанию Межпланетной Торговой Палаты. Он был крупным мужчиной, вернее был таковым раньше, потому что теперь плоть его сморщилась, и он начал слегка сутулиться. Его морщинистое лицо почти почернело от космического загара, ежик седых волос сердито топорщился.

Но что-то все же объединяло его с Логгером Хилтоном. Оба они были старыми космическими волками. Хилтон был на тридцать лет моложе, но у него была такая же темная кожа и то же выражение голубых глаз. Ходило старое поверье, что когда погружаешься в Большую Ночь за орбитой Плутона, эта невообразимая пустота наполняет тебя и смотрит твоими глазами. Так было с Хилтоном. Так было и с капитаном Денверсом.

Ну, а в остальном Хилтон был крепко сбитым здоровяком, и в то время как Денверс порядком отошал, белый китель помощника капитана плотно облегал мощную мускулистую грудь. У него пока не было времени на то, чтобы сменить форму на другую одежду, хотя он и знал, что даже эта целлюлозная ткань не перенесет бесследно грязи космического путешествия. Во всяком случае, не на «Ла Кукараче».

Но это будет его последним путешествием на старой посудине.

Капитан Денверс прервал свою речь, чтобы спросить у Хилтона, какого дьявола ему нужно. Помощник отдал честь.

— Обычная инспекция, сэр, — ответил он и снял со стены огнетушитель. Денверс прыгнул с койки, но Хилтон оказался куда проворнее. Прежде, чем капитан приблизился к нему, Хилтон вылил содержимое огнетушителя в ближайшее вентиляционное отверстие.

— Выдохлась, — объяснил он. — Я налью свежей.

— Послушайте, мистер Хилтон... — сказал Денверс.

Он слегка покачивался и помахивал длинным указательным пальцем прямо перед носом помощника.

— Если вы думаете, что у меня там виски, то вы просто сошли с ума.

— Ну конечно, — сказал Хилтон. — Я совсем сбрендил, шкипер. Как насчет кофеина?

Денверс, шатаясь, подошел к бесполезному теперь тайнику и рассеянно заглянул внутрь.

— Кофеин? Послушайте, если у вас не хватает здравого смысла, чтобы отправить «Ла Кукарачу» в гипер, вам лучше подать прошение об отставке.

— Еще бы. Но в гиперу мы не успеем и оглянуться, как окажемся во Фрее. И вам придется иметь дело с тамошним агентом.

— Кристи? Я... Да, наверное.

Денверс опустил на койку и схватился за голову.

— Я просто вне себя, Логгер. МТП — что они обо всем этом знают? Мы ведь открыли этот торговый пост на Сириусе Тридцать.

— Послушайте, капитан, когда вы поднялись на борт, то уже так набрались, что позабыли сказать мне об этом, — заметил Хилтон. — Вы лишь сказали, что мы меняем курс и направляемся к Фрее. Что произошло?

— Межпланетная Торговая Палата, — пробурчал Денверс. — Их парни прочесали «Ла Кукарачу».

— Я знаю. Обычная инспекция.

— Так вот, эти жирные слюнтяи имели наглость сказать мне, что мой корабль недостаточно безопасен! Что гравитационное поле Сириуса слишком сильное, и что мы не можем идти на Сириус Тридцать!

— Может быть, они и правы, — задумчиво сказал Хилтон. — Мы ведь едва сели на Венере.

— Она старенькая, — оправдывающимся тоном сказал Денверс. — Но что с того? Я водил «Ла Кукарачу» вокруг Бетельгейзе и подходил куда ближе к Сириусу, чем Сириус Тридцать. Старушка делала все, что могла. Тогда знали, как надо делать атомные двигатели.

— Сейчас их уже не делают, — заметил помощник, и капитан побагровел.

— Передача материи! — рявкнул он. — Что это еще за дурь?! Забираешься в маленькую машину на Земле, дергаешь за рубильник, и ты уже на Венере, или на Канопусе, или на Пергаторе — ты только пожелай! Я впервые попал на гиперкорабль, когда мне было тринадцать, Логгер. Я вырос на гиперкораблях. Они крепкие. Они послушные. Они доставляют тебя туда, куда ты хочешь. Черт воз-

ми, ведь путешествовать в космосе без атмосферы вокруг небезопасно, пусть это даже только скафандр.

— Кстати, о скафандрах, — сказал Хилтон. — Где ваш?

— Мне было слишком жарко. Система охлаждения барахлит.

Помощник разыскал в шкафу костюм и молча принялся исправлять сломанный выключатель.

— Совсем не обязательно опускать стекло шлема, но костюм лучше одеть, — сказал он безразличным тоном. — Я передал приказ команде. Всем, кроме Тс'сса, а он в защите не нуждается.

Денверс поднял на него взгляд.

— Как у нее ход? — быстро спросил он.

— Ну, капитальный ремонт ей бы не помешал, — ответил Хилтон. — Мне хочется побыстрее перейти в гиперпространство, а то в обычном мы все как на иголках. Кроме того, меня тревожит посадка.

— Уф. Ладно, когда вернемся, произведем ремонт... *если* получим прибыль. Вы же знаете, сколько мы получили за последний полет. Я вот что вам скажу: руководите работами и получите изрядную долю.

Палец Хилтона замер на выключателе. Он не оглянулся.

— Я буду искать новое место, — сказал он. — Мне очень жаль, капитан, но это путешествие для меня последнее.

В каюте воцарилось молчание. Хилтон поморщился и вновь принялся за работу. Он услышал, как Денверс сказал:

— Немногим гиперкораблям требуются в наше время помощники капитана.

— Я знаю. Но у меня инженерная подготовка. Быть может, я найду работу на передатчиках материи или в качестве торговца.

— Святой Петр! Логгер, что вы несете! *Торговца?* Грязного барыги? Вы же с гиперкорабля!

— Через двадцать лет гиперкорабли перестанут летать, — сказал Хилтон.

— Вы лжете. По крайней мере один — будет.

— Да наш корабль разлетится на куски через пару месяцев! — сердито бросил Хилтон. — Я не собираюсь спорить с вами! Зачем мы летим на Фрею? За плесенью?

Помолчав, Денверс сказал:

— А что еще делать на Фрее? За плесенью, конечно. Это немного поторопит их с открытием сезона! Нас не ожидают раньше, чем через три недели по земному времени, но у Кристи всегда есть запас. А эта большая сеть отелей заплатит нам как обычно. Черт меня раздери, если я понимаю, зачем люди едят эти отбросы, да еще платят по двадцать монет за тарелку.

— Тогда можно неплохо нажиться, — сказал Хилтон. — Если, конечно, мы не развалимся на куски при посадке на Фрею.

Он кинул починенный костюм на койку рядом с Денверсом.

— Ну вот, капитан. Мне лучше вернуться к приборам. Скоро мы перейдем в гипер.

Денверс потянулся и нажал на кнопку, открывавшую шторку на иллюминаторе. Он посмотрел на россыпь звезд.

— На передатчике материи такого не увидеть, — медленно проговорил он. — Смотрите, Логгер.

Хилтон подался вперед и заглянул через плечо капитана. Пустота сверкала. С одной стороны ярким холодным светом сияла огромная дуга Юпитера. В поле зрения попало несколько лун. Пара-тройка астероидов поймали свет Юпитера своей разреженной атмосферой и сияющими таинственными маленькими мирами висели на фоне яркого занавеса. А меж ярких звезд, лун и планет пробивалась Большая Ночь, черная пустота, что, подобно океану, билась о края Солнечной Системы.

— Да, красиво, — сказал Хилтон. — Но слишком холодно.

— Может быть. Но мне это по душе. Что же, переходите на работу торговца, осел вы этакий. Я привязан к «Ла Кукараче». Я знаю, что могу доверять старушке.

Как бы отвечая ему, старушка вдруг яростно рванулась и завалилась на бок.

Глава 2. Плохие новости

Хилтон мгновенно выскочил из каюты. Корабль встал на дыбы. За своей спиной Хилтон слышал крики капитана насчет пилотов-сапожников, но сам он понимал, что селенит тут, вероятно, ни при чем. Он был уже в рубке, когда «Ла Кукарача» все еще содрогалась в нижней точке последнего скачка. Тс'сс являл собой клубок мелькающих конечностей, которые колдовали над дюжиной приборов краду.

— Я объявлю готовность! — рявкнул Хилтон, и Тс'сс мгновенно сконцентрировался на невероятно сложных приборах, которые переводили корабль в гипер.

Помощник занял место у запасного пульта. Он щелкнул тумблерами.

— Переходим в гипер! — крикнул он. — Пристегните шлемы! Схватитесь за скобы, сосунки. Начинается!

Стрелка резко сместилась по шкале прибора, остановившись на крайней отметке. Хилтон рухнул в кресло, сунул руки в ремни и закрутил их вокруг локтей. Ноги его сами нашли опоры. Видеоэкраны вспыхивали и мерцали разноцветными красками, изображение то появлялось, то исчезало. «Ла Кукарача» сражалась с барьером между гипером и нормальным пространством.

Хилтон попробовал другой микрофон.

— Капитан Денверс. Переходим в гипер. У вас все в порядке?

— Да, я в скафандре, — ответил голос Денверса. — Вы справитесь? Я нужен? Что там такое с Тс'ссом?

— На моем пульте вышел из строя визор, — ответил Тс'сс. — Я не могу добраться до запасного.

— Да, капремонт нам крайне необходим, — сказал Денверс и отключился.

Хилтон усмехнулся.

— Полная перестройка, вот что нам нужно, — пробормотал он и положил пальцы на клавиши управления на тот случай, если у Тс'сса что-нибудь пойдет не так.

Но селенит работал, как отлаженная машина: у него всегда все шло по плану. Старушка «Кукарача» сотрясалась каждой своей деталью. Атомные двигатели бросили в брешь между измерениями невероятное количество энергии. Потом внезапно качка на мгновение прекратилась, и в эту долю секунды корабль скользнул по энергетическому пучку и прекратил существовать в виде материи. Из трехмерного пространства он просто испарился. Для стороннего наблюдателя он бы буквально исчез, а для наблюдателя в гиперпространстве он, напротив, словно возник из ниоткуда.

Но дело было в том, что в гиперпространстве никаких наблюдателей *быть не могло*. Собственно, в гипере вообще ничего не было — он являлся, как определил однажды некий ученый, всего лишь некой субстанцией, и никто даже не знал, что это была за субстанция. Кое-какие качества гипера можно было обнаружить, но это ничего не давало. Он был белым и, вероятно, являлся какого-то рода энергией, ибо струился подобно невероятно мощному потоку, увлекая за собой корабли с таким ускорением, что в нормальном пространстве экипаж бы просто размазало по стенкам. Подхваченная гипертечением, «Ла Кукарача» мчалась к Большой Ночи с такой скоростью, что за считанные секунды миновала орбиту Плутона.

Но разглядеть Плутон было невозможно. Приходилось работать вслепую, целиком полагаясь на приборы. Если будет выбран неверный уровень, тому, кто его выбрал, придется плохо.

Хилтон торопливо проверил показания приборов. Гипер С-1758-Р. Правильно. На различных пространственных уровнях гипера поток бежит в разных направлениях. На обратном пути они оседают Гипер М-175-Л, который идет от Фреи к Земле и дальше.

— Хорошо, — сказал Хилтон и, расслабившись, потянулся за сигаретой. — Никаких тебе метеоритов, никаких проблем усталости металла — просто плыви себе, пока не приблизишься к Фрее. Потом мы выйдем из гипера и, возможно, развалимся на куски.

Щелкнул коммуникатор. Кто-то сказал:

— Мистер Хилтон, у нас проблема.

— Вот как? Ладно, Уиггинз. В чем дело?

— Один из новеньких. Он был снаружи, занимался ремонтом.

— У него была куча времени для того, чтобы вернуться на корабль! — рявкнул Хилтон, который в глубине души был в этом совсем не уверен. — Я предупредил о переходе в гипер.

— Да, сэр, но этот парень — новичок. Похоже, что он раньше никогда не летал на гиперкораблях. В общем, у него сломана нога, и он в лазарете.

Хилтон немного подумал. Людей на «Ла Кукараче» и без того не хватало. Мало кто из хороших специалистов добровольно шел работать на подобном старе.

— Я спущусь, — сказал он.

Помощник кивнул Тс'ссу, потом прошел по мостику и заглянул по пути в капитанскую каюту. Капитан спал. Хилтону приходилось перемещаться с помощью поручней, поскольку гравитации от ускорения в гипере не было. В лазарете он нашел хирурга, выполнявшего по совместительству обязанности повара. Тот заканчивал накладывать шину на ногу пострадавшему — бледному, мокрому от пота юнцу, который временами принимался остервенело ругаться и стонать.

— Что с ним? — спросил Хилтон.

Костоправ Бруно сделал движение, лишь отдаленно смахивавшее на приветствие.

— Простой перелом. Я дам ему костыль, и он сможет ходить. Но в гипере его использовать будет нельзя.

— Похоже, что так, — согласился Хилтон, изучая пациента. Юноша открыл глаза и посмотрел на Хилтона.

— Меня завербовали обманом! — крикнул он. — Я подам в суд и одеру вас как липку.

Первый офицер остался невозмутимым.

— Я не капитан, я помощник, — сказал он. — Я могу сказать тебе прямо сейчас, что стоим мы немного. О дисциплине ты когда-нибудь слышал?

— Меня обманули!

— Знаю. Это — единственный способ набрать на «Ла Кукарачу» полный экипаж. Я говорил о дисциплине. Мы здесь придаем ей не слишком большое значение, но все равно тебе лучше называть меня «мистер», когда поблизости есть люди. А теперь перестань кричать и успокойся. Дай ему успокоительное, Бруно.

— Нет. Я хочу послать космограмму.

— Мы в гипере. Это невозможно. Как тебя зовут?

— Саксон. Лютер Саксон. Я — один из инженеров-консультантов Трансмита.

— Шайки, передающей материи? Что же ты делал у космических доков?

Саксон сглотнул.

— Ну, я пошел с техниками на осмотр новых установок. Мы как раз закончили венерианскую передаточную станцию. Потом я пошел пропустить пару стаканчиков — и это все! Несколько порций и...

— Ты отправился не в то место, — сказал Хилтон, веселясь от души. — Какой-то вербовщик задурил тебе голову. Но, поскольку твоя подпись стоит на контракте, ничего не поделаешь — если только ты не решишь прыгнуть с корабля. Можешь послать сообщение с Фрей, но ему понадобятся тысячи лет на то, чтобы достичь Венеры

или Земли. Оставайся-ка лучше на месте и ты сможешь вернуться вместе с нами.

— На этом корыте? Да оно вот-вот развалиться. Корабль такой старый, что у меня сердце уходит в пятки каждый раз, когда я делаю вдох.

— Ну тогда не дыши, — отрезал Хилтон. «Ла Кукарача», конечно, была старой рухлядью, но он летал на ней уже много лет. Хорошо было рассуждать этому технику из Трансмита — его коллеги никогда не рисковали.

— Ты бывал когда-нибудь раньше на гиперкорабле?

— Конечно, — ответил Саксон. — Как пассажир. Нам ведь надо достичь планеты прежде, чем мы сможем установить передающую станцию, не так ли?

— М-да.

Хилтон изучил мрачное лицо на подушке.

— Но сейчас ты не пассажир.

— У меня сломана нога.

— У тебя есть диплом инженера?

Поколебавшись, Саксон кивнул.

— Отлично. Будешь помощником пилота. Для того, чтобы выполнять эту работу, тебе не придется много ходить. Пилот скажет тебе, что делать. Сможешь зарабатывать себе на хлеб подобным образом.

Саксон попытался протестовать.

— И еще одно, — сказал Хилтон. —³ Лучше не говори капитану, что ты из Трансмита. Он повесит тебя на одном из двигателей. Пришли его к нам, когда он немного придет в себя, Бруно.

— Да, сэр, — ответил Бруно и усмехнулся. Как и все старые космические волки, он тоже не жаловал Трансмита.

Вернувшись в рубку, Хилтон сел и принялся наблюдать за белыми видеозэкранами. Большая часть конечностей Тс'сса бездельничала. Теперь все шло по заведенному образцу.

— У тебя будет помощник, — через некоторое время сказал Хилтон. — Обучи его побыстрее. Это даст нам передышку. Все было в порядке, если бы тот тупой каллистиянин не смотался на Венере.

— Это короткий перелет, — сказал Тс'сс. — На данном уровне быстрый гиперпоток.

— Хорошо. И насчет этого парня. Не говори капитану, что он человек Трансмита.

Тс'сс хихикнул.

— Да ладно, — сказал он. — Мы древняя раса, мистер Хилтон. Земляне — младенцы по сравнению с селенитами. Гиперкорабли теряют свое значение, и Трансмита ждет та же участь, когда появится что-то новенькое.

— Мы не исчезнем, — возразил Хилтон, сам слегка удивленный тем, что защищает философию капитана. — Ведь *вы*, селениты, не исчезли.

— Некоторые из нас еще живут, это так, — мягко промолвил Тс'сс. — Но нас немного. Великие дни Селенитской Империи мино-

вали давным-давно, но какое-то количество селенитов, вроде меня, еще осталось.

— И вы продолжаете держаться, не так ли? Невозможно убить... расу.

— Нелегко. Во всяком случае, не сразу. Но в конечном итоге — можно. Можно убить и традицию, хотя на это уйдет немало времени. Но вам следует знать, что конец неизбежен.

— Заткнись, — сказал Хилтон. — Ты слишком много болтаешь.

Тс'сс вновь склонился над приборами. «Ла Кукарача» летела сквозь белый гиперпоток, двигаясь столь же плавно, как и в день своего первого полета.

Но когда они достигнут Фрей, им придется иметь дело с безжалостным космосом и высокой гравитацией. Хилтон поморщился.

Он подумал: «И что с того? Это всего лишь очередной полет. Судьба Вселенной от него никак не зависит. От него зависит лишь, сумеем ли мы получить достаточно прибыли, чтобы всерьез отремонтировать старушку. А мне и на это наплевать, потому что это мое последнее путешествие в Большую Ночь.

Он наблюдал за экранами. Он не мог видеть, но знал, что стелется за белесой завесой, невидимое для его глаз. Крохотные точки миров и солнц сверкали в ее безбрежности, но ничуть не освещали ее. Она была слишком огромной, слишком неумолимой. И даже гигантские светила остывали в конце концов в ее океане. И всему сущему суждено было остыть и быть смытым потоком времени в эту всеобъемлющую тьму.

Таков прогресс. Волна рождается, набирает силу, растет... и разбивается. За ней идет новая волна. А старая откатывается назад и исчезает навеки. Остаются только клочья пены и пузыри, подобные Тс'ссу, отголоску гигантской волны древней Селенитской Империи.

Империя исчезла. Она боролась и правила сотней миров. Но в конце концов Большая Ночь накрыла и поглотила ее.

Так в конце концов ею будет проглочен и последний гиперкорабль...

Они достигли Фрей через шесть дней по земному времени. Вернее, буквально *налетели* на нее. Одну из покрытых хитином конечностей Тс'сса оторвало во время толчка, но он, казалось, даже не обратил на это внимания. Боли он не чувствовал, а новая конечность должна была отрасти за несколько недель. Члены экипажа, прикрепленные к своим посадочным креслам ремнями, отделались синяками.

Лютер Саксон, человек Трансмита, сидел в кресле помощника пилота. Полученное им инженерное образование позволило ему достаточно быстро освоить новую специальность. Во время толчка он набил себе на лбу порядочную шишку, но в остальном все прошло благополучно. Толчок, сопровождавший выход «Ла Кукарачи» из гипера, заставил ее старое тело напрячься до последних пределов. Атмосфера и гравитация Фрей подлили масла в огонь. Швы разо-

шлись, двигатели выложились до конца, а на раскаленном добела корпусе зазмеились новые трещины.

Команда ждала увольнительных. Но на это не было времени. Хилтон велел рабочим командам сменять друг друга каждые шесть часов, и как бы мимоходом обронил фразу, что о «Сумерках» не стоит и мечтать. Он знал, что команда проигнорирует данное распоряжение. Невозможно было удерживать людей на борту, когда в «Сумерках» продаются спиртные напитки и еще кое-какие более эффективные средства, помогавшие выпустить пар. Но женщин на Фрее было мало, и Хилтон надеялся, что хотя бы это обстоятельство поможет удерживать на борту рабочие команды с тем, чтобы «Ла Кукарача» была отремонтирована и готова к полету раньше, чем на ее борт будет погружен груз плесени.

Он знал, что Уиггинз, второй помощник, сделает все от него зависящее. Сам он отправился на поиски Кристи, агента с Фреи. С ним пошел капитан. Их путь лежал через «Сумерки», поселение, накрытое куполом для защиты от испепеляющего жара местного светила. Городок был невелик. Сама Фрея являлась лишь перевалочным пунктом с постоянно меняющимся населением в несколько сотен человек. Они прилетали и улетали с кораблями на время сбора урожая. «В случае необходимости, — подумал Хилтон, — можно будет обманом затянуть на борт несколько матросов. Впрочем, вряд ли кто-нибудь из членов команды решится на побег — им заплатят не раньше, чем они вернутся в Солнечную Систему».

Он обнаружил Кристи в его пластиковом офисе. Это был тучный, лысый, обливающийся потом человек, который курил огромную пенковую трубку. Подняв голову, он взгляделся во вновь вошедших, потом откинулся на спинку стула и жестом пригласил их сесть.

— Привет, Крис, — сказал Денверс. — Что новенького?

— Привет, капитан, здорово, Логгер. Как долетели?

— Посадка была не слишком удачной, — сказал Хилтон.

— Угу, я об этом слышал. Выпьете чего-нибудь?

— Потом, — ответил Денверс, хотя в его глазах зажегся огонек.

— Сначала давайте о деле. Груз готов?

Кристи потер толстые, блестящие щеки.

— Ну... Вы прилетели на пару недель раньше.

— У тебя же есть запас.

Торговец хмыкнул.

— Дело в том... Послушайте, разве вы не получили мое сообщение? Не успели, наверное. На той неделе я послал для вас сообщение с «Голубым небом», капитан.

Хилтон и Денверс переглянулись.

— Похоже, что у вас есть для нас плохие новости, Кристи, — сказал капитан. — Что там такое?

Кристи неохотно сказал:

— Это выше моих сил. Вы не можете конкурировать с такой организацией, как Трансмит. Вы не можете платить по их расценкам. У «Ла Кукарачи» накладные расходы не в пример выше. Горючее стоит уйму денег, и... В общем, Трансмит строит передающую

станцию, платит за нее, и... дело сделано. Остается лишь установить энергетическую подстанцию.

Денверс начал багроветь.

— Трансмит строит здесь станцию? — поспешно спросил Хилтон.

— Да. Я не в силах им помешать. Она будет готова через пару месяцев.

— Но почему? Плесень того не стоит. Рынок сбыта слишком мал. Ты нас водишь за нос, Кристи. Чего ты хочешь? Большого процента от прибыли?

Кристи внимательно рассматривал свою трубку.

— Дело не в этом. Помните пробные бурения двадцать лет назад? На Фрее имеются ценные руды, Логгер. Только они нуждаются в тщательной очистке. Иначе перевозить их слишком невыгодно. А доставка сюда соответствующего оборудования стоила бы слишком дорого. Его требуется чертовки много... да, жутко много.

Хилтон посмотрел на Денверса. Теперь капитан сидел весь багровый, но рот его по-прежнему был крепко сжат.

— Продолжай, Крис. Как Трансмит собирается решить эту проблему? Станет посылать неочищенную руду прямо на Землю через свои устройства?

— Насколько мне известно, — ответил Кристи, — они собираются переправить сюда очистительные машины и установить их прямо на Фрее. Все, что им нужно для этого — один из передатчиков. Поле может быть расширено практически до любых пределов, как вам известно. Если есть необходимая мощность, можно перебросить целую планету. Очистка будет производиться здесь, а очищенная руда будет переправляться на Землю.

— Значит, им нужна руда, — тихо проговорил Денверс. — Плесень им не нужна, не так ли?

Кристи мотнул головой.

— Похоже, что нужна. Мне предложили сделку, большую сделку. Я не могу себе позволить отказаться от нее, а вам ее не перебить. Вы же понимаете все не хуже меня. Тринадцать баксов за фунт.

Денверс фыркнул. Хилтон присвистнул.

— Да, нам их не переплюнуть, — сказал он. — Но как они могут позволить себе платить столько?

— Все дело в объемах. Они гонят грузы через свои передатчики. Стоит им установить один на планете, и перед вами дверь, ведущая напрямую на Землю или любую другую планету. Одна переброска не принесет им выгоды, но миллионы... Они прибирают к своим рукам все! Так что же я могу поделаться, Логгер?

Хилтон пожал плечами. Капитан резко встал.

Кристи снова уставился на свою трубку.

— Послушайте, капитан, почему бы вам не попробовать с Орионом Два? Я слышал, что у них там небывалый урожай каучука с голубого дерева.

— Я слышал об этом месяц назад, — ответил Денверс. — И все остальные тоже. Сейчас оттуда уже все вывезено. Кроме того, старушка не вынесла бы подобного путешествия. Нам нужен ремонт, и хороший ремонт, чтобы вернуться назад, в Систему.

Воцарилось молчание. Кристи потел сильнее, чем когда-либо.

— Как насчет выпивки? — предложил он. — Может, нам удастся найти какой-нибудь выход?

— Я все еще не в состоянии заплатить за свою выпивку, — отрезал Денверс. Он круто повернулся и вышел.

— Бога ради, Логгер! — взмолился Кристи. — Что я могу сделать?

— Это не твоя вина, Крис, — сказал Хилтон. — Увидимся позже, если только... Как бы там ни было, мне лучше поспешить за капитаном. Похоже, что он отправился в «Сумерки».

Хилтон последовал за Денверсом, хотя и утратил уже всякую надежду.

Глава 3. Денверс прокладывает курс

Двумя днями позже капитан все еще пил.

В «Сумерках» Хилтон прошел в огромное прохладное помещение, похожее на сарай, где огромные вентиляторы разгоняли горячий воздух, и нашел Денверса, как обычно, за боковым столиком со стаканом в руке. Тот беседовал с узкоголовым канопианином, представителем одной из тех рас, что достигли уровня подающих надежду слабоумных. Канопианин был словно покрыт черным плюшем, и его красные глаза настороженно смотрели сквозь мех. Он тоже держал стакан.

Хилтон подошел к ним.

— Капитан, — окликнул он.

— Испарись, — отрезал Денверс. — Я беседую с этим парнем.

Хилтон бросил на канопианина суровый взгляд и поднял большой палец. Красноглазая тень подхватила свой стакан и быстро исчезла. Хилтон сел.

— Мы готовы к отлету, — сказал он.

Денверс яростно воззрился на него, моргая глазами.

— Вы мне помешали, мистер. Я занят.

— Прихватите свои дела с собой и закончите их на борту, — возразил Хилтон. — Если мы не взлетим сейчас же, команда разбежится.

— Ну и пусть.

— Хорошо. Кто же тогда ответит «Ла Кукарачу» обратно на Землю?

— Если мы вернемся на Землю, старушка отправится на свалку, — со злостью бросил Денверс. — МТП не позволит начать нового путешествия без капитального ремонта.

— Вы сможете занять денег.

— Ха!

Хилтон резко выдохнул, чтобы не наговорить дерзостей.

— Вы достаточно трезвы для того, чтобы меня понять? Тогда слушайте. Я разговаривал с Саксоном.

— Кто такой Саксон?

— Он был обманом законтрактован на Венере. Он инженер Трансмита, — быстро продолжал Хилтон, прежде чем капитан успел его перебить. — Это была ошибка агента и наша собственная. Трансмит защищает своих людей. Саксон сходил к представителю Трансмита на Фрее, и тот нанес нам визит. Нам грозят крупные неприятности. Возможно, большой штраф. Но дело можно уладить. В ближайшие месяцы на Фрею не сядет ни один гиперкорабль, а передатчик материи будет готов к работе только через два месяца. А Трансмит, похоже, испытывает недостаток в инженерах. Если мы быстро сможем доставить Саксона обратно на Венеру, или на Землю, то будем с ним в расчете. Тогда он не будет жаловаться.

— Может он и не будет. А как насчет Трансмита?

— Если Саксон не подпишет жалобу, то что они могут сделать? — пожал плечами Хилтон. — Это наш единственный выход.

Загорелые пальцы Денверса играли со стаканом.

— Человек Трансмита, — пробормотал он. — Ага. Значит, мы возвращаемся на Землю. И что дальше? Нас загнали в угол?

Он бросил взгляд на Хилтона из-под тяжелых век.

— Точнее, *меня* загнали в угол. Я забыл о том, что по окончании полета вы отчаливаете.

— Я не отчаливаю. Я подписываю контракт на каждый отдельный полет. А что мне еще остается делать?

— Поступайте, как знаете. Сбегайте со старушки. Вы не космический волк.

Денверс сплюнул.

— Когда я терплю поражение, то отдаю себе в этом отчет, — сказал Хилтон. — Умные люди бьются только в своей весовой категории, когда вас могут превзойти лишь по очкам, а не нарываюются на нокаут. Вы — инженер по образованию. Вы тоже могли бы работать на Трансмит.

На секунду Хилтону показалось, что капитан собирается швырнуть стакан ему в лицо. Потом Денверс снова откинулся на стуле, пытаясь изобразить улыбку.

— Не стоит сходить с ума из-за всего этого, — сказал он с видимым усилием. — Тут вы правы.

— Да. Итак, вы идете?

— Старушка готова к прыжку? — спросил Денверс. — Тогда я иду. Но вначале выпейте со мной.

— У нас нет времени.

Денверс встал с подчеркнутым достоинством пьяного.

— Не слишком-то задирайте нос, мистер. Рейс еще не окончен. Я сказал, выпьем! Это приказ!

— Хорошо, — согласился Хилтон. — По одному стаканчику. Потом пойдем?

— Конечно.

Хилтон проглотил свою выпивку, даже не почувствовав ее вкуса. Слишком поздно он ощутил вяжущую боль на языке. Прежде чем он успел вскочить на ноги, огромная тусклая комната сложилась над ним как гигантский зонтик, и он потерял сознание, успев с горечью подумать о том, что его купили, как последнего зеленого новичка. Но ему наливал сам капитан...

Сны его были беспокойны. Он где-то дрался, но не знал, с кем. Иногда это «кто-то» меняло форму. Порою его вообще там не было, но оно всегда оставалось огромным и ужасно сильным.

Он тоже был разным. Иногда он был большеглазым пареньком, таким, каким он двадцать пять лет назад поднялся на борт «Звездного попрыгунчика», чтобы совершить свой первый прыжок в Большую Ночь. Потом он был несколько старше и изучал в белой дымке неотличимых друг от друга дней и ночей гиперпространства путаницу логарифмов, которые обязан знать каждый квалифицированный пилот.

Он как-будто шел по тропе к цели, которая все время ускользала, не позволяя приблизиться вплотную. Но он не знал, что это была за цель. Она сияла, словно удача. Возможно, это и был удача. Но прежде чем он успевал ее рассмотреть, она снова приходила в движение. Из Большой Ночи доносился тоненький бестелесный голосок:

— Ты играешь не в ту игру, Логгер. Тридцать лет тому назад гиперкорабли дали тебе будущее. Но теперь надвигается новая волна. Уходи — или тони.

Красноглазая тень склонилась над ним. Хилтон боролся со своим кошмаром. Он неуверенным движением поднял руку и отбросил стакан от своих губ. Канопианин испустил резкий, хриплый крик. Жидкость, наполнявшая стакан, образовала в воздухе сверкающую сферу.

Стакан поплыл — и канопианин поплыл вместе с ним. Они были в гипере. Несколько тонких лент удерживали Хилтона на койке, но он находился в своей каюте и осознал это. Вызванная наркотиком расслабляющая дурнота залила его мозг.

Канопианин отлетел к стене, хорошенько приложился об нее, и отлетел назад к Хилтону. Старший помощник освободился от ремней. Он протянул руку и сгрел канопианина за черную шерсть. Канопианин ударил его когтистой лапой, целясь в глаза.

— Капитан! — закричал он. — Капитан Денверс!

Боль обожгла щеку Хилтона, а когти его противника обагрились кровью. Хилтон взревел от ярости. Он ударил канопианина в челюсть, но теперь они свободно парили в воздухе, и удар пропал

впустую. Они сцепились между потолком и полом. Канопианин не переставал отчаянно вопить тонким голосом.

Дверная ручка дважды повернулась. За дверью послышался голос Уиггинза, второго помощника. В дверь забарабанили. Хилтон, все еще чувствуя слабость, пытался оторвать от себя канопианина. Затем дверь с треском распахнулась, и в комнату с ввалился Уиггинз.

— Дзенн! — крикнул он. — Прекрати!

Он выхватил реактивный пистолет и направил его на канопианина.

На пороге появилось несколько человек. Хилтон узнал Саксона, человека из Трансмита, и других членов экипажа, колеблющихся, неуверенных. Потом внезапно позади других замаячило лицо капитана Денверса, искаженное от напряжения.

Канопианин испуганно забился в угол и сидел там, издавая мяукающие звуки.

— Что случилось, мистер Хилтон? — спросил Уиггинз. — Этот кот на вас напал?

Хилтон так привык к скафандру глубокого космоса, что до сих пор едва ощущал его присутствие. Шлем его был откинут назад, как у Уиггинза и остальных. Он отстегнул от пояса груз и отбросил его в сторону. Это движение отшвырнуло его к стене, где он ухватился за скобу.

— Отправить его на гауптвахту? — спросил Уиггинз.

— Ладно, ребята, — послышался спокойный голос Денверса. — Пропустите-ка меня.

Он принялся протискиваться в каюту Хилтона. На него были устремлены недовольные и недоверчивые взгляды, но он не обращал на них никакого внимания.

— Дзенн! — сказал он. — Почему на тебе нет костюма? Надень немедленно! Остальных прошу разойтись по местам. И вас тоже, мистер Уиггинз. Я сам с этим разберусь.

Но Уиггинз все еще колебался. Он начал было что-то говорить.

— Чего вы ждете? — спросил Хилтон. — Скажите Бруно, чтобы принесли кофе. А теперь вон!

Он подлетел к койке и принял сидячее положение. Краешком глаза он увидел, что Уиггинз и остальные вышли. Дзенн, канопианин, нашел в углу костюм и неуклюже влез в него.

Денверс тщательно закрыл дверь и осмотрел сломанный замок.

— Нужно исправить, — пробормотал он. — Так не годится.

Он нащупал скобу и встал напротив старшего помощника, глядя на него холодно и внимательно. Напряженное выражение все еще не сошло с его усталого лица. Хилтон потянулся за сигаретой.

— В следующий раз, когда этот ваш котик прыгнет на меня, я прожгу в нем дыру, — пообещал он.

— Я оставил его здесь охранять вас на случай, если бы возникли неприятности, — сказал Денверс, — чтобы он позаботился бы о вас, если бы корабль вышел из строя или нам грозила бы какая-нибудь опасность. Я показал ему, как закрывается ваш шлем и подается кислород.

— Вы думаете, что полумразумный канопианин в состоянии все это запомнить? — сказал Хилтон. — И еще вы велели ему держать меня под кайфом.

Он дотянулся до плавающего поблизости сгустка жидкости и ткнул его указательным пальцем. Потом попробовал напиток.

— Конечно. *Вакхис*. Вот что вы добавили в мой напиток на Фрее. Как насчет разговора начистоту, капитан? Может, вы скажете мне, что делает на борту судна этот канопианин?

— Я подписал с ним контракт, — ответил Денверс.

— На какую должность? Начальника склада?

Денверс отвечал ничего не выражающим голосом, не сводя глаз с Хилтона.

— Юнги.

— Понятно. А что вы сказали Уиггинзу насчет меня?

— Я сказал ему, что вы приняли дозу наркотиков, — усмехнувшись, ответил Денверс. — Так оно и было.

— Но теперь я пришел в себя, — сказал Хилтон.

Тон его стал жестким.

— Может, вы скажете мне, где мы? Я могу и сам это выяснить. Возьму у Тс'сса уравнения, набросаю карты. Мы в М-семьдесят пять-Л?

— Нет, мы летим по другому уровню.

— Куда?

Канопианин задрожал.

— Я не знаю названия. Названия нет. Это двойное солнце.

— Вы сумасшедший!

Хилтон в ярости уставился на капитана.

— Неужели вы ведете нас к двойной звезде?

Денверс все еще усмехался.

— Да, и не только это. Мы к тому же собираемся сесть на планету, находящуюся приблизительно в тридцати тысячах миль от двойного солнца.

Хилтон поднял шторку иллюминатора и посмотрел в белую пустоту.

— Ближе, чем Меркурий от Солнца. Вы не сможете этого сделать. Насколько велики светила?

Денверс сообщил ему.

— Хорошо. Это самоубийство. Вы прекрасно это понимаете. «Ла Кукарача» такого не вынесет.

— Старушка вынесет все, что предложит ей Большая Ночь.

— Только не это. Не обманывайте себя. Возможно, она и доставила бы нас на Землю — с посадкой на Луне — но вы направили ее в мясорубку.

— Я не забыл, чему меня учили, — возразил Денверс. — Когда мы выйдем из гипера, планета окажется между нами и двойным солнцем. Притяжение поможет нам сесть.

— По частям, — согласился Хилтон. — Плохо, что вы не смогли толком одурманить меня. Если вы будете держать язык за зубами, мы с вами рассчитаем курс к Земле и никто не пострадает. Если вы

что-нибудь затеете, начнется мятеж, и я буду держать ответ перед Трибуналом.

Капитан издал звук, отдаленно напоминавший смешок.

— Хорошо, — сказал он. — Поступайте как знаете. Взгляните на уравнения. Если я вам понадоблюсь, я в своей каюте. Идем, Дзенн.

Он выплыл из каюты. Канопианин последовал за ним бесшумно, как тень.

Хилтон направился вслед за Денверсом и по пути встретил Бруно с кофе. Помощник улыбнулся, взял закрытую чашку и принялся посасывать жидкость с приобретенной за долгие годы жизни в невестомости сноровкой. Бруно наблюдал за ним.

— Все в порядке, сэр? — спросил кок-хирург.

— Да. А почему нет?

— Ну, люди говорят всякое.

— Насчет чего?

— Не знаю, сэр. Вы никогда... Вы всегда командовали взлетом, сэр. А этот канопианин... Людям он не нравится. Они считают, что тут что-то не так.

— Они считают, вот как? — мрачно сказал Хилтон. — Может, мне пойти и поддержать их за ручку, когда они будут стоять ночную вахту? Они слишком много болтают.

Он кивнул Бруно и двинулся к рубке. Хотя Хилтон и припугнул капитана мятежом, но к таким крайним мерам он прибегнул бы только в случае крайней необходимости. А дисциплину следовало поддерживать в любом случае, хотя Денверс явно сошел с ума.

Тс'сс и Саксон сидели у пульта управления. Селенит бросил на него быстрый взгляд, но его невыразительное лицо под звукопреобразующей маской оставалось совершенно бесстрастным. Саксон же, наоборот, обернулся и взволнованно заговорил:

— Что случилось, мистер Хилтон? Что-то не так? Мы должны уже быть готовы к посадке на Землю. Но мы не готовы. Я слишком плохо разбираюсь в этих уравнениях, а Тс'сс не желает мне ничего говорить.

— Говорить нечего, — заметил Тс'сс. Хилтон протянул руку и взял лист, усыпанный цифрами. Он рассеянно бросил Саксону:

— Успокойтесь. Мне нужно сосредоточиться.

Он изучил уравнения.

И прочел в них смертный приговор.

Глава 4. Игра со смертью

Логгер Хилтон вошел в каюту капитана, встал у стены и обрушил на Денверса поток ругательств и оскорблений. Когда он закончил, Денверс ухмыльнулся в ответ.

— И что с того? — спросил он.

Хилтон перевел взгляд на канопианина, который примостился в углу, нервно теребя застежки своего скафандра.

— Это и тебя касается, котяра, — сказал он.

— Дзенн тут ни при чем, — возразил Денверс. — Он недостаточно умен, чтобы строить подобные козни. А меня, если мы добьемся своего, больше ничто не проймет. Вы все еще собираетесь поднять бунт и направиться к Земле?

— Нет, не собираюсь, — ответил Хилтон, буквально кипя от ярости. — Нельзя перескакивать с уровня на уровень, не выходя предварительно в обычное пространство. Если же мы выйдем в обычный космос, толчок может разорвать «Ла Кукарачу» в клочки. И тогда мы в наших скафандрах будем дрейфовать за сотни миллионов миль от ближайшей планеты. Сейчас же мы несемся в быстром гиперпотоке, влекущем нас, вероятно, к краю Вселенной.

— Одна планета все же в пределах нашей досягаемости, — возразил Денверс.

— Конечно. Та, что вращается в тридцати тысячах миль от двойной звезды. И ничего больше.

— Вот как? Полагаете, что мы неизбежно потерпим крушение? Если бы нам удалось сесть на планету, мы могли бы произвести ремонт. Там мы в состоянии достать необходимый нам материал. В глубоком космосе мы этого сделать не можем. Я знаю, что посадка на эту планету будет нелегким делом. Но сейчас самое время идти ва-банк.

— Чего вы, собственно, добиваетесь?

Денверс начал объяснять:

— Канопианин — Дзенн — совершил однажды путешествие — шесть лет тому назад. На бродячем торговце. Приборы дали дуба, и экипаж уже готовил спасательную шлюпку. Они совершили вынужденную посадку как раз вовремя, наткнувшись на планету, которая была исследована и нанесена на карту, но необитаема. Там они произвели ремонт и снова вернулись на торговые магистрали. Но на борту был один парень, землянин, который подружился с Дзенном. Этот парень оказался ловкачом, и он, как я думаю, был связан с торговлей наркотиками. Немногие люди знают, как выглядит дикорастущий *параин*, а этот парень знал. Он никому ничего не сказал. Он собрал образцы, намереваясь впоследствии нажить денег, зафрахтовать корабль и набить трюмы. Но в каком-то притоне на

Каллисто его ударили ножом. Он умер не сразу, а Дзенн ему нравился. Вот он и поделился с ним информацией.

— С этим недоумком? — спросил Хилтон. — Как он может запомнить курс?

— Только это канопиане и способны запомнить. Возможно, они и недоумки, но математики из них хоть куда. В этом их особый талант.

— Что ж, он придумал неплохой способ обеспечить себе дармовую выпивку и непыльную должность, — сказал Хилтон.

— Нет, он показал мне образцы. Я немного могу говорить на его наречии, поэтому он охотно посвятил меня в свою тайну еще на Фрее. Хорошо. Теперь дальше. Мы садимся на этой планете — имени у нее нет — и берем груз *параина*. Мы ремонтируем старушку, если это потребуется...

— Да уж, потребуется...

— И возвращаемся назад.

— На Землю?

— Я думаю, на Сайлен. Там легче сесть.

— Теперь уже вы беспокоитесь насчет посадки, — с горечью сказал Хилтон. — Что ж, тут уж я ничего не могу поделать. После этого путешествия я уйду. Какова рыночная цена *параина*?

— Пятьдесят за фунт. В Медицинском Центре, если вы это имеете в виду.

— Большие деньги, — сказал старший помощник. — На прибыль вы сможете купить новый корабль и еще останется на черный день.

— Вы получите свою долю.

— Я по-прежнему собираюсь уходить.

— Но не раньше, чем закончится этот рейс, — сказал Денверс. — Вы — старший помощник на «Ла Кукараче».

Он хмыкнул.

— Старые космические волки держат про запас немало трюков, а я пробыв среди звезд куда дольше, чем вы.

— Конечно, — согласился Хилтон. — Ловкости вам не занимать. Но вы забываете о Саксоне. Теперь, когда за его спиной стоит Трансмит, он выставит вам счет за нанесенный ущерб.

Денверс только пожал плечами.

— Я что-нибудь придумаю. Сейчас время вашей вахты. У нас есть еще двести часов до момента выхода из гипера. Принимайтесь за дело, мистер.

Когда Хилтон выходил, капитан смеялся.

За двести часов могло произойти многое. В обязанности Хилтона входило сделать так, чтобы не произошло ничего. К счастью, его возвращение в строй успокоило команду, ибо, когда начальство воюет, команда неизменно попадает в беду. Но поскольку Хилтон расхаживал по «Ла Кукараче» с таким же уверенным видом, как и всегда, все, даже второй помощник Уиггинз, вздохнули с облегчением. И все же становилось очевидным, что они направляются не к Земле. Путешествие слишком затянулось.

Единственная угроза исходила от Саксона, однако Хилтону удалось успокоить его. Это было нелегко, дело едва не дошло до серьезной разборки, но Хилтон умел заговаривать зубы, и ему, в конце концов, удалось провести инженера Трансмита. Нельзя сказать, чтобы последний был удовлетворен, но свой гнев он несколько умерил.

Хилтон отозвал его в сторону.

— Саксон, я сделаю для вас все, что будет в моих силах. Но сейчас мы находимся посреди Большой Ночи. Мы за пределами освоенного пространства. Не забудьте о том, что капитану известно о вашей должности в Трансмите, и что он в тайне вас ненавидит. На гиперкорабле слово старика — закон. Так что — ради вашего же блага — будьте осторожнее.

Саксон намеревался понять. Он немного побледнел, но после этого разговора старался избегать капитана.

Хилтон не перестал проверять и перепроверять «Ла Кукарачу». Внешние работы в гиперпространстве были невозможны. Здесь отсутствовала гравитация и не действовали обычные физические законы. Например, магнитные ботинки не притягивались к корпусу. Они могли чувствовать себя в безопасности только внутри самого корабля. И эта безопасность была иллюзорна, потому что вибрация в момент перехода в обычное пространство могла разорвать «Ла Кукарачу» в клочки за несколько секунд.

Хилтон привлек к работе Саксона. Он не столько нуждался в его помощи, сколько хотел, чтобы тот был постоянно занят. На пару они лихорадочно работали над системами, которые придавали кораблю дополнительную жесткость. Они изучали данные о смещениях и напряжениях в металле, анализировали конструкцию корабля, просвечивали наиболее уязвимые места рентгеновскими лучами.

Нашлось несколько слабых мест — «Ла Кукарача» была древней старушкой — но меньше, чем ожидал Хилтон. В конце концов стало ясно, что все сводится, в основном, к снятию перегородок и переборок и использованию их в качестве материала для дополнительных раскрепок и укреплений.

Но Хилтон понимал, и Саксон с ним соглашался, что этого будет недостаточно для смягчения неизбежного падения корабля.

Имелся единственный возможный выход. Необходимо было пожертвовать кормовой частью корабля. Это нужно было сделать, хотя времени оставалось в обрез. Рабочие команды безжалостно отодрали балки от кормы, отнесли их вперед и сварили таким образом, чтобы передняя половина корабля сделалась как можно более прочной и оказалась отрезанной массивными воздушонепроницаемыми перегородками от остова кормы, которую Хилтон заполнил технической водой, с тем, чтобы смягчить удар при посадке.

Денверсу, конечно, все это не понравилось. Но ему пришлось уступить. В конце концов, безумный курс, по которому Хилтон вел корабль, проложил сам капитан. Если «Ла Кукараче» суждено вы-

жить, то это будет заслугой Хилтона. Однако капитан Денверс заперся в своей каюте и сидел там, погруженный в угрюмое молчание.

Ближе к концу приготовлений Хилтон и Тс'сс остались в рубке одни, в то время как Саксон, ушедший с головой в работу ради собственного же блага, наблюдал за доводкой новых креплений. Хилтон, пытавшийся рассчитать нужный уровень гиперпространства, который привел бы их обратно к Земле после того, как они погрузят на борт корабля груз *параина*, подставил одно из данных не туда и теперь тихо и яростно ругался.

Услышав тихий смех Тс'сса, он резко повернулся к селениту.

— Что тут смешного? — недовольно спросил он.

— Ничего особо смешного тут и нет, сэр, — ответил Тс'сс. — Во всех великих делах просто обязаны принимать участие люди, подобные капитану Денверсу.

— О чем это ты болтаешь? — с любопытством спросил Хилтон.

Тс'сс пожал плечами.

— Я продолжаю летать на «Ла Кукараче» по той простой причине, что это дает мне возможность заниматься делом и приносить пользу. Планеты больше не годятся для селенитов. Мы потеряли свой собственный мир. Он давным-давно умер. Но я все еще помню древние традиции нашей Империи. Если традиция становится когда-либо великой, то это происходит благодаря людям, которые посвятили себя служению ей. Именно так что-либо становится великим. И именно поэтому гиперкорабли стали тем, чем они стали, мистер Хилтон. Были люди, которые жили ими, поклонялись им, словно божествам. Боги пали, но некоторые люди по-прежнему поклоняются древним алтарям. Они не в силах измениться. Если бы они могли сделать это, то не принадлежали бы к тому типу людей, что способны сделать своих Богов великими.

— Накурившись *параина*? — с неприязнью спросил Хилтон. У него болела голова, и он не хотел искать оправданий для капитана.

— Это не наркотический сон, — сказал Тс'сс. — Как насчет традиций рыцарства? У нас был Император Чира, который боролся за...

— Я читал о Чире, — перебил Хилтон. — Он был селенитским Королем Артуром.

Тс'сс медленно кивнул, не сводя от Хилтона огромных глаз.

— Именно так. Выдающаяся для своего времени личность, ибо он полностью посвятил себя служению одной цели. Но когда эта цель умерла, для Чир — или Артура — ничего не оставалось, кроме как умереть вместе с ней. Но он до самой смерти продолжал служить своему поверженному идолу, не веря, что тот пал. Капитан Денверс никогда не поверит в то, что время гиперкораблей миновало. Он останется командиром гиперкорабля до самой смерти. Такие люди придают целям величие... но когда они переживают свои цели, то становятся трагическими фигурами.

— Ну, я не настолько безумен, — буркнул Хилтон. — Я собираюсь сыграть в какую-нибудь другую игру. В Трансмит или во что-ни-

будь еще. А ты — инженер. Почему бы тебе не уйти со мной после этого рейса?

— Мне нравится Большая Ночь, — ответил Тс'сс. — У меня нет собственного мира... живого мира. Нет ничего, что заставило бы меня стремиться во что бы то ни стало добиться успеха, мистер Хилтон. На «Ла Кукараче» я могу делать то, что я хочу. Но вне корабля я постоянно сталкиваюсь с тем, что люди не жалуют селенитов. Нас осталось слишком мало для того, чтобы мы могли рассчитывать на уважение или дружеские узы. И потом я, знаете ли, уже довольно стар.

Удивленный Хилтон внимательно посмотрел на селенита. У этих паукообразных существ невозможно было отыскать примет возраста. Но они всегда точно знали, сколько им суждено прожить и могли с уверенностью назвать день своей смерти.

Да, но *он-то* не был старым и упертым, подобно Денверсу. Он не гнался за какими-то призрачными целями. Ничто не удерживало его на гиперкорабле после окончания рейса, если, конечно, ему удастся выжить.

Зазвенел звонок. Желудок Хилтона скакнул к горлу и превратился в ледышку, хотя он и ожидал этого события в течение многих часов. Он потянулся к микрофону.

— Выход из гипера! Застегнуть шлемы! Саксон — доложите о готовности!

— Все работы завершены, мистер Хилтон, — сказал Саксон напряженным, но уверенным голосом.

— Поднимайтесь сюда. Вы можете здесь понадобится. Всем приготовиться! Пристегнуть ремни! Мы выходим из гипера!

И они начали процесс перехода.

Глава 5. Выбор Хилтона

Вне всяких сомнений, она была крепким орешком, эта старушка. Она облетела вокруг тысячи миров и сделала в гипере больше миль, чем человеку под силу сосчитать. И в нее вселилось что-то от Большой Ночи — нечто такое, что прочнее металлических скоб и твердых сплавов. Можно назвать это духом, хотя никогда не существовало машины, наделенной душой. Но с тех самых пор, когда первый плот был спущен на воду, люди знали о том, что у каждого корабля есть душа — взявшаяся неведомо откуда.

Она скакала, как блоха. Она брыкалась, как свихнувшаяся лошадь. Подпорки и балки скрипели и гнулись, а вторившие им трапы вносили свой вклад в общий стон металла. Недопустимое количество энергии струилось сквозь ее двигатели. Но громылавшая старушка каким-то образом поглощала ее и, сотрясаясь, кренясь и кряхтя, при этом ухитрялась не распасться на части.

Между двумя пространствами возник мост, и «Ла Кукарача» с воем понеслась по нему — поведение, недостойное столь почтенной леди, которой в ее возрасте полагалось степенно прошествовать по перекинутому мостику. Однако она прежде всего была гиперкораблем, а потом уже леди. «Ла Кукарача» скакнула в нормальное пространство. Расчеты капитана оказались верными. Двойного солнца не было видно, поскольку его загораживала единственная планета системы, но притяжение этой чудовищной двойной звезды обрушилось на «Ла Кукарачу» подобно гигантскому кулаку и неудержимо погнало ее вперед.

Оставалось время лишь на то, чтобы нажать несколько кнопок. Мощные ракетные двигатели выплюнули яркое пламя. Толчок оглушил всех находившихся на борту. Лишь автоматические записывающие устройства стали свидетелями того, что произошло потом.

«Ла Кукарача» словно врзалась в каменную стену. Правда, это ее не остановило. Но ее скорость была замедлена до наименее безопасной, она перешла в крутое пике и рухнула на безымянную планету, яростно ревя всеми своими двигателями. Наполненные водой отсеки смягчили удар, а та ее часть, что была сделана не из брэнного металла или пластика, не дала ей рассыпаться от оглушительного столкновения с планетой.

Воздух со свистом вырвался в разреженную атмосферу и рассеялся в ней. Корпус наполовину расплавился. Сопла прогорели в дюжине мест. Корма превратилась в некую бесформенную мешанину.

Но все же «Ла Кукарача» осталась кораблем.

Заполнение трюмов грузом было рутинной работой. Люди видели столько чужих планет, что не уделили особого внимания и этой. Воздуха, пригодного для дыхания, не было, поэтому команда работала в своих скафандрах. Работали все, кроме трех человек, пострадавших во время посадки. Их поместили в изолятор, который находился в том отсеке корабля, куда вновь был накачен воздух. «Ла Кукарача» была больной старушкой и на ней им можно было оказать только первую помощь.

Теперь всем распоряжался сам Денверс. «Ла Кукарача» была его детищем, и он занял половину команды обследованием и откупоркой оплавившихся двигателей, с тем чтобы корабль был хоть как-то приспособлен к полету в космосе. Саксону, учитывая его инженерно-техническое образование, он позволил действовать в качестве своего неофициального помощника, хотя каждый раз, когда человек Трансмита попадался ему на глаза, взгляд капитана становился ледяным.

Что же касается Хилтона, то он вместе со второй половиной команды занимался сбором *параина*. Они использовали вакуумные уборочные машины, соединив их с «Ла Кукарачей» длинными гибкими шлангами, и через две недели упорного труда трюм был забит до отказа. К тому времени, когда погрузка была закончена, завершился и ремонт, и Денверс проложил курс к Сайлену.

Хилтон сидел в рубке управления с Тс'ссом и Саксоном. Он открыл стенной шкафчик, заглянул туда и снова закрыл его. Потом он кивнул Саксону.

— Капитан не изменит своего решения, — сказал он. — Следующим нашим портом будет Сайлен. Я там никогда не был.

— Я был, — сказал Тс'сс. — Позже я расскажу вам о нем.

Саксон раздраженно фыркнул:

— Вам известно, что такое гравитация, Тс'сс. Я тоже никогда там не был, но читал об этом в книгах. Там полным-полно гигантских планет, и после достижения радиуса невозможно выйти из гипера в нормальное пространство. Плоскости эклиптики в этой системе просто нет. Это безумие! Приходится прокладывать неустойчивый курс к Сайлену, постоянно сражаясь с гравитационными полями дюжины планет, да еще принимая в расчет притяжение центрального светила. Вы же знаете, что «Ла Кукарача» этого не перенесет, мистер Хилтон.

— Да, я это знаю, — сказал Хилтон. — Пока нам везло, но опять испытывать судьбу равносильно самоубийству. «Ла Кукарача» просто не выдержит еще одного перелета. Мы выброшены здесь на мель, но капитан не хочет в это верить.

— Он свихнулся, — сказал Саксон. — Я знаю, каковы пределы выносливости машины. Математика позволяет их рассчитать. А этот корабль — всего лишь машина. Или же вы согласны с капитаном Денверсом? Может, вы тоже считаете, что корабль — живой!?

Саксон забыл о дисциплине, но Хилтон понимал, какое напряжение они сейчас все испытывали.

— Нет, «Ла Кукарача» действительно машина, — только и сказал он. — И мы оба знаем, что ее подвергли слишком тяжким испытаниям. Если мы полетим к Сайлену, то...

Он жестом показал остальное.

— Капитан Денверс говорит: «Сайлен», — пробормотал Тс'сс. — Мы не можем бунтовать, мистер Хилтон.

— Самое большое, на что она способна, — сказал Хилтон, — это войти в гипер, оседлать его течение и так или иначе выйти из него. Но потом мы окажемся в трудном положении. Любая планета или солнце раздавит нас своим притяжением. Беда в том, что «Ла Кукарачу» можно капитально отремонтировать только на больших планетах. А если мы не произведем такой ремонт, причем быстро, с нами будет покончено. Однако, Саксон, выход все же есть — можно сесть на астероид.

— Но почему?

— Возможно, нам удастся с ней справиться. Нам не будет мешать никакая гравитация. Мы, конечно, не будем радировать о помощи, поскольку сигналам понадобится годы на то, чтобы достичь кого-нибудь. Лишь гипер может перенести нас достаточно быстро. А теперь вот что: у Трансмита есть какие-нибудь станции на астероидах?

Саксон открыл рот и снова его закрыл.

— Да, есть одна, которая подошла бы. В системе Ригеля, далеко от светила. Но я уверен, что капитан Денверс никогда не пойдет на это.

Хилтон открыл шкафчик в стене.

Оттуда вырвался серый дымок.

— Это *параин*, — сказал он. — Пары проникают в каюту капитана через вентиляционную шахту. Капитан Денверс будет блаженствовать до тех пор, пока мы не сядем на этом астероиде возле Ригеля, Саксон.

Наступила тишина. Хилтон с громким стуком захлопнул дверцу.

— Давайте произведем некоторые вычисления, — сказал он. — Чем скорее мы достигнем Ригеля, тем скорее вернемся на Землю — через Трансмит.

Как это ни странно, нерешительность проявил именно Саксон.

— Мистер Хилтон, подождите минутку. Трансмит... Да, я работаю на эту организацию, но с ней не так-то легко иметь дело. Там работают деловые люди. Для того, чтобы воспользоваться их перд-чиками, вам придется немало заплатить.

— Они могут передать гиперкорабль или нет? Может быть, такая работа им не по зубам?

— Нет, они могут расширить поле до огромных размеров. Я не это имел в виду. Я сказал, что они потребуют платы, и выжмут из вас все возможное. Вам придется отдать им по крайней мере половину груза.

— Все равно останется достаточно, чтобы заплатить за капитальный ремонт.

— Не говоря уже о том, что они захотят узнать, откуда у вас взялся *параин*. У вас не останется выбора: вам *придется* рассказать им, это неизбежно. А это означает, что станция Трансмита будет установлена прямо здесь, на этой планете.

— Я тоже так думаю, — спокойно проговорил Хилтон. — Но зато старушка снова будет готова к полету. Когда капитан увидит ее после капремонта, он поймет, что это был единственный возможный выход. Так что давайте браться за дело.

— Напомните мне, чтобы я рассказал вам о Сайлене, — сказал Тс'сс.

Размеры Лунной Ремонтной Станции воистину поражают. Целый кратер, накрытый прозрачным куполом, и под ним отдыхают в своих колыбелях гиперкорабли. Они приходят потрепанными и обожженными, а уходят чистыми, красивыми и сильными, вновь готовыми к встрече с Большой Ночью. «Ла Кукарача» тоже расположилась здесь. Это была уже не та дряхлая развалина, которая приземлилась на Ригеле, а очаровательная, ослепительно прекрасная леди.

Под самым куполом, облокотившись о перила, стояли Денверс и Хилтон.

— Она готова к полету, — сказал Хилтон. — И выглядит просто отлично.

— Мистер, благодарности от меня вы все равно не дождетесь!

— А, обойдусь! — бросил Хилтон. — Если бы я не одурманил вас наркотиками, мы были бы мертвы, а обломки «Ла Кукарачи» плавали бы в космосе. А теперь вы только взгляните на нее.

— Да-а. Выглядит она действительно хорошо. Но еще один груз *параина* она уже не повезет. А это местечко было моим. Если бы вы не сказали о нем Трансмиту, оно бы так и осталось нашим.

Денверс сморщился.

— А теперь они устанавливают там свою станцию. Гиперкорабль не может конкурировать с передатчиком материи.

— В Галактике гораздо больше чем одна планета.

— Конечно, конечно.

Но глаза Денверса смотрел вниз, глаза его блеснули.

— Куда вы направляетесь, капитан? — спросил Хилтон.

— А вам-то что? Вы же уходите на работу в Трансмит, не так ли?

— Готов держать пари, что это так. Через пять минут у меня встреча с Саксоном. Собственно говоря, мы должны подписать контракт. Я покончил с глубоким космосом. Но... вы-то куда направляетесь?

— Не знаю, — ответил Денверс. — Думаю, не скакнуть ли к Арктуру? Хочу посмотреть, что там делается.

Долгое время Хилтон не шевелился, потом, не глядя на капитана, заговорил:

— А может быть, о том, чтобы заглянуть после этого к Канису, а?

— Нет.

— Вы лжец.

— Идите, подписывайте контракт, — сказал Денверс.

Хилтон не отрываясь смотрел на стоявший внизу гигантский гиперкорабль.

— Старушка всегда была милым чистеньким кораблем. Она всегда слушалась и брала верный курс. Очень жаль, что ей придется возить рабов с Арктура на рынок Каниса. Это, конечно, нелегально, но дело не в этом. Просто это грязный, нечестный бизнес.

— Я не просил вашего совета, мистер, — вспыхнул Денверс. — Никто и не говорил о работорговле!

— Разве вы не рассчитывали выгрузить *параин* на Сайлене? Вы могли бы получить хорошую цену за него в Медицинском Центре, но наркоманы Сайлена заплатили бы вам в шесть раз больше. Да. Тс'сс все рассказал мне. Он бывал на Сайлене.

— Ох, заткнитесь! — выдохнул Денверс.

Хилтон запрокинул голову и посмотрел сквозь купол на бездонную черноту над ними.

— Даже если проигрываешь битву, лучше сражаться честно, — сказал он. — Знаете, чем это кончится?

Денверс посмотрел вверх и, очевидно, увидел там что-то, что ему не понравилось.

— А как еще можно обставить Трансмит? — требовательно спросил он. — Ведь нужно же как-то зарабатывать на жизнь?

— Существуют легкие и грязные способы, но есть еще чистые и тяжелые. У старушки всегда был прекрасный послужной список.

— Вы не космический волк. Вы никогда им не были. Плевать! Я сколочу отличную команду!

— Послушайте... — начал Хилтон.

Он помолчал.

— Ладно, черт с вами, я закончил.

Он повернулся и пошел по длинному стальному коридору.

Тс'сс и Саксон сидели за коктейлем в «Полумесяце». Из окон им был виден крытый переход, ведущий к Ремонтной Станции, а за ним — отвесные стены кратера и нависшая над ним, словно капля, усыпанная звездами черная бездна. Саксон посмотрел на часы.

— Он не придет, — сказал Тс'сс.

Человек из Трансмита нетерпеливо повел плечами.

— Нет, вы ошибаетесь. Конечно, я могу понять ваше желание остаться на «Ла Кукараче»...

— Да, я стар, это одна из причин.

— Но Хилтон молод и ловок. У него большое будущее. Этот разговор насчет погони за идеалом... Что же, может быть, Денверс и является человеком такого сорта, но только не Хилтон. Он не влюблен в гиперкорабли.

Тс'сс медленно вращал бокал в своих странных пальцах.

— Вы ошиблись в одном, Саксон. Я не лечу на «Ла Кукараче».

Саксон недоуменно уставился на него.

— Но я думал... почему же?

— Примерно через тысячу земных часов я умру, — мягко проговорил Тс'сс. — Когда наступит время, я спущусь в пещеры селени-тов. Мало кому известно об их существовании, и лишь считанные единицы знают, где находятся потайные гроты, святилища нашей расы. Но я знаю. Я отправлюсь туда умирать, Саксон. У каждого человека есть нечто, к чему он привязан больше всего, и я — не исключение. Я должен умереть в моем собственном мире. Что же касается капитана Денверса, он будет стремиться достичь своей цели, как поступал наш Император Чира и ваш Король Артур. Люди, подобные Денверсу, делают гиперкорабли великими. Уже нет самой цели, но люди, что некогда сделали ее великой, не могут измениться. А иначе их корабли не наводняли бы Галактику. Так что Денверс останется с «Ла Кукарачей». А Хилтон...

— Он не фанатик! Он не останется. Зачем ему все это нужно?

— В нашей легенде Император Чира потерпел поражение, а его Империя распалась, — сказал Тс'сс. — Но он продолжал бороться. И был у него один соратник, что боролся вместе с ним до конца, хотя и не верил в цель Чиры. Его звали Джейлира. А разве в вашей легенде не было сэра Ланселота? Он тоже не верил в цель Артура, но остался, поскольку был другом Артура. Да, Саксон, есть фанатики, которые дерутся за то, во что они верят, но есть и те, кто не верит, но дерется во имя не столь возвышенной цели. Иногда это зовется дружбой.

Саксон рассмеялся и ткнул пальцем в окно.

— Вы ошибаетесь, Тс'сс, — проговорил он.

В его голосе звучало торжество.

— Хилтон не дурак. Вон он идет.

Высокая фигура Хилтона быстро двигалась по проходу. Он прошел мимо окон и исчез. Саксон обернулся к дверям.

Наступила пауза.

— А может быть, дело не в менее возвышенной цели, — сказал Тс'сс. — Ибо времена селенитской Империи миновали, как миновали времена Короля Артура, и как прошла эра гиперкораблей. В конце концов, их забрала Большая Ночь. Но одно неизменно с самого начала...

— Что?

На этот раз в окно указал Тс'сс.

Саксон подался вперед, чтобы было лучше видно. Он увидел, что Хилтон неподвижно стоит у края прохода. Поток прохожих струился мимо, но он никого не замечал. Его толкали, но он, похоже, не замечал и этого. Хилтон над чем-то размышлял.

На лице его отражалась глубокая неуверенность. Потом лицо внезапно прояснилось. Хилтон сдержанно улыбнулся сам себе. Он принял решение. Он повернулся и быстро зашагал туда, откуда только что пришел.

Саксон смотрел ему вслед. Хилтон шагал в сторону Ремонтной Станции, где ожидали его Денверс и «Ла Кукарача». Он уходил туда, откуда пришел, в то место, которое он никогда по-настоящему не покидал.

— Сумасшедший дурак! — воскликнул Саксон. — Как он мог так поступить! Никто не отказывается от работы в Трансмите!

Тс'сс бросил на него мудрый, бесстрастный взгляд.

— Вы в это верите, поскольку Трансмит слишком много для вас значит. Трансмиту нужны люди, подобные вам, чтобы сделать его великим, чтобы он продолжал расти. Вы — счастливый человек, Саксон. Вас подхватила волна прилива. Лет через сто-двести вы могли бы оказаться на месте Хилтона. Тогда бы вы поняли.

Саксон непонимающе уставился на него.

— Что вы имеете в виду?

— Сейчас Трансмит растет, — тихо проговорил Тс'сс. — Он велик благодаря людям, подобным вам. Но Трансмиту тоже придет конец.

Он пожал плечами, глядя нечеловеческими фасетчатыми глазами вверх кромки кратера на блестящие точки света, что лишь подчеркивали необъятность Большой Ночи.

А теперь — не смотрите...

Человек в бежевом костюме изучал свое отражение в зеркальной стене бара. Оно, казалось, интересовало его куда больше, нежели бокал, который он сжимал в руке. Он проявлял почти полное равнодушие ко всем попыткам Лаймена заговорить с ним. Так продолжалось минут пятнадцать, после чего он, наконец, поднял бокал и сделал основательный глоток.

— А теперь — не смотрите, — сказал Лаймен.

Человек в бежевом скосил на Лаймена глаза, поднял бокал повыше и сделал еще один глоток. Кубики льда скользнули к его губам. Он поставил бокал на красно-коричневую стойку и знаком велел наполнить его снова. Потом, глубоко вздохнув, он обернулся к Лаймену.

— На что не смотреть? — поинтересовался он.

— Как раз за вами сидел один тип, — сказал Лаймен, моргнув довольно ословевшими глазами. — Он только что вышел. Вы что, не видели его?

Человек в бежевом расплатился за вторую порцию и только тогда ответил:

— Кого не видел?

Тон его являл собой великолепную смесь скуки, неудовольствия и напускного интереса.

— Кто вышел?

— О чем я твердил вам в течение последних десяти минут? Вы что, не слушали?

— Конечно, слушал. Это... Ну, конечно. Вы говорили о смесителях для ванн. Радиоприемниках. Орсоне...

— Не об Орсоне. О Г.Дж. — Герберте Джордже. Насчет Орсона — это так, для затравки. Г.Дж. *знал* или подозревал. Интересно, неужели у него была так развита интуиция? Вряд ли он собрал какие-либо доказательства, но писать научную фантастику он прекратил как-то слишком внезапно, не так ли? Держу пари, что именно тогда он узнал.

— О чем узнал?

— О марсианах. Все это ни к чему нас не приведет, если вы не будете меня слушать. Весь фокус в том, чтобы вовремя принять меры, имея на руках доказательства, убедительные доказательства. До сих пор их никому не удавалось получить. Ведь вы *репортер*, не так ли?

Держа в руке стакан, человек в бежевом неохотно кивнул.

— Тогда вам следует изложить все на листке сложенной бумаги. Я хочу, чтобы все знали, весь мир. Это важно. Ужасно важно. Это все объясняет. Моя жизнь не будет подвергаться такой опасности, как сейчас, если я распространю данную информацию и заставлю людей поверить в ее правдивость.

— Почему это ваша жизнь подвергается опасности?

— Из-за марсиан, пенек вы эдакий. Они владеют миром.

Человек в бежевом вздохнул.

— Тогда, значит, они владеют и моей газетой, — заметил он. — И, значит, мне не удастся напечатать ничего такого, что бы им не понравилось.

— Я об этом как-то не думал, — сказал Лаймен.

Он созерцал дно своего бокала, где два кубика льда спаялись в единое целое в холодном нерушимом союзе.

— Впрочем, они не всемогущи. Я уверен, у них есть уязвимые места, иначе зачем бы им постоянно держаться в тени? Они боятся, что их могут обнаружить. Если бы мир получил убедительные доказательства... Послушайте, люди всегда верят в то, о чем читают в газетах, не могли бы вы...

— Ха! — выразительно воскликнул человек в бежевом.

Лаймен грустно забарабанил пальцами по стойке и пробормотал:

— Должен же быть какой-нибудь выход. Возможно, если бы я пропустил еще стаканчик...

Человек в бежевом отпил из бокала. Казалось, это несколько подбодрило его.

— И что это за история, насчет марсиан? — спросил он Лаймена.

— Предположим, вы начнете с начала и расскажете мне все по порядку. Или вы не можете вспомнить?

— Конечно, могу. Я помню все до последней детали. Это нечто новое, совершенно новое. Раньше я ничего подобного сделать не мог. Я даже помню свой последний разговор с марсианами.

Лаймен бросил на человека в бежевом торжествующий взгляд.

— Когда это было?

— Сегодня утром.

— А я могу припомнить разговоры, которые вел на прошлой неделе, — холодно отозвался человек в бежевом. — Ну и что?

— Вы не понимаете. Они заставляют нас забывать, знаете ли. Они говорят нам, что мы должны делать, и мы забываем о разговоре — постгипнотическое внушение, я думаю, — но их приказам мы следуем строго. Это чистое принуждение, хотя мы полагаем, что действуем согласно собственным убеждениям. Они правят миром, да, но никто об этом не знает. Никто, кроме меня.

— А как узнали вы?

— Ну, у меня мозги были настроены по-особому. Я экспериментировал со ультразвуковой очисткой веществ, пытаюсь создать что-нибудь годное к продаже. Мое устройство по неизвестным причинам

дало сбой. Оно испускало высокочастотные волны, которые пронизывали все, в том числе и меня. По идее их, нельзя было услышать, но я их слышал, вернее, я *видел* их. Вот это-то я и имел в виду, когда говорил о том, что мои мозги были настроены по-особому. После всего этого я обрел способность видеть и слышать марсиан. У них есть специальные устройства, которые позволяют им успешно воздействовать на обычный мозг, но мой-то больше не является обычным. Они не в силах меня загипнотизировать. Они могут отдать мне распоряжение, но я в состоянии ему не подчиниться — теперь в состоянии. Надеюсь, они ничего не заподозрили, а может, и заподозрили. Да, пожалуй, что...

— Откуда вам это известно?

— Из-за того, как они на меня смотрят.

— А как они на вас смотрят? — спросил человек в бежевом.

Он потянулся было за карандашом, но потом передумал. Вместо этого он отпил из бокала.

— Ну, так как они на вас смотрят?

— Я не уверен. Я могу выделить их из толпы, да, но только, когда они одеты.

— Хорошо, хорошо — терпеливо произнес человек в бежевом. — Как они выглядят, когда одеты?

— Почти так же, как и все остальные. Они одеваются... в человеческую кожу. О, не в настоящую, а в ее имитацию. Подобно тому, как Катценджаммер Кидз влезал в крокодиловые шкуры. А раздетые... я не знаю. Я их никогда такими не видел. Быть может, тогда они становятся невидимыми даже для меня, а может, они просто маскируются под муравьев, или сов, или крыс, или летучих мышей, или...

— Еще подо что-нибудь, — поспешно закончил за него человек в бежевом.

— Спасибо. Еще подо что-нибудь, конечно. Но когда они одеты как люди, как тот, кто сидел рядом с вами некоторое время назад, когда я сказал, чтобы вы не смотрели...

— Тот, насколько я понимаю, был невидимкой?

— Каждый из них невидим большую часть времени. Но время от времени по каким-то причинам они...

— Подождите, — заметил человек в бежевом. — Давайте повторим еще разок, хорошо? Они одеваются в человеческую кожу, а потом сидят невидимыми?

— Только время от времени. Их одежда — прекрасная имитация человеческой кожи. Никто не заметил бы разницы. Их выдает только третий глаз. Когда они держат его закрытым, никто ни за что не догадается, что он вообще есть. А когда они хотят его открыть, то становятся невидимыми... как *том*. В мгновение ока. Когда я вижу кого-нибудь с третьим глазом, расположенным прямо посреди лба, я понимаю, что это марсианин, причем невидимый, и делаю вид, что не замечаю его.

— Ах, да, — сказал человек в бежевом. — Тогда, значит, из всего этого следует, что я — один из ваших видимых марсиан?

— О, надеюсь, что нет!

Лаймен бросил на него беспокойный взгляд.

— Хотя я и пьян, но мне так не кажется. Я весь день за вами слежу, будьте уверены. Конечно, мне пришлось пойти на риск. Они пойдут на что угодно, на все тяжкие, чтобы заставить человека выдать себя. Я это прекрасно понимаю. И я не могу никому до конца доверять. Но мне нужно было найти хоть *кого-то*, с кем я мог бы поговорить, и я...

Он замолчал. На некоторое время установилась тишина.

— Я мог и ошибиться, — сказал он наконец. — Когда третий глаз закрыт, я не могу быть до конца уверенным, есть он или нет. Не откроете ли вы для меня свой третий глаз?

Он уставился ословевшими глазами на лоб человека в бежевом костюме.

— Прошу прощения, — ответил репортер. — Как-нибудь в другой раз. Кроме того, я вас не знаю. Итак, вы хотите, чтобы я тиснул это на первой странице, насколько я понимаю? Почему бы вам самому не встретиться с редактором? Моя писанина должна еще пройти несколько инстанций.

— Я хочу поведать свою тайну всему миру, — упрямо проговорил Лаймен. — Весь вопрос в том, насколько далеко мне удастся зайти. Вам наверняка приходила в голову мысль: а почему они не прикончили меня в ту минуту, как я заговорил с вами... если не не принимать во внимание тот факт, что я ни о чем и не заикнулся бы в их присутствии. Но я не верю в то, что они, знаете ли, воспринимают нас всерьез. Должно быть, они появились здесь еще на заре нашей истории и успели стать довольно беспечными. Они позволили Форту зайти довольно далеко, прежде чем насели на него. Однако следует отметить, что они так и не дали Форту раздобыть веские доказательства, которые могли бы убедить людей.

Человек в бежевом буркнул себе под нос что-то насчет статьи в разделе о необычных хобби.

Он спросил:

— А чем занимаются эти марсиане? Помимо того, что шляются раздетыми по барам?

— Я продолжаю над этим работать, — ответил Лаймен. — Это нелегко понять. Они, конечно, правят миром. Но вот зачем?

Он наморщил брови и умоляюще уставился на человека в бежевом костюме.

— Зачем?

— Если они действительно им правят, то многое требует объяснений.

— Вот и я об этом же. С нашей точки зрения все это полная бессмыслица. Мы поступаем нелогично, но только потому, что они нам так велят. Практически все, что мы делаем, лишено всякой логики. Психологи дают прекрасные объяснения того, почему убийцы так стремятся признаться во всем, но, тем не менее, подобные устремления остаются нелогичными. Если только марсиане не велят им так поступать.

— Вас не могут заставить под гипнозом совершить действие, которое противоречит вашим моральным принципам, — с триумфом сказал человек в бежевом.

Лаймен нахмурился.

— Другой человек — да, не может. Но для марсиан нет ничего невозможного. Я думаю, они были высокоразумными еще тогда, когда мы лазили по деревьям, и с тех пор разрыв сохраняется. Подобно нам, они тоже эволюционировали, но всегда шли на шаг впереди нас, подобно воробью, который поджидает на спине орла, пока тот не наберет предельную для себя высоту, а затем подпрыгивает и бьет все рекорды. Они завоевали наш мир, но так, что никто об этом и не заподозрил. И с тех пор они продолжают править...

— Но...

— Возьмем, к примеру, наши дома. Какие они неудобные! Уродливые, несовершенные, грязные, все в них не так. Но когда люди, подобные Фрэнку Ллойд Райту, выходят из-под контроля марсиан на срок, достаточный, чтобы предложить что-то лучшее, вы только посмотрите, как реагируют люди. Им ненавистна сама эта мысль. А все дело в марсианах, отдающих им приказы.

— Послушайте. Объясните мне, какое дело марсианам до того, в каких домах мы живем?

Лаймен нахмурился.

— Мне не нравится нотка скептицизма, которая прокралась в наш разговор, — объявил он. — Им есть до того дело! Насчет этого нет никаких сомнений. Они *живут* в наших домах! Мы строим их не так, как удобно нам. Мы строим их, повинаясь приказам марсиан, так, как они того хотят. Они контролируют все, что мы делаем. Чем бессмысленнее наши действия, тем лучше для них. Возьмем, к примеру, войны. С точки зрения человека войны бессмысленны. Никто в сущности не хочет воевать. Но мы все равно ведем их, потому что с точки зрения марсиан они полезны. Они подстегивают технологический прогресс и избавляют от лишних ртов. Имеются и другие положительные моменты. Колонизация, например, но самое главное, все же — разработка передовых технологий. Если реактивный двигатель изобретают в мирное время, его массовое производство выглядит слишком дорогим. Но в военное время оно *обязательно* развивается. И марсиане смогут использовать его по своему усмотрению. Они используют нас, словно некие инструменты — или дополнительные конечности. И на самом деле из всех войн победителями выходят только марсиане.

Человек в бежевом усмехнулся.

— Звучит вполне логично, — сказал он. — Должно быть, хорошо быть марсианином.

— Почему бы и нет? До сих пор ни одна раса ни разу успешно не завоевывала другую и не правила ею. Непременно вспыхивает восстание или развивается процесс ассимиляции. Если вы знаете, что

вами правят, правители становятся уязвимыми. Но если мир ни о чем не подозревает... а так оно и есть...

— Возьмем, к примеру, радио, — продолжал развивать свою мысль Лаймен. — Нет достаточно разумной причины, согласно которой нормальному человеку следовало бы слушать радио. Но марсиане заставляют нас это делать. Им это нравится. Потом, возьмем смесители для ваннных. Никто не борется за то, чтобы сделать их удобными... для нас. Но марсиане они полностью устраивают. Все непрактичные вещи, которыми мы не перестаем пользоваться, хотя и сознаем их непрактичность...

— Ленты для пишущих машинок, — пробормотал человек в бежевом костюме, пораженный какой-то мыслью. — Но даже марсианам вряд ли нравится процесс смены ленты.

Лаймен, казалось, нашел это заявление легкомысленным. Он сказал, что знает о марсианах все, за исключением их психологии.

— Я не знаю, почему они ведут себя так, а не иначе. Иногда их поведение выглядит нелогичным, но я совершенно уверен в том, что все их поступки имеют под собой веские основания. И пока я не узнаю их, я не смогу продвинуться дальше. До тех пор, пока я не раздобуду доказательства, мне лучше оставаться в тени. Я так и поступаю. Я делаю то, что они мне говорят, поэтому они ни о чем не подозревают, и я притворяюсь, будто забываю то, что они велят мне забыть.

— Тогда вам не о чем особенно беспокоиться.

Лаймен пропустил эти слова мимо ушей. Он снова принялся жаловаться.

— Когда я слышу, как ванна наполняется водой, и в ней плещется марсианин, я делаю вид, будто ничего не замечаю. Моя кровать слишком коротка, и на той неделе я пытался заказать кровать нужной длины, но марсианин, который в ней спит, не велел мне этого делать. Он — коротышка, как большинство из них. Да, я думаю, они коротышки. Мне приходится догадываться, потому что они никогда не показываются неодетыми. Но таким примерам несть числа. Между прочим, как поживает ваш марсианин?

Человек в бежевом внезапно опустил бокал.

— Мой марсианин?

— Послушайте-ка, может быть, я немного и пьян, но моя логика остается безупречной. Я по-прежнему могу сложить два и два. Или вы знаете о марсианах, или же нет. Если вы знаете, то совершенно не за чем задавать мне дурацкие вопросы типа: «Что-о, мой марсианин?», когда я знаю, что у вас есть марсианин. Суть вот в чем: знаете ли вы? Подумайте хорошенько, — настаивал Лаймен.

В его голосе звучала мольба.

— Нет. У меня нет марсианина, — ответил репортер, поспешно отпив из бокала. Стекло звякнуло о его зубы.

— Нервничаете, как я погляжу, — заметил Лаймен. — Конечно же, у вас *есть* марсианин, и я подозреваю, что вам об этом известно.

— Что бы я делал с марсианином? — упорно не сдавался человек в бежевом.

— А что бы вы делали без него? Я думаю, что это незаконно. Если бы вас застучали разгуливающим без него, то вас бы, вероятно, посадили бы за решетку, пока тот не отыскался бы. О, он у вас, несомненно, есть, и у меня тоже, и у него, и у него, и у бармена.

Лаймен поочередно тыкал указательным пальцем в местных забуддыг.

— Конечно, есть, — сказал человек в бежевом. — Но все они улетают завтра на Марс, а вам следует посетить хорошего доктора. А пока пропустите лучше еще ста...

Он начал было поворачиваться к бармену, но тут Лаймен наклонился к нему и взволнованно прошептал:

— *А теперь — не смотрите!*

Человек в бежевом бросил взгляд на побелевшее лицо Лаймена, отражавшееся в зеркале перед ними.

— Все в порядке, — сказал он. — Никаких мар...

Лаймен отвесил ему под стойкой быстрый, яростный пинок.

— Заткнитесь! Один как раз вошел!

Потом, поймав взгляд человека в бежевом, с подчеркнутой беззаботностью проговорил:

— Так что, естественно, после этого мне ничего не оставалось, как только взобраться на крышу. Мне понадобилось десять минут на то, чтобы спуститься оттуда по приставной лестнице, и как только мы достигли низа, он прыгнул мне на голову, а оттуда снова на крышу, и вновь принялся истошно вопить, чтобы я спустил его вниз.

— *Кто?* — с простительным любопытством спросил человек в бежевом.

— Да мой кот, конечно. А кто еще это мог быть? Неважно, можете не отвечать на этот вопрос.

Лицо Лаймена было обращено к человеку в бежевом, но краем глаза он продолжал наблюдать за тем, как кто-то невидимый пересекает бар и идет к кабинке в самом дальнем углу.

— Почему он пришел? — пробормотал он. — Мне это не нравится. Вы его знаете?

— Кого?

— Того марсианина. Он, случаем, не ваш? Нет, думаю, что нет. Ваш — это, наверное, тот, что вышел некоторое время назад. Интересно, наверное, он отправился составлять отчет и направил сюда вот этого? Такое вполне возможно. Теперь вы можете говорить, но не повышайте голоса и прекратите гримасничать. Хотите, чтобы он понял, что мы его видим?

— Я не могу его видеть. Не втягивайте меня в эту историю. Сами между собой договаривайтесь, вы и ваши марсиане. Вы действуете мне на нервы. Кроме того, мне пора.

Но человек в бежевом даже не попытался слезть с табуретки. Он косился на Лаймена, то и дело поглядывая через его плечо на дальнюю кабинку.

— Прекратите на меня пялиться, — сказал Лаймен. — Прекратите пялиться на него. Хотите, чтобы каждый думал, что котом были вы?

— Каким еще котом? Почему кто-то должен?.. Разве я похож на кота?

— Мы говорим о котах, разве не так? Коты могут их видеть вполне ясно, думаю, даже когда те без одежды. Они им не нравятся.

— Кто кому не нравится?

— Кому? Ни те, ни другие друг друга не любят. Кошки видят марсиан, но притворяются, будто не видят, и это сводит марсиан с ума. Согласно одной из моих теорий, кошки правили миром, пока не пришли марсиане. Неважно. Забудьте о кошках. Положение может быть гораздо серьезнее, чем вы думаете. Мне удалось узнать, что этим вечером мой марсианин собирается куда-то отлучиться, и я практически не сомневаюсь в том, что некоторое время назад отсюда вышел именно ваш марсианин. А заметили ли вы, что никто из присутствующих здесь не имеет при себе своего марсианина. Не кажется ли вам...

Тут он еще больше понизил голос:

— Не кажется ли вам, что они *поджидают нас снаружи?*

— О Господи, — проговорил человек в бежевом. — В переулке, вместе с котами, я полагаю.

— Почему бы вам не прекратить нести чушь насчет котов и не сделаться серьезным хотя бы ненадолго? — потребовал Лаймен.

Потом он замолчал, побледнел и слегка покачнулся на стуле. Чтобы скрыть смущение, он поспешно отхлебнул из бокала.

— Ну, теперь в чем дело? — спросил человек в бежевом.

— Ни в чем.

Лаймен сделал глоток.

— Просто он *взглянул* на меня своим... Вы сами понимаете.

— Давайте-ка все проясним. Насколько я понял, марсианин одет в... одет так же, как и человек?

— Естественно.

— Но он невидим для всех, кроме вас?

— Да. Он не хочет, чтобы его видели прямо сейчас. Кроме того...

Лаймен сделал паузу. Он бросил на человека в бежевом пристальный взгляд и быстро опустил глаза в свой бокал.

— Кроме того, знаете ли, мне кажется, что вы все же *видите* его, по крайней мере, смутно.

Человек в бежевом молчал секунд тридцать. Он сидел совершенно неподвижно, даже лед в бокале, который он держал в руке, не позвякивал о стенки. Можно было даже подумать, что он не дышит. И уж, конечно, он не мигал.

— Что вас заставляет так думать? — спросил он своим обычным тоном, когда тридцать секунд истекли.

— Я разве что-нибудь сказал? Я не слушал.

Лаймен решительно поставил свой бокал.

— Думаю, мне пора.

— Нет, вы не уйдете, — сказал человек в бежевом.

Он схватил Лаймена за руку.

— Задержитесь. Оставайтесь здесь, посидите. Итак, в чем дело? Куда вы собирались идти?

Лаймен указал вглубь бара, то ли на пианолу, то ли на дверь с надписью: «Для мужчин».

— Я что-то не слишком хорошо себя чувствую. Наверное, я выпил лишнего. Думаю, мне...

— С вами все в порядке. Я не хочу, чтобы вы приближались к этому вашему невидимке. Вы останетесь здесь до тех пор, пока он не уйдет.

— Он как раз уходит! — радостно воскликнул Лаймен.

Его глаза следили за чьим-то невидимым, но быстрым продвижением к входной двери.

— Видите, он ушел. А теперь пустите меня, ладно?

Человек в бежевом бросил взгляд на дальнюю кабинку.

— Нет, — сказал он. — Он не ушел. Сидите там, где сидите.

Пришла очередь Лаймена замереть на некоторое время. Однако лед в его бокале все же тихонько позвякивал о стенки. Наконец он заговорил. Голос его был тихим и более встревоженным, чем раньше.

— Вы правы. Он еще здесь. Значит, вы видите его?

Человек в бежевом спросил:

— Сейчас он повернулся к нам спиной, не так ли?..

— Да, вы действительно его видите. Возможно, даже лучше, чем я. Быть может, их здесь больше, чем я полагал. Они вездесущи. Они могут сидеть рядом с вами везде, куда бы вы ни пришли, и вы ни за что не догадаетесь об этом, если только...

Лаймен слегка покачал головой.

— Они не хотят идти даже на *малейший* риск, — продолжал он, обращаясь, главным образом, к самому себе. — Они могут отдавать приказы и заставлять вас забывать, но должен же быть предел принуждению. Они не в силах заставить человека предать самого себя. Им приходится следить за ним до тех пор, пока они не разбудят доказательства.

Он поднял бокал и поднес его к губам. Кубик льда соскользнул по стенке к его губам и остался там, но он не обратил на него внимания и выцедил пузырящуюся янтарную жидкость до последней капли. Поставив бокал на стойку, он посмотрел на человека в бежевом.

— Итак? — спросил он.

Человек в бежевом окинул взглядом помещение бара.

— Уже довольно поздно, — сказал он. — Народу осталось мало. Подождем еще немного.

— Чего?

Человек в бежевом бросил взгляд на кабинку и быстро отвел глаза.

— Я хочу вам кое-что показать. Я не хочу, чтобы это видел кто-нибудь еще.

Лаймен обвел взглядом узкий задымленный зал. В этот момент последний посетитель, оставшийся в баре, порывлся в кармане, бросил на стойку несколько монет и медленно вышел из зала.

Они продолжали молча сидеть. Бармен поглядывал на них с вялым безразличием. Затем парочка в ближайшей кабинке поднялась и ушла, вполголоса споря.

— Еще кто-нибудь остался? — спросил человек в бежевом с таким расчетом, чтобы его не услышал бармен.

— Только...

Лаймен не закончил, а лишь осторожно кивнул в сторону дальнего конца комнаты.

— Он сюда не смотрит. Давайте-ка не будем обращать на него внимания. Что вы хотели мне показать?

Человек в бежевом снял свои наручные часы и поддел металлическую крышечку. Из-под нее выскользнули две маленькие глянцевые фотографии. Человек в бежевом ногтем отделил одну от другой.

— Я все-таки хотел бы кое-что прояснить, — сказал он. — Впервые, почему вы выбрали меня? Вы как-то упомянули, что следили за мной, чтобы не попасть впросак. Я этого не забыл. И еще вы знали, что я репортер. Не расскажете ли вы мне теперь всю правду?

Покачиваясь на табурете, Лаймен нахмурился.

— Я обратил внимание, как вы смотрели на окружающих, — пробормотал он. — Сегодня утром, в метро... до этого я никогда вас не видел. Но я обратил внимание на то, как вы смотрите на окружающих, на то, чего не должно быть. Вы смотрите на них так же, как смотрит кот, а потом всегда отводите глаза... И я подумал, что, может, вы тоже видите марсиан.

— Продолжайте, — тихо сказал человек в бежевом.

— Я весь день следовал за вами по пятам. Я надеялся, что вы окажетесь тем, с кем я смогу говорить. Потому что, если бы я узнал, что не один вижу их, у меня появилась бы хоть какая-то надежда. Нет ничего хуже, чем страдать в одиночку. Я обрел способность видеть их уже три года назад. Три года! И мне удавалось держать мою способность в тайне даже от них. И каким-то образом мне удалось удержаться от соблазна покончить с собой.

— Три года? — переспросил человек в бежевом. Он содрогнулся.

— Всегда остается хоть тень надежды. Я знал, что никто не поверит мне... без убедительных доказательств. А как я мог добыть такие доказательства? Именно это я и твердил себе. Я говорил себе, что вы, возможно, тоже способны их видеть, а коли так, может, есть еще и другие... и их немало — достаточно для того, чтобы мы смогли все вместе взяться за дело и как-то убедить весь мир в том...

Пальцы человека в бежевом шевельнулись, и он молча пододвинул фотографии к Лаймену. Тот неуверенно взял их в руки.

— Лунный свет? — почти тут же спросил он. На фотографии был лес под бездонным темным небом с белыми облаками. Деревья стояли белые и ажурные на темном фоне. Трава была белой, словно посеребренной лунным светом, тени — густыми.

— Нет, это не лунный свет, — ответил человек в бежевом. — Инфракрасные лучи. Я — всего лишь любитель, но в последнее

время я экспериментировал с инфракрасной пленкой и получил очень странные результаты.

Лаймен смотрел на пленку.

— Видите ли, я живу неподалеку...

Палец коричневого человека коснулся весьма обычного предмета, который виднелся на фотографии.

— Время от времени здесь появляется нечто забавное. Но только при инфракрасной съемке. Теперь я знаю, что хлорофилл настолько отражает инфракрасный свет, что трава и листья на фотографии выглядят белыми. Небо становится темным, как здесь. С подобного рода пленкой случаются всякие казусы. Фотографируешь дерево на фоне тучи, а на оттиске их не отличить друг от друга. Однако можно делать снимки в тумане и захватывать отдаленные предметы, которые обычная пленка не улавливает. А иногда, когда наводишь камеру на что-то, подобное этому...

Он снова постучал пальцами по изображению самого обычного предмета.

— Иногда получаются очень странные образы на пленке, вроде этого. Человек с тремя глазами...

Лаймен поднес фотографию к свету и стал молча изучать ее. Когда он снова положил фотографию на стойку, на его лице играла улыбка.

— Знаете, — доверительным шепотом сказал Лаймен, — профессор астрофизики одного из самых известных университетов поместил в газете «Таймс» за прошлое воскресенье очень интересную заметку. Его фамилия, кажется, Шпитцер. Он пишет, что если бы на Марсе была жизнь, и марсиане когда-либо посетили Землю, то это невозможно было бы доказать. Никто бы не поверил тем немногим людям, которые их увидели бы. Если только, писал он дальше, марсиан кто-нибудь не сфотографировал бы...

Лаймен задумчиво посмотрел на человека в бежевом.

— Что ж, — сказал он. — Это произошло. Вы их сфотографировали!

Человек в бежевом кивнул. Он взял фотографии и снова убрал их туда, откуда достал.

— Я тоже так считаю. Только до сегодняшнего вечера я не был уверен. Я никогда не видел никого из них... целиком, как видите вы. Дело даже не в особенностях вашего мозга, подвергнутого воздействию ультразвука. Вы просто знаете, куда смотреть. Но я ощущал их *присутствие* всю свою жизнь, как и любой другой человек. Это можно сравнить с мимолетным движением, которое удается ухватить лишь краешком глаза. Это нечто, что *почти* здесь, но когда смотришь на него пристально, оно исчезает. Данные фотографии подсказали мне, как надо смотреть. Этому научиться нелегко, но все же возможно. Мы приучены сосредотачиваться на конкретном предмете, видеть только тот объект, который нас интересует, чем бы он ни был. Возможно, именно марсиане дали нам такую установку. Ведь когда видишь некий предмет краем глаза, практически невозможно не попытаться взглянуть прямо на него. И тогда он исчезает.

— Значит, их может увидеть... каждый?

— За те несколько дней, что прошли с тех пор, как я сделал эти фотографии, я научился многому, — сказал человек в бежевом. — Нужно тренироваться. Это похоже на картинку с секретом, в которой можно что-то разглядеть, если только внимательно присмотреться. Маскировка. Необходимо научиться ее распознавать. Иначе мы будем смотреть на них всю свою жизнь, но так их и не увидим.

— Но камера их видит?

— Да, камера видит. Странно, что никто раньше не сфотографировал их подобным образом. На пленке их различаешь безошибочно по этому самому третьему глазу.

— Инфракрасная пленка — сравнительно новое изобретение, не так ли? И поэтому готов держать пари, что вам удалось захватить их на некоем особом фоне, иначе их не было бы видно на пленке. Как деревья на фоне облаков. Особый трюк. Должно быть, в тот день у вас было нужное освещение и нужный фокус, и линзы встали как раз в нужное положение. Нечто вроде маленького чуда. Такое может больше никогда не повториться. Но... а теперь не смотрите...

Они замолчали, украдкой следя в зеркало за открывшейся дверью бара.

Потом наступила долгая, томительная пауза.

— Он оглянулся на нас, — очень тихо сказал Лаймен. — Он посмотрел на нас... Этим третьим глазом!

Человек в бежевом вновь замер. Наконёц он пошевелился — лишь для того, чтобы проглотить остатки выпивки.

— Я не думаю, что они нас уже подозревают, — сказал он. — Мы будем тщательно скрывать этот фокус до тех пор, пока не сможем выступить в открытую. Должен же существовать какой-то способ... способ убедить людей.

— Есть доказательства. Эти фотографии. Знающий оператор сможет разобраться, как вы умудрились заснять марсианина, и он повторит все условия. Вот вам и улики.

— Улики — это палка о двух концах, — сказал человек в бежевом. — Я надеюсь лишь на то, что марсианам не слишком нравится убивать, что они идут на это только в крайнем случае. Я надеюсь, что они не убивают на основании одних лишь подозрений... Но...

Он постучал по часам.

— По крайней мере, теперь нас двое, — сказал Лаймен. — Мы должны держаться друг друга. Мы оба нарушили главное правило: *не смотреть*.

Бармен отошел вглубь комнаты, чтобы выключить пианолу. Человек в бежевом сказал:

— Лучше, если нас не будут видеть вместе. Но если мы оба завтра придем в этот бар в девять часов пропустить по стаканчику — это не вызовет подозрения даже у них.

— Предположим...

Лаймен колебался.

— Можно мне взять одну из фотографий?

— Зачем?

— Если с одним из нас что-то произойдет... несчастный случай, например, у другого по-прежнему будут на руках доказательства. Может, этого будет достаточно, чтобы убедить остальных людей.

Человек в бежевом колебался, потом решительно кивнул и, снова открыв футляр, вручил Лаймену одну из фотографий.

— Спрячьте, — сказал он. — Это улика. Увидимся завтра здесь же. А до тех пор будьте осторожны, не лезьте на рожон.

Они крепко пожали друг другу руки и несколько мгновений молча смотрели друг на друга. Потом человек в бежевом повернулся и вышел из бара.

Лаймен остался там, где сидел. Между двумя морщинами на его лбу что-то зашевелилось. Затем там медленно открылся третий глаз и уставился вслед человеку в бежевом.

Генри Каттнер*

Для развития научной фантастики (НФ) и фэнтези сороковых-пятидесятых годов американский писатель-фантаст Генри Каттнер (7.04.1915 — 3.02.1958) сделал немало. И все же после его скоропостижной кончины в 1958 году этот плодовитый и талантливый писатель оказался практически забыт американскими читателями и критиками. Другие популярные авторы массовых журналов времен «золотого века» научной фантастики продолжают вызывать повышенный интерес, считаясь первопроходцами и классиками жанра, а вот Генри Каттнера знают далеко не все. В основном он известен как автор ряда запоминающихся, часто включаемых во всевозможные антологии фантастики рассказов, а также как ключевая фигура в истории прославленного журнала «Astounding Science Fiction». Причины этого незаслуженного забвения понять не трудно. Самая важная из них заключается в том, что Каттнер умер как раз накануне всплеска интереса к жанру научной фантастики в США, пришедшегося на начало 60-х годов. Ранняя смерть писателя, однако, не единственная причина его относительно малой известности в США. Нельзя также не отметить такие факторы, как пристрастие к псевдонимам, невероятная плодовитость, многосторонность интересов и т.д. Каттнер не ограничивал свое творчество рамками какого-либо одного жанра. Кроме НФ и фэнтези он писал детективы, вестерны, авантурные романы, юмористические пьесы и психологические исследования. Успехи Каттнера в каждом из этих жанров довольно значительны, и сам он не отдавал предпочтения ни одному из них. Однако невероятная плодовитость писателя не лучшим образом сказывалась на общем качественном уровне его произведений. Каттнер написал уйму рассказов и пьес, опубликованных при его жизни большей частью в различных дешевых журнальчиках. Среди гор второсортных и откровенно слабых работ первоклассные произведения просто-напросто затерялись.

Генри Каттнер родился 7 апреля 1915 года в Лос-Анжелесе в семье более чем среднего достатка. Его отец, владелец книжной лавки, умер, когда Генри было пять лет. Чтобы как-то продержаться, мать открыла пансион в Сан-Франциско, но в деле этом не преуспела и несколько лет спустя вернулась в родной Лос-Анжелес. Там Генри окончил среднюю школу и поступил на работу в литературное агентство, принадлежавшее дальнему родственнику.

Мальчик много читал, но его вкус не отличался оригинальностью. Как и большинство мальчишек того времени, он зачитывался Берроузом и будоражащими воображение рассказами, что печатались тогда в популярных журналах научной фантастики вроде «Amazing Stories» и «Weird Tales». Первый обладал своеобразным обаянием достоверности. Его издатель, родоначальник американской НФ Хьюго Гернсбек, был придирчив к технической стороне дела, а какой мальчишка не любит техники и не мечтает знать о ней все? Но ближе по духу Каттнеру все же был «Weird Tales», где

* Печатается по изданию: Генри Каттнер. Впереди — бесконечность! М., «Новатор», 1994 (с изменениями и дополнениями).

печатались произведения в стиле *horror*¹, восходившем к Эдгару По, Мэри Шелли и Уилки Коллинзу. Генри вступил в переписку с Говардом Лавкрафтом, Робертом Блохом и другими членами редколлегии. Результатом переписки явилась публикация в февральском номере этого журнала за 1936 год первого произведения Каттнера — стихотворения «Баллада Богов» (*Ballad of the Gods*). Большие стихов он не писал, но в следующем номере «Weird Tales» появилась уже первая его вещь в прозе — «Кладбищенские крысы» (*The Graveyard Rats*): леденящая душу история с гигантскими крысами, таинственными мертвецами и прочей нечистью, написанная в стиле Лавкрафта. И замысел, и интрига новыми не были, но читателю рассказ пришелся по душе, хотя впоследствии Каттнер запретил перепечатывать его. Развивая успех, молодой писатель написал и опубликовал еще несколько рассказов в «готическом» стиле, попробовал силы в героической фэнтези (особенно известна серия рассказов об атланте Элаке «Мечи и волшебство»), но в конце концов выяснилось, что чтение трезвого «Amazing Stories» не прошло даром. В 1937 году Генри Каттнер начал писать научно-фантастические рассказы, первое время публикуя их, в основном, в журнале «Thrilling Wonder Stories». Здесь появилась вышедшая из-под его пера популярная серия рассказов о киномизансе будущего «Голливуд на Луне» (*Hollywood on the Moon, 1938-1940*), объединенных общим главным героем Тони Квейдом. Правда, всерьез заняться фантастикой Каттнеру какое-то время казалось трудно — не хватало научной подготовки. Но недостаток технических подробностей, так ценимых Гернсбеком, искупался искрометным юмором, которого у Генри было не меньше, чем в ранних его вещах — ужасов. Молодой писатель широко публиковался не только в журналах научной фантастики, но и в изданиях, печатающих детективы, авантурные романы и вестерны.

Когда в 1938 году начал издаваться журнал «Marvel Science Stories», Генри Каттнер, уже имевший раньше дело с его издателем, стал писать для этого журнала, чем основательно подорвал свою репутацию — в журнале в основном публиковались рассказы весьма пошлого содержания. Из опубликованных Каттнером в «Marvel Science Stories» под псевдонимами Джеймс Холл (James Hall) и Роберт О. Кеньон (Robert O. Kenyon) произведений наибольший интерес представляет рассказ «Ловушка во времени» (*The Time Trap, 1938*)². А вот пристрастие Генри Каттнера к псевдонимам выходило за пределы разумного — их у него было не меньше семнадцати. Среди более ранних можно назвать такие, как Пол Эдмондс (Paul Edmonds) и Кейт Хэммонд (Keith Hammond). Среди прочих — Ноел Гарднер (Noel Gardner), Хадсон Хастингс (Hudson Hastings), С. Х. Лиддел (C. H. Liddell), Скотт Морган (Scott Morgan), К. Х. Мейнен (K. H. Maepen) и Вудроу Вильсон Смит (Woodrow Wilson Smith), а также Уилл Гарт (Will Garth). Под последним он опубликовал рассказ «Доктор Циклопус» (*Dr. Cyclops, 1940*), в основу которого лег одноименный фильм³.

Многочисленные псевдонимы нужны были Каттнеру для того, чтобы публиковать в одном номере журнала сразу несколько произведений. Поскольку из-

¹ Horror (англ.) — ужас. Стиль *horror* в литературе еще иногда называют «готическим».

² В 1976 году включен Брайаном Олдиссом в сборник «Земли дьявола» (*Evil Earths*).

³ Позднее под тем же псевдонимом «Уилл Гарт» был опубликован роман с таким же названием, но написал его Мэнли Вейд Веллман.

под его пера порой выходили совершенно разноплановые произведения, читатель не замечал подвоха и пребывал в уверенности, что их авторы — люди совершенно разные. Однако все это приводило к тому, что фамилия самого автора мало о чем говорила широкой публике и, более того, вызывала упреки критиков, обвинявших писателя в отсутствии единого стиля и собственного взгляда на вещи. Данное суждение было вызвано «гибкостью» прозы Каттнера, его уникальной способностью использовать в своих произведениях различные приемы, повороты сюжета и стилистические находки других писателей. Точку зрения тех, кто не видел в Каттнере самобытного писателя наиболее четко и аргументированно выразил известный американский издатель и критик Сэм Московиц в своем критическом эссе «Искатели грядущего» (Seekers of Tomorrow, 1966). В нем Московиц прослеживает влияние на творчество Каттнера таких выдающихся писателей, как Говард Лавкрафт, Роберт Хайнлайн, Стенли Вейнбаум, Джон Колвер, Клиффорд Саймак, Альфред Ван-Вогт, Мюррей Лейнстер и Альфред Меррит, делая, в конце концов, вывод, что Каттнер — не более чем талантливый интерпретатор, подражатель. Что ж, в этих суждениях есть доля истины. В американской фантастике вообще особенно ценится так называемое первооткрывательство. Человек, который ввел в литературу новые темы, сюжеты — хотя бы и очень частные, — всегда может рассчитывать на внимание критики и читателей. А Каттнер был не мастер открывать новые темы. Он начинал писать о новом вовремя, но всегда немного позже других. Однако в жанре НФ подобные заимствования в порядке вещей. Вряд ли кто из писателей может похвастаться тем, что всегда использует только свои, оригинальные идеи и приемы. В конце концов, как справедливо отметил американский писатель-фантаст Джеймс Блэш, главное не в том, чья это идея, а в том, насколько талантливо она обыграна. А Каттнер в отличие от иных первооткрывателей был *настоящим писателем*. Каждую свою тему он обрабатывал так, в таком количестве вариантов, что его коллегам просто нечем было потом поживиться. Он был словно актер без определенного амплуа — таких тоже иногда обвиняют в отсутствии индивидуальности. Что ж, Каттнер выявлял не свою индивидуальность, а индивидуальность темы.

Его неповторимость как раз и состояла в его многообразии. Он охватил очень широкую сферу американской НФ, соединил многие ее прежде разобщенные тенденции, а если и не создал в своем творчестве некоего сплава, то, во всяком случае, показал, что такой сплав возможен.

7 июня 1940 года Каттнер женился на Кэтрин Мур, в то время уже даже более известной писательницей-фантастом, чем он сам. После этого большинство рассказов они стали писать вместе (за исключением, пожалуй, тех, что опубликованы К. Мур под собственной фамилией). Вклад того или иного соавтора в разные рассказы различен, но большинство из них — в том числе даже те, что опубликованы под именем одного Генри Каттнера — являются плодом их совместного творчества. Одни говорили, что Каттнер и Мур работали над книгами вместе, другие утверждают, что они просто правили написанное друг другом. Как бы то ни было, они удачно дополняли друг друга: Каттнер лучше умел построить сюжет, но Мур — лучше его разработать, отделить, придать художественную завершенность, а иногда и просто дописать начатую Генри вещь. Если дело не шло на лад, он способен был забросить рассказ и начать выдумывать новый. Один из них дописывал рассказ, начатый другим и т.д., словом, их дальнейшее творчество являло собой сплав двух больших талантов.

Во время Второй мировой войны написанные ими под псевдонимами Лоуренс О'Доннелл (Lawrence O'Donnell) и Льюис Пэдджетт (Lewis Padgett)

рассказы стали появляться в журналах «Astounding Science Fiction» и «Unknown World», которые редактировал Джон Кэмпбелл. Эти издания славились традиционно сильной подборкой авторов, в число которых в то время входили Роберт Хайнлайн, Айзек Азимов и Теодор Старджон. Невольное соперничество со столь прославленными мастерами НФ явно пошло Каттнеру на пользу, и в те годы он опубликовал большинство своих произведений, ставших впоследствии классикой жанра. Под псевдонимом «Льюис Пэдджетт» увидели свет знаменитые рассказы «Твонк» (*Twonky*, 1942), по мотивам которого был снят фильм, «Шок» (*Shock*, 1943), «Все тэнали бороговы...» (*Mimsy Were the Borogoves*, 1943) и др., цикл рассказов «Мутант» (*Mutant*, 1943-53), интересных новым взглядом на проблемы, связанные с телепатией, а также написанная без участия Кэтрин Мур серия из пяти рассказов об изобретателе Гэлловее Гэллегере, вышедших впоследствии отдельным сборником под названием «У роботов нет хвостов» (*Robots Have No Tails*, 1952).

В большинстве произведений, опубликованных под псевдонимом «Лоуренс О'Доннелл», чувствуется рука Кэтрин Мур. Исключение, пожалуй, составляет «Схватка во тьме» (*Clash by Night*, 1943). Эта повесть вместе с продолжающим тему романом «Ярость» (*Fury*, 1947) образует довольно известную дилогию «Вперед — бесконечность!» (*Destination: Infinity*) действие которой разворачивается в подводных городах Венеры после гибели Земли в ядерной войне. Роман «Ярость», скорее всего, является продуктом совместного творчества (хотя был опубликован под именем одного Генри Каттнера и считается самым значительным произведением писателя).

В послевоенные годы Каттнер (а точнее, дуэт Каттнер—Мур) по своей популярности уже не уступавший таким грандам, как Азимов, Ван-Вогт или Лейнстер, продолжал широко публиковаться во многих журналах, в том числе «Thrilling Wonder Stories» и «Starling Stories». Журнал «Starling Stories» давал в каждом номере динамичный научно-фантастический роман, и немалое их число написаны Генри Каттнером: «Когда исчез Нью-Йорк» (*When New York Vanished*, 1940), «Чудовище из глубин пространства» (*The Creature from Beyond Infinity*⁴, 1940), «Темный Мир» (*The Dark World*, 1946), «Долина Пламени» (*Valley of the Flame*, 1946, под псевдонимом «Кейт Хэммонд»), «Там, где дрожит земля» (*Lands of the Earthquake*, 1947), «Повелитель бури» (*Lord of the Storm*, 1947, под псевдонимом «Кейт Хэммонд»), «Ось времени» (*The Time Axis*, 1949), «За вратами Земли» (*Beyond Earth's Gates*⁵, 1949), и «Источник Миров» (*Well of the Worlds*⁶, 1952). Для журнала «Thrilling Wonder Stories» была написана знаменитая серия юмористических НФ-рассказов о семейке мутантов Хогбенов.

Однако начиная с 1950 года литературная активность писателя пошла на убыль, поскольку Генри и Кэтрин, желая восполнить пробелы в образовании, поступили в Южно-Калифорнийский Университет. В это время супруги написали множество детективов, а вот фантастических рассказов — крайне мало. Но это практически не повлияло на популярность Каттнера, ибо многие

⁴ В журнале опубликован под названием «Преодолеть миллион лет» (*A Million Years to Conquer*).

⁵ В журнале опубликован под названием «Врата на картине» (*The Portal in the Picture*) и подписан «Генри Каттнер».

⁶ Псевдоним «Льюис Пэдджетт» был только на первом книжном издании 1953 года. На всех последующих стояло «Генри Каттнер».

его рассказы и циклы рассказов, ставшие классикой, включались в те годы в различные антологии или выходили отдельными книгами. Читатели в США стали забывать Каттнера ближе к концу 60-х годов, захлестнутые валом первоклассной научной фантастики и фэнтези, а наши читатели как раз в те годы впервые познакомились с его творчеством — в серии «Зарубежная фантастика» издательства «Мир» вышел авторский сборник Генри Каттнера «Робот-зазнайка» — и сразу влюбились в этого яркого, самобытного писателя.

Окончив в 1954 году университет, Каттнер стал работать над кандидатской диссертацией по физике, но 3 февраля 1958 года, едва ли не накануне защиты, скоропостижно скончался от сердечного приступа.

При жизни Каттнер редко удостоивался похвал критики, погребенный под грудой многочисленных псевдонимов. Репутацию одного из наиболее значительных и многогранных писателей-фантастов современности он заслужил значительно позже. Генри Каттнер оказал значительное влияние как на молодого Рэя Брэдбери (он написал концовку одного из его первых опубликованных рассказов), так и на ряд других писателей, признанных ныне мэтрами НФ.

Вместе и по отдельности его произведения наводят на мысль: несмотря на многочисленные псевдонимы и множество слабых вещей, среди которых теряются подлинные шедевры, Генри Каттнер — значительное явление в мире НФ. Его рассказы дают представление о мировоззрении их автора, в них удачно реализован немалый потенциал научно-фантастической литературы.

Правда ли, что было много Каттнеров? Правда, если говорить о многообразии стилей и сюжетов, которыми пользовался этот писатель. Но за всем этим стоял один Каттнер, человек, который вмешивался в жизнь, чтобы сделать ее человечнее.

А. Дорофеев

Произведения, написанные Генри Каттнером:

1. Когда исчез Нью-Йорк (*When New York Vanished, 1940*)
2. Латунное кольцо¹ (*The Brass Ring [Murder in Brass], 1946*) /не НФ/
3. День его смерти* (*The Day He Dead, 1947*) /не НФ/
4. Повелитель бури (*Lord of the Storm, 1947*)
5. Там, где дрожит земля (*Lands of the Earthquake, 1947*)
6. Ярость (*Fury, 1950*)
7. Завтра и еще раз завтра. — Волшебная пешка* (*Tomorrow and Tomorrow and The Fairy Chessmen, 1951*)²
8. Утопленник (*Man Drowning, 1952*) /не НФ/
9. Источник Миров* (*The Well of the Worlds, 1953*)
10. За вратами Земли* (*Beyond Earth's Gates, 1954*)

* Написано в соавторстве с Кэтрин Мур.

¹ Произведение опубликовано под псевдонимом «Льюис Пэдджетт».

² Впоследствии издавались раздельно, в двух книгах: *The Fairy Chessmen* публиковался под названием «Планета — шахматная доска» (*Chessboard Planet, 1956*), а *(Tomorrow and Tomorrow* — как «Отдаленная реальность» (*The Far Reality, 1963*).

11. Убийство Энн Эвери (*The Murder of Ann Avery, 1956*) /не НФ/
12. Убийство Элеоноры Поуп (*The Murder of Eleanor Pope, 1956*) /не НФ/
13. Убийство госпожи (*Murder of a Vistress, 1957*) /не НФ/
14. Убийство жены (*Murder of a Wife, 1958*) /не НФ/
15. Долина Пламени (*Valley of the Flame, 1964*)
16. Последняя цитадель Земли (*Easrth's Last Citadel, 1964*)
17. Ось времени (*The Time Axis, 1965*)
18. Темный Мир (*The Dark World, 1965*)
19. Чудовище из глубин пространства (*The Creature from Beyond Infinity, 1968*)
20. Маска Цирцеи ³ (*The Mask of Circe, 1971*)

Сборники рассказов:

1. Жил-был гном (*A Gnome there Was, 1950*)

Состав сборника:

Привет от автора (*Compliments of the Author*)
 Лекарство (*The Cure*)
 Профессором меньше (*Exist the Professor*)
 Жил-был гном (*A Gnome there Was*)
 Пилот-шутник (*The Jesting Pilot*)
 «Все тѣнали бороговы...» (*Mimsy Where the Borogoves*)
 Проверка дождем (*Rain Check*)
 До скорого! (*See You Later*)
 Вот дом... (*This Is the House*)
 То, что вам нужно (*What You Need*)

2. У роботов нет хвостов (*Robots Have No Tails, 1952*)

Состав сборника:

Этот мир — мой! (*The World is Mine*)
 Идеальный тайник (*Time Locker*)
 Робот-зазнайка (*The Proud Robot*)
 Ex machina (*Ex machina*)
 Гэллегер Бис (*Gallegher Plus*)

3. Кэтрин Мур ⁴. «Ночь Страшного суда» (C. L. Moore. *Judgment Night; a Selection of Science Fiction. 1952*)

Состав сборника:

Код (*The Code*)
 Прямой наследник (*Heir Apparent*)
 Райская улица (*Paradise Street*)
 Ночь Страшного суда (*Judgment Night*)
 Земля обетованная (*Promised Land*)

³ Впервые опубликован в 1948 г. в журнале «Starling Stories».

⁴ Несмотря на фамилию Кэтрин Мур на обложке этого сборника, критики практически единодушно признают заметное участие Генри Каттнера, правда, на сей раз, «анонимное».

4. Обгоняя время (*Ahead of Time, 1953*)

Состав сборника:

Сим удостоверяется... (*By these Presents*)
Маскировка (*Camouflage*)
Гости (*De Profundis [The Visitors]*)
Тупик (*Deadlock*)
Призрак (*Ghost*)
Вернулся охотник домой (*Home Is the Hunter*)
А как же еще? (*Or Else*)
Котел неприятностей (*Pile of Trouble*)
Шок (*Shock*)
День не в счет (*Year Day*)

5. Мутант (*Mutant, 1953*)

Состав сборника:

Сын несущего расходы (*The Piper's Son*)
Три слепые мыши (*Three Blind Mice*)
Лев и Единорог (*The Lion and the Unicorn*)
Нищие в бархате (*Beggars in Velvet*)
Шалтай-Болтай (*Humpty Dumpty*)

6. Путь в грядущее (*Line to Tomorrow, 1954*)

Состав сборника:

Привет от автора (*Compliments of the Author*)
Жил-был гном (*A Gnome there Was*)
Путь в грядущее (*Line to Tomorrow*)
Личный взгляд (*Private Eye*)
Твонк (*The Twonky*)
Когда рубится сук (*When the Bough Breaks*)

7. Сломая голову (H. Kuttner & C. L. Moor. *No Boundaries, 1955*)

Состав сборника:

Лучшее время года (*Vintage Season*)
Дом, откуда нет возврата (*Home there's No Returning*)
Профессором меньше (*Exist the Professor*)
Двурукая машина (*Two-Handed Engine*)

8. Обходным путем к чуждому (*Bypass to Otherness, 1961*)

Состав сборника:

Авессалом (*Absalom*)
Назовем его демоном (*Call Him Demon*)
Холодная война (*Cold War*)
Темный ангел (*The Dark Angel*)
Жилищный вопрос (*Housing Problem*)
Крохотные вещицы (*The Little Things*)
Исчезло все, кроме имбирного пряника (*Nothing but Gingerbread Left*)
Котел неприятностей (*Pile of Trouble*)

9. Возврат к чуждому (*Return to Otherness, 1962*)

Состав сборника:

Андроид [Те среди нас] (*Android [Those Among Us]*)
Гэллегер Бис (*Gallegher Plus*)
Пианола (*Juke-Box*)
До скорого! (*See You Later*)
Небо падает (*The Sky is Falling*)
Вот дом... (*This Is the House*)

10. Лучшее Каттнера (*The Best of Kuttner, volume 1. 1965*)

Состав сборника:

А как же еще? (*Or Else*)
День не в счет (*Year Day*)
Шок (*Shock*)
До скорого! (*See You Later*)
Робот-зазнайка (*The Proud Robot*)
Механическое эго (*The Ego Machine*)
Пианола (*Juke-Box*)
Холодная война (*Cold War*)
Назовем его демоном (*Call Him Demon*)
Сын несущего расходы (*The Piper's Son*)
Авессалом (*Absalom*)
Жилищный вопрос (*Housing Problem*)
Жил-был гном (*A Gnome there Was*)
Большая Ночь (*The Big Night*)
А теперь — не смотрите... (*Don't Look Now*)

11. Лучшее Каттнера (*The Best of Kuttner, volume 2. 1966*)

Состав сборника:

Голос омара (*The Voice of the Lobster*)
Маскарад (*Masquerade*)
Железный стандарт (*The Iron Standard*)
Работа по способностям (*Endowment Policy*)
Когда рубится сук (*When the Bough Breaks*)
Путь в грядущее (*Line to Tomorrow*)
Схватка во тьме (*Clash by Night*)
Безумная догадка (*A Wild Surmise*)
То, что вам нужно (*What You Need*)
Твонк (*The Twonky*)
«Все тэнали бороговы...» (*Mimsy Where the Borogoves*)
Дьявол, которого мы знаем (*The Devil We Know*)
Профессором меньше (*Exist the Professor*)
Двурукая машина (*Two-Handed Engine*)

12. Лучшее Генри Каттнера (*The Best of Henry Kuttner, 1975*)

Состав сборника:

Авессалом (*Absalom*)
Большая Ночь (*The Big Night*) /as Hudson Hasting/
Холодная война (*Cold War*)
Работа по способностям (*Endowment Policy*)

Профессором меньше (*Exist the Professor*)
 Жил-был гном (*A Gnome there Was*)
 Железный стандарт (*The Iron Standard*)
 «Все тенали бороговы...» (*Mimsy Where the Borogoves*)
 Порочный круг (*The Misguided Halo*)
 Исчезло все, кроме имбирного пряника (*Nothing but Gingerbread Left*)
 А как же еще? (*Or Else*)
 Робот-зазнайка (*The Proud Robot*)
 Двурукая машина (*Two-Handed Engine*)
 Твонк (*The Twonky*)
 Голос омара (*The Voice of the Lobster*)
 То, что вам нужно (*What You Need*)
 День не в счет (*Year Day*)

13. Элак из Атлантиды (*Elack of Atlantis, 1985*)

Состав сборника:

Гром на рассвете (*Thunder in the Dawn*)
 Семя Дагона (*Spawn of Dagon*)
 Вдали от Феникса (*Beyond the Phoenix*)
 Месяц дракона (*Dragon Moon*)

В авторские сборники не вошли:

1. Кладбищенские крысы (*The Graveyard Rats, 1936*)
2. Когда жила Земля... (*When the Earth Lived, 1937*)
3. Ловушка во времени (*The Time Trap, 1938*)
4. Голливуд на Луне (*Hollywood on the Moon, 1938*)
5. Роковой мир (*Doom World, 1938*)
6. Парад звезд (*The Star Parade, 1938*)
7. Пожиратели энергии (*The Energy Eaters, 1939*)
8. Семеро Сонь (*The Seven Sleepers, 1940*)
9. Доктор Циклопус (*Dr. Cyclops, 1940*)
10. Порог (*Threshold, 1940*)
11. Алмазная свинка (*Piggy Bank, 1942*)
12. Мы охраняем черную планету! (*We Guard the Black Planet! 1942*)
13. Секрет Полишинеля (*Open Secret, 1943*)
14. Детский час (*The Children's Hour, 1944*)
15. Приз (*Trophy, 1944*)
16. Мы убиваем людей (*We Kill People, 1946*)
17. Граница ошибки (*Margin for Error, 1947*)
18. Проект (*Project, 1947*)
19. И потом спать... (*Dream's End, 1947*)
20. Восходы черного солнца (*The Black Sun Rises, 1949*)
21. Вспомни грядущее (*Remember Tomorrow, 1954*)
22. Дорога богов (*Way of the Gods, 1954*)
23. Как вы поживаете? (*As You Were, 1955*)
24. Меч грядущего (*Sword of Tomorrow, 1955*)

Серии:

«Впереди — бесконечность!» (Destination: Infinitive)

1. Схватка во тьме (*Clash by Night*, 1943)
2. Ярость (*Fury*, 1950)

«Мечи и волшебство»* (Sword-and-sorcery)

1. Гром на рассвете (*Thunder in the Dawn*, 1938)
2. Семья Дагона (*Spawn of Dagon*, 1938)
3. Вдали от Феникса (*Beyond the Phoenix*, 1938)
4. Месяц дракона (*Dragon Moon*, 1941)

«Голливуд на Луне»* (Hollywood on the Moon)

1. Голливуд на Луне (*Hollywood on the Moon*, 1938)
2. Роковой мир (*Doom World*, 1938)
3. Парад звезд (*The Star Parade*, 1938)
4. Пожиратели энергии** (*The Energy Eaters*, 1939)
5. Семеро Сонь** (*The Seven Sleepers*, 1940)

«Хогбены»* (Hogbens)

1. Котел неприятностей (*Pile of Trouble*, 1948)
2. Профессором меньше (*Exit the Professor*, 1947)
3. До скорого! (*See You Later*, 1949)
4. Холодная война (*Cold War*, 1949)

«Изобретатель Гэлловей Гэллегер»* (Galloway Gallegher)

1. Этот мир — мой! (*The World is Mine*, 1943)
2. Идеальный тайник (*Time Locker*, 1943)
3. Робот-зазнайка (*The Proud Robot*, 1943)
4. Ex machina (*Ex machina*, 1943)
5. Гэллегер Бис (*Gallegher Plus*, 1948)

* Цикл рассказов.

** Последние два рассказа были написаны в соавторстве с Артуром Барнсом (Arthur K. Barnes) и примыкают к его серии рассказов о Джерри Карлайле. Каттнер и Барнс опубликовали еще ряд совместных работ под псевдонимом «Кельвин Кент» (Kelvin Kent).

Содержание

Волшебники Божьей милостью	7
<i>Котел неприятностей (пер. Н.Евдокимовой)</i>	9
<i>Профессором меньше (пер. Н.Евдокимовой)</i>	21
<i>До скорого! (пер. Н.Евдокимовой)</i>	33
<i>Холодная война (пер. С.Славгородского)</i>	49
Темный Мир (пер. С.Славгородского)	67
1. <i>Огонь в ночи</i>	69
2. <i>Зов ведьмы в алом</i>	73
3. <i>Закрытые миры</i>	77
4. <i>Матолч и Медея</i>	84
5. <i>Ведьма в алом</i>	88
6. <i>Поездка в Казр Секэйр</i>	93
7. <i>Лесной народ</i>	97
8. <i>Фрейдис</i>	105
9. <i>Вторжение в астрал</i>	110
10. <i>Оружие против Ковена</i>	116
11. <i>В башне Гаста Райми</i>	123
12. <i>Арфа Сатаны</i>	127
13. <i>Война — кровавая война!</i>	133
14. <i>Пламя жизни</i>	139
15. <i>Обитель силы</i>	145
16. <i>Поединок с самим собой</i>	148
17. <i>Наконец-то свободен!</i>	153
Источник Миров (пер. А.Милина)	157
Возврат к чуждому (пер. С.Славгородского)	253
<i>Пианола</i>	255
<i>Назовем его демоном</i>	286
<i>Жил-был гном</i>	289
<i>Большая Ночь</i>	312
<i>А теперь — не смотрите...</i>	340
А. Дорофеев. Генри Каттнер	353

В предыдущем томе БЗФ, Рэй Бредбери “Дерево Хэллуина”,
не указан переводчик рассказа
“Пролог: Человек в картинках” — *Нора Галь*.
Составители и редакция приносят свои извинения
за допущенную техническую оплошность.

**Издательство “Новатор”
готовит к печати
очередные тома серии**

**“Библиотека Зарубежной
Фантастики”**

**Голоса
Пространства**

Избранная
зарубежная фантастика
в переводах
Норы Галь

Джон Норман

Тарнсмен Гора

Натали Хеннеберг

Язва

Гарри Гаррисон

**Крыса из
нержавеющей
стали**

Урсула Ле Гуин

Посланники

Роберт Янг

Рюмка звезд

Пол Андерсон

**Крестовый
поход в небеса**

Роджер Желязны

**Твердыни
Италбара**

Редактор *А.Н. Дорофеев*

Художественное оформление
Е.В. Угланова, Е.Н. Караваева

Технический редактор *А.А. Баранов*

Ответственный за выпуск *Н.С. Стругова*

Корректор *В.И. Ламина*

Оригинал-макет изготовлен *Барановым А.А.*

Подписано в печать 14.01.97. Формат $60 \times 88^{1/16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23. Уч.-изд. л. 23,31. Тираж 7000 экз. Изд. зак. № 57. Заказ № 6194.

По вопросам приобретения книг обращаться по тел.: 8(095) 958-07-66, 952-72-80. Факс 8(095) 952-86-90.

Издательство «Новатор», 113152, Москва, Загородное шоссе, д. 8 корп. 7.

Отпечатано с оригинал-макета на Смоленском полиграфическом комбинате Государственного комитета Российской Федерации по печати. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

